

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

АРМАГЕДДОН
книга I

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

АРМАГЕДДОН

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 9

Stephen King THE STAND

Художник А.Н.Миронов
Главный редактор Б.И.Самарханов

Стивен Кинг
Армагеддон: роман. Книга I

ISBN 5-85743-009-7

Copyright © by Stephen King 1978.
Published by arrangement with Doubleday, a division of Bantam Doubleday.
Dell Publishing Group, Inc.

© А.Н.Миронов, 1993, оформление суперобложки, иллюстрации

© Издательство АОЗТ «Кэдмэн», 1993, перевод

АРМАГЕДДОН

книга I

КРУГ РАЗМЫКАЕТСЯ

Нам нужна помощь, — считал Поэт.

Эдвард Дорн

«Салли».

В ответ неясное бормотание.

«Просыпайся же, Салли».

Бормотание стало громче: *оставь меня в покое.*

Он потряс ее посильнее.

«Просыпайся. Немедленно просыпайся!»

Чарли.

Голос Чарли. Зовет ее. В который раз?

Салли выплыла из пучины сна.

Первым делом она посмотрела на часы на ночном столике и увидела, что на них было четверть третьего утра. Чарли вообще непонятно откуда взялся: ведь была его смена. Затем она наконец-то внимательно взглянула на него, и что-то вострепнулось в ней, какая-то ужасная догадка.

Ее муж был смертельно бледен. Глаза его вылезли из орбит. В одной руке он держал ключи от машины, а другой все еще тряс ее несмотря на то, что она уже проснулась.

«Чарли, в чем дело? Что случилось?»

Он словно бы не знал, что ответить. Его адамово яблоко двигалось, но единственным звуком, раздававшимся в небольшом служебном коттедже, было тиканье часов.

«Пожар?» — глупо спросила она.

«В некотором роде», — сказал он. «В некотором роде гораздо хуже. Тебе надо одеться, милая. Буди крошку Ла Вон. Надо убираться отсюда».

«Почему?» — спросила она, вставая с постели. Темный ужас охватил ее. Все было не так. Все, как во сне. «Куда?

Во двор?» Но она знала, что он не это имел в виду. Никогда еще не видела она Чарли таким испуганным. Она втянула ноздрями воздух, но не почувствовала запаха дыма.

«Салли, милая, не задавай вопросов. Нам надо уезжать. Чем дальше, тем лучше. Буди крошку Ла Вон и одевай ее».

Новая догадка озарила ее. Раз Чарли собирается уехать под покровом ночи, то это значит, что он хочет оставить пост САМОВОЛЬНО.

Она вошла в небольшую комнатку, которая служила детской крошке Ла Вон. Она все еще цеплялась за слабую надежду, что все это — лишь удивительно явственный сон. Он кончится, и она проснется как обычно в семь часов утра, покормит крошку Ла Вон и поест сама, наблюдая за первым часов программы «Сегодня» и варя яйца для Чарли, которого сменят на посту в восемь утра. А через две недели у него будут дневные смены, и когда они будут спать вместе, у нее больше не будет таких кошмарных снов, как сегодня, и...»

«Быстрее!» — зашипел он, разбивая ее слабую надежду. Он нервно кашлянул и начал вытаскивать вещи из комода и в беспорядке закидывать их в пару старых чемоданов.

Она разбудила крошку Ла Вон. Малышка выглядела раздраженной и удивленной тем, что ее разбудили посреди ночи. Звук ее плача испугал Салли еще сильнее. о испуг медленно перешел в гнев, когда она увидела, как Чарли пронесся, сжимая в руках ее белье. Застежки лифчика болтались, как серпантин на новогодних хлопушках. Из груди свисала кружевная оборка ее лучшей комбинации, и Салли готова была поклясться, что она порвана.

«В чем все-таки дело?» — закричала она. «Ты что, спятил? За нами в погоню отправят солдат, Чарли! Понимаешь, солдат!»

«Вряд ли это произойдет сегодня ночью», — сказал он, и голос его был таким уверенным, что в нем чувствовалось что-то ужасное. «Пойми, радость моя, если мы сейчас не сможем отсюда, нам уже никогда не выбраться с базы. Я вообще не понимаю, как мне удалось выбраться из вышки. Надо полагать, что-то не сработало. Почему бы и нет? Все на свете может сломаться». И он издал тонкий,

птичий смешок, который испугал ее сильнее, чем все остальное. «Крошка одета? Хорошо. Пора убираться. Надеюсь, с нами все в порядке: слава Богу, ветер дует с востока на запад».

Он снова кашлянул.

«Папочка!» — потребовала Ла Вон, протягивая вверх руки. «Папочка! Я хочу покататься на лошадке!»

«Не сейчас», — ответил Чарли и исчез на кухне. Салли услышала шум: он доставал деньги из голубой супницы на верхней полке. Тридцать или сорок отложенных ею долларов. Деньги, которые она откладывала на покупку дома. Итак, все это не было сном. В чем бы ни было дело, все это было явью.

Чарли вернулся в спальню. Он все еще комкал и запихивал одно- и пятидолларовые купюры в карман своих брюк. Салли взяла крошку Ла Вон на руки. К тому моменту крошку уже совсем проснулась и могла бы идти сама, но Салли хотела прижать ее к себе.

«Куда мы едем, папочка?» — спросила крошка Ла Вон. «Я спала».

«Ты можешь поспать и в машине», — сказал Чарли, подхватывая чемоданы. Из одного свисало оборванное кружево. Страшная догадка, переходящая в уверенность, зародилась в сознании Салли.

«Произошел несчастный случай?» — прошептала она. «О, пресвятая Богородица, ведь так? Несчастный случай. Там».

«Я раскладывал пасьянс», — произнес он. «Я поднял взгляд и увидел, что циферблат из зеленого стал красным. Я включил монитор. Салли, они все были...»

Он выдержал паузу и взглянул на крошку Ла Вон.

«Они все были М-Е-Р-Т-В-Ы», — сказал он. «Все, за исключением одного или двух, да и тех, наверное, уже нет в живых».

«Что значит М-И-Р-Т-В-Ы, папочка?» — спросила крошка Ла Вон.

«Не обращай внимания, моя радость», — сказала Салли. Ее собственный голос доходил до нее словно из очень длинного ущелья.

«Когда циферблат становится красным, все выходы должны блокироваться. Я посмотрел на монитор и выско-

чил за дверь. Я думал, эта чертова штука перережет меня пополам. Она должна была закрыться в тот же миг, когда покраснел циферблат. Но я уже был почти рядом со стоянкой, когда услышал позади глухой удар».

«Но что случилось? Что...»

«Я не знаю. Я *не* хочу этого знать. Я знаю только, что это убило их быстро. Мы едем на восток. Пошли».

Все еще чувствуя себя как в кошмарном сне, она пошла за ним к подъездной площадке, где стоял их старенький «Шевроле», тихо ржавея в благоуханной, пустынной тьме калифорнийской ночи.

Чарли положил чемоданы в багажник, а сумку — на заднее сиденье. Салли с малышкой на руках на мгновение помедлила перед машиной, глядя на коттедж, где они провели последние четыре года. Она подумала, что когда они въехали, крошка Ла Вон сидела у нее в животе и все катанья на лошадке еще только предстояли ей.

«Давай!» — сказал он. «Садись скорее!»

Она повиновалась. Он подал машину назад, полоснув фарами по дому. Блики в окнах были похожи на глаза какого-то загнанного зверя.

Он напряженно нагнулся над рулем, и лицо его слабо осветилось тусклым светом приборной доски.

«Если ворота базы закрыты, я попробую их протаранить».

Он так и сделает. Она может поручиться.

Но не было никакой необходимости в таких отчаянных мерах. Ворота были открыты. Один из сторожей дремал над журналом. Другого она не разглядела. Возможно, он находился во внешней части помещения. Это была граница базы, выглядевший как самый обыкновенный склад военной техники. То, что происходило на самой базе, никак не касалось этих парней.

Я поднял взгляд и увидел, что циферблат покраснел.

Она поежилась и положила руку ему на бедро. Крошка Ла Вон снова спала. Чарли слегка похлопал ее по руке и сказал: «Все будет в порядке, дорогая».

Когда взошло солнце, они ехали на восток, пересекая Неваду. Чарли непрерывно кашлял.

Часть первая
КАПИТАН ШУСТРИК
16 июня — 4 июля 1990 года

*Крошка, поймешь ли ты своего парня?
Он — парень что надо,
Он — парень шикарный.
Крошка, поймешь ли ты своего парня?*

Ларри Андервуд

ГЛАВА 1

Заправочная станция Хэпскома была расположена на шоссе №93 на северной границе Арнетта, захудалого городишки из четырех улиц в ста десяти милях от Хьюстона. В тот вечер завсегдатаи собрались у Хэпскома и, усевшись рядом с кассой, принялись пить пиво, лениво болтать и наблюдать за полетом жуков.

Тяжелые времена наступили в Арнетте. В 1980 году в городе было два промышленных предприятия: бумажная фабрика и завод по выпуску калькуляторов. Теперь бумажная фабрика была закрыта, а калькуляторный завод переживал не лучшие времена. Как выяснилось, тайваньские калькуляторы требуют куда меньших затрат на производство.

Норман Брюетт и Томми Уоннамейкер, раньше работавшие на бумажной фабрике, недавно сумели найти себе новую работу. Генри Кармайкл и Стю Редман оба работали на калькуляторном заводе, но у них редко набегало более тридцати рабочих часов в неделю. Виктор Палфри был на пенсии и курил самокрутки из вонючего табака — все, что он мог себе позволить.

Хэп и Вик Палфри спорили о деньгах и об их загадочной способности исчезать куда-то, лишь только они появляются. Слушая их, Стюарт Редман, едва ли не самый тихий человек во всем Арнетте, вспоминал о том, как кровоточили его руки, когда в девятилетнем возрасте он после занятий помогал разгружать грузовики за тридцать пять центов в час. Он знал, что такое нищета. Он пытался спрятать свои руки от матери, но не прошло и недели после

того, как он начал работать, и она все поняла. Она поплакала немного, но не упрашивала его оставить работу. Она понимала, в каком положении они находятся. Она была реалистом.

Стью был молчалив — отчасти потому, что у него никогда не было ни друзей, ни времени, чтобы их найти. Сначала школа, потом работа. Его младший брат Дэв умер от пневмонии в тот самый год, когда он начал работать. Стью так и не смог его забыть. Может быть, дело в чувстве вины, — думал он. Он любил Дэва больше всех на свете... но его смерть означало также и то, что одним ртом стало меньше.

В средней школе он увлекся футболом. Его мать поддерживала это увлечение, даже несмотря на то, что оно отнимало время у его работы. «Играй», — сказала она. «Если ты и сумеешь выбраться отсюда, то только благодаря футболу, Стюарт. Играй. Помни об Эдди Уорфилде». Эдди Уорфилд был местным героем. Он вырос в очень бедной семье, прославился как защитник районной школьной команды и десять лет играл за «Грин Бэй Пэкерс». В настоящий момент Эдди был владельцем целой сети забегаловок на западе и юго-западе. Когда в Арнетте произносили слово «успех», то имели ввиду Эдди Уорфилда.

Стью не был защитником и не годился на роль Эдди Уорфилда. Но ему казалось, что у него есть хоть какой-то шанс получить спортивную стипендию.

Тогда заболела его мать. Она не могла продолжать работу. Это был рак. За два месяца до того, как он окончил среднюю школу, она умерла, оставив его с братом Брюсом на руках. Стью послал куда подальше спортивную стипендию и пошел работать на калькуляторный завод. И в конце концов именно Брюс, который был на три года его младше, сумел выбраться из этого дерьма. Теперь он работал в Миннесоте системным аналитиком компании IBM. В последний раз он видел Брюса на похоронах своей собственной жены, умершей от той же самой разновидности рака, которая убила его мать. Он размышлял о том, что у Брюса тоже может быть свое чувство вины... и что, возможно, он немного стыдится того, что его брат превратился в очередного добродушного старожилы вымирающего техасского

городка, который проводит свои дни за работой на калькуляторном заводе, а вечера — у Хэпа или в баре за пивом.

Семейная жизнь была самым счастливым его временем, но длилась она только восемнадцать месяцев. Утроба его жены породила только одного — темного и зловещего — ребенка. Было это четыре года назад.

В четверти мили от них Стью заметил машину. У Стью было хорошее зрение, и он определил автомобиль как очень старый «Шевроле», возможно, 75-го года выпуска. Фары были выключены, скорость — не более пятнадцати миль в час, машина виляла из стороны в сторону. Вот она пересекла белую линию и подняла пыль на обочине. Потом она свернула в другую сторону и чуть не свалилась в кювет. Затем, словно бы водитель принял освещенное здание заправочной станции за маяк, она двинулась прямо по шоссе, напоминая пулю на излете. Миновав подъездной путь, машина въехала на тротуар. Флуоресцентные лампы над колонками отражались в забрызганном грязью ветровом стекле, так что было трудно разобрать, что там внутри, но Стью разглядел смутные очертания водителя, тело которого мешковато подпрыгнуло на ухабе. Машина шла все с той же скоростью, по-видимому, не собираясь останавливаться.

«Лучше отключить колонки, Хэп», — мягко сказал Стью.

«Колонки? Почему?»

Норм Брюетт повернулся и посмотрел в окно. «Христос на осле», — сказал он.

Стью встал со стула, подался вперед и нажал на восемь пусковых кнопок одновременно. Так что он оказался единственным человеком, который не видел, как «Шевроле» врезался в ряд заправочных колонок, сбивая их одну за другой.

Все они заметили искры, которые вырывались из-под выхлопной трубы, цеплявшейся за бетон, и Хэп, видевший взрыв заправочной станции в Мексике, инстинктивно закрыл глаза в ожидании огненного шара.

«Шевроле» сшиб три заправочных колонки и остановился. Тишина была такой глубокой, что нервы не выдерживали.

«Твою мать», — беззвучно выдохнул Томми Уоннамейкер. «Она взлетит на воздух, Хэп?»

«Если б она собиралась, она давно бы уже взорвалась», — сказал Хэп, поднимаясь с места. Хэп был охвачен опасливым ликованием. Колонки были застрахованы, а взнос выплачен.

«Парень, должно быть, чертовски пьян», — сказал Норм.

«Я следил за задними фарами», — сказал Томми возбужденным тоном. «Они ни разу не загорелись. Твою мать! Если бы он ехал со скоростью шестьдесят миль, нас бы уже не было на свете».

Они быстро вышли из помещения, Хэп — впереди, Стью — замыкая шествие. В воздухе пахло бензином. Хэп открыл левую переднюю дверь, и человек, бывший за рулем, выпал оттуда, как мешок с грязным бельем.

«Черт возьми», — завопил Норм Брюетт, срываясь на визг. Он отвернулся, схватился за свой объемистый живот, и его стошнило.

Дело было не в выпавшем человеке (Хэп подхватил его как раз вовремя, чтобы не дать ему удариться о тротуар), дело было в запахе, исходящем из машины, в тошнотворном зловонии, в котором смешались запахи крови, фекалий, рвоты и разлагающегося человеческого тела.

Хэп повернулся и потащил водителя, ухватив его под руки. Томми торопливо схватил волочащиеся ноги, и вместе они понесли его в помещение. На лицах их было написано отвращение. Хэп забыл о страховке.

Вик и Стью заглянули в машину, потом посмотрели друг на друга и снова в машину. Справа от водителя сидела молодая женщина. К ней прислонился ребенок лет трех. Оба были мертвы. Шеи их распухли, а кожа была пурпурно-красной, как один большой синяк. Глаза их были бессмысленно вытаращены. Женщина держала ребенка за руку. Из ноздрей у них вытекала густая слизь, теперь она подсохла и застыла. Вокруг них жужжали мухи, время от времени опускаясь на корку слизи и вползая в их открытые рты. Стью был на войне, но никогда ему не доводилось видеть более жалкого зрелища. Взгляд его постоянно возвращался к этим сцепленным рукам.

Он и Вик одновременно подались назад и тупо посмотрели друг на друга. Затем они повернулись к станции. Им был виден Хэп, который яростно кричал что-то в телефонную трубку. Левая передняя дверь «Шевроле» так и осталась открытой. Пара детских туфель свисала с зеркала заднего вида.

Хэп повесил трубку. Водитель «Шевроле» лежал на полу.

«Скорая помощь будет здесь через десять минут. Ты думаешь, они?..» Он указал пальцем на «Шевроле».

«Абсолютно мертвы», — кивнул Вик. Его морщинистое лицо было изжелта-бледным, и он просыпал табак на пол, пытаясь скрутить одну из своих дерьмовых папиросок.

Человек на полу хрипло застонал, и все посмотрели на него. Спустя мгновение, когда стало ясно, что человек говорит или, по крайней мере, пытается что-то сказать, Хэп наклонился к нему.

Что бы это ни было, но то, что случилось с женщиной и ребенком в машине, происходило и с этим человеком. Из его носа текло, а дыхание сопровождалось странным звуком, исходившим из его груди. Плоть под глазами набухла, но еще не почернела. Она была воспаленно-красного цвета. Шея его казалась слишком толстой. Он был в лихорадке. Находиться рядом с ним было все равно что наклоняться над раскаленными угольями, на которых жарят шашлык.

«Собака», — пробормотал он. «Вы выпустили ее?»

«Мистер», — сказал Хэп, слегка встряхнув его. «Я вызвал скорую помощь. С вами все будет в порядке».

«Циферблат покраснел», — прохрюкал человек на полу и закашлялся, извергая изо рта густую слизь, выходящую длинными волокнистыми сгустками. Хэп отодвинулся с безнадежной гримасой.

«Лучше перевернуть его», — сказал Вик. «А не то он задохнется».

Но прежде чем они сделали это, кашель вновь перешел в хриплое, неровное дыхание. Он медленно моргнул и посмотрел на склонившихся над ним мужчин.

«Где... я?»

«Арнетт», — ответил Хэп. «Заправочная станция Билла Хэпскома. Вы свернули несколько моих колонок». А затем

торопливо добавил: «Но это не страшно. Они были застрахованы».

Человек на полу пытался сесть, но не смог этого сделать.

«Моя жена... моя малышка...»

«С ними все в порядке», — сказал Хэп, глупо улыбаясь.

«Я вроде как сильно болен», — сказал человек. Воздух входил и выходил из его легких с тихим рокотом. «Они тоже заболели. С того самого момента, как мы выехали два дня назад. Солт Лейк Сити...» Его глаза медленно закрылись. «Заболели... в конце-концов похоже, что мы не успели...»

Где-то вдалеке они расслышали приближающуюся сирену арнеттской скорой помощи.

«Господи», — сказал Томми Уоннамейкер. «О, Господи».

Хэп и Хэнк помогли человеку перевернуться набок, и, похоже, ему стало чуть-чуть легче дышать. «До прошлой ночи я чувствовал себя нормально. Кашлял, но не более. Не успели убраться вовремя. С крошкой Ла Вон все в порядке?»

Последние слова перешли в неразличимое бормотание. Сирена завывала все ближе и ближе. Стю отошел к окну, чтобы увидеть, когда подъедет скорая помощь. Остальные сомкнулись вокруг человека на полу.

«Что с ним, Вик, как ты думаешь?» — спросил Хэп.

«Не знаю».

«Наверное, съели что-нибудь», — сказал Норм Брюэтт. «На машине калифорнийские номера. Им, наверное, пришлось много раз подкрепляться в придорожных забегаловках. Может, они съели отравленный гамбургер. Это бывает».

Скорая помощь обогнула разбитый «Шевроле» и остановилась неподалеку от входа на заправку. Комната запульсировала красным светом. На улице уже совсем стемнело.

«Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда», — внезапно закричал человек на полу.

«Пищевое отравление», — сказал Вик. «Да, возможно. Надеюсь, что это так, иначе...»

«Иначе что?» — спросил Хэнк.

«Иначе это может быть что-нибудь заразное». Вик посмотрел на них обеспокоенно. «Я видел холеру в 1958 году, и это выглядело очень похоже».

Три человека вошли с носилками. «Хэп», — сказал один из них. «Тебе повезло, что твоя тощая задница не взлетела на небо. Вот этот парень, да?»

Они подались в сторону, чтобы пропустить их — Билли Верекера, Монти Салливана, Карлоса Ортегу — людей, которых все они прекрасно знали.

«Двое людей в машине», — сказал Хэп, отводя Монти в сторону. «Женщина и маленькая девочка. Обе мертвы».

«Ни хрена себе! Ты уверен?»

«Да. Этот парень, он еще не знает. Вы отвезете его в Брейнтри?»

«Ну да». Монти посмотрел на него в недоумении. «Что мне делать с этими двумя в машине? Я не знаю, как надо поступать в таких случаях, Хэп».

«Стью вызовет патрульную машину. Ты не против, если я поеду с вами?»

«Нет, черт возьми».

Они уложили человека на носилки и понесли его к машине. Хэп повернулся к Стью. «Я поеду в Брейнтри с этим парнем. Ты не мог бы вызвать патруль?»

«Разумеется».

«И позвони Мэри. Расскажи ей, что произошло».

«О'кей».

Хэп заторопился к скорой помощи и влез внутрь. Билли Верекер закрыл за ним двери и позвал своих напарников. Они смотрели в разбитый «Шевроле» как зачарованные.

Через несколько секунд скорая помощь уехала. Стью подошел к телефону и опустил монетку.

Человек из «Шевроле» умер в двадцати милях от госпиталя. Он сделал последний шумный вдох, затем выдохнул, попытался вдохнуть снова и просто замолк. Хэп достал бумажник из его кармана и заглянул в него. Там было семнадцать долларов наличными. Водительские права были выданы в Калифорнии на имя Чарльза Д. Кэмпiona. Там был еще военный билет и фотографии жены и дочери. Хэпу не хотелось их рассматривать.

Он запихнул бумажник обратно в карман мертвеца и сказал Карлосу выключить сирену. Было десять минут десятого.

ГЛАВА 2

С побережья в Атлантический океан уходил длинный каменный пирс, расположенный неподалеку от городка Оганквит, штат Мэн. Сегодня пирс напомнил ей серый укоризненный палец. Когда Фрэнни Голдсмит запарковала машину на стоянке, она наконец увидела Джесса. Он сидел на конце пирса, его силуэт вырисовывался в лучах после-полуденного солнца. Чайки кружились и кричали над ним, и она подумала, что едва ли хоть одна из птиц осмелится осквернить белым пометом его безупречную синюю рубашку.

Гус, лысоватый и толстоватый городской старожил, вышел встретить ее. Плата для приезжих составляла один доллар с машины, но сторож знал, что Фрэнни живет в городе. Фрэн приезжала сюда часто.

Ну разумеется, я часто сюда приезжаю, — думала Фрэн. Собственно говоря, я и забеременела-то прямо здесь, на этом пляже, футах в двенадцати от верхней границы прилива.

Гус вскинул руку в приветственном жесте.

«Ваш парень на самом конце пирса, мисс Голдсмит».

«Спасибо, Гус. Как дела?»

Улыбаясь, он махнул рукой в направлении автостоянки. Там стояло не более двух дюжин машин, и большинство из них принадлежало местным жителям.

«Клиентов сегодня не слишком-то много», — сказал он. Было семнадцатое июня. «Подождите недельки две, и мы принесем городу немного денег».

«Не сомневаюсь. Если только вы их все не пропьете».

Гус расхохотался и вернулся в сторожку.

Фрэнни оперлась одной рукой о теплый металл своей машины, сняла теннисные туфли и обула пару вьетнамок. Она была высокой девушкой с каштановыми волосами, хорошей фигурой и длинными ногами, которые часто

удостаивались оценивающих взглядов мужчин. Мисс Колледжа, 1990.

Его звали Джесс Райдер. Было ему двадцать лет, на один год меньше, чем Фрэн. Он был студентом и поэтом. Что, впрочем, легко было отгадать по его безупречной синей рубашке.

Она остановилась на песке, чувствуя, как жар обжигает подошвы ее ног даже сквозь резину. Силуэт на дальнем конце пирса все еще был занят тем, что швырял в воду небольшие камушки. Мысль, пришедшая ей в голову, была отчасти забавна, но в целом встревожила ее.

Он знает, как он выглядит со стороны, — подумала она. Лорд Байрон, одинокий, но несломленный. Пребывающий в одиночестве и взирающий на море, которое ведет обратно, туда, где лежит родная Англия. Но я, изгнанник, быть может, никогда...

Ее расстроила не столько сама мысль, сколько то состояние сознания, о котором она свидетельствовала. Молодой человек, которого она думала, что любит, сидел там, вдалеке, а она стояла здесь и смеялась над ним у него за спиной.

Она пошла вдоль по пирсу, осторожно выбирая путь среди глыб и трещин. Пирс был древним и когда-то составлял часть волнолома. Теперь же большинство лодок было привязано у южной оконечности города, где было три бухточки для стоянки и семь шумных мотелей, которые гудели все лето напролет.

Она шла медленно, изо всех сил стараясь справиться с мыслью о том, что она могла разлюбить его за время тех одиннадцати дней, которые прошли с тех пор, как она узнала, что «слегка беременна», как выражалась Эми Лаудер. Ну что ж, в конце концов ведь он несет за это ответственность, не так ли?

Но не он один — это уж наверняка. Она приняла таблетку. Это было проще всего на свете. Она сходила в поликлинику кампуса, сказала врачу, что у нее болезненно протекают менструации и на коже появилась сыпь. Доктор выписал ей рецепт. В действительности же, он выписал ей месяц сексуальной свободы.

Она вновь остановилась, на этот раз у воды — волны разбивались о побережье справа и слева от нее. Ей пришлось

с голову, что доктора из поликлиники, возможно, столько же раз слышали о болезненной менструации и прыщах на коже, сколько аптекари слышали о том, как мой брат попросил меня купить эти презервативы — а в последние годы, наверное, еще чаще. Ей ничего не стоило просто пойти к нему и сказать: «Дайте мне таблетки. Я собираюсь трахаться». Она была уже достаточно взрослой. К чему эта стеснительность? Она посмотрела Джессу в спину и вздохнула. Это потому, что стеснительность становится образом жизни.

Но как бы то ни было, таблетка не подействовала. Кто-то в отделе технического контроля на старой доброй Оврил-ской фабрике заснул не вовремя. Или она забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать.

Она неслышно подошла к нему сзади и положила руки ему на плечи.

Джесс, сжимавший камушки в левой руке, а правой отпавляющий их в глубины Атлантики, вскрикнул и вскочил на ноги. Камушки усыпали все вокруг, и он чуть не сшиб Фрэнни в воду. Он и сам чуть не упал вниз головой.

Она начала беспомощно хихикать и подалась назад, прикрывая руками рот. Джесс, хорошо сложенный молодой человек с черными волосами, очками в тонкой золотой оправе и правильными чертами лица, которые к вечному его сожалению не могли выразить всей чуткости его натуры, в ярости обернулся.

«Ты меня дьявольски испугала!» — прогрохотал он.

«О, Джесс», — захихикала она. «О, Джесс, извини меня, но это было так забавно, действительно забавно».

«Мы чуть не упали в воду», — сказал он, делая негодующий шаг по направлению к ней.

Она отступила назад, чтобы сохранить дистанцию, споткнулась о камень и больно ушиблась. Зубами она прикусила язык — Боже, что за боль! — и перестала смеяться так внезапно, словно звук ее смеха отхватили ножом. Сам факт такого внезапного молчания — я радио, ты выключаешь меня — показался ей еще более забавным, и она вновь начала хихикать, несмотря на то что язык кровоточил и слезы боли хлынули у нее из глаз.

«Ты в порядке, Фрэнни?» Он озабоченно наклонился к ней.

Я *все-таки* люблю его, — подумала она с некоторым облегчением. Ну что ж, тем лучше для меня.

«Ты ушиблась, Фрэн?»

«Ушиблась только моя гордость», — сказала она, позволив ему помочь ей встать. «И еще я прикусила язык. Видишь?» Она показала ему язык, рассчитывая получить в обмен улыбку, но он нахмурился.

«Господи, Фрэн, да ты истекаешь кровью». Он достал из заднего кармана носовой платок и с сомнением посмотрел на него. Потом положил обратно.

Она представила себе, как они рука об руку возвращаются к стоянке, молодые возлюбленные под ярким солнцем, а во рту у нее — скомканный платок. Она приветствует улыбающегося, снисходительного зрителя и пытается что-то сказать: Гу-гу-гу.

Она снова захихикала, несмотря на то, что язык сильно болел, а во рту чувствовался слегка тошнотворный запах крови.

«Отвернись», — сказала она строго. «Я собираюсь нарушить правила хорошего тона для молодых леди».

Слегка улыбаясь, он театрально прикрыл глаза. Опираясь на одну руку, она наклонилась над водой и сплюнула — слюна была ярко-красной. Еще. И еще раз. Наконец ее рот вроде бы очистился, она оглянулась и увидела, что он подсматривает сквозь пальцы.

«Извини», — сказала она. «Я такая идиотка».

«Нет», — сказал Джесс, явно имея ввиду «да».

«Можем мы найти где-нибудь мороженое?» — спросила она. «Ты поведешь машину. Я покупаю».

«Решено». Он встал сам и помог подняться ей. Она снова сплюнула. Ярко-красная.

С опаской Фрэн спросила его: «Я ведь не откусила кусок?»

«Не знаю», — ответил Джесс весело. «Ты не почувствовала, как ты его проглотила?»

«Это не смешно».

«Да. Извини меня. Ты просто прикусила его, Фрэнни».

«В языке проходят какие-нибудь артерии?»

Рука об руку они шли обратно по пирсу. Она то и дело останавливалась и сплевывала в сторону. Слюна была ярко-красной. Но больше она не будет глотать эту дрянь, это уж точно.

«Нет».

«Хорошо». Она сжала его руку и ободряюще улыбнулась. «Я беременна».

«Правда? Это хорошо. Знаешь, что я видел в Порт...»

Он остановился и посмотрел на нее, его лицо внезапно стало жестким и очень, очень внимательным. Ее слегка задело его осторожное выражение.

«Что ты сказала?»

«Я беременна». Она широко улыбнулась ему и сплюнула с пирса в воду. Ярко-красная.

«Хорошая шутка, Фрэнни», — сказал он неуверенно.

«Это не шутка».

Он продолжал внимательно изучать ее. Через некоторое время они вновь двинулись. Когда они шли по стоянке, Гус вышел и помахал им. Фрэнни помахала в ответ. Джесс тоже.

Они остановились в Дейри Куин на шоссе №1. Джесс купил кока-колы и глубокомысленно попивал ее за рулем «Вольво». По просьбе Фрэн, он купил ей мороженое. Она сидела, прислонившись к двери, в двух футах от Джесса и ела ложкой орехи, ананасовый джем и местное мороженое плохого качества.

«Ты знаешь, — сказала она, — мороженое в Дейри Куин — это сплошное надувательство. Ты знал об этом? Многие люди даже и не подозревают».

Джесс посмотрел на нее и ничего не ответил.

«Так что, если ты хочешь настоящего мороженого, то тебе надо пойти в какое-нибудь место вроде магазина «Диринг» и там...»

Она разрыдалась.

Он придвинулся к ней и обнял ее за шею. «Фрэнни, не надо. Пожалуйста».

Вновь был извлечен на свет божий платок, и он вытер ее слезы. К тому времени рыдания перешли во вздохи.

«Мороженое с кровью», — сказала она, взглянув на него покрасневшими глазами. «Больше не могу. Извини, Джесс, ты не выбросишь?»

«Разумеется», — сказал он холодно.

Он взял мороженое, вышел из машины и выбросил его в урну. У него забавная походка, — подумала Фрэн, — словно его сильно двинули в то место, которое у парней наиболее чувствительно. В какой-то степени, его действительно ударили именно туда. Но если взглянуть на все это с другой стороны, то именно такая походка была у нее, когда он лишил ее девственности на пляже.

Он вернулся и сел в машину.

«Ты действительно беременна, Фрэн?» — спросил он резко.

«Действительно».

«Как это случилось? Я думал, ты приняла таблетку».

«Что ж, одно из трех: или кто-то из отдела технического контроля старой доброй Оврийской фабрики заснул, когда моя пачка таблеток проходила по конвейеру, или в университетской столовой вас кормят чем-то таким, что активизирует сперматозоиды, или я забыла принять таблетку, а потом забыла о том, что забыла это сделать».

Она улыбнулась ему твердой, сдержанной, солнечной улыбкой, которую он вернул ей лишь отчасти.

«Что ты так сходишь с ума, Фрэн? Я ведь только спросил».

«Ну что ж, попробую ответить на твой вопрос иначе: теплой апрельской ночью, должно быть, это было двенадцатое, тринадцатое или четырнадцатое число, ты ввел член в мое влагалище, испытал оргазм и изверг сперму, содержащую миллионы...»

«Прекрати», — сказал он резко. «Ты не должна...»

«Не должна что?» При всем своем внешнем каменном спокойствии, внутренне она была обескуражена. Представляя в воображении эту сцену, она никогда не думала, что все произойдет именно так.

«Сходить с ума», — сказал он нерешительно. «Я не собираюсь обвинять тебя».

«Хорошо», — сказала она более мягко. В тот момент она могла оторвать его руку от руля, сжать ее и полностью

устранить образовавшуюся между ними трещину. Но она не могла заставить себя сделать это. У него не было никакого права рассчитывать на то, что она будет утешать его, каким бы бессознательным и тайным не было это желание.

«И что ты собираешься делать?» — спросил Джесс, доставая сигареты.

«Что *ты* собираешься делать?»

«О, черт», — сказал он.

«Вот известные мне альтернативы», — сказала она. «Мы можем пожениться и сохранить ребенка. Мы можем пожениться и отказаться от ребенка. Или мы не поженемся, но я сохраню ребенка. Или...»

«Фрэнни...»

«Или мы не поженемся, и я откажусь от ребенка. Или я сделаю аборт. Это исчерпывает все возможности? Я ничего не пропустила?»

«Фрэнни, разве мы не можем просто поговорить.»

«Мы и *разговариваем!*» — взорвалась она. «Твоя очередь уже была, и ты сказал «О, черт». Вот в точности твои слова. А я просто описала тебе возможные альтернативы. Разумеется, у меня было больше времени, чтобы поработать над повесткой дня».

«Хочешь сигарету?»

«Нет. Это вредно для ребенка».

«Черт возьми, Фрэнни».

«Почему ты орешь?» — спросила она мягко.

«Потому что ты хочешь довести меня до белого каления», — сказал Джесс гневно. Потом он взял себя в руки. «Извини. Я просто не могу согласиться с тем, что это моя вина».

«Не можешь?» Она посмотрела на него, приподняв бровь.

«Се, Дева во чреве приимет».

«Почему ты все время издеваешься? Ты сказала, что приняла таблетку. Я поверил тебе на слово. Я был неправ?»

«Нет. Ты не был неправ. Но это не меняет дела».

«Это точно», — сказал он мрачно и выбросил за окно недокуренную сигарету. «Ну и что мы будем делать?»

«Ты все спрашиваешь меня, Джесс. Я уже обрисовала вкратце возможные варианты так, как я их вижу».

Я думала, может, у тебя тоже появились какие-нибудь соображения. Есть, правда, еще один выход — самоубийство, но в настоящий момент я исключаю его из рассмотрения. Так что выбирай, что тебе больше понравилось, и давай обсудим».

«Давай поженимся», — сказал он неожиданно решительным голосом. Он выглядел как человек, который окончательно понял, что распутать Гордиев узел можно только разрубив его посередине. Полный вперед, а нитков загоним в трюм.

«Нет», — сказала она. «Я не хочу выходить за тебя замуж».

Его лицо словно бы держалось на невидимых болтах, и вот внезапно каждый из них отвернули на полтора оборота. Все немедленно провисло. Вид его был так зверски смешон, что ей пришлось потереться израненным кончиком языка о шершавое небо, чтобы не захихикать снова. Ей не хотелось смеяться над Джессом.

«Но почему же нет?» — спросил он. «Фрэн...»

«Мне надо подумать, почему. Я не дам тебе втянуть меня в обсуждение причин, по которым я говорю тебе «нет», потому что сейчас они мне неизвестны».

«Ты не любишь меня», — сказал он обиженно.

«В большинстве случаев любовь и брак исключают друг друга. Выбери другую альтернативу».

Он долго молчал, вертя в пальцах новую сигарету, но не закуривая. Наконец он сказал: «Я не могу выбрать другой вариант, Фрэнни, так как ты не хочешь обсуждать этот. Ты хочешь одержать надо мной верх».

Это ее слегка задело. Она кивнула. «Может быть, ты и прав. Надо мной уже одержали верх за последние две недели. А ты, Джесс, ведешь себя как зануда-отличник. Если на тебя нападет грабитель с ножом, ты захочешь созвать семинар на месте преступления».

«Ради Бога!»

«Предложи другой вариант».

«Нет. Ты уже все обдумала. Может быть, и мне надо немного времени на размышления».

«О'кей. Отвезешь нас обратно к стоянке? Я тебя высажу и займусь кое-какими делами».

Он удивленно уставился на нее. «Фрэнни, я притащился сюда из Портленда на велосипеде. Я снял комнату в загородном мотеле. Я думал, мы проведем уикенд вместе».

«В номере мотеля. Нет уж, Джесс. Положение изменилось. Ты просто отправишься обратно в Портленд на своем велосипеде и дашь мне знать, когда какие-нибудь мысли придут тебе в голову. Можешь не торопиться».

«Прекрати издеваться надо мной, Фрэнни».

«Нет, Джесс, это ты надо мной издевался», — она презрительно засмеялась во внезапном, яростном приступе гнева.

Он ударил ее по щеке.

Она удивленно уставилась на него.

«Прости меня, Фрэн».

«Прощаю», — холодно сказала она. «Поехали».

Они приехали на стоянку, и Гус помахал им. Они помахали ему в ответ.

«Мне очень стыдно за то, что я ударил тебя», — сказал Джесс глухо. «Я не хотел этого».

«Я знаю. Ты вернешься в Портленд?»

«На ночь я останусь здесь и позвоню тебе утром. Принимать решение должна ты, Фрэн. Знаешь, если ты решишь делать аборт, я наскребу денег».

«Наскребу? Это сознательный каламбур?»

«Нет», — сказал он. «Совсем нет». Он подался к ней и целомудренно поцеловал ее. «Я люблю тебя, Фрэн».

Я не верю тебе, — подумала она. Я нисколько не верю тебе сейчас... но принимаю твои слова благосклонно. Это вполне в моих силах.

«Прекрасно», — сказала она спокойно.

«Я буду в мотеле «Лайтхаус». Позвони, если захочешь».

«О'кей». Она пересела за руль и внезапно почувствовала, как сильно она устала. Язык сильно болел.

Он подошел к велосипеду, прикованному к железным перилам. «Мне очень хотелось бы, чтобы ты позвонила».

Она деланно улыбнулась. «Посмотрим. Пока, Джесс».

Она завела двигатель, развернулась и поехала по стоянке в сторону шоссе, идущего по побережью. Ей был виден Джесс, все еще стоящий рядом с велосипедом на

фоне океана, и уже во второй раз за этот день она мысленно обвинила его в том, что он знает, как выглядит со стороны. Но на этот раз она почувствовала себя не раздраженно, а немного грустно. Она ехала, размышляя о том, сможет ли она когда-нибудь воспринимать океан так же, как раньше, до того, как все это произошло. Язык ужасно болел. Она опустила боковое стекло пониже и сплюнула. На этот раз слюна была белой. Она вдыхала соленый запах океана, запах горьких слез.

ГЛАВА 3

Норм Брюетт проснулся в четверть десятого утра. Его разбудила ссора детей за окном и музыка кантри, доносившаяся с кухни.

Он подошел к двери и заорал: «Эй вы, заткнитесь немедленно!».

Люк и Бобби обернулись, оторвавшись от старого ржавого грузовичка, из-за которого они и ссорились. Каждый раз, когда Норм смотрел на детей, он чувствовал в себе два противоположных стремления. Сердце его ныло, когда он видел, как его дети носят обноски, полученные в подарок от Армии спасения, наподобие тех, которые носит негритянское отродье на востоке Арнетта. Но в то же самое время ужасный, иступленный гнев захлестывал его и внушал ему выбежать на улицу и избить их до полусмерти.

«Да, папочка», — сказал Люк глухо. Ему было девять.

«Да, папочка», — эхом отозвался Бобби. Ему пошел восьмой.

Норм задержался на мгновение, глядя на них. Потом он захлопнул дверь и нерешительно оглядел сваленную в беспорядке одежду.

Эта грязная сука, — подумал он. Не могла даже убрать мой лохмотья.

«Лила», — завопил он.

Ответа не последовало. Норм чувствовал себя усталым и ощущал тошнотворную, пульсирующую головную боль. Похоже на похмелье, но ведь вчера он выпил только три банки пива у Хэпа. Чертовски неприятный случай. Мертвые женщина и ребенок в машине, и этот парень, Кэмптон,

так и не доехал до госпиталя. Вик Палфри дал показания от имени всех пятерых. Коронер отказался делать предположения о том, что могло убить этих людей.

«Во всяком случае, не холера. И не пугайте людей подобными рассказами. Будет вскрытие, и вы обо всем прочтете в газетах».

Он поразмыслил о том, стоит ли заправлять рубашку в штаны, решил, что вряд ли президент заглянет сегодня к ним на огонек, и шаркающей походкой отправился на кухню, даже не надев тапочки. Яркие лучи солнца из восточных окон заставили его поморщиться.

Радио над плитой голосило:

«Но, крошка, если не ты, то кто же мне ответит?

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Он — парень что надо.

Он парень шикарный.

Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Дела чертовски плохи, если по местной радиостанции передают какой-то паршивый негритянский рок. Норм выключил музыку, опасаясь, что иначе его голова расколется на части. Рядом с радио лежала записка, и он напрогнул глаза, чтобы прочесть ее.

Дорогой Норм,

Салли Ходжес гаварит что ей нужно чтобы кто нибудь поседел с детми сегодня утром и гаварит что даст за это доллар. Вернусь к лентчу. Хочеш съеш колбасу. Цалую.

Лила.

Норм отложил записку и застыл в неподвижности, пытаясь понять ее смысл. Чертовски трудно думать, когда в голове у тебя гудит мотор. Посидеть с ребенком... доллар. Жена Ральфа Ходжеса.

Три этих обстоятельства постепенно сложились у него в голове в более или менее связную картину. Лила ушла присмотреть за тремя детьми Салли Ходжес, чтобы заработать какой-то вшивый доллар, и оставила его с Люком и Бобби на руках. Ей Богу, трудные времена наступили,

если мужчина должен сидеть дома и утирать носы мальчишкам для того, чтобы его жена могла добыть этот чертов доллар, за которые не купишь даже галлон газа. Чертовски трудные времена.

Он заглянул в холодильник. Колбаски были похожи на отрезанные члены этих поганных пигмеев, которые живут в Африке или в Южной Америке или хер их знает где. Так или иначе ему не хотелось есть. Он чувствовал себя тяжело больным.

Он зажег конфорку и поставил кофе. Потом он присел и стал тупо наблюдать за тем, как оно варится. Перед тем, как оно закипело, ему пришлось срочно выхватить из кармана носовой платок — Норм сочно чихнул. Похоже, простудился, — подумал он. Только этого не хватало. Но ему так и не пришло в голову вспомнить о потоке слизи, хлеставшем из дыхалки этого парня Кэмпиона вчера вечером.

Хэп работал в гараже: он ставил новую выхлопную трубу на «Скаут» Тони Леоминстера. Вик Палфри раскачивался на походном раскладном стульчике, наблюдал за Хэпом и потягивал пиво. В этот момент зазвенел звонок у входа на станцию.

Вик скосил взгляд. «Это патруль», — сказал он. «Похоже, там твой двоюродный брат».

«О'кей».

Хэп вылез из-под машины. По пути на станцию он глубоко чихнул. Он терпеть не мог летние простуды. Самая поганая вещь на свете.

Джо Боб Брентвуд, ростом почти в шесть с половиной футов, стоял у багажника патрульной машины и заправлял бак. За ним, словно мертвые солдаты, лежали три сбитые Кэмпионом колонки.

«Привет, Джо Боб», — сказал Хэп, подойдя поближе.

«Хэп, сукин ты сын», — сказал Джо Боб, переключая колонку в автоматический режим и перешагивая через шланг. «Повезло же тебе, что ты не взлетел на воздух».

«Да, черт побери. Стью Редман заметил, как этот парень подъезжает, и вырубил колонки. Была целая туча искр».

«Все равно повезло. Слушай, Хэп, я ведь приехал не только для того, чтобы заправиться».

«Да?»

Джо Боб перевел глаза на Вика, который стоял в дверях станции. «Этот чужак был здесь прошлым вечером?»

«Кто? Вик? Да, он приходит почти каждый вечер».

«Может он держать язык за зубами?»

«Ну да. Ему можно доверять».

Автоматическая подача отключилась. Хэп выдавил из шланга остатки бензина центов на двадцать, затем повесил пистолет на место и выключил колонку.

«Ну? Так в чем же дело?»

«Пошли-ка лучше внутрь. Старик тоже может пойти с нами. И если есть возможность, позвони всем остальным, кто был вчера здесь».

Они вошли в помещение.

«С добрым утром, шеф», — сказал Вик.

Джо Боб кивнул.

«Кофе?» — спросил Хэп.

Да нет, пожалуй». Он оглядел их тяжелым взглядом. «Не знаю, понравится ли моему начальству, что я тут с вами разговариваю. Не думаю, что они будут очень рады этому. Так что, когда эти ребята заявятся сюда, не говорите им, что я был у вас, ладно?»

«Какие ребята, шеф?»

«Ребята из департамента здравоохранения», — пояснил Джо Боб.

«О, Господи, так это *все-таки* холера. Я так и *знал*», — сказал Вик.

Хэп перевел глаза с Вика на своего двоюродного брата. «Джо Боб?»

«Я ничего не знаю», — сказал Джо Боб, усаживаясь на один из пластиковых стульев. Его костистые колени доставали чуть ли не до подбородка. Он вытащил пачку «Честерфильда» из кармана куртки и закурил. «Финнеган, коронер, позвал доктора Джеймса, чтобы тот взглянул на Кэмпiona, а потом они вдвоем позвали третьего доктора, которого я не знаю. Потом они позвонили в Хьюстон. Около трех часов ночи эти люди приземлились в маленьком аэропортике неподалеку от Брайнтри».

«Какие люди?»

«Патологоанатомы. Трое. Они провозились с трупами до восьми часов. Вскрывали, наверное. Затем они связались по телефону с центром по изучению чумы в Атланте, тамошние ребята приедут сюда сегодня днем. А пока они сказали, что департамент здравоохранения должен прислать сюда людей, чтобы осмотреть тех, кто был на станции прошлым вечером, и тех, кто отвозил Кэмпiona в Брейнтри. Точно не знаю, но мне кажется, что вас хотят посадить на карантин».

«Пресвятая Богородица», — сказал Хэп испуганно.

«Чумной центр в Атланте имеет федеральный статус», — сказал Вик. «Стали бы они присылать целый самолет государственных служащих из-за обычной холеры?»

«А что сказали Джеймс и тот, другой доктор?» — спросил Хэп.

«Не слишком много. Но выглядели они испуганно. Я никогда не видел докторов такими испуганными».

Наступило тяжелое молчание. Джо Боб подошел к автомату и купил бутылку «Фрески». Слабый шипящий звук пенящейся газировки стал слышен, когда он открыл пробку. Когда Джо Боб вернулся на место, Хэп вытащил бумажную салфетку из ящичка рядом с кассовым автоматом и высморкался.

«А что вы выяснили про Кэмпiona?» — спросил Вик. «Кто он такой?»

«Все еще выясняем», — сказал Джо Боб важно. «В документах значится, что он из Сан-Диего, но удостоверения, найденные в бумажнике, почти все просрочены на два-три года. Срок действия водительских прав давно истек. Кредитная карточка была выдана ему в 1986 и оказалась недействительной. У него был военный билет, так что мы наводим справки в их ведомстве. Капитан подозревает, что Кэмпion не был в Сан-Диего уже года четыре».

«Дезертир?» — спросил Вик. Он вынул из кармана большой цветной платок и, откашлявшись, сплюнул в него.

«Еще не знаем. Но в его военном билете указано, что он находится на действительной службе до 1997 года. А ведь он был в гражданской одежде, да и, к тому же, далековато от Калифорнии».

«Что ж, я свяжусь с остальными и расскажу им обо всем, что ты сообщил», — произнес Хэп. «Спасибо тебе».

Джо Боб поднялся. «Не за что. Только не упоминай мое имя. Мне что-то не хочется потерять работу. Твоим друзьям ведь не обязательно знать о том, кто рассказал тебе все это?»

«Нет, конечно», — сказал Хэп.

В тот момент, когда Джо Боб направился к двери, Хэп сказал слегка извиняющимся тоном: «С тебя пятерка за бензин, Джо Боб. Я не хотел бы брать с тебя деньги, но раз уж дела обстоят так хреново...»

«Все в порядке». Джо Боб протянул ему кредитную карточку. «Государство платит. Да и будет потом, чем оправдать свой визит к вам».

Заполняя бланк, Хэп чихнул два раза.

«Будь поосторожней», — сказал Джо Боб. «Нет ничего хуже, чем летние простуды».

«Мне ли не знать этого?»

Неожиданно Вик, стоявший позади них, сказал: «Может быть, это и не простуда».

Они повернулись к нему. Вик выглядел испуганно.

«Я проснулся сегодня утром, чихая и кашляя так, словно мне уже шестьдесят», — сказал Вик. «Да и голова сильно болела. Я принял аспирин, и стало немного легче, но я все еще набит соплями. Может быть, все мы заразились. Той самой болезнью, которая была у Кэмпиона. От которой он умер».

Хэп посмотрел на него долгим взглядом, и в тот самый момент, когда он собирался изложить ему все те причины, по которым этого быть не могло, он снова чихнул.

Джо Боб серьезно посмотрел на них и сказал: «Знаешь, было бы нелишним закрыть станцию, Хэп. Только на один день».

Хэп взглянул на него испуганно и попытался вспомнить все свои возражения. Но ни одно из них не приходило ему на ум. Он смог вспомнить только то, что сегодня он тоже проснулся с головной болью и насморком. Что ж, просто все одновременно простудились. Но ведь до случая с этим Кэмпионом он чувствовал себя нормально. Абсолютно нормально.

* * *

Шесть лет, четыре года и восемнадцать месяцев — таков был возраст троих маленьких Ходжесов. Двое младших спали, а старший копал яму во дворе. Лила Брюетт сидела в гостиной и смотрела телевизор. Она затаилась сигаретой и закашлялась. Кашель мучил ее сегодня с утра, словно кто-то щекотал гортань перышком.

Лила оторвалась от телевизора и оглядела комнату. Ей захотелось, чтобы ее собственный дом выглядел так же мило. У Салли было увлечение: она рисовала по журнальным заготовкам изображения Христа, и ими была увешана вся гостиная. Больше всего Лиле нравилась большая картина с изображением Тайной Вечери, висевшая над телевизором. Салли сказала ей, что на картину пошло шестьдесят разных масляных красок и работать пришлось почти три месяца. Это было настоящее произведение искусства.

Как раз когда кончилась реклама и на экране появился фильм, крошка Черил начала плакать — прерывистый, безобразный визг, перемежающийся со взрывами кашля.

Лила отложила сигарету и зашла в спальню. Четырехлетняя Ева продолжала спать, но Черил лежала на спине в своей кровати, и лицо ее приобрело зловещий красный оттенок. Крики стали звучать придушенно.

Лила не боялась крупя с тех пор как им переболели оба ее ребенка. Она перевернула крошку Черил вниз головой и сильно похлопала ее по спине. Черил квакнула, как лягушка, и неожиданно выплюнула на пол сгусток желтой слизи.

«Лучше?» — спросила Лила.

«Да-а-а», — протянула крошка Черил. Она уже почти заснула вновь.

Лила вытерла пол бумажной салфеткой. Ей никогда не приходилось видеть такой обильной мокроты у ребенка. Лила закурила новую сигарету, чихнула на первой же затяжке и сама уже зашла в приступе кашля.

ГЛАВА 4

Уже час, как стемнело.

Старки в одиночестве сидели за большим письменным столом, роясь в ворохе телеграмм. Их содержание пугало его. Он служил своей стране уже тридцать шесть лет, начав

с роли запуганной шестерки в Вест-Пойнте. Его награждали медалями. Он разговаривал с президентами, давал им советы, и иногда эти советы принимались. Ему и раньше приходилось попадать в трудные ситуации, но эта...

Он был напуган, так сильно напуган, что едва позволял признаться в этом самому себе. Он нажал кнопку под центральным монитором. Изображение появилось с обезкураживающей быстротой, свойственной солидному государственному оборудованию. На экране возникла калифорнийская пустыня. Ее безлюдность выглядела жутковато из-за пурпурно-красного оттенка, который придавала изображению инфракрасная съемка.

Вон он там, впереди, — подумал Старки. Проект Блу.

Страх вновь попытался захлестнуть его. Он полез в карман и вытащил синюю таблетку. Дочь называла их «отрубонами». Впрочем, названия не имеют значения, важны результаты. Он проглотил таблетку, не запивая, и поморщился.

Проект Блу.

Он оглядел остальные, выключенные мониторы, а затем нажал кнопку под каждым из них. Четвертый и пятый показывали лаборатории. На четвертом — физическая, на пятом — биологии вирусов. Лаборатория биологи вирусов была вся заставлена клетками животных, в основном — морских свинок и обезьян. Было и несколько собак. В лаборатории физики небольшая центрифуга до сих пор продолжала вращаться. Старки пожалел об этом. Он горько пожалел об этом. Было что-то кошмарное в том, как эта штука весело крутилась, не останавливаясь ни на одну секунду, в то время как доктор Эзвик лежал рядом на полу, неуклюже раскинувшись, словно воронье пугало, не устоявшее под напором сильного ветра.

Они объяснили ему, что центрифуга работает от того же источника, что и освещение, поэтому если они ее выключат, то погаснет и свет. А камеры там внутри не приспособлены для инфракрасной съемки. Старки все понял. Еще какие-нибудь ублюдки могут заявиться из Вашингтона, чтобы посмотреть на труп лауреата Нобелевской премии, лежащий в четырехстах футах под землей, меньше, чем в миле отсюда. Если выключим центрифугу, выключим и

профессора. Элементарно. Дочь называла такие ситуации «Уловка-22» (название бестселлера американского писателя Джозефа Хеллера — прим. перев.).

Он принял еще один «отрубон» и посмотрел на монитор номер два, который ему нравился меньше всего. Ему не нравился человек, упавший лицом в тарелку супа. Представьте, что кто-нибудь подойдет к вам и скажет: *Вы проведете вечность с физиономией, погруженной в миску супа.* Это как старый киношный комический трюк, когда тортом попадают кому-нибудь в лицо. Перестает быть смешным, когда этим кем-то становишься ты сам.

На первом мониторе были только электронные часы. До тринадцатого июня все цифры на них были зеленого цвета. Теперь они стали ярко-красными. Часы остановились. Они показывали: 06:13:90:02:37:16.

13 июня 1990 года. Два часа тридцать семь минут утра. И еще шестнадцать секунд.

Позади раздался стук.

Старки выключил мониторы один за другим и обернулся. Он увидел, что одна из телеграмм упала на пол, и поднял ее.

«Войдите».

Это был Крейтон. Он был бледен, как мел. Опять плохие новости, — равнодушно подумал Старки. Еще кто-нибудь совершил затяжной прыжок с вышки в миску холодного супа.

«Привет, Лен», — сказал он спокойно.

Лен Крейтон кивнул в ответ. «Билли. Эти... Боже, я не знаю, как тебе об этом сказать».

«Чем яснее, тем лучше».

«Эти люди, которые переносили тело Кэмпиона, проходят предварительные исследования в Атланте, и новости не очень утешительны».

«Все заражены?»

«По крайней мере, пятеро. Есть там один парень — его зовут Стюарт Редман — так вот, у него пока отрицательная реакция».

«Если бы Кэмпион не сбежал», — сказал Старки. «Там оказалась хреновая система безопасности. На редкость хреновая».

Крейтон кивнул.

«Продолжай».

«В Арнетте введен карантин. Мы уже выявили шестнадцать случаев гриппа, вызванного постоянно мутирующим вирусом А-Прайм. А ведь это пока только больные в открытой форме».

«Средства массовой информации?»

«Пока никаких проблем. Они верят в то, что это сибирская язва».

«Что еще?»

«Одна очень серьезная проблема. В Техасе есть патрульный полицейский по имени Джозеф Роберт Брентвуд. Его двоюродному брату принадлежит как раз та самая заправка, где Кэмпиион закончил свое путешествие. Он заехал вчера утром к Хэпскому предупредить о том, что приезжают люди из департамента здравоохранения. Мы задержали его три часа назад, и сейчас он на пути в Атланту. А до этого он объехал на патрульной машине половину Восточного Техаса. Одному Богу известно, со сколькими людьми он вступал в контакт за это время».

«О, черт», — сказал Старки и сам испугался водянистой слабости своего голоса. Вероятность заражения — 99,4%, — вспомнил он строчку из телеграммы. А это, в свою очередь, означало 99,4% смертности, так как человеческий организм не в силах производить антитела, способные уничтожить постоянно мутирующий антигенный вирус. Как только организм вырабатывал нужные антитела, вирус просто мутировал в новую, слегка отличную от предыдущей, форму. По этой же причине создание вакцины представлялось практически невыполнимой задачей.

99,4%.

«Ну же, продолжай. Что там еще?»

И тогда Крейтон мягко произнес: «Хаммер мертв, Билли. Самоубийство. Он выстрелил себе в глаз из табельного оружия. Материалы по Проекту Блу были у него на письменном столе. Мне кажется, он подумал, что они представляют собой вполне исчерпывающую предсмертную записку».

Старки закрыл глаза. Вик Хаммер был его пасынком. Интересно, как он скажет об этом Цинтии? Мне очень

жаль, Синди. Вик сегодня нырнул в миску холодного супа. Вот, прими «отрубон». Я хочу сказать тебе, что это была просто цепь досадных случайностей. Ни одна из них не произошла по вине твоего парня. Но он возглавлял проект, и он понял, что ситуация ухудшается, и тогда...

«Спасибо, Лен», — сказал он.

«Билли, не хочешь ли ты...»

«Я поднимусь через десять минут. Я хочу назначить заседание общевойсковой штаба через пятнадцать минут. Если они в постелях, вышиби их оттуда».

«Да, сэр».

«И, Лен...»

«Да?»

«Я рад, что именно ты сообщил мне об этом».

«Да, сэр».

Крейтон вышел. Старки посмотрел на часы. Потом он подошел к мониторам, вмонтированным в стену. Он включил монитор номер два и задумчиво уставился на безмолвный кафетерий Проекта Блу.

ГЛАВА 5

Ларри Андервуд повернул за угол и нашел место для стоянки, достаточно обширное, чтобы втиснуть свой «Датсун Зед» между пожарным гидрантом и чьим-то мусорным контейнером. Ларри попытался убедить себя в том, что в действительности он не заметил распухший труп кошки, в белый живот которой вгрызалась крыса. Крыса так быстро исчезла в свете его фар, что вполне можно было бы поверить в то, что ее там и не было. Кошка, однако, осталась на месте.

Дорогой Нью-Йорк, это опять я.

Может быть, «Янки» в городе. Хотя какое-то оправдание для его путешествия. Доехать на метро до стадиона, пить пиво, есть горячие сосиски и наблюдать за тем, как «Янки» вышибают дурь из Кливленда или Бостона...

На фасаде здания с помощью пульверизатора с краской были написаны воззвания загадочного и зловещего содержания: ЧИКО 116, ЗОРРО 93, МАЛЫШ ЭБИ №1! Когда он был еще мальчиком, перед тем, как умер его отец, этот

район был вполне приличным. Две каменные собаки охраняли ступени, ведущие к двойным дверям. За год до того, как он уехал на побережье, хулиганы разбили туловище собаки справа. Теперь не было ни той, ни другой, за исключением одной задней лапы собаки слева.

Ларри подумал, что ему надо выйти из машины и убедиться в том, что имя его матери до сих пор значится под почтовым ящиком квартиры номер пятнадцать, но он чувствовал себя слишком усталым для этого. Нет, он будет сидеть здесь и дремать до семи часов утра. В семь он выйдет из машины и посмотрит, здесь ли еще его мать. Может быть, даже лучше, если она умерла. Может быть, тогда он даже забудет про «Янки». Может быть, он просто снимет комнату в отеле, проспит три дня подряд, а потом отправится обратно на Золотой Запад.

Его ум вновь обратился к прошлому, размышляя о прошедших девяти неделях (или около того) и пытаясь объяснить себе, как это можно биться головой о каменные стены в течение шести долгих лет, играть в клубах, записывать демонстрационные кассеты, а потом добиться всего, о чем мечтал, за каких-нибудь девять недель. Он думал о том, что должен же быть какой-то ответ, какое-то объяснение, которое позволило бы ему отвергнуть отрицательную точку зрения, с которой все это выглядело лишь капризом, просто причудой судьбы, как говорил Дилан.

На самом деле, все началось еще полтора года назад. Он выступал с «Тэттерд Ремнантс» в клубе Беркли, и ему позвонил один человек из «Колумбии». Не слишком большая шишка, просто один из тружеников виниловых виноградников. Нейл Дайамонд собирался записать одну из его песен под названием «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Дайамонд делал альбом. Кроме своих песен, он хотел включить туда «Пегги Сью вышла замуж» Бадди Холли и, возможно, песенку Ларри Андервуда. Вопрос был в том, захочет ли Ларри приехать и принять участие в записи фонограммы. Дайамонд хотел добавить вторую акустическую гитару. Мелодия ему очень нравилась.

Ларри согласился.

Запись продолжалась три дня. Все прошло хорошо. Ларри встретился с Нейлом Дайамондом, Робби Робертсо-

ном и Ричардом Перри. Фамилия Ларри была упомянута на внутренней обложке, да и заплатили ему неплохо. Но «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» так и не вошла в альбом. На второй вечер записи Дайамонд пришел с новой мелодией собственного сочинения, и она-то и заменила песенку Ларри.

Ну что ж, это бывает, — сказал человек из «Колумбии». Знаешь, что я тебе скажу — почему бы нам все-таки не сделать запись? Посмотрим, может быть, я и смогу что-то предпринять. Ларри записал фонограмму своей песни и вновь оказался на улице. Дела в Лос-Анджелесе шли плохо.

Наконец он все-таки устроился гитаристом в вечерний клуб. Потом, девять недель назад, позвонил человек из «Колумбии». Они хотят выпустить его сингл. Может ли он приехать и записать песенку для другой стороны? Конечно, — ответил Ларри. Конечно, он сможет приехать. В воскресенье вечером он вошел в студию «Колумбии» в Лос-Анджелесе, за один час продублировал на второй дорожке свой голос в «Крошке» и записал для обратной стороны песню «Карманный Спаситель», которую он сочинил еще для «Тэттерд Ремнантс». Человек из «Колумбии» вручил Ларри чек на пятьсот долларов и вонючий контракт, который связывал Ларри по рукам и ногам.

Семь недель назад человек из «Колумбии» позвонил снова и велел ему пойти купить номер «Биллборда». Ларри ринулся на улицу. «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» была признана одной из трех лучших новинок недели. Ларри перезвонил человеку из «Колумбии», и тот спросил его, не хочет ли он позавтракать в обществе настоящих шишек, чтобы обсудить будущий альбом.

На ленче он напился и едва ощутил вкус своей порции семги. Кто-то из шишек сказал, что не удивится, если в следующем году «Крошка, поймешь ли ты своего парня?» получит приз Грэмми. Ларри ощущал себя как во сне, и когда он возвращался в номер, у него появилась странная уверенность, что сейчас его собьет грузовик. Шишки из «Колумбии» вручил ему еще один чек, на этот раз на две с половиной тысячи долларов. Придя к себе, Ларри снял телефонную трубку и сделал несколько звонков. Первым делом он позвонил хозяину ночного клуба, в котором

нать ему голоса сладкоречивых агентов, которые звонили ему по телефону. После долгого, шумного и желчного скандала он расстался с ней. Она угрожала покончить жизнь самоубийством. После разрыва Ларри чувствовал себя так, словно принял участие в затяжной битве подушками, каждая из которых была обработана газом, вызывающим легкое отравление.

Они начали записывать альбом три недели назад, и Ларри сумел отвертеться от большинства предложений типа «ради вашего же блага». Он использовал ту относительную свободу действий, которую оставил ему контракт. Он вызвал троицу из «Тэттерд Ремнантс» — Барри Грига, Эла Спеллмана и Джонни МакКолла — и двух других музыкантов, с которыми ему приходилось играть в прошлом — Нейла Гудмана и Уэйна Стаки. Они записали альбом за девять дней. «Колумбия», похоже, хотела, чтобы альбом состоял из тех песен, которым, по их мнению, была обеспечена двадцатинедельная карьера — начиная с «Крошки» и кончая «Держись, Слупи». Ларри хотел большего.

На обложке альбома была фотография Ларри в наполненной пеной антикварной ванне. На кафеле сверху были написаны слова **КАРМАННЫЙ СПАСИТЕЛЬ** и **ЛАРРИ АНДЕРВУД**. «Колумбия» хотела назвать альбом «Крошка, поймешь ли ты своего парня?», но Ларри твердо стоял на своем, и они в конце концов согласились на наклейку **В АЛЬБОМ ВХОДИТ ХИТОВЫЙ СИНГЛ** на полиэтиленовой упаковке.

Две недели назад сингл переместился на сорок седьмую позицию, и праздник начался. Он снял на месяц дом на побережье. События, которые последовали вслед за этим, словно плавали в каком-то тумане. Все больше и больше людей бродило по дому. Некоторых Ларри знал, но большинство из них были ему незнакомы. Он смутно вспоминал, как к нему один за другим приставали агенты, желавшие «продолжить его великую карьеру». Он смутно вспоминал, как нюхал кокаин и запивал его текилой. Он смутно вспоминал, как его разбудили субботним утром, должно быть, неделю или около того назад, чтобы он послушал, как Кейзи Касем прокручивает его запись, занявшую тридцать шестое место в «Америкэн Топ Фор-

ти». Он смутно вспоминал, как с полученным по почте чеком на четыре тысячи долларов в кармане он долго и нудно торговался, покупая «Датсун Зед».

А затем, тринадцатого июня, шесть дней назад, Уэйн Стаки попросил Ларри прогуляться вместе с ним к морю. Было еще девять часов утра, но уже врубили магнитофон и два телевизора. Стоял такой грохот, словно на первом этаже шла оргия. Ларри в одних трусах сидел в кресле и осоловело пытался выудить хоть какой-нибудь смысл из комикса «Супербой». Ему казалось, что он очень внимателен, но ни одно из слов не желало означать что-либо. Вагнер грохотал из квадрофонических колонок, и Уэйну пришлось прокричать три или четыре раза, прежде чем Ларри его услышал. Ларри кивнул. Он чувствовал себя способным пройти долгие мили.

Но когда солнечный свет иголками пронзил его глаза, Ларри неожиданно передумал. Никаких прогулок. Ну уж нет. Его глаза превратились в увеличительные стекла, и вскоре солнце, проходящее сквозь них, испепелит его мозги.

Уэйн, твердо взяв его за руку, настаивал.

«Пошли».

У Ларри отвратительно болела голова, а позвоночник онемел. Его глазные яблоки пульсировали, а почки нудно болели. Если принять еще парочку доз амфетамина, то, пожалуй, он вновь почувствует себя нормально. Он полез в карман брюк за амфетамином, и лишь тогда впервые понял, что одет в одних лишь трусах, которые он менял в последний раз три дня назад.

«Уэйн, я хочу назад».

«Давай пройдем чуть-чуть подальше». Ему пришло в голову, что Уэйн как-то странно смотрит на него, со смесью раздражения и жалости.

«Нет, дружок. Сам видишь, я в одних трусах. Меня арестуют за появление в непотребном виде в общественном месте».

«На этой части побережья ты можешь повязать свой член цветным шейным платком и сверкать яйцами, не опасаясь ареста за непотребный вид. Пошли, парень».

«Я устал», — раздраженно сказал Ларри. Он начинал злиться на Уэйна. Уэйн ему мстит за то, что Ларри написал

хит, а он, Уэйн, был всего лишь клавишником на новом альбоме. Он такая же сука, как Джулия. Теперь все его ненавидят. Все стремятся уколоть его. Глаза его затуманились легкими слезами.

«Пошли, парень», — повторил Уэйн, и они потащились дальше по пляжу.

Они прошли еще около мили, когда мощные мускулы бедер Ларри свело двойной судорогой. Он вскрикнул и рухнул на песок.

«Судороги», — завопил он. «О, Господи, судороги!»

Уэйн присел рядом с ним на корточки и выпрямил его ноги. Агония повторилась, и тогда Уэйн принялся за работу, массируя сжавшиеся в узел мускулы. Наконец плоть, долгое время испытывавшая кислородное голодание, расслабилась.

Ларри, у которого сначала перехватило дух, наконец-то начал судорожно ловить воздух ртом. «О, Господи», — сказал он. «Спасибо. Это было... это было чертовски больно».

«Разумеется», — ответил Уэйн без особого сочувствия в голосе. «Держу пари, что так оно и было, Ларри. Как ты сейчас?»

«О'кей. Но давай теперь просто посидим. А потом пойдем назад».

«Я хочу поговорить с тобой. Мне надо было вытащить тебя сюда, чтобы ты понял, что я хочу тебе сообщить».

«В чем дело, Уэйн?»

«Праздник подошел к концу, Ларри».

«Чего?»

«Праздник. Когда ты вернешься, ты выдернешь все штепсели, выдашь всем ключи от машин, поблаговаришь всех за приятно проведенное время и проводишь их до парадной двери. Избавься от них».

«Но я не могу этого сделать!» — изумленно сказал Ларри.

«И все-таки лучше тебе это сделать», — сказал ему Уэйн.

«Но почему? Дружище, праздник только-только набрал ход!»

«Сколько «Колумбия» заплатила тебе?»

«А почему это тебя интересует?» — с хитрой интонацией спросил Ларри.

«Ты что, думаешь, что я хочу пожить за твой счет? Подумай хорошенько».

Ларри подумал и со все возрастающим удивлением понял, что Уэйну Стаки незачем зариться на его деньги. Отцу Уэйна принадлежала половина третьей в Америке по величине компании по производству электронных игр, и у семьи Стаки был скромный дворец в Бель Эре. С удивлением Ларри осознал, что неожиданно свалившееся на него богатство в глазах Уэйна могло значить не так уж много.

«Нет, разумеется нет», — сказал он грубо. «Извини, конечно. Просто у меня такое впечатление, что каждый вшивый мудака к западу от Лас Вегаса...»

«Так сколько же?»

Ларри поразмыслил. «К этому моменту мне выплатили семь тысяч».

«Раз в четыре месяца тебе выплачивают отчисления за сингл и раз в полгода — за альбом, так?»

«Так».

Уэйн кивнул. «Тянут, пока рак на горе не свистнет, суки. Сигарету?»

Ларри взял одну и закурил.

«Знаешь, сколько тебе стоит этот праздник?»

«Конечно», — сказал Ларри.

«Дом ты снял не меньше, чем за штуку».

«Да, правда». На самом деле это стоило ему тысячу двести долларов за аренду плюс пятьсот долларов залога на случай порчи имущества. Он внес залог и уплатил половину арендной платы. Всего — тысячу сто долларов и шестьсот долларов долга.

«Сколько за наркотики?»

«Ну, дружище, ты же понимаешь, что без этого нельзя. Это как креветки к пиву. Большая часть уже израсходована, но...»

«Была марихуана и был кокаин. Ну так сколько же?»

«Пятьсот и пятьсот».

«А на следующий день уже ничего не осталось».

«Да, черт возьми!» — сказал Ларри в удивлении. «И сколько же я всего потратил?»

«С травкой дела обстоят не так уж плохо. Она дешевая. Двенадцать сотен. Восемь штук за кокаин».

На секунду Ларри подумал, что его стошнит. Он молча вытаращился на Уэйна. Он попытался заговорить, но смог только выдать из себя: *Девять штук и две сотни?*

«Инфляция, дружище», — сказал Уэйн. «Перечислить тебе остальное?»

Ларри неохотно кивнул.

«Кто-то разбил цветной телевизор наверху. Я думаю, сотни три за ремонт. Деревянные панели внизу превратили черт знает во что. Четыре сотни. Если повезет. Позавчера разбили витраж. Три сотни. Ковер в гостиной прожжен пеплом и залит пивом и виски. Четыре сотни. Я позвонил в винную лавку. Шесть сотен».

«Шесть сотен за выпивку?» — прошептал Ларри. Его охватил ужас.

«Скажи еще спасибо, что все пили только пиво и вино. Короче, общая сумма затрат на эту скромную вечеринку превышает двенадцать тысяч долларов», — сказал Уэйн. «Ты купил себе машину... сколько ты за нее отдал?»

«Две с половиной», — тупо сказал Ларри. Он готов был расплакаться.

«Ну, что у тебя осталось до следующего чека? Тысячи две?»

«Примерно», — сказал Ларри, не в силах признаться Уэйну, что на самом деле у него осталось гораздо меньше: что-то около восьмисот долларов.

«Слушай меня внимательно, Ларри, потому что я не стану повторять. Здесь все только и ждут очередного праздника. В этом мире только две вещи постоянны: постоянный обман и постоянный праздник. Они слетаются, как птички, высматривающие жуков на спине у гиппопотама. Страхни их с себя, и пусть идут своей дорогой. Ты скажешь им, чтобы они убирались. Ты сделаешь это. Потому что в тебе есть стержень. В тебе есть что-то такое... ты способен грызть жесть. Чего бы тебе не стоил успех, ты достигаешь его. У тебя будет скромная симпатичная карьера. Средненький поп, который через пять лет уже никто не вспомнит. Любители би-бопа будут собирать твои записи. Ты будешь делать деньги».

Ларри сжал кулаки. Ему хотелось ударить в это спокойное лицо. От слов Уэйна он чувствовал себя как кусок собачьего дерьма на обочине.

«Вернись и выдерни штепсель», — мягко сказал Уэйн. «А потом садись в свою машину и уезжай. Просто уезжай. Просто уезжай, парень. И побудь в сторонке, пока ты не будешь знать, что новый чек ждет тебя».

Ларри поднялся и, сделав над собой усилие, сказал спасибо. Слово вышло у него изо рта, как кирпич.

«Ты просто поедешь куда-нибудь и соберешься с мыслями. Тебе есть, о чем подумать: какой тебе нужен менеджер, какие гастроли, какой контракт после того, как «Карманный Спаситель» станет хитом. А он станет. В нем есть такой аккуратный, ненавязчивый ритм. Если дашь себе передышку, ты все это сообразишь.

Такие, как ты, соображают неплохо».

Такие, как ты —

Кто-то постучал пальцем по стеклу.

Ларри дернулся. Оказывается, он не просто дремал, он уснул. Ему снилась Калифорния. Но вокруг него был серый нью-йоркский денек.

Он осторожно повернул голову и увидел свою мать. Мгновение они просто смотрели друг на друга, и Ларри почувствовал себя голым, словно он был животным, которого разглядывают в зоопарке. Он опустил стекло.

«Мама?»

«Я так и знала, что это ты», — произнесла она странно бесстрастным тоном. «Выходи-ка оттуда и покажись мне в полный рост».

Обе ноги его онемели. Тысячи иголок вонзились в его ступни, когда он открыл дверь и вылез из машины. Он никогда не думал, что их встреча пройдет именно так, что он окажется таким неподготовленным и уязвимым. Он почувствовал себя как часовой, уснувший на посту и внезапно приведенный в чувство.

Ему стало не по себе. Когда ему было десять лет, она будила его субботними утрами, постучав одним пальцем по закрытой двери спальни. И точно так же она разбудила его четырнадцать лет спустя.

И вот он стоял перед ней, а иголки продолжали вонзаться в ступни, заставляя его переступать с ноги на ногу. Он вспомнил, что когда он так делал, она всегда спрашивала, не надо ли ему в туалет, и немедленно застыл на месте.

«Привет, ма», — сказал он.

Она посмотрела на него молча, и ужас неожиданно опустился на его сердце, как зловещая птица на старое гнездо. Ужас, что она может отвернуться от него, отвергнуть его, показать ему свою спину в дешевом пальто и просто-напросто уйти за угол в метро, оставив его в одиночестве.

«Привет, Ларри», — сказала она и, поманив его за собой, пошла вверх по лестнице.

«Ма?»

Она обернулась к нему, стоя между исчезнувшими каменными собаками, и он обнял ее. В первое мгновение страх слегка исказил черты ее лица, словно она ожидала не объятий, а ударов. Потом выражение страха исчезло, и она ответила на его объятия. На мгновение ему показалось, что сейчас он заплачет, и уж во всяком случае, он был уверен, что она-то заплачет точно. Это был Трогательный Момент. Поверх ее склонившегося плеча ему была видна дохлая кошка, наполовину вывалившаяся из мусорного контейнера. Когда она высвободилась из объятий, глаза ее были сухими.

«Пошли, я приготовлю тебе завтрак. Ты ехал на машине всю ночь?»

«Да», — ответил он, и голос его слегка дрожал от избытка чувств.

«Ну что ж, пошли. Не забудь вытереть ноги. Если ты наследишь, мистер Фримен просто убьет меня».

Он прошел за ней мимо уничтоженных каменных собак и немного настороженно посмотрел на то место, где они стояли, просто чтобы убедиться в том, что они действительно исчезли, что его рост не стал меньше на два фута и что десятилетие восьмидесятых не вернулось обратно в область будущего. Она распахнула двери, и они вошли.

После завтрака он стал стряхивать пепел в кофейную чашку, но она выхватила ее и поставила перед ним

пепельницу. Чашка была полна гущей, и в нее вполне можно было стряхивать пепел. Пепельница была чистой, без единого пятнышка, и он стряхнул в нее пепел с некоторым угрызением совести. Его мать умела расставлять по всему пути небольшие капканы, так что скоро лодыжки начинали кровоточить, а ум заходил за разум.

«Итак, ты вернулся», — сказала Элис. «Что привело тебя сюда?»

«Я скучал по тебе, ма».

Она фыркнула. «Так вот почему ты писал мне так часто?»

«Я не очень-то большой мастер по части писем».

«Но ты по-прежнему внимателен к своей матери. Этого у тебя не отнять».

«Извини», — сказал он. «Как тебе жилось, ма?»

«Не так плохо. Спина побаливает, но у меня есть лекарства. Я справлюсь».

«А выглядишь ты по-прежнему, как девушка», — сказал он с оттенком своей прежней добродушной лести. Ей всегда это нравилось, но сейчас лишь тень улыбки тронула ее губы. «Новые мужчины в твоей жизни?»

«Несколько», — сказала она. «Ну, а как насчет тебя?»

«Нет», — сказал он серьезно. «Никаких новых мужчин. Девушки — да, но никаких новых мужчин».

Он надеялся рассмешить ее, но опять вызвал лишь призрачную улыбку. Мое появление беспокоит ее, — подумал он. Она не знает, зачем я здесь. Не для того она ждала меня три года, чтобы я наконец появился. Ей хотелось бы, чтобы я оставался пропавшим без вести.

«Видишься с кем-нибудь постоянно?»

«Живу в свое удовольствие».

«Ты всегда так и поступал. Во всяком случае, ты ни разу не пришел домой сказать мне, что поставил какую-нибудь симпатичную девушку-католичку в интересное положение. В этом тебе надо отдать должное. Ты либо был очень осторожен, либо тебе везло, либо ты был очень вежлив».

Он попытался сохранить бесстрастное лицо. В первый раз за всю жизнь она заговорила с ним о сексе.

«Так или иначе, рано или поздно тебе придется это сделать», — сказала Элис. «Говорят, что холостяки живут

прекрасно. Это не так. Ты просто становишься старым и безобразным, полным песка, как мистер Фримен».

Ларри фыркнул.

«Я слышала твою песню по радио. Я говорила всем, что это мой сын. Это Ларри. Большинство мне не верило».

«Ты слышала?»

«Ну, конечно. Ее постоянно передают по этой рок-н-рольной радиостанции, которую слушают юные девицы».

«Тебе понравилось?»

«Не больше, чем вся музыка этого сорта». Она посмотрела на него твердо. «Думаю, что какие-то места звучат очень впечатляюще. Похотливо».

Он заметил, что переступает с ноги на ногу, и заставил себя остановиться. «Мне просто хотелось, чтобы это звучало... страстно, ма. Вот и все». Лицо его покраснело. Он никогда не думал, что будет сидеть на кухне у матери, обсуждая страсть.

«Страсти место в спальне», — сказала она отрывисто, прекращая искусствоведческий разговор о его хите. «Кроме того, ты что-то сделал со своим голосом. Он звучит так, словно ты черномазый».

«Сейчас?» — спросил он удивленно.

«Нет, по радио».

«Вот так?» — спросил Ларри с улыбкой, понизив свой голос до уровня Билла Уиверса.

«Вот-вот», — кивнула она. «Когда я была девушкой, нам казалось, что Фрэнк Синатра — это очень смело. А теперь появился этот *рэп*. Рэп — так его называют они. *Вопли* — вот как называю это я». Она посмотрела на него неодобрительно. «В твоей песне, по крайней мере, нет воплей».

«Мне платят гонорар», — сказал он. «Отчисления с каждой проданной пластинки. В целом это составляет до...»

«Ой, прекрати», — сказала она, отмахнувшись от него рукой. «Я всегда заваливала математику. Тебе уже заплатили, или ты купил эту маленькую машину в кредит?»

«Мне заплатили не так уж много», — сказал он, совсем близко подойдя к границе лжи, но пока не переступая ее. «Я сделал первый взнос за машину».

«Излишняя уступчивость к тем, кто покупает в кредит», — сказала она зло. «Это и сгубило твоего отца».

Доктор сказал, что он умер от сердечного приступа, но дело было не в этом. Его сердце *разбилось*. Твой отец сошел в могилу, отпуская товары в кредит».

Это была старая песня, и Ларри пропускал ее мимо ушей, кивая в нужных местах. У его отца был галантерейный магазинчик. Неподалеку открылся «Роберт Холл», и через год его дело обанкротилось. За утешением он обратился к еде и потолстел за три года на сто десять фунтов. Когда Ларри было девять, он умер в забегаловке на углу, оставив перед собой на тарелке недоеденный сэндвич с фрикадельками. На поминках, когда ее сестра пыталась утешить женщину, у которой был такой вид, словно она абсолютно не нуждается в утешениях, Элис Андервуд сказала, что дело могло обернуться и хуже. Ведь это мог быть не сэндвич, — сказала она, глядя через плечо сестры прямо на ее мужа, — а бутылка.

После смерти мужа Элис воспитывала Ларри сама, давая на него всем весом своих прописных истин и предрассудков до тех пор, пока он не ушел из дома. Напоследок она сказала ему, когда он и Руди Шварц уезжали на старом форде Руди, что в Калифорнии тоже есть приюты для бедных.

«Ты устал», — сказала она. «Пойди умойся. А я пока уберу коробки из задней комнаты, чтобы ты мог поспать».

Она прошла через небольшую прихожую в заднюю комнату, его старую спальню, и Ларри услышал, как она кряхтит, переставляя коробки. В окно доносились звуки уличного движения. Он вспомнил о дохлой кошке. Она была права. Он устал. Никогда в жизни он так не уставал. Он лег спать и проспал около восемнадцати часов подряд.

ГЛАВА 6

Дело клонилось к вечеру, когда Фрэнни подошла к тому месту, где ее отец терпеливо полел горох и бобы. Она была поздним ребенком, и сейчас ее отцу пошел уже седьмой десяток. Ее мать уехала в Портленд за белыми перчатками. Лучшая подруга Фрэн, Эми Лаудер, выходила замуж в начале следующего месяца.

Фрэнни откашлялась. «Нужна помощь?»

Он повернулся к ней и усмехнулся. «Привет, Фрэн. Что, застала меня врасплох?»

«Похоже на то».

«Твоя мама уже вернулась?» Он неопределенно нахмурился, но потом его лицо прояснилось. «Да нет, все в порядке, она ведь только недавно уехала, верно? Конечно, помоги немного, если хочешь. Главное, не забудь потом умыться».

«Руки леди выдают ее привычки», — с легкой насмешкой произнесла Фрэн и фыркнула. Питер попытался неодобрительно нахмуриться, но не особо преуспел в этом.

Она опустила на соседней грядке и принялась полоть. Вокруг чирикали воробьи, а с шоссе №1, меньше чем в одном квартале отсюда, доносился постоянный гул движения. Он, конечно, еще не достиг той силы, которую приобретет в июле, когда почти ежедневно между ними и Киттери происходит катастрофа, но с каждым днем он усиливался.

Питер рассказал ей о том, как прошел день, и она задавала ему нужные вопросы и кивала в нужных местах. Погруженный в работу, он не видел, как она кивала, но краешком глаза замечал, как кивает ее *тень*. Он работал слесарем на большой сэнфордской фирме по производству автомобильных запчастей, самой крупной к северу от Бостона. Ему было шестьдесят четыре года, и скоро должен был пойти последний год его работы перед уходом на пенсию.

Питер Голдсмит был недоволен службой социального обеспечения. Он никогда не доверял ей, даже раньше, когда система еще не начала трещать под ударами экономического спада, инфляции и безработицы. Не так уж много демократов было в Мэне в тридцатых и сороковых, — сказал он дочери. Но ее дедушка был демократом и уж точно сделал демократа из ее отца. В лучшие дни Оганквита это превратило их в своего рода парий. Но у его отца была одна поговорка, которую он повторял с упорством, столь же нестигаемым, как и республиканская философия Мэна: Не доверяй сильным мира сего, ибо и сами они, и их правительства вздрючат тебя, и так будет до скончания века.

Фрэнни засмеялась. Ей нравилось, когда отец разговаривал с ней так.

Ты должен доверять самому себе, — продолжал он, — и пусть сильные мира сего катятся своей дорогой вместе с теми людьми, которые их выбрали. В большинстве случаев эта дорога не слишком хороша, но все обстоит нормально: они стоят друг друга.

Он продолжал говорить о том, о сем, и его голос звучал приятно и успокаивающе. Тени их удлинились и двигались по грядкам вперед них. Все это приносило ей облегчение. Она пришла сюда сказать нечто, но с раннего детства она часто приходила сказать и оставалась, чтобы слушать. Ей не было с ним скучно. Насколько она знала, никому не было с ним скучно, разве что ее матери. Он был прирожденным рассказчиком.

Она осознала, что он перестал говорить. Он сидел на камне в конце своей грядки, набивал трубку и смотрел на нее.

«Что у тебя на уме, Фрэнни?»

Мгновение она смотрела на него неуверенно, не зная, как начать. Она пришла, чтобы сказать ему, но теперь не была уверена, что сможет сделать это. Молчание повисло между ними, разрастаясь все больше и больше, и наконец расширилось до размеров пропасти, которую она не могла больше выносить. Она прыгнула.

«Я беременна».

Он перестал набивать трубку и просто посмотрел на нее. «Беременна», — повторил он так, словно никогда не слышал этого слова раньше. Потом он сказал: «Ну, Фрэнни... это шутка? Или такая игра?»

«Нет, папочка».

«Подойди-ка ко мне и сядь рядом».

Она послушно повиновалась.

«Это точно?» — спросил он ее.

«Точно», — сказала она, а потом — в этом не было и следа наигранности, она просто ничего не могла с собой поделать — она громко разрыдалась. Он обнял ее одной рукой. Когда слезы понемногу начали иссыхать, она задала вопрос, который беспокоил ее больше всего.

«Папочка, ты по-прежнему любишь меня?»

«Что?» Он посмотрел на нее удивленно. «Ну да, я по-прежнему очень люблю тебя».

Она снова разрыдалась, но на этот раз он предоставил ее самой себе, а сам принялся раскуривать трубку.

«Ты расстроен?» — спросила она.

«Я не знаю. У меня никогда раньше не было беременной дочери, и я толком еще не уверен в том, как это следует воспринимать. Это тот самый Джесс?»

Она кивнула.

«Ты сказала ему?»

Она снова кивнула.

«Ну и что он говорит?»

«Он говорит, что женится на мне. Или заплатит за аборт».

«Женитьба или аборт», — сказал Питер Голдсмит и затянулся трубкой. «Малый не промах».

Она посмотрела на свои руки. Грязь забилась в небольшие морщинки на костяшках и под ногти. Руки леди выдают ее привычки, — услышала она внутри себя голос своей матери. Мне придется выйти из церковной общины. Беременная дочь. Руки леди...

Ее отец сказал: «Я не хотел бы совать нос не в свое дело, но все-таки он... или ты... вы соблюдали какие-нибудь предосторожности?»

«Я приняла противозачаточную таблетку», — сказала она. «Но она не подействовала».

«Ну тогда здесь нет ничьей вины, разве что ваша общая», — сказал он. «И я не могу обвинять тебя в чем-нибудь, Фрэнни. В шестьдесят четыре забываешь, что такое двадцать один. Так что оставим разговоры о вине».

Она почувствовала огромное облегчение. Ощущение было немножко похоже на обморок.

«Твоя мама найдет, что сказать тебе о вине, и я не остановлю ее, но я не буду с ней заодно. Ты понимаешь это?»

Она кивнула. Ее отец больше уже не пытался возражать матери. Только не вслух. Все дело было в ее язвительности. Он однажды сказал Фрэнни, что когда ей перечат, то ситуация иногда выходит из-под контроля. А когда ситуация выходит из-под контроля, то она может сказать такое, что зарежет человека без ножа, а пожалеет она об этом только тогда, когда будет уже слишком поздно залечивать

рану. Фрэнни подумала, что, вероятно, много лет назад перед ее отцом стоял выбор: продолжать сопротивление, что неминуемо приведет к разводу, или сдаться. Он предпочел второе — но на своих собственных условиях.

Она спросила спокойно: «Ты уверен, что в этой ситуации ты сможешь остаться в стороне, папочка?»

«Ты просишь меня занять твою сторону?»

«Я не знаю».

«Что ты собираешься со всем этим делать?»

«С мамой?»

«Нет. С собой, Фрэнни».

«Я не знаю».

«Выйдешь за него? Вдвоем можно жить на те деньги, что и в одиночку. Так говорят, во всяком случае».

«Не думаю, что смогу сделать это. Мне кажется, я разлюбила его, если вообще любила когда-нибудь».

«Ребенок?» Трубка его хорошо раскурилась, и в летнем воздухе разлился сладкий запах дыма. В саду сгустились тени и загудели сверчки.

«Нет, дело тут не в ребенке. Это случилось бы и так, и так. Джесс...» Она задумалась, пытаясь определить, что же все-таки не так в Джессе, что-то, на что сейчас она может не обратить внимания в этом порыве, к которому вынуждал ее будущий ребенок, порыве решать и действовать, стараясь выбраться из-под угрожающей тени ее матери, которая сейчас покупала перчатки на свадьбу лучшей подруги детства Фрэн. Что-то, что сейчас можно похоронить, но что тем не менее будет беспокойно ворочаться под землей шесть месяцев, шестнадцать месяцев или двадцать шесть лишь для того, чтобы в конце концов подняться из могилы и наброситься на них обоих. Жениться в спешке, раскаиваться всю жизнь. Одна из любимых пословиц ее матери.

«Он слабый», — сказала она. «Точнее я не могу объяснить».

«Ты не можешь доверить ему себя, Фрэнни?»

«Да», — сказала она, думая о том, что ее отец ближе подобрался к тому, что она хотела выразить. Она не доверяла Джессу, который происходил из богатой семьи и носил синие рубашки. «Джесс хочет, как лучше. Он хочет поступить правильно, это действительно так, но... Два

семестра назад мы пошли на вечер поэзии. Его устраивал человек по имени Тед Энслин. Зал был переполнен. Все слушали очень торжественно... очень внимательно... так, чтобы не пропустить ни одного слова. Ну а я... ну ты же меня знаешь...»

Он успокаивающе обнял ее одной рукой и сказал: «Фрэнни попала в рот смешинка».

«Да, так оно и было. Похоже, ты очень хорошо меня знаешь».

«Немного знаю», — сказал он.

«Она — смешинка, я хочу сказать — появилась неизвестно откуда. Я сама не хотела этого. Это никак не относилось к поэзии мистера Энслина, поэзия была в полном порядке. Дело было в том, как *они* смотрели на *него*».

Она посмотрела на отца, чтобы увидеть его реакцию. Он просто кивнул ей, чтобы она продолжала.

«Короче, мне пришлось убраться оттуда. Джесс просто взбесился. И я считаю, у него было право на это... с моей стороны это был такой детский поступок, такой детский способ *восприятия*, все это так... но со мной это часто бывает. Не всегда, конечно. Я могу серьезно заниматься делом...»

«Да, ты можешь».

«Но иногда...»

«Иногда смешинка залетает тебе в рот, а ты одна из тех, кто не может выплюнуть ее обратно», — сказал Питер.

«Наверное, я такая. Так или иначе, но Джесс не такой. И если мы поженимся... он раз за разом будет обнаруживать дома этого непрошеного гостя, которого я впустила. Не каждый день, но достаточно часто для того, чтобы он вышел из себя. Тогда я попытаюсь... и мне кажется...»

«Мне кажется, это сделает тебя несчастной», — сказал Питер, крепче обняв ее.

«Да, это так», — сказала она.

«Тогда не позволяй своей матери себя переубедить».

Она закрыла глаза и почувствовала еще большее облегчение, чем в прошлый раз. Он понял. Каким-то чудом.

«Как бы ты отнесся к тому, чтобы я сделала аборт?» — спросила она после паузы.

«У меня такое впечатление, что именно этот вариант ты и хочешь обсудить».

Она посмотрела на него удивленно.

«Может быть, ты и прав», — сказала она медленно.

«Слушай», — сказал он и впал в парадоксальное молчание. Но она *слушала* и слышала воробьев, сверчков, гудение самолета высоко в небе, чей-то призыв к Джеки, чтобы он немедленно шел домой, шум косилки, машину, несущуюся по шоссе №1.

Она как раз хотела спросить, все ли с ним в порядке, когда он взял ее за руку и заговорил.

«Фрэнни, тебе, конечно, нужен бы отец помоложе, но тут я ничем не могу помочь. Я женился только в пятьдесят шестом».

Он задумчиво посмотрел на нее в свете сумерек.

«Карла была не такой в те дни. Она была... черт возьми, она была молода. Она не менялась до тех пор, пока не умер твой брат Фредди. До того момента она была молодой. После того, как Фредди умер, внутри у нее все застыло. И... ты не должна думать, что я хочу сказать о твоей матери что-нибудь плохое, Фрэнни, даже если со стороны это выглядит отчасти и так. Но мне кажется, что Карла... окаменела... после того, как умер Фредди. Она покрыла свои взгляды на мир тройным слоем лака и одним слоем быстро застывающего цемента и объявила, что это хорошо. А сейчас она похожа на зрителя в музее, и если она видит, как кто-то трогает выставленные там экспонаты-идеи, то взирает на это крайне неодобрительно. Но она не всегда была такой. Тебе придется поверить мне на слово, но это действительно так».

«А какой она была, папочка?»

«Ну...» Он рассеянно оглядел сад. «Она была во многом такая же, как ты, Фрэнни. В ней была смешинка. Мы часто ездили в Бостон поболеть за «Ред Сокс» и выпить пива».

«Мама... пила пиво?»

«Ну да, пила. А потом оставшуюся часть игры проводила в женском туалете и выходила оттуда, проклиная меня за то, что по моей вине она пропустила самую интересную часть матча, хотя на самом-то деле это она постоянно упрашивала меня сходить в буфет за пивом».

Фрэнни попыталась представить себе свою мать с кружкой пива в руке, когда она смотрит на отца и смеется, как девчонка на свидании. Но у нее ничего не получилось.

«Она никогда не скандалила», — сказал он смущенно. «Мы с ней ходили к доктору, чтобы выяснить, кто из нас не в порядке. Доктор сказал, что никаких отклонений нет. Потом, в шестидесятом, появился на свет твой брат Фред. Она любила этого мальчишку до смерти, Фрэн. Фред — так ведь звали ее отца, ты знаешь. У нее был выкидыш в шестьдесят пятом, и мы оба решили, что с детьми покончено. Потом ты появилась на свет в шестьдесят девятом, на месяц раньше, чем нужно, но, в общем, все было в порядке. И я полюбил тебя до смерти. У каждого из нас было по ребенку, но она своего потеряла».

Он замолчал, погрузившись в размышления. Фред умер в 1973 году. Ему было тринадцать, Фрэнни — четыре. Человек, сбивший Фреда, был пьян. За ним был долгий список дорожных нарушений. Фред прожил семь дней.

«Я думаю, что аборт — слишком мягкое словечко для этой операции», — сказал Питер Голдсмит. Он медленно выговаривал каждое слово, словно оно причиняло ему боль. «Я думаю, что это — детоубийство, простое и откровенное. Прости, что я говорю так, что я так... несгибаем, упрям... Я же говорил тебе, что я уже стар».

«Ты совсем не стар, папочка», — пробормотала она.

«Нет, я стар, я стар!» — сказал он резко. Вид его неожиданно стал совсем убитым. «Я старик, который пытается дать совет молодой дочери, и это как если бы обезьяна пыталась научить медведя, как вести себя за столом. Пьяный водитель убил моего сына семнадцать лет назад, и моя жена так от этого никогда и не оправилась. Я всегда рассматриваю вопрос аборта, думая о Фреде. И я не могу смотреть на это с другой точки зрения, точно так же, как ты не могла избавиться от смешинки на поэтическом вечере, Фрэнни. Я просто вижу перед собой Фреда. Он был весь исковеркан внутри. У него не было никакого шанса. Жизнь дешево стоит, а аборт делает ее еще дешевле. То, что мы делаем, и то, что мы думаем... эти вещи так часто основываются на произвольных суждениях. Я просто не могу перешагнуть через себя. У меня

словно кирпич застрял в глотке. В истоке любой справедливой логики лежит что-то иррациональное. Вера. Что-то я совсем запутался, да?»

«Я не хочу делать аборт», — сказала она спокойно. «По своим собственным причинам».

«Что это за причины?»

«Ребенок — это часть меня», — сказала она, слегка подняв подбородок.

«Ты откажешься от него, Фрэнни?»

«Я не знаю».

«Но ты хочешь этого?»

«Нет, я хочу оставить его с собой».

Он молчал. Ей показалось, что она чувствует его неодобрение.

«Ты думаешь о моем образовании, так?» — спросила она.

«Нет», — сказал он, поднимаясь. Он потер руками поясницу и скорчил довольную гримасу, когда затрещал его позвоночник. «Я думаю о том, что мы с тобой уже достаточно поговорили. И что пока тебе не стоит принимать окончательное решение».

«Мама вернулась», — сказала она.

Он повернулся, чтобы проследить ее взгляд. Машина завернула на подъездную дорожку, хромированные поверхности засверкали в свете заходящего солнца. Карла заметила их, посигналила и весело махнула рукой.

«Я должна сказать ей».

«Да, но подожди денек-другой, Фрэнни».

«Ладно».

Она помогла ему собрать садовые инструменты, и они вместе направились к машине.

ГЛАВА 7

В мягком свете, который озаряет землю сразу же после захода солнца, но до настоящей темноты, и который киношники называют «режимом», Вик Палфри на короткое время вернулся в сознание.

Я умираю, — подумал он, и слова странно залязгали у него в мозгу, убеждая его в том, что он произнес их в слух, хотя на самом деле это было не так.

Вокруг его шеи был повязан нагрудник, покрытый стустками слизи. Голова его болела. Странные мысли плясали у него в мозгу. Он знал, что был в бреду... и скоро вернется в прежнее состояние. Он был болен, и выздоровления не предвиделось: это была лишь краткая передышка.

Он поднес руку ко лбу и отдернул ее, как от печки. Весь раскаленный, и к тому же напичкан трубками. Две чистеньких пластиковых трубочки выходили из ноздрей. Еще одна змеилась из-под больничной простыни к бутылки на полу, и он мог точно сказать, к чему присоединен другой ее конец. Две капельницы были закреплены в штативе, их трубки соединялись в одну, а та в свою очередь впивалась в его руку чуть ниже локтя.

На мой взгляд, этого вполне достаточно, — подумал он. Но на нем были и провода. Они были укреплены у него на черепе, на груди, на левой руке. Один из них, похоже, забрался к нему в пупок. И ко всему прочему он был абсолютно уверен, что какая-то штука сжимает его задницу. Что бы это могло быть? Радар для определения дерьма?

«Эй!»

Он собирался издать громкий, негодующий вопль. Но изо рта у него вырвался еле слышный шепот смертельно больного человека.

Мама, Джордж завел лошадь в стойло?

Опять начинается бред. Иррациональная мысль, пронесшаяся сквозь сознание как метеор. Долго ему не продержаться. Эта штука убьет его. Мысль о том, что он умрет, бормоча всякую чушь, как выживший из ума старик, наполнило его ужасом.

Джордж уехал на свидание с Нормой Уиллис. Ты заведешь лошадь сам, Вик, и повесишь ей торбу. Будь хорошим мальчиком.

Это не моя работа.

Виктор, ты ведь любишь свою мать.

Люблю. Но это не значит...

Ты должен любить свою маму. У мамы грипп.

Нет, мама, у тебя не грипп. У тебя туберкулез, и он убьет тебя. В девятнадцать сорок семь. А Джордж умрет ровно через шесть дней после того, как попадет

в Корею. Этого времени как раз хватит на одно письмо, а потом — бах-бах-бах.

Вик, ты поможешь мне и заведешь эту лошадь сейчас, и это мое последнее слово.

«Это у меня грипп, а не у нее», — прошептал он, вновь выныривая на поверхность.

Он смотрел на дверь и думал о том, что даже для госпиталя она выглядит чертовски забавно. У нее были закругленные углы, по краям которых шли заклепки, а нижний косяк поднимался над кафельным полом дюймов на шесть.

*Даже такой плотник, как Вик Палфри мог бы
(дай мне комиксы, Вик, ты уже насмотрелся вдоволь)
(мама, он отнял у меня комиксы! Отдай назад!
Отдааай, говорю тебе)*

*соорудить дверь и получше. Да она ведь
(стальная)*

Мысль вонзилась ему гвоздем в мозг, и он попытался приподняться, чтобы разглядеть дверь получше. Ну да, так и есть. Именно так и есть. Стальная дверь. Зачем это в госпитале нужна стальная дверь? Почему его здесь заперли? Что случилось? Действительно ли он смертельно болен? Не пора ли ему подумать о том, как он предстанет перед Господом? Господи, что случилось? Он безуспешно попытался проникнуть сквозь серый туман, но лишь голоса доносились до него, очень далеко, голоса, обладателей которых он не мог вспомнить.

А я вам говорю, что... им просто надо сказать... на хрен эту инфляцию-мудацию...

Лучше отключить колонки, Хэн.

(Хэн? Билл Хэнском? Кто это такой? Я знаю это имя)

твою мать...

абсолютно мертвы...

Дай мне руку, и я вытащу тебя отсюда...

Дай мне комиксы, Вик, ты уже...

В комнате Вика зажегся свет. При свете он увидел два ряда лиц, напряженно наблюдавших за ним сквозь двойное стекло, и вскрикнул, сперва подумав, что это те самые люди, которые ведут разговоры у него в мозгу. Один из

них, в белом докторском халате, делал энергичные знаки кому-то, кто оставался за пределами поля зрения Вика, но Вик уже преодолел свой страх. Он был слишком слаб, чтобы долго оставаться испуганным. Но внезапное потрясение расчистило часть завалов в его мозгу, и он понял, где находится. Атланта. Атланта, штат Джорджия. Они приехали и забрали его — его и Хэпа, и Норма, и жену Норма, и детей Норма. Они забрали Хэнка Кармайка. Стью Редмана. И одному Богу известно, сколько еще людей они увезли с собой. Вик был напуган и негодовал. Конечно, у него обычный насморк, конечно, он чихает, но уж наверняка у него нет холеры или какой-нибудь другой заразы, которая была у бедняги Кэмпииона и его семьи. Он вспомнил, как Норм Брюетт споткнулся, поднимаясь на самолет, и ему пришлось оказать помощь. Жена его была напугана и плакала, и маленький Бобби Брюетт тоже плакал — плакал и кашлял. Скрежещущий, крупозный кашель. Самолет поджидал их на небольшой взлетной полосе за пределами Брейнтри, но чтобы выбраться из Арнетта, им пришлось проехать дорожный пост на шоссе №93, и люди там натягивали колючую проволоку... натягивали колючую проволоку прямо в пустыне...

Красная лампочка вспыхнула над странной дверью. Раздался шипящий звук, а потом словно заработал насос. Когда все смолкло, дверь открылась. Вошедший человек был одет в огромный белый скафандр с прозрачным окошком для лица. На спине у него были баллоны с кислородом, и когда он заговорил, то его голос оказался металлическим, лишенным всех человеческих интонаций. Этот голос был похож на тот, что раздается из видеоигр, что-нибудь типа «Попробуй снова, Космический Курсант», когда ты использовал свою последнюю попытку.

Голос проскрежетал: «Как вы себя чувствуете, мистер Палфри?»

Но Вик не смог ничего ответить. Вик погрузился обратно в свои зеленые бездны. За прозрачным окошечком белого костюма он видел свою мать. Мапочка была одета в белом, когда папочка отвез его и Джорджа в санаторий на последнее свидание с ней. Ей пришлось поехать в

санаторий, чтобы никто из них не мог заразиться от нее. Туберкулез заразен. От него можно умереть.

Он разговаривал с мамой... сказал, что будет послушным и заведет лошадь в стойло... сказал, что Джордж отнял комиксы..., спросил, не лучше ли ей... спросил, скоро ли она сможет приехать домой... и человек в белом костюме сделал ему укол, и он еще глубже погрузился в бездну, а слова его стали бессвязными. Человек в белом костюме оглянулся на лица за стеклом и покачал головой.

Подбородком он включил переговорное устройство и произнес: «Если это не подействует, к полночи его не будет в живых».

Для Вика Палфри «режим» закончился.

«Просто закатайте рукав, мистер Редман», — сказала ему хорошенькая темноволосая медсестра. «Это не займет и минуты». Она держала в руках браслет для измерения кровяного давления. Руки были в перчатках. За пластиковой маской лицо ее улыбалось, словно у них был какой-то общий секрет.

«Нет», — сказал Стью.

Улыбка частично сошла с ее лица. «Нам надо только измерить давление. Это не займет и минуты».

«Нет».

«Распоряжение доктора», — сказала она, переходя на деловой тон. «Прошу».

«Если это распоряжение доктора, то дайте мне поговорить с ним».

«Боюсь, что сейчас он занят. Если б вы только...»

«Я подожду», — сказал Стью ровно.

«Это просто моя работа. Вы ведь не хотите, чтобы у меня были неприятности, не правда ли?» Она снова улыбнулась. «Если б вы только позволили мне.»

«Не позволю», — сказал Стью. «Идите и скажите им. Пусть они пришлют кого-нибудь».

С обеспокоенным видом сестра подошла к стальной двери и повернула в замочной скважине ключ квадратной формы. Когда дверь снова закрылась, он встал и подошел к окну — но на улице было уже совсем темно. Он был не против того, чтобы его подвергли обследованию. Но он

был против того, что его держат в страхе и неведении. Он не чувствовал себя больным, по крайней мере пока, но он был очень напуган.

Они ожидали, что он станет расспрашивать их раньше — он прочитал это у них в глазах. Они умеют скрывать от тебя правду, когда ты в больнице. Четыре года назад его жена умерла от рака в возрасте двадцати семи лет. Он зародился у нее в матке, а потом распространился с быстротой молнии по всему организму. Стью видел, как они обходили ее вопросы, либо меняя тему, либо пускаясь в долгие, пересыпанные терминами объяснения. Поэтому он и не спрашивал ни о чем, отмечая про себя, как это их беспокоит. А сейчас настало время спросить и время получить ответы. Выраженные в односложных словах.

Некоторые пробелы он мог заполнить самостоятельно. У Кэмпiona с женой и ребенком была какая-то чертовски опасная болезнь. Начиналась она как обычный грипп или летняя простуда, но дальше дело шло все хуже и хуже до тех пор, пока, по всей видимости, ты не захлебывался в собственных соплях или тебя не испепеляла лихорадка. Болезнь была чрезвычайно заразной.

Он терпеливо сидел на стуле рядом с больничной койкой и ждал, пока сестра приведет кого-нибудь. Но скорее всего никто не придет. Может быть, к утру они наконец-то пришлют к нему кого-нибудь, кто сможет сообщить ему то, что он должен знать. Он может подождать. Терпение всегда было сильной чертой Стюарта Редмана.

Красная лампочка вспыхнула над дверью. Когда компрессор или насос (или что там у них за штука?) наконец прекратил работать, внутрь шагнул человек в белом скафандре. Доктор Деннинджер. Он был молод. У него были темные волосы, кожа оливкового цвета, резкие черты лица и бледные губы.

«Патти Греер говорит, что вы доставляете ей много хлопот», — донеслось из динамика на груди у Деннинджера. «Она очень расстроена».

«Не из за чего ей расстраиваться», — сказал Стью непринужденно. Трудно было сделать так, чтобы голос звучал непринужденно, но он чувствовал, что очень важно скрыть свой страх от этого человека.

«Я хотел бы получить кое-какие ответы», — сказал Стью.

«Извините, но...»

«Если вы хотите, чтобы я с вами сотрудничал, ответьте мне на мои вопросы».

«Со временем вам...»

«Я могу причинить вам много неприятностей».

«Мы знаем это», — сердито произнес Деннинджер. «У меня просто нет возможности сообщить вам что-либо, мистер Редман. Я и сам знаю очень мало».

«Думаю, вы брали на анализ мою кровь. Все эти иголки...»

«Это так», — осторожно сказал Деннинджер.

«Для чего?»

«Повторяю, мистер Редман, я не могу сказать вам то, чего сам не знаю». Вновь в его голосе появились сварливые нотки, и Стью склонен был ему поверить. В этой работе его использовали просто как хорошего специалиста, и все это, похоже, ему не слишком-то нравилось.

«Мой город сейчас в карантине».

«Об этом мне также ничего не известно». Но Деннинджер отвел свой взгляд в сторону, и Стью подумал, что на этот раз он лжет.

«Почему об этом до сих пор ничего не передали?» Он указал на привинченный к стене телевизор.

«Прошу прощения?»

«Когда блокируют выезды из города и натягивают вокруг колючую проволоку, то это из ряда новостей», — сказал Стью.

«Мистер Редман, если б вы только позволили Патти смерить вам давление...»

«Нет. Если вам что-нибудь от меня понадобится, то вам лучше послать ко мне двух здоровых мужиков. Но сколько бы вы их не послали, изо всех сил постараюсь проделать несколько дырок в ваших защитных костюмах. Они не выглядят слишком уж прочными, вы об этом знаете?»

Он шутливо протянул руку к костюму Деннинджера. Тот отскочил, чуть не упав.

«Думаю, вы можете подсыпать мне что-нибудь в еду, чтобы я отрубился, но ведь это скажется на результатах анализов, разве нет?»

«Мистер Редман, вы ведете себя неблагоразумно!» Деннинджер старался держаться на приличном удалении. «Ваше нежелание сотрудничать с нами может причинить всей стране много вреда. Вы понимаете меня?»

«Нет», — сказал Стью. «В настоящий момент похоже на то, что моя страна причиняет мне много вреда. Меня заперли в больничной палате в Джорджии в компании с кретином-доктором, который не может отличить дерьмо от шоколада. Уноси отсюда свою грязную задницу и пришли мне сюда кого-нибудь, кто поговорит со мной, или пришли сюда дюжих молодцов, которые смогут силой добиться того, что вам нужно. Но я буду сопротивляться, это уж точно».

Когда Деннинджер ушел, он продолжал неподвижно сидеть на стуле. Страх внутри него разрастался. Два дня он ждал, что начнет чихать, кашлять и отхаркивать желтую слизь. Он думал и о других — о людях, которых он знал всю свою жизнь. Он думал о том, чувствует ли кто-нибудь из них себя так же плохо, как Кэмпиион. Он вспоминал мертвую женщину с ребенком в старом «Шевроле». У женщины было лицо Лилы Брюетт, а у ребенка — Черил Ходжес, какими он запомнил их во время перелета в Атланту.

Он чувствовал, как страх извивается и ворочается под его бесстрастным лицом. Иногда он был огромным и паническим, сокрушающим все на своем пути, как слон. Иногда он был маленьким и гложащим, с острыми зубками, как крыса.

Только через сорок часов к нему прислали человека, согласного отвечать на вопросы.

ГЛАВА 8

Они напали на него через некоторое время после наступления сумерек, когда он шел по обочине шоссе №27. Через одну-две мили он собирался повернуть на запад по №63. Возможно, чувства его были несколько притуплены двумя порциями пива, но он сразу понял, что дело пахнет керосином. Он как раз вышел на шоссе, вспоминая о четырех или пяти здоровяках в дальнем конце бара, когда они оставили свое укрытие и бросились за ним.

Ник дрался изо всех сил, украсив одного из нападавших фингалом, а другому сломав нос. В один из счастливых моментов ему даже показалось, что он сможет победить. То обстоятельство, что он дрался, не издавая ни звука, слегка их встревожило. Они дрались вяло, может быть, потому, что раньше такие победы давались им без труда, и они не ожидали серьезного сопротивления от тощего сосунка с рюкзаком.

Потом один из них сумел ударить его в подбородок, рассекая нижнюю губу чем-то вроде университетского перстня, и теплый вкус крови наполнил его рот. Он оступился, и кто-то схватил его за руки. Он как раз успел освободить одну из них, когда кулак, словно покинувшая свою орбиту луна, врезался ему в лицо. Прежде чем кулак закрыл его правый глаз, он успел заметить все то же кольцо, тускло мерцающее в свете звезд. Из глаз у него посыпались искры, и сознание стало медленно растворяться, уплывая в неизвестном направлении. Испугавшись, он стал драться еще отчаяннее. Человек с кольцом вновь оказался напротив него, и Ник ударил его в живот. У Перстня захватило дух, и он согнулся пополам.

«Держите его», — сказал Перстень, с трудом поднимаясь на ноги. «Держите его за волосы».

Кто-то запустил обе руки в жесткие черные волосы Ника.

«Почему он не орет?» — спросил один из них с беспокойной заинтересованностью. «Почему он не орет, Рэй?»

«Я же сказал не называть имен», — сказал Перстень. «Мне плевать, почему он не орет. Сейчас я его отхерачу. Сосунок ударил меня. Он за это поплатится».

Кулак понесся на него. Ник отдернул голову в сторону, и кольцо оставило борозду у него на щеке.

«Я же говорю, держите его», — сказал Рэй. «С кем я имею дело? С компанией шлюх?»

Кулак опустил. Нос Ника превратился в лопнувший помидор. Кулак опустил снова. Два передних зуба искрошились, приняв на себя таран школьного перстня.

«Рэй, кончай! Ты что, хочешь его убить?»

«Держите его. Сосунок ударил меня. Сейчас я его отхерачу».

На шоссе показались огни приближающейся машины.

«О, Господи!»

«Швыряй его, швыряй!»

Это был голос Рэя, но самого Рэя перед ним не было. Ник был смутно благодарен за это судьбе, но большая часть сохранившегося у него сознания была занята агонией у него во рту. Он ощущал на языке осколки своих зубов.

Чьи-то руки тянули его на середину дороги. Приближающиеся фары осветили его, как актера на сцене. Завизжали тормоза. Он тупо ждал удара. Во всяком случае, это положило бы конец боли во рту.

Он смотрел на шину, остановившуюся меньше чем в футах от его лица. Он видел застрявший в крышке белый камешек.

«Кусок кварца», — подумал он отрывочно и потерял сознание.

Когда Ник пришел в себя, он обнаружил, что лежит на койке. Койка была жесткой, но за последние три года ему приходилось испробовать и похуже. С огромным усилием ему удалось открыть глаза.

Над ним был серый потрескавшийся цементный потолок. Под потолком шли зигзаги труб, обернутых теплоизоляционным материалом. Его поле зрения пересекала цепь. Он слегка приподнял голову, которую тут же пронзила чудовищная молния боли, и увидел другую цепь, которой койка крепилась к стене.

Он повернул голову налево (еще один приступ боли, но на этот раз не такой убийственный) и увидел шероховатую бетонную стену. Она была густо исписана разными надписями. Там были изображения фаллосов, огромных грудей, грубо нарисованных влагалищ. Ник понял, где он находится. Он был в тюремной камере.

Он осторожно приподнялся на локтях, а потом присел. Переждав новый приступ боли, Ник дотащился до решетчатой двери и выглянул в коридор. На стене выросла чья-то тень, а затем массивный человек в шортах цвета хаки появился в конце коридора. Подойдя к камере Ника, он остановился и молча смотрел на него почти целую минуту.

Потом он сказал: «Когда я был мальчишкой, мы выследили в горах пуму и застрелили ее. На обратном пути в город мы протащили ее двадцать миль по грязи. То, что осталось от зверя, когда мы пришли домой, было самым печальным зрелищем, которое я когда-либо видел в своей жизни. Ты занимаешь второе место после пумы, паренек».

Ник подумал про себя, что это похоже на хорошо подготовленный и заученный монолог, приберегаемый специально для заезжих посетителей тюремных камер.

«Как тебя зовут?»

Ник указал пальцем на свои распухшие и разодранные губы и покачал головой.

«Ты что, не можешь говорить?»

Ник сделал жест, словно он пишет в воздухе невидимой ручкой.

«Тебе нужен карандаш?»

Ник кивнул.

«Если ты немой, то почему у тебя нет специальных карточек?»

Ник пожал плечами. Он вывернул свои пустые карманы. Потом сжал кулаки, поднес их к вискам, закатил глаза и прислонился к прутьям решетки. Потом он указал на пустые карманы.

«Тебя ограбили».

Ник кивнул.

Человек в хаки повернулся и отправился с свой кабинет. Через мгновение он вернулся с тупым карандашом и блокнотом. Все это он просунул Нику между прутьями решетки. На каждом листке блокнота вверх было написано: *Канцелярия шерифа Джона Бейкера*.

Ник указал карандашом на имя и вопросительно поднял брови.

«Да, это я. А ты кто?»

«Ник Андрос», — написал Ник и просунул руку сквозь прутья решетки.

Бейкер покачал головой. «Я не буду с тобой здороваться за руку. Ты и глухой к тому же?»

«Что случилось с тобой этим вечером? Доктор Сомс с женой чуть не переехали тебя, как полено».

«Избит и ограблен. Рядом с баром Зака».

«В этом притоне такому пареньку, как ты, делать нечего. Тебе и пить-то еще рано».

Ник возмущенно потряс головой. «Мне двадцать два», — написал он. «И я имею право выпить пару кружек пива, не рискуя при этом быть избитым и ограбленным, не так ли?»

«А что ты вообще делаешь в этих местах, паренек?»

Ник вырвал первую страничку блокнота, смял ее в комок и бросил на пол. Прежде чем он успел начать писать ответ, рука молнией метнулась сквозь прутья и железной хваткой сжала его плечо.

«Эти камеры убирает моя жена, — сказал Бейкер, — и тебе нет никакой необходимости здесь сорить. Пойди и выброси в парашу».

Ник наклонился, поморщившись от боли в спине, и поднял бумажный шарик с пола. Он выбросил его в туалет, а затем вопросительно посмотрел на Бейкера. Бейкер кивнул.

Бейкер подумал, что это, наверное, чертовски трудный трюк — научить глухонемого ребенка читать и писать. Здесь в Шойо, штат Арканзас, были и нормальные парни, которые так и не научились этому, и большинство из них обычно проводило время у Зака.

Ник кончил писать и протянул блокнот Бейкеру.

«Я путешествую, но я не бродяга. Весь день работал на человека по имени Ричард Эллертон, в шести милях к западу отсюда. Вычистил хлев и таскал сено на сеновал. На прошлой неделе я был в Уаттсе, Оклахома, ставил забор. Те, кто избил меня, забрали весь мой недельный заработок».

«Ты уверен, что работал на Ричарда Эллертона? Я ведь могу и проверить».

Ник кивнул.

«Ты видел его собаку?»

Ник кивнул.

«Какой она породы?»

Ник протянул руку за блокнотом. «Большой доберман», — написал он.

Бейкер кивнул, повернулся и пошел обратно в кабинет. Ник обеспокоенно смотрел ему вслед, стоя у двери. Через мгновение Бейкер вернулся с большой связкой ключей, отпер камеру и отодвинул в сторону решетку.

«Пошли в кабинет», — сказал Бейкер. «Не хочешь позавтракать?»

Ник покачал головой, а затем показал жестами, как наливает и пьет.

«Кофе? Понял. Сливки, сахар?»

Ник покачал головой.

«Прими все это как настоящий мужчина», — Бейкер засмеялся. «Пошли».

Бейкер шел по коридору, но хотя он продолжал говорить, Ник не мог разобрать его слов, так как не видел губ. «Я не против хорошей компании. У меня бессонница. Редкую ночь я сплю больше трех-четырёх часов. Жена хочет, чтобы я съездил к медицинскому светилу в Пайн Блаффе. Если не пройдет, я так и сделаю. Сам видишь — время пять часов утра, еще даже не рассвело, а я уже сижу, ем яйца из столовки для водителей грузовиков».

На последней фразе он обернулся, и Ник успел уловить: «...столовки для водителей грузовиков». В знак непонимания он поднял брови и пожал плечами.

«Не имеет значения», — сказал Бейкера. «Во всяком случае, не для такого молодого парня, как ты».

В кабинете шериф налил ему чашку кофе из огромного термоса. Тарелка с недоеденным завтраком стояла на столе, и он пододвинул ее к себе. Ник глотнул кофе. Кофе обжог ему рот, но был вкусным.

«Я не собираюсь задерживать тебя», — сказал Бейкер. «Но вот что я тебе скажу. Если ты согласен ненадолго остаться, то мы с тобой попробуем поймать тех парней. Ну как, согласен?»

Ник кивнул и написал: «Думаете, смогу я получить свои деньги обратно?»

«Ни малейшего шанса», — равнодушно сказал Бейкер. «Я ведь обычный провинциальный шериф, паренек. Для таких штучек тебе понадобился бы Орал Робертс».

Ник кивнул и пожал плечами.

«Сколько их было?»

Ник показал четыре пальца, потом пожал плечами и показал пять.

«Ты думаешь, что сможешь опознать кого-нибудь из них?»

Ник показал один палец и написал: «Большой, светлые волосы. Как вы, может, чуть-чуть потяжелее. Серая рубашка и брюки. Большой перстень на третьем пальце правой руки. Красный камень. Им-то он и порезал меня».

Пока Бейкер читал все это, лицо его менялось. Сначала на нем появилось выражение озабоченности, потом гнева. Ник, думая, что гнев направлен против него, снова испугался.

«Господи Боже мой», — сказал Бейкер. «Все совпадает. Ты уверен?»

Ник неохотно кивнул.

«Заметил еще какие-нибудь приметы?»

Ник задумался, а потом написал: «Небольшой шрам. У него на лбу».

Бейкер взглянул на надпись. «Это Рэй Бут», — сказал он. «Мой шурин. Спасибо тебе, малыш. Еще только пять часов утра, а день уже безнадежно испорчен».

Глаза Ника открылись чуть-чуть пошире, и он сделал осторожный жест соболезнования.

«Да ладно, чего уж там», — сказал Бейкер, обращаясь скорее к самому себе, чем к Нику. «Он дрянной человек. Джени знает об этом. Он столько раз бил ее, когда они были еще детьми. Но они все-таки брат и сестра, так что мне придется рассориться со своей благоверной на этой неделе».

Ник посмотрел себе под ноги в смущении. Бейкер потряс его за плечо, чтобы он следил за губами.

«Возможно, ничего у нас и не получится. Рэй со своей оравой просто поручатся друг за друга. Твое слово против их. Ты достал кого-нибудь?»

«Двинул Рэю поддых», — написал Ник. «Другому двинул в нос. Похоже, сломал».

«Рэй обычно шатается с Винсом Хоганом, Билли Уорнером и Майком Чайлдресом», — сказал Бейкер. «Я могу заняться одним Винсом и расколоть его. У него хребет как у медузы. А если я расколю его, то смогу добраться до Майка и Билли. Рэй получил этот перстень в студенческой организации Лос-Анджелесского университета. Вылетел со второго курса». Он выдержал паузу, барабанив пальцами по краю тарелки. «Мы можем дать этому делу ход, паренек, если ты хочешь. Но заранее тебя предупреждаю: мы можем

их упустить. Они злы и трусливы, как собаки, но они местные, а ты — всего лишь глухонемой бродяга. И если они отвернутся, то тебе несдобровать».

«Давай попробуем», — написал Ник.

Бейкер со вздохом кивнул. «О'кей. Винс Хоган работает на лесопилке. Мы съездим туда часов в девять. Может, нам и удастся запугать его так, что он расколется».

Ник кивнул.

«Как твой рот? Док Сомс оставил какие-то таблетки. Он сказал, что наверное, будет очень больно».

Ник уныло кивнул.

«Сейчас достану. Это...» Он прервался, и в своем бесшумном мире Ник увидел. Как шериф несколько раз чихнул в платок. «Только этого не хватало. Похоже, я сильно простудился. Господи Иисусе, ну разве жизнь не прекрасна и удивительна? Добро пожаловать в Арканзас, паренек».

ГЛАВА 9

Ларри проснулся с ощущением, что маленький дракончик использовал его рот вместо ночного горшка, и что он находился там, где ему не следует быть.

Кровать была одноместной, но на ней лежали две подушки. Он ощутил запах поджаривавшегося бекона. Прошлая ночь постепенно всплывала у него в памяти. Он был в квартире на втором этаже в доме по авеню Тремонт, и его мать весьма заинтересуется тем, где он провел ночь. Позвонил ли он ей, предупредил ли ее?

Девушку звали Мария, и она сказала, что работает... кем? Специалистом по оральной гигиене, так что ли? Ларри не знал, что много ли она смыслит в гигиене, но по оральной части она проявила себя неплохо. Когда она узнала, что это тот самый Ларри Андервуд, она слегка сдвинулась. Разве не искали они вчера открытый магазин пластинок, чтобы купить сингл «Крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Он попытался восстановить в памяти весь вчерашний день, начиная с невинной завязки и кончая неистовым финалом.

«Янки» в городе не было, это он помнил. Его мать ушла на работу, оставив ему на столе в кухне расписание игр

«Янки» вместе с запиской: «Ларри. Как видишь, «Янки» не вернутся в город до первого июля. Четвертого они играют двойную игру. Если этот день у тебя ничем не занят, то почему бы тебе не сводить свою маму на стадион? Я куплю сосиски и пиво. Яйца и колбаса в холодильнике. Береги себя, малыш». У записки был характерный для Элис Андервуд постскриптум: «Большинство ребят, с которыми ты дружил, разъехались, и скатертью дорожка этой банде. Но мне кажется, что Бадди Маркс работает в типографии на Стрикер Авеню».

Одно воспоминание об этой записке заставило его поморщиться. Перед его именем не стояло слово «дорогой». Перед ее подписью не было слов «с любовью». Она не верила в громкие слова. То, во что она верила, лежало в холодильнике. Пока он отсыпался после своего путешествия через всю Америку, она успела сходить в магазин и купить все то, что он любил. Ее память была настолько безупречна, что это пугало. Ветчина в банке. Два фунта настоящего масла — как это она интересно может позволять себе такие вещи на свою зарплату? Две упаковки кока-колы. Колбаски Дели. Ростбиф, замоченный в соусе, состав которого Элис отказывалась назвать даже своему сыну. Галлон мороженого «Персиковый Восторг Баскина-Роббинса» в морозилке. И вдобавок, сырный пирог Сары Ли. Тот, что с земляничкой наверху.

Подчиняясь внезапному импульсу, он прошел в ванную. Новая зубная щетка «Пепсодент», висящая на том же самом месте, что и в детстве. Пачка лезвий. Крем для бритья «Барбазол». Даже одеколон «Олд Спайс». Не Бог весть что, — сказала бы она, — но пахнет неплохо для своей цены. Ларри почти слышал, как она произносит эти слова.

Специалист по оральной гигиене в розовых нейлоновых трусах — больше на ней ничего не было — вошла в комнату. «Привет, Ларри», — сказала она. Она была низкого роста, симпатичная, с крепкой грудью.

«Привет», — ответил он и встал с постели.

«У меня есть халат для тебя, если хочешь. На завтрак у нас копченая рыба и бекон».

Копченая рыба и бекон? Его желудок съежился и стал выворачиваться наизнанку.

«Нет, радость, мне надо бежать. Мне надо повидать одного человека».

«Эй, но ты не можешь так вот просто удрать от меня?»

«Послушай, это очень важно».

«Что значит, важно?» В кулаке у нее была зажата покрытая жиром металлическая лопаточка, похожая на стальной цветок.

«Послушай, человек, с которым мне надо увидеться, — это моя мама. Я приехал в город всего лишь два дня назад, а вчера вечером не позвонил ей... или позвонил?» — добавил он с надеждой.

«Ты никому не звонил», — сказала она угрюмо. «Держу пари, что ты не тот Ларри Андервуд».

«Можешь верить во что хочешь. Мне надо бежать».

«Ах ты, сукин сын!» — вспыхнула она. «А что мне делать со всей этой дурацкой едой?»

«Может, выбросить в окно?» — предложил он.

Она швырнула в него лопаточкой. В любой другой день его жизни лопаточка пролетела бы мимо. В сущности, один из основополагающих законов физики состоит в том, что лопаточка, брошенная рукой разъяренного специалиста по оральной гигиене, не может попасть в цель. Но случилось исключение, которое, как известно, только подтверждает правило. Лопаточка Ларри прямо в лоб. Потом он заметил, как две капли крови упали на коврик, когда он наклонился поднять ее.

Он сделал два шага по направлению к ней. «Тебя надо бы отшлепать этой штукой!» — заорал он на нее.

«Ну, конечно», — сказала она, съездившись от страха и начиная плакать. «Почему бы и нет? Ты звезда. Трахнул и убежал. Я думала, ты симпатичный парень. Никакой ты не симпатичный парень». Слезы побежали у нее по щекам, падая на грудь. Одна из них скатилась по ее правой груди и повисла на соске. Это зрелище заворозило его.

«Я должен идти», — сказал он.

«Никакой ты не симпатичный парень!» — крикнула она ему вслед, когда он направился в гостиную. «Я пошла с тобой потому, что думала — ты симпатичный парень!».

Вид гостиной заставил его застонать. На кушетке лежало по крайней мере двадцать экземпляров сингла «Крошка,

поймешь ли ты своего парня? Еще три стояли на проигрывателе. На противоположной стене висел огромный плакат с Райаном О'Нилом и Али МакГро.

Она стояла в дверном проеме спальни, все еще плача. Он различал порез от бритвы на одной из ее голеней.

«Послушай, позвони мне», — сказала она. «Не думай, я не сумасшедшая».

Ему надо было бы сказать «Ну, конечно», и все бы кончилось хорошо. Вместо этого он услышал, как изо рта у него вырывается сумасшедший смех, а потом слова: «Твоя рыба горит».

Она закричала на него и пошла к двери, но споткнулась о лежавшую на полу подушку и неуклюже растянулась. Одной рукой она сшибла полупустую бутылку молока и качнула стоявшую рядом пустую бутылку виски. *Боже мой*, — подумал Ларри — *неужели мы это смешивали?*

Он быстро вышел и затопал вниз по лестнице. На последних шести ступеньках, ведущих к парадной двери, он услышал, как она кричит вниз с верхней лестничной площадки: *«Никакой ты не симпатичный парень! никакой ты не...»*

Он захлопнул дверь, и туманное, влажное тепло окутало его, неся с собой запахи распускающихся деревьев и автомобильных выхлопов. По сравнению с запахами жарившегося жира и застоявшегося сигаретного дыма, это были духи. Он глубоко вдохнул воздух. Как прекрасно выбраться из этого безумия.

Вверху с треском распахнулось окно, и он догадался, что за этим последует.

«Я надеюсь, что ты сгниешь!» крикнула она ему. *«Я надеюсь, ты упадешь на рельсы в метро! Никакой ты не певец! В постели ты просто дерьмо! Эй ты, вшивый мудака! Засунь себе это в жопу! Отнеси это своей мамочке, вшивый мудака!»*

Бутылка с молоком разбилась об асфальт.

Он ускорил шаги. Сзади донесся финальный протяжный вопль:

«ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ В ЖОПУ, УБЛЮУУУУУДОК!»
Потом он завернул за угол и оказался над проходившим

внизу скоростным шоссе. Наклонившись над перилами, он трясся от истерического смеха, провожая взглядом машины, пронесившиеся внизу.

«Неужели ты не мог вести себя получше?» — спросил он себя, не подозревая о том, что говорит вслух. «Слушай, парень, это была отвратительная сцена. Насри на это, парень». Он осознал, что говорит вслух, и перестал смеяться. Он вдруг почувствовал говокружительную тошноту в желудке и плотно зажмурил глаза. Один из ящичков в департаменте мазохизма открылся, и он услышал слова Уэйна Стаки: *«В тебе есть что-то такое... ты способен грызть жесь»*.

Никакой ты не симпатичный парень.

Неправда. Неправда.

Но когда эти люди воспротивились его намерению выставить их за дверь, он пригрозил позвонить в полицию и вполне был способен привести эту угрозу в исполнение. Способен? Да, способен. Большинство из них он не знал, но несколько человек были его старыми знакомыми. А Уэйн Стаки, этот ублюдок, стоял в дверях со скрещенными руками, как Господь Бог на Страшном суде.

Сэл Дориа, уходя, сказал: *«Если успех действует на таких, как ты, подобным образом, Ларри, то я бы предпочел, чтобы ты по-прежнему играл в кабаках»*.

Он открыл глаза и отвернулся от перил, высматривая такси. Ну конечно. Оскорбленный друг отомстил ему. Но начнем с того, что если Сэл был ему таким верным другом, то что он делал там, высасывая из него деньги? Я был глуп, а никому не нравится видеть, как глупый умнеет. Вот в чем тут дело.

Никакой ты не симпатичный парень.

«Я симпатичный парень», — сказал он мрачно. «И в конце концов, кому до этого есть дело?»

Ларри остановил такси. Таксист, казалось, испытал секундное колебание, прежде чем прижаться к обочине, и Ларри вспомнил о крови на лбу. Он открыл заднюю дверь и залез внутрь, пока таксист не успел передумать.

«Манхеттэн. Кемикал Бэнк Билдинг», — сказал он.

Такси тронулось. «Парень, у тебя порез на лбу», — сказал водитель.

«Девушка швырнула в меня лопаточкой», — сказал Ларри с отсутствующим видом.

Таксист одарил его странной, фальшивой улыбкой соболезнования и отвернулся, предоставив Ларри возможность в одиночестве собираться с мыслями и думать о том, как он отчитается за эту ночь перед своей мамой.

ГЛАВА 10

В вестибюле Ларри обнаружил усталую негритянку, которая сообщила ему, что, по ее мнению, Элис Андервуд сейчас находится на двадцать четвертом этаже и составляет опись. Он поехал наверх на лифте, ощущая настороженные взгляды других пассажиров, обращенные на его лоб.

Двадцать четвертый этаж был отведен под исполнительные конторы японской компании по производству фотоаппаратов. Ларри чуть ли не двадцать минут бродил из помещения в помещение в поисках матери. Маленькие мужчины и женщины с узкими глазами смотрели на запекшуюся кровь на лбу и на окровавленный рукав пиджака с неприятной восточной вкрадчивостью.

Наконец за огромным папоротником он нашел дверь с надписью ОХРАНА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СЛУЖБА. Он дернул за ручку. Дверь была не заперта, и он заглянул внутрь. Его мать была там, в своей бесформенной серой униформе, плотных чулках и туфлях на резиновой подошве. Ее волосы были собраны в тугий пучок под черной сеточкой. В руке у нее была папка с бумагами. Похоже, она пересчитывала баллончики с чистящим средством на верхней полке.

Ларри почувствовал внезапное желание просто повернуться и убежать, но вместо этого сказал: «Привет, ма».

Она слегка вздрогнула, но не повернулась к нему.

«Я хочу попросить у тебя прощения. Я должен был позвонить тебе вчера вечером...»

«Да, неплохая мысль».

«Я был у Бадди. Мы... ну... мы прогуливались. Просто ходили по городу».

«Нечто подобное я и предположила. Это все, что ты мне хотел сказать?»

«Ну, я хотел извиниться. Я гадко поступил, что не позвонил тебе».

«Да», — сказала она. «Но ведь в твоём характере есть гадкие черты, Ларри. Ты думаешь, я забыла об этом?»

Он вспыхнул. «Ма, послушай...»

«У тебя кровь на лбу. Какой-то бандит заехал тебе цепью?» Она повернулась обратно к полке и, пересчитав до конца ряд бутылочек, сделала пометку в своей папке. «Кто-то позаимствовал на прошлой неделе две банки с мастикой», — отметила она.

«Я пришел сказать, что мне очень жаль!» — сказал Ларри очень громко.

«Да, ты уже говорил. Мистер Джоган разорвет нас на части, если банки с мастикой не перестанут исчезать».

«Я не ввязывался в пьяную драку и не имел дела с бандитами. Ничего похожего. Просто...» Он запнулся.

Она обернулась, сардонически приподняв брови. «Так что это было?».

«Ну...» Он не смог быстро придумать убедительную ложь. «Просто это была... ну... металлическая лопаточка».

«Кто-то принял тебя за яичницу? Хорошенькая же ночь была у вас с Бадди».

«Это была девушка, ма. Она швырнула ее в меня».

«Должно быть, у нее орлиный глаз», — сказала Элис Андервуд и вновь отвернулась.

«Ма, ты очень сердишься на меня?»

Руки ее неожиданно опустились, плечи сгорбились.

«Не сердись на меня», — прошептал он. «Пожалуйста, не надо. Хорошо?»

Она повернулась к нему, и он заметил у нее в глазах неестественный блеск (впрочем, — подумал он, — может быть, и вполне естественный), но источником его были никак не лампы дневного освещения. Он снова услышал, как специалист по оральной гигиене еще раз, с окончательной решимостью, произносит: *Никакой ты не симпатичный парень.*

«Ларри», — сказала она нежно. «Ларри, Ларри, Ларри».

На мгновение ему показалось, что больше она ничего не скажет; он даже позволил себе надеяться на это.

«Неужели это все, что ты можешь сказать? Не сердись, пожалуйста, мама? Я слушаю тебя по радио, и хотя мне не нравится то, что ты поешь, я горжусь, что это поешь ты. Люди спрашивают меня, действительно ли это мой сын, и я отвечаю: да, это Ларри. Я говорю им, что ты всегда хорошо пел, и это правда, верно?»

Он с несчастным видом кивнул головой, не доверяя своему голосу.

«Я рассказываю им, как, когда ты учился в младшем классе, ты взял гитару Донни Робертса и полчаса подряд играл лучше, чем он, несмотря на то, что он брал уроки со второго класса. Ты талантлив, Ларри. Для того, чтобы убедиться в этом, мне не нужно ничье подтверждение, и меньше всего — твое собственное. Я думаю, ты и сам это знаешь. Потом ты уехал. Что, я поносила тебя за это на чем свет стоит? Нет. Молодые всегда уезжают. Таков закон природы. Иногда это больно, но это естественно. Потом ты вернулся. Разве кто-нибудь должен отчитываться передо мной, почему это произошло? Нет. Ты вернулся домой, потому что, написал ты хит или нет, но ты попал в какую-то неприятную ситуацию там, на Западном Побережье».

«Нет у меня никаких неприятностей!» — возмущенно сказал он.

«Нет, есть. Я знаю симптомы. Я достаточно долго была твоей матерью, и ты не сможешь одурачить меня, Ларри. Ты всегда искал неприятностей, если только они сами не находили тебя. Иногда мне кажется, что ты специально перейдешь улицу, чтобы вляпаться в собачье дерьмо. Бог простит мне мои слова, потому что Бог знает, что я говорю правду. Сержусь ли я на тебя? Нет. Разочарована ли я? Да. Я надеялась, что там ты изменишься. Но ты не изменился. Ты уехал отсюда ребенком в теле взрослого человека и вернулся таким же, разве что взрослый человек сделал себе прическу. Знаешь, что я думаю насчет того, почему ты вернулся домой?»

Он посмотрел на нее, желая заговорить, но зная, что единственная вещь, которую он способен сейчас сказать, выведет их обоих из себя: «*Не плачь, мамочка, ладно?*»

«Я думаю, ты приехал домой, потому что не знал другого места, куда бы ты мог поехать. Ты не знал, кто

еще может принять тебя. Никому и никогда я не говорила о тебе ничего плохого, Ларри, даже моей сестре, но раз ты меня вынудил, я скажу тебе все, что думаю. Я думаю, ты создан для того, чтобы брать. Когда Бог создавал тебя у меня внутри, он словно недовложил в тебя какую-то часть. Я вовсе не хочу сказать, что ты *плохой*. Я думаю, что самым плохим твоим поступком, за которым я тебя застала, был тот случай, когда ты написал неприличное слово на нижней лестничной площадке в доме по Карстерс Авеню. Ты помнишь это?»

Он помнил. Мелом она написала то же самое слово у него на лбу и заставила его три раза обойти с ней квартал.

«Самое худшее, Ларри, в том, что ты хочешь, как лучше. Иногда мне кажется, что это было бы почти благом, если бы ты стал плохим. А так — ты вроде бы и знаешь, что такое плохо, но не знаешь, как противостоять этому. Да я и сама не знаю. Всеми известными *мне* способами я пыталась сделать это, когда ты был маленьким. Написать это слово у тебя на лбу — был один из этих способов... а к тому времени я уже начала отчаиваться, иначе я никогда бы не поступила с тобой так зло. Ты создан для того, чтобы брать, и этим все сказано. Ты пришел домой потому, что знал, что я могу тебе что-то дать».

«Я уеду», — сказал он, выплевывая каждое слово, как сухой комок корпии. «Сегодня».

Потом ему пришло в голову, что, возможно, он не сможет *позволить* себе уехать, по крайней мере до тех пор, как Уэйн не вышлет ему его следующий гонорар или, скорее, то, что от него осталось после того, как он перестал кормить свору самых голодных собак Лос-Анджелеса. Наличных денег у него почти не было. Эта мысль вселила в него панику. Если он уедет от матери, то куда он отправится? В отель? Да любой швейцар самого захудалого отеля посмеется над ним и пошлет его к черту. На нем была хорошая одежда, но они знали. Каким-то непонятным способом эти ублюдки все знали. Они *чувствовали* запах пустого бумажника.

«Не уезжай», — сказала она мягко. «Мне хотелось бы, чтобы ты не уезжал, Ларри. Я купила кое-какую еду специально для тебя. Может, ты уже видел. И я надеялась,

что, может быть, нам удастся сыграть сегодня вечером партию в джин».

«Ма, ты не умеешь играть в джин», — сказал он, слегка улыбаясь.

«По центу за очко я тебя разделаю в пух и прах».

«Ну, если я дам тебе фору в четыреста очков...»

«Послушайте этого сосунка», — мягко усмехнулась она. «Может быть, если я дам тебе фору в четыреста очков? Ну, Ларри. Что ты скажешь?»

«Ладно», — сказал он. В первый раз за сегодняшний день он почувствовал себя хорошо, по-настоящему хорошо. «Знаешь, что я тебе скажу? Я заплачу за билеты на игру четвертого июля. На это пойдет небольшая часть моего сегодняшнего выигрыша».

«Внизу, в холле есть уборная. Почему бы тебе не сходить туда и не смыть кровь со лба? Потом возьми у меня из кошелька десять долларов и отправляйся в кино. На Третьей Авеню еще осталось несколько хороших кинотеатров. Но держись подальше от этих гнусных притонов на Сорок Девятой и на Бродвее».

«Скоро я буду давать тебе деньги», — сказал Ларри. «Восемнадцатый номер в хитпараде «Биллборда» на этой неделе. Я проверил у Сэма Гуди по дороге сюда».

«Это замечательно. Если ты такой богатый, почему ж ты только просмотрел журнал вместо того, чтобы купить себе номерок?»

Он почувствовал себя так, словно что-то внезапно застряло у него в горле. Он откашлялся, но ощущение не исчезло.

«Ну ладно, не обращай внимания», — сказала она. «У меня язык, что твоя норовистая лошадка. Если уж понесет, то не остановится, пока не устанет. Ты ведь знаешь. Возьми пятнадцать, Ларри. Считай, что берешь займы. Я думаю, что так или иначе они ко мне вернутся».

«Обязательно вернутся», — сказал он. Он подошел к ней и подергал край ее платья. совсем как маленький. Она посмотрела вниз. Он приподнялся на цыпочках и поцеловал ее в щеку. «Я люблю тебя, ма».

Она выглядела удивленной, но не из-за поцелуя, а либо из-за его слов, либо из-за того тона, которым он их произнес. «Ну, я знаю это, Ларри».

«Теперь о том, что ты говорила. О неприятностях. Я действительно слегка...»

Ее ответ прозвучал холодно и неумолимо. Настолько холодно, что это его немного испугало. «Я ничего не желаю об этом слышать».

«Ладно», — сказал он. «Послушай, ма, какой здесь лучший кинотеатр поблизости?»

«Люкс Твин», — сказала она. «Но я не знаю, что там сейчас идет».

«Неважно. Знаешь, что я подумал? Существуют три вещи, которые доступны по всей Америке, но лишь в Нью-Йорке они хорошего качества».

«И что же это за вещи?»

«Фильмы, бейсбол и сосиски от Недика».

Ларри взял пятнадцать долларов и отправился в кино на фильм с Фредди Крюгером. Человек, сидевший в следующем за ним ряду, кашлял на протяжении всего сеанса.

ГЛАВА 11

В углу гостиной стояли дедушкины часы. Всю свою жизнь Фрэнни Голдсмит слушала их размеренное тиканье. Оно заполняло комнату, которая ей никогда не нравилась, а в такие дни, как этот, была просто ненавистна.

Ее любимым помещением была мастерская отца. Она была в сарайчике, соединявшем дом и амбар. Туда можно было пройти через маленькую дверку, почти спрятавшуюся за кухонной плитой. Это была дверь, похожая на те, которые встречаются в сказках и фантастических историях. Это была дверь из «Алисы в стране чудес», и какое-то время Фрэнни играла в игру, воображая, что однажды, когда она откроет ее, за ней окажется совсем не мастерская отца. Вместо мастерской там будет подземный путь из Страны Чудес в Хоббитанию — низкий, но уютный тоннельчик с закругленными земляными стенками и земляным потолком, оплетенным мощными корнями. Тоннельчик, который кончается где-нибудь в кладовой Бэг Энда, где мистер Бильбо Бэггинс празднует свой семьдесят первый день рождения...

Уютный тоннельчик так ни разу и не появился, но для Фрэнни Голдсмит, выросшей в этом доме, было достаточно

и мастерской отца («Грязная дыра, в которую твой папа ходит хлестать пиво», — так называла это место ее мать). Странные инструменты и загадочные механизмы. Огромный шкаф с тысячей ящичков, и каждый забит доверху. Гвозди, шурупы, лезвия, наждачная бумага, рубанки, уровни и много еще разных вещей, названий которых она не знала ни тогда, ни сейчас. В мастерской стояли запахи пыли, масла и табачного дыма, и ей казалось теперь, что должно быть такое правило: каждый отец обязан курить. Что угодно: трубку, сигары, сигареты, марихуану, гашиш, сушеные листья салата-латука. Потому что запах дыма был одной из составных частей ее детства.

«Дай-ка мне тот ключ, Фрэнни. Нет, маленький. Чем ты занималась сегодня в школе?.. Вот как?.. С чего бы это Руфи Сиерс толкать тебя?.. Да, это очень неприятно. Очень неприятная царапина. Но зато подходит по цвету к твоему платью, тебе не кажется? Если б только ты смогла разыскать Руфь Сиерс и заставить ее снова толкнуть тебя, чтобы поцарапать другую ногу. Тогда было бы симметрично. Дай-ка мне большую отвертку... Да нет, другую, с желтой ручкой».

«Фрэнни Голдсмит! Ты немедленно уберешься из этой отвратительной дыры и переоденешь школьную форму! НЕМЕДЛЕННО! Ты испачкаешься!»

Если мастерская отца была светлым пятном в ее детстве, воплощенном в призрачном запахе дыма из отцовской трубки, то гостиная была связана с такими детскими воспоминаниями, которые хотелось бы забыть. Отвечай, когда с тобой говорят! Ломать — не строить! Немедленно отправляйся наверх и переоденься! Фрэнни, не копайся в одежде, люди подумают, что у тебя вши. Что подумают дядя Эндрю и тетя Карлин? Из-за тебя я смутилась до полусмерти! Гостиная была местом, где надо держать язык за зубами, где нельзя почесаться, если у тебя зуд. Там были жесткие приказы, скучные разговоры, родственники, которые щиплют тебя за щеки, там нельзя было чихать, кашлять и зевать.

В центре гостиной стояли часы. В 1889 году их сделал Тобиас Даунз, дедушка Карлы, и они почти сразу же приобрели статус семейной реликвии. В гостиной они

стояли с тех пор, как тридцать шесть лет назад Питер и Карла Голдсмита въехали в этот дом. Когда-нибудь часы перейдут ко мне, — думала Фрэнни, глядя в бледное, негодующее лицо своей матери. Но я не хочу этого! Они мне не нужны!

В этой комнате под стеклянными колпаками лежали сухие цветы. В этой комнате был сизо-серый ковер с тусклыми розами. Там был и изящный эркер, выходявший на шоссе №1. На обоях был узор из зеленых листьев и розовых цветов почти того же самого оттенка, что и на ковре. Мебель в старом американском стиле и двойные двери из темного красного дерева. Камин, в котором лежало вечное березовое полено и который никто никогда не топил. Фрэнни подумалось, что бревно, наверное, уже так высохло, что вспыхнет, как газета, если его поджечь.

Одно из самых первых ее воспоминаний было связано с тем, как она пописала на сизо-серый ковер с тусклыми розами. Ей было около трех, ее не так давно приучили проситься в туалет, и, по всей вероятности, пускали в гостиную лишь по торжественным случаям, опасаясь возможных инцидентов. Но каким-то непостижимым образом она умудрилась туда пролезть, и появление ее матери, которая не просто побежала, но ринулась, чтобы предотвратить немыслимое, привело немыслимое в исполнение. Увидев расплывающееся под ней пятно, ее мать заверещала. Пятно в конце сошло, но одному Богу известно, сколько стирок для этого потребовалось.

Именно в гостиной у Фрэнни состоялся с матерью беспощадный, подробный и долгий разговор, после того, как мать застала ее с Норманом Берстейном в амбаре, когда они внимательно изучали друг друга, сложив свою одежду в одну кучу на стоге сена. Как ей понравится, — спросила Карла, — если она проведет Фрэнни в таком виде к шоссе №1 и обратно? Фрэнни, которой было шесть, зарыдала.

Когда ей было десять, она врзалась в почтовый ящик на велосипеде, обернувшись назад, чтобы что-то крикнуть Джорджетте МакГур. Она поранила голову, разбила до крови нос и содрала обе коленки. На несколько секунд она от шока потеряла сознание. Подойдя к дому, она заковыляла по подъездной дорожке, заплаканная и испуганная

тем потоком крови, который хлынул из нее. Она пошла бы к отцу, но так как он был на работе, она дотащилась до гостиной, где ее мать угощала чаем миссис Веннер и миссис Принн. *Убирайся!* — закричала мать. А в следующее мгновение она уже подбежала к Фрэнни, обнимая ее, крича: *Ой, Фрэнни, любимая, что случилось, ой, бедный носик!* Но при этом она уводила Фрэнни на кухню, где пол можно было без последствий закапать кровью, и Фрэнни никогда не забыла, что ее первым возгласом было не *Ой, Фрэнни*, а *Убирайся!* Возможно, миссис Принн также этого не забыла, так как даже сквозь слезы Фрэнни увидела ошеломленное выражение ее лица. С того случая миссис Принн стала бывать у них значительно реже.

В младшем классе она получила плохую оценку за поведение и, разумеется, была приглашена в гостиную для того, чтобы обсудить это со своей матерью. В старшем классе ее три раза оставили после уроков за передачу записок, и это также обсуждалось с матерью в гостиной. Именно там они обсуждали амбиции Фрэнни, которые в конце концов оказывались слегка поверхностными; именно там они обсуждали надежды Фрэнни, которые в конце концов начинали выглядеть слегка низменными; они там обсуждали жалобы Фрэнни, которые в конце концов представлялись почти ни на чем не основанными.

Именно в гостиной стоял на козлах гроб ее брата, украшенный розами, хризантемами и ландышами, и их сухой аромат наполнял комнату, в углу которой бесстрастные часы отсчитывали мгновения.

«Ты беременна», — во второй раз повторила Карла Голдсмит.

«Да, мама», — сказала Фрэнни. Ее голос звучал очень сухо, но она никогда не осмелилась бы облизать губы. Вместо этого она сжала их. Она подумала: *В мастерской моего отца есть маленькая девочка в красном платье, и она всегда будет там, смеясь и прячась за столом, на котором укреплены тиски, или сгорбившись за шкафом с тысячами ящичков для инструментов, прижав к груди свои коленки. Эта девочка очень счастлива. Но в гостиной моей матери есть другая, еще более маленькая девочка, которая не может удержаться от того,*

чтобы не написать на ковер, как гадкая собачонка. И она всегда будет там, как бы мне ни хотелось, чтобы она ушла.

«Ой-Фрэнни», — сказала ее мать, очень быстро произнося слова. «Как-это-случилось?»

Это был вопрос Джесса. Вот что ее на самом деле оттолкнуло от него. Это был тот же самый вопрос, который он задавал ей.

«Так как у тебя самой было двое детей, мама, то я думаю, ты знаешь, как это случилось».

«Не дерзи!» — закричала Карла. Ее глаза широко раскрылись, и из них полыхнуло жаркое пламя, которое так пугало Фрэнни в детстве. Она встала и подошла к каминной доске. На каминной доске, прямо под кремневым ружьем, лежал толстый фолиант для вырезок. У Карлы было хобби — составлять генеалогическое дерево своей семьи. Вся ее семья была записана в этой книге... по крайней мере, вплоть до 1638 года, когда наиболее древний из известных ее предков поднялся над безымянной толпой лондонцев на достаточно долгий срок, чтобы его успели занести в какие-то очень старые церковные книги под именем Мертона Даунза, вольного каменщика.

Теперь она прикасалась пальцами к этой книге с таким трудом собранных имен, к этой обетованной земле, куда не мог вторгнуться ни один враг. Интересно, нет ли там где-нибудь воров? — подумала Фрэнни. Алкоголиков? Матерей, не состоявших в браке?

«Как ты могла так поступить со мной и с отцом?» — спросила она наконец. «Это был этот паренек Джесс?»

«Это был Джесс. Джесс — отец ребенка».

Карла вздрогнула при слове «отец».

«Как ты могла так поступить?» — повторила Карла. «Мы сделали все, чтобы вывести тебя на правильный путь. Это просто... просто...»

Она закрыла лицо руками и начала плакать.

«Как ты могла *так* поступить?» — закричала она. «После всего того, что мы для тебя сделали? И это твоя благодарность? Уйти из дома и... и... совокупляться с этим мальчишкой, как сука в период течки? Дрянная девчонка! Дрянная девчонка!»

Слова растворились в рыданиях. Она оперлась на каминную доску, одной рукой прикрывая глаза, а другой продолжая водить по зеленому коленкоровому переплету. Дедушкины часы продолжали тикать.

«Мама...»

«Не говори мне ничего! Ты уже достаточно сказала!»

Ноги Фрэнни одеревенели. Слезы начали течь у нее из глаз, ну и пусть текут; она не позволит этой комнате еще раз одержать верх над ней. «Я пойду».

«Ты ела за нашим столом!» — неожиданно крикнула Карла. «Мы любили тебя... и поддерживали тебя... и вот что мы получили в награду! Дрянная девчонка! *Дрянная* девчонка!»

Ослепленная слезами, Фрэнни споткнулась. Правая нога ее зацепилась за левую лодыжку. Она потеряла равновесие и упала, раскинув руки. Головой она ударилась о кофейный столик, а одной рукой сбила вазу с цветами. Ваза не разбилась, но на ковре расплылось темное пятно.

«Смотри, что ты наделала!» — закричала Карла почти торжествующе. Слезы проложили дорожки на ее лице, вымазанном косметикой. Она выглядела осунувшейся и полубезумной. «Смотри, что ты наделала, ты испортила ковер, ковер твоей бабушки...»

Фрэнни сидела на ковре, изумленно потирая голову, все еще плача и желая сказать своей матери, что это ведь обычная вода, но нервы совсем изменили ей, и уверенности не было. *Обычная* вода? Или моча?

«Каков будет ваш следующий шаг, мисс? Собираетесь оставаться здесь? Думаете, мы будем содержать и кормить вас, а вы будете шляться по городу? Так, я полагаю? Ну уж нет! Нет! Я этого не потерплю!»

«Я не хочу здесь оставаться», — пробормотала Фрэнни. «Неужели ты думаешь, что я останусь?»

«И куда же ты отправишься? К нему? Сомневаюсь».

«К Бобби Ренгартен в Дорчестере или к Дебби Смит в Самерсворте, я думаю». Фрэнни медленно собралась с силами и встала. Она продолжала плакать, но и сама уже стала выходить из себя. «Впрочем, это не твое дело».

«Не мое дело?» — эхом отозвалась Карла, все еще с вазой в руках. Лицо ее было белым, как пергамент. «Не

мое дело? То, что ты вытворяешь в моем доме, — не *мое* дело? Ах ты неблагодарная маленькая *сучка!*»

Она ударила Фрэнни по щеке, и ударила сильно. Голова Фрэнни откинулась назад. Она перестала потирать голову и принялась потирать щеку, недоверчиво глядя на мать.

«Вот твоя благодарность за то, что мы отправили тебя в приличный колледж», — сказала Карла, обнажая зубы в безжалостной и пугающей ухмылке. «Теперь ты *никогда* его не закончишь. После того, как выйдешь за него замуж...»

«Я не собираюсь выходить за него замуж. И я не собираюсь уходить из колледжа».

Глаза Карлы расширились. Она уставилась на Фрэнни, как на сумасшедшую. «Что ты несешь? Аборт? Ты собираешься сделать аборт? Мало того, что ты шлюха, так ты еще решила стать и убийцей?»

«У меня будет ребенок. Мне придется перенести весенний семестр, но я смогу кончить следующим летом».

«А на какие шиши ты думаешь кончать? На *мои* деньги? Если это так, очевидно, ты чего-то не поняла. Такой современной девушке, как ты, едва ли понадобится поддержка ее родителей, не так ли?»

«Как-нибудь выкручусь», — мягко сказала Фрэнни.

«В тебе нет ни капли стыда! Ты думаешь только о себе!» — закричала Карла. «Боже, что будет со мной и с твоим отцом! Но тебе до этого нет никакого дела! Это разобьет сердце твоего отца и...»

«Я не чувствую себя таким уж разбитым». Спокойный голос Питера Голдсмита доносился из дверного проема, и они обе повернулись туда. Он действительно стоял в дверях, но за пределами комнаты. Носы его рабочих ботинок лишь слегка заступили за ту границу, где потрепанный коридорный коврик переходил в ковер гостиной. Фрэнни неожиданно поняла, что именно на этом месте она видела его много раз. Когда он в последний раз заходил в гостиную? Она не могла вспомнить.

«Что ты там делаешь?» — спросила Карла, неожиданно позабыв о возможном ущербе, который могло понести сердце ее мужа. «Я думала, ты работаешь сегодня вечером».

«Меня подменил Гарри Мастерс», — сказал Питер. «Фрэн уже сказала мне, Карла. Скоро мы будем дедушкой и бабушкой».

«Дедушкой и бабушкой!» — взвизгнула она. Она захотала отвратительным, скрежещущим смехом. «Так ты предоставил это мне. Она сказала тебе первому, а ты это от меня скрыл. Ну а теперь я закрою дверь, и мы выясним все вопросы вдвоем».

Она улыбнулась Фрэнни сияющей, язвительной улыбкой. «Между нами... *девочками*».

Она взялась за ручку двери и стала медленно закрывать ее. Фрэнни наблюдала, все еще удивленная и с трудом понимающая причину внезапной вспышки гнева и сарказма со стороны ее матери.

Питер медленно и неохотно поднял руку и остановил дверь на полпути. «Питер, я хочу, чтобы ты предоставил это мне».

«Я знаю, что ты хочешь. В прошлом так и было. Но не сейчас, Карла».

«Это не твоя область».

«Моя», — спокойно ответил он.

«Папочка...»

Карла повернулась к ней. Пергаментно-белая кожа ее лица теперь покрылась красными пятнами на щеках. «*Не смей с ним говорить!*» — закричала она. «Ты имеешь дело не с ним, а со мной! Я знаю, что ты всегда можешь подольститься к нему с любой сумасшедшей идеей и переманить его на свою сторону, чтобы ты ни натворила, но сегодня тебе не с ним придется иметь дело, мисс!»

«Прекрати, Карла».

«*Убирайся отсюда!*»

«Я сюда и не входил. Можешь убедиться, что...»

«Не смей надо мной насмехаться! *Убирайся из моей гостиной!*»

И с этими словами она принялась толкать дверь, нагнув голову и упершись в нее плечами так, что стала похожа на быка. Сначала он с легкостью удерживал дверь, потом с усилием. Наконец жилы вздулись у него на шее, и это несмотря на то, что она была женщиной и весила на семьдесят фунтов меньше, чем он.

Фрэнни хотела крикнуть им, чтобы они прекратили, и попросить отца уйти, так чтобы им обоим не пришлось видеть Карлу в таком внезапном и безрассудном ожесточении, которое всегда угрожало ей, а сейчас захлестнуло ее с головой. Но слова застряли у нее в горле.

«Убирайся! Убирайся из моей гостиной! Вон! Вон! Вон! Эй ты, ублюдок, отпусти эту чертову дверь и УБИРАЙСЯ ВОН!»

И в этот момент он дал ей пощечину. Раздался глухой, незначительный звук. Дедушкины часы не рассыпались от ярости в пыль. Мебель не застонала. Но яростные крики Карлы прекратились, словно их отрезало скальпелем. Она упала на колени, и дверь настежь распахнулась, слегка ударившись о викторианский стул с высокой спинкой и с вышитой салфеткой на сиденье.

«Нет, не надо», — тихо сказала Фрэнни.

Карла прижала ладонь к щеке и уставилась на мужа.

«Ты добивалась этого десять лет», — сказал Питер. Голос его слегка дрожал. «Я всегда убеждал себя не делать этого, потому что бить женщин не в моих правилах. Я и сейчас так думаю. Но когда человек — мужчина или женщина — превращается в собаку и начинает кусаться, кому-то надо поставить его на место. Мне только жаль, Карла, что я не сделал этого раньше».

«Папочка...»

«Помолчи, Фрэнни», — сказал он с безразличной суровостью, и она умолкла.

«Ты говоришь, что она эгоистка», — сказал Питер, продолжая смотреть прямо в окаменевшее, изумленное лицо жены. «На самом деле *ты* эгоистка. Ты перестала любить Фрэнни, когда умер Фред. Именно тогда ты решила, что любовь может принести слишком много страданий и что жить для себя — гораздо безопаснее. И тогда ты посвятила себя этой комнате. Ты обожала умерших членов своей семьи и совсем забыла о живых. Боль — причина перемен, но вся боль мира не способна изменить фактов. Ты была эгоистична».

Он подошел и помог ей встать. Выражение ее лица не изменилось. Глаза по-прежнему были широко раскрыты, и в них застыло выражение недоверия.

«Я виноват в том, что не остановил тебя. Чтобы не доставлять лишних хлопот. Чтобы не раскачивать лодку. Видишь, я тоже был эгоистом. И когда Фрэн поступила в колледж, я подумал: Ну что ж, Карла теперь может жить как хочет, и от этого никому не будет плохо, кроме нее самой, а если человек не знает, что ему плохо, то, возможно, с ним все в порядке. Я ошибся. Я и раньше ошибался, но никогда моя ошибка не была такой непростительной». Мягко, но с силой он взял ее за плечи. «А теперь, я скажу тебе как муж. Если Фрэнни нужно пристанище, то она найдет его здесь — как и было всегда. Если ей нужны деньги, она сможет найти их в моем кошельке — как и было всегда. И если она захочет оставить ребенка, она так и сделает. Более того, я скажу тебе одну вещь. Если она захочет покрестить ребенка, обряд будет совершен прямо здесь. Прямо здесь, в этой чертовой гостиной».

Рот Карлы широко раскрылся, и теперь из него стали доноситься звуки. Сначала они звучали странно, как свисток закипающего чайника. Потом они перешли в пронзительный вопль.

«Питер, твой собственный сын лежал в гробу в этой комнате!»

«Да. И именно поэтому я считаю, что не найти лучше места для того, чтобы покрестить новую жизнь», — сказал он. «Кровь Фреда. Живая кровь. А сам Фред, он уже много лет как мертв, Карла. Его давно уже съели черви».

Она вскрикнула и закрыла уши руками. Он наклонился и отвел их.

«Но червям не досталась твоя дочь вместе со своим ребенком. Неважно, откуда он взялся, но он живой. Ты, похоже, собралась ее прогнать, Карла. Что у тебя останется, если ты это сделаешь? Ничего, кроме этой комнаты и мужа, который будет ненавидеть тебя за то, что ты сделала. Если ты это сделаешь, то это будет все равно как если бы в тот день мы оказались втроем — я и Фрэнни вместе с Фредом».

«Я хочу подняться наверх и прилечь», — сказала Карла. «Меня тошнит. Думаю, мне лучше прилечь».

«Я тебе помогу», — сказала Фрэнни.

«Не смей ко мне прикасаться. Оставайся со своим отцом. Похоже, вы вместе с ним все продумали. Как вы расправитесь со мной. Почему бы тебе просто не поселиться в моей гостиной, Фрэнни? Не запачкать ковер? Не швырнуть угли из печи в мои часы? Почему бы и нет?»

Она захохотала и протиснулась в коридор мимо Питера. Она шаталась, как пьяная. Питер попытался взять ее одной рукой за плечи. Она оскалилась и зашипела на него, как кошка.

Пока она медленно поднималась по лестнице, опираясь на перила красного дерева, ее смех перешел в рыдания. Они были такими безутешными и отчаянными, что Фрэнни чуть не закричала, одновременно почувствовав, что ее сейчас вырвет. Лицо ее отца было цвета грязного белья. Наверху Карла обернулась и пошатнулась так сильно, что Фрэнни подумала, что сейчас она скатится вниз. Она посмотрела на них, как будто собиралась что-то сказать, но потом снова отвернулась. Мгновение спустя дверь ее спальни приглушила бурные звуки горя и боли.

Фрэнни и Питер потрясенно уставились друг на друга. Дедушкины часы продолжали тикать.

«Это подействует», — сказал Питер. «Скоро она придет в себя».

«Ты уверен?» — спросила Фрэнни. Она медленно подошла к отцу, прислонилась к нему, и он обнял ее одной рукой. «Мне так не кажется».

«Это неважно. Сейчас мы не будем об этом думать».

«Я должна уйти. Она не хочет видеть меня здесь».

«Ты должна остаться. Ты должна быть здесь в тот момент, когда — если, конечно, это случится — она придет в себя и поймет, что ты по-прежнему нужна ей». Он выдержал паузу. «Что касается меня, то я давно это понял, Фрэн».

«Папочка», — сказала она и положила голову ему на грудь. «Папочка, мне так жаль, я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой...»

«Тсс», — сказал он и погладил ее по волосам. Ее волосы были освещены мягким вечерним светом, золотым и спокойным, таким, какой обычно освещает музеи. «Тсс, Фрэнни, я люблю тебя. Я люблю тебя».

ГЛАВА 12

Снова зажглась красная лампочка. Насос зашипел. Дверь открылась. На вошедшем человеке не было белого скафандра, но в нос ему был вставлен блестящий фильтр, немного похожий на серебряную вилку с двумя зубцами.

«Привет, мистер Редман», — произнес он, пересекая комнату. Он протянул руку в прозрачной резиновой перчатке, и Стью удивленно пожал ее. «Меня зовут Дик Дитц. Деннинджер сказал, что вы не будете играть в футбол, пока не узнаете, какой счет».

Стью кивнул.

«Хорошо». Дитц присел на краешек кровати. Он был большим смуглым человечком, немного похожим на гнома из диснеевского мультфильма. «Так что вы хотите знать?»

«Во-первых, я хочу знать, почему на вас нет скафандра?»

«Потому что Джеральдо утверждает, что вы не заражены». Дитц указал на морскую свинку за двойным стеклом. Морская свинка сидела в клетке, а за ней стоял сам Деннинджер с бесстрастным лицом.

«Джеральдо?»

«Джеральдо последние три дня дышал одним с вами воздухом, который поступал к нему через конвектор. Болезнь, которой заразились ваши друзья, легко передается от людей морским свинкам и наоборот. Если б вы были заразны, Джеральдо давно бы сдох».

«Что у меня?»

«Черные волосы, голубые глаза, смуглая кожа», — стал плавно перечислять Дитц, но, прервавшись, повнимательнее посмотрел на Стью. «Не смешно, да?»

Стью ничего не ответил.

«Хотите ударить меня?»

«Не думаю, что в этом будет толк».

Дитц вздохнул и потер переносицу. «Послушайте», — сказал он. «Когда дела плохи, я начинаю шутить. Кто-то курит, кто-то жует жвачку. Это помогает мне держать себя в руках, вот и все. А что до болезни, которой вы больны, то, насколько смогли установить Деннинджер и его коллеги, вы абсолютно здоровы».

Стью невозмутимо кивнул. Но ему показалось, что этот маленький гном сумел угадать под его бесстрастным лицом то внезапное и глубокое облегчение, которое он испытал.

«Что у других?»

«Извините, это секретная информация».

«Как заразился Кэмпиион?»

«Это тоже засекречено».

«Я думаю, он был военным. И где-то там произошел несчастный случай. Типа того, что был с этими олухами из Уты тридцать лет назад, только посерьезнее».

«Мистер Редман, меня могут посадить в тюрьму только за то, что я буду говорить вам «горячо» или «холодно».

Стью задумчиво почесал покрывшийся щетиной подбородок.

«Вам надо радоваться, что мы вам ничего не говорим», — сказал Дитц. «Вы ведь не понимаете это?»

«Чтобы я мог лучше служить своей стране», — сухо произнес Стью.

«Нет, это дело исключительно Деннинджера», — сказал Дитц. «В общей системе ни я, ни Деннинджер не являемся шишками, но Деннинджер стоит даже ниже, чем я. Он всего лишь сервопривод, не более того. У вас есть более прагматическая причина радоваться. Вы ведь тоже засекречены. Вы исчезли с лица земли. Если б вы знали достаточно много, то большие шишки наверху могли бы решить, что надежнее всего вам исчезнуть окончательно».

Стью ничего не сказал. Он был потрясен.

«Но я пришел сюда не для того, чтобы угрожать вам, мистер Редман. Нам очень необходимо ваше сотрудничество. Мы в нем нуждаемся».

«Где находятся остальные люди, с которыми я прибыл?»

Дитц вытащил из кармана лист бумаги. «Виктор Палфри, скончался. Норман Брюетт, Роберт Брюетт, скончались. Томас Уоннамейкер, скончался. Ральф Ходжес, Берт Ходжес, Черил Ходжес, скончались. Кристиан Ортега, скончался. Энтони Леоминстер, скончался».

«Все?» — услышал он звук своего собственного голоса. «Вся семья Ральфа?»

Дитц перевернул бумагу. «Нет, осталась маленькая девочка, Ева. Четырех лет. Она жива».

«Ну, и как она?»

«Извините, но эта информация засекречена».

Его охватил внезапный приступ ярости. Он вскочил, схватил Дитца за лацканы пиджака и начал трясти его из стороны в сторону. Боковым зрением он уловил смятенное движение за двойным стеклом. Он услышал, как в отдалении завывала сирена.

«Что же вы, черти, вытворяете?» — закричал он. «Что же вы делаете? Что вы *делаете*, сукины дети?»

«Мистер Редман...»

«Что? Что же вы, сволочи, *вытворяете*?»

Дверь с шипением распахнулась. Трое мощных людей в оливкового цвета форме вошли внутрь. У всех были носовые фильтры.

Дитц увидел их и резко крикнул: «Убирайтесь отсюда к чертовой матери!»

Троица выглядела нерешительно.

«Нам приказали...»

«Убирайтесь отсюда — *вот* ваш приказ!»

Они ретировались. Дитц спокойно сел на кровать.

«Послушайте меня», — сказал он. «Не я виноват в том, что вы здесь. Ни я, ни Деннинджер, ни медсестры, которые приходят измерить вам кровяное давление. Если кто и виноват, так это Кэмпбелл, а с него вам вряд ли удастся спросить. Он сбежал, но в таких обстоятельствах вы или я также могли сбежать. Техническая неполадка позволила ему сбежать. Такова ситуация. Мы пытаемся исправить ее, все мы. Но это не значит, что мы в чем-то виноваты».

«Тогда кто виноват?»

«Никто», — ответил Дитц и улыбнулся. «Ответственность лежит на стольких людях, что ее как бы и не существует. Это был несчастный случай».

«Несчастный случай», — повторил Стью почти шепотом.

«А что с остальными? Хэп и Хэнк Кармайкл и Лила Брюетт? Их парень Люк? Монти Салливан...»

«Засекречено», — сказал Дитц. «Еще хочешь потрепать меня? Если тебе от этого станет легче, то давай».

Стью ничего не сказал, но то, как он посмотрел на Дитца, заставило его опустить глаза и заняться складками своих брюк.

«Они живы», — сказал он. «Может быть, со временем вы их увидите».

«Что с Арнеттом?»

«Карантин».

«Сколько там умерло?»

«Нисколько».

«Вы лжете».

«Мне жаль, что вы так думаете».

«Когда я смогу уйти отсюда?»

«Я не знаю».

«Засекречено?» — горько спросил Стью.

«Нет, просто неизвестно. Вы, похоже, не заразились. Мы хотим узнать, почему это так. После этого мы свободны.»

«Могу я побриться?»

Дитц улыбнулся. «Если вы позволите Деннинджеру начать обследование, я отдам распоряжение побрить вас прямо сейчас».

«Я и сам умею держать бритву в руках. Я занимаюсь этим с пятнадцати лет».

Дитц твердо покачал головой. «Боюсь, это невозможно».

Стью сухо улыбнулся. «Опасаетесь, что я перережу себе глотку?»

«Давайте просто назовем это...»

Стью прервал его речь приступом сухого кашля. Кашель был таким сильным, что Стью согнуло пополам.

Это оказало на Дитца гальваническое действие. Он вскочил с кровати и пулей понёсся к двери, казалось, не касаясь ногами пола.

«Не бойтесь», — мягко сказал Стью. «Я просто пошутил».

Дитц медленно повернулся к нему. Лицо его изменилось. Губы сжались от гнева, глаза горели. «Что ты сказал?»

«Пошутил», — сказал Стью. Улыбка его стала еще шире.

Дитц сделал по направлению к нему два нерешительных шага. «Но почему? Почему ты сделал это?»

«Прошу прощения», — ответил Стью с улыбкой. «Эта информация засекречена».

«Ах ты, сукин сын», — проговорил Дитц слегка изумленно.

«Иди. Или и скажи им, что они могут приступить к своим анализам».

ГЛАВА 13

Было четверть двенадцатого. Дитц в одиночестве сидел в кабинете. В руках он держал микрофон.

«Говорит полковник Дитц», — сказал он. «Место нахождения — Атланта. Код — ПиБи-2. Сообщение №16. Файл «Проект Блу». Подфайл «Принцесса/Принц». Сообщение, файл и подфайл совершенно секретны. Если у вас нет допуска к этому материалу, то пошел в жопу, парень».

Он прервался и секунду закрыл глаза. Магнитофон плавно работал. «Принц меня чертовски напугал», — сказал он наконец. «Не стану вдаваться в это, пусть Деннинджер докладывает. До сих пор тесты не показали наличия вируса».

Он вновь прервался, борясь со сном. За последние трое суток ему удалось поспать только четыре часа.

«Генри Кармайкл умер, пока я разговаривал с Принцем. Полицейский, Джозеф Роберт Брентвуд, умер полчаса назад. У Брентвуда неожиданно наблюдался положительный результат на вакцину типа... как ее там...» Он зашуршал бумагами. «Ага, вот она. 63-А-3. Лихорадка спала. Характерная припухлость гландов прошла. Он сказал, что голоден, и съел вареное яйцо с жареным хлебом. Разговаривал вполне осмысленно, хотел узнать, где находится. Потом лихорадка внезапно возобновилась. Начался бред. Он сорвался с кровати и бегал по комнате, крича, кашляя и выплевывая слизь. Потом он упал и умер».

Он сделал паузу.

«Худшее я приберег под конец. Мы можем рассекретить Принцессу обратно в Еву Ходжес. Ее карета с четверней сегодня превратилась в тыкву, запряженную мышами. А посмотреть на нее, скажешь, что у нее все в порядке, даже насморка нет. Конечно, она переживает — скучает по маме. В остальном с ней с виду все в порядке. И однако, она больна. После завтрака измерение артериального давления показало сначала спад, а потом подъем. В настоящее

время это единственный способ диагностирования, которым располагает Деннинджер. Перед ужином Деннинджер показал мне слайды ее мокроты — как способ похудеть, слайды мокроты просто восхитительны, поверьте мне — и они кишат этими круглыми микробами, которые, по его словам, совсем не микробы, а инкубаторы. Не понимаю, как он может знать, как эта штука выглядит и где она находится, и не уметь ее остановить. Он сыпет терминами, но мне кажется, что он сам их не понимает».

Дитц закурил.

«Ну и к чему мы пришли на сегодняшний день? Есть болезнь, у которой есть несколько ярко выраженных стадий... но некоторые люди минуют одну из стадий. Некоторые могут вернуться на одну стадию назад. С некоторыми случается и то, и то. Некоторые задерживаются на одной стадии в течение сравнительно долгого промежутка времени, другие же проносятся через все четыре, словно на реактивных санях. Один из наших «чистых» объектов уже больше не является «чистым». Другой же представляет собой тридцатилетнего грубияна, который здоров, как я. Деннинджер сделал ему миллионов тридцать анализов и определил только четыре отклонения от нормы: у Редмана очень много родинок на теле. У него легкая склонность к гипертонии, настолько легкая, что нет смысла лечить ее сейчас. Когда он нервничает, у него появляется небольшой тик под левым глазом. И Деннинджер утверждает, что он видит сны гораздо чаще средне-статистической нормы — почти всю ночь подряд, каждую ночь. Они выяснили это из электроэнцефаллограмм, которые они успели снять, прежде чем он забастовал. Вот такие дела. Я ничего не могу из этого извлечь. В том же положении и доктор Деннинджер, и люди, которые проверяют его работу. «Все это пугает меня, Старки. Это пугает меня потому, что никто, за исключением очень классного врача, посвященного во все факты, не определит ничего, кроме обыкновенной простуды, у людей, зараженных этой штукой. И, Бог мой, ведь никто не пойдет к врачу, если только у него не воспаление легких, или подозрительная опухоль на груди, или тяжелый случай крапивницы. Слишком дорого обходится визит. Вот они и останутся дома,

будут пить побольше жидкости и соблюдать постельный режим. А потом они умрут. Но перед тем, как умереть, они загрязнят каждого, кто заглянет к ним в комнату. Все мы по-прежнему ждем, что Принц — мне кажется, я где-то использовал его настоящее имя, но сейчас мне на это глубоко плевать — свалится сегодня ночью, или завтра, или — самое позднее — послезавтра. А вплоть до настоящего момента никто из заболевших не проявил никаких признаков улучшения. На мой взгляд, эти сукины дети из Калифорнии слегка перестарались.

«Дитц, Атланта, ПиБи-2, конец сообщения».

Он выключил магнитофон и долго-долго смотрел на него. Потом он снова закурил.

ГЛАВА 14

Было без двух минут полночь.

Патти Гриер, медсестра, пытавшаяся смерить Стью давление, когда он объявил забастовку, пролистывала свежий выпуск «МакКолл» и ожидала того момента, когда надо будет идти и проверить мистера Салливана и мистера Хэпскома. Хэп будет сидеть и смотреть телевизор, и с ним не возникнет никаких проблем. Ему нравилось подшучивать над ней, интересуясь, насколько сильно надо ущипнуть ее задницу, чтобы она почувствовала это сквозь свой белый скафандр. Мистер Салливан будет спать, и ей предстоит отвратительная процедура. Ведь не она виновата в том, что ей приходится его будить, и ей казалось, что мистер Салливан должен бы отдавать себе в этом отчет. Ему надо бы гордиться тем, что правительство так о нем заботится, и тем более бесплатно. И она ему так и скажет, если он опять будет выражать недовольство. Стрелка указывала на двенадцать — пора идти.

Она оставила пост медсестры и пошла по коридору к белой комнате, где ее сначала обрызгают из пульверизатора, а потом помогут ей надеть белый костюм. На полпути туда в носу у нее защекотало. Она вынула из кармана носовой платок и три раза несильно чихнула.

Поглощенная предстоящей встречей с капризным мистером Салливаном, она не придавала этому никакого значе-

ния. Возможно, это был легкий приступ септической лихорадки. На посту медсестры висел плакат, на котором большими красными буквами было написано: **НЕМЕДЛЕННО ДОЛОЖИТЕ ВЫШЕСТОЯЩЕМУ ЛИЦУ О ЛЮБЫХ ПРОСТУДНЫХ СИМПТОМАХ, КАКИМИ БЫ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМИ ОНИ НИ БЫЛИ.** Но мысль об этой надписи не пришла ей в голову. Она твердо знала, что даже мельчайший вирус не может проникнуть сквозь замкнутую оболочку белого костюма.

И тем не менее, по пути в белую комнату она заразила санитаря, доктора, который собирался уходить, и другую медсестру как раз в преддверии ее полноточного путешествия по городу.

Начинался новый день.

ГЛАВА 15

Днем позже, двадцать третьего июня, большой белый «Конни» несся на север по шоссе №180. Скорость была где-то между девяносто и сто.

Путь, который проделал «Конни» с тех пор, как Поук и Ллойд убили его владельца к югу от Хачиты, был петляющим и лишенным всякого смысла. За последние шесть дней они убили шесть человек, в том числе владельца «Континентала», его жену и дочку. Но не из-за этого они нервничали на заставе между штатами. Дело было в наркотиках и оружии. Пять граммов гашиша, жестяная баночка с кокаином и шестнадцать фунтов марихуаны. Два пистолета тридцать восьмого калибра, три — сорок пятого и один «Магнум-357».

Они свернули на север у Деминга, проехали Херли и Байард, а также несколько больший по размеру Сильвер Сити, где Ллойд купил пакет гамбургеров и восемь молочных коктейлей. После Сильвер Сити дорога стала уклоняться на запад, как раз в том направлении, куда ехать им не хотелось.

«У нас осталось мало бензина», — сказал Поук.

«Осталось бы больше, если б ты не гнал с такой скоростью», — сказал Ллойд.

«Но! Но!» — закричал Поук и нажал на газ.

«Вперед, ковбой», — завопил Ллойд.

«Ho! Ho!»

«Хочешь покурить?»

Между ногами у Ллойда лежал большой зеленый пакет. В нем было шестнадцать фунтов марихуаны. Ллойд дотянулся до пакета, вытащил горсть и стал сворачивать самокрутку.

«Ннннноооо!» Машину болтало из стороны в сторону.

«Кончай это дерьмо!» — крикнул Ллойд. «Повсюду сыпется эта дрянь».

«Нннннооо!»

«Давай, нам надо сбыть с рук эту штуку, иначе нас поймают и запихнут в багажник».

«О'кей, парень». Поук выровнял машину, но выражение лица у него было обиженным. «Это была твоя мысль, твоя идиотская мысль».

«Раньше тебе казалось, что это *хорошая* мысль».

«Да, но я не знал, что дело кончится тем, что мы будем колесить по этой чертовой Аризоне. Как мы вообще доберемся до Нью-Йорка этой дорогой?».

«Мы сбиваем погоню со следа, парень», — сказал Ллойд.

«Чертовская удача», — сказал Поук, все еще дуясь. «Адская же у нас работенка. Знаешь, что у нас есть, кроме зелья и пушек? У нас шестнадцать долларов и три сотни кредитных карточек, которые мы никогда не посмеем использовать. Черт, у нас даже нет денег, чтобы наполнить бак этого борова».

«Бог пошлет», — сказал Ллойд и закурил самокрутку.

«А если ты собираешься продать ее, то какого черта мы ее курим?» — продолжал Поук, не слишком-то успокоенный мыслью о божественном милосердии.

«Ну, продадим несколькими унциями меньше — какая разница? Давай, Поук. Затянись».

Это был верный способ развеселить Поука. Он гоготнул и взял косяк. Между ними на подставке стоял «шмайсер», заряженный до отказа. «Конни» несли по дороге. Индикатор бензина показывал, что осталось восемь литров.

Эндрю Фримен, по кличке Поук, осужденный за обычную драку, освобожден в апреле 1989 года. Его койка была

рядом с койкой Ллойда Хенрида. Он сказал Хенриду, что если его интересует крупное дело, то у него есть на примете кое-что интересное в Лас-Вегасе. Ллойд согласился.

Ллойд освободился первого июня. Он был осужден за попытку изнасилования. Он отсидел только два года из четырех и был досрочно освобожден за примерное поведение.

На автобусе он доехал до Лас Вегаса, и Поук встретил его на остановке. «Один парень на побегушках у людей с итальянскими именами, — сказал Поук, — назвал мне время, когда он будет вести в Лос Анджелес крупную партию наркотиков и оружия». Поук и Ллойд должны были напасть на него, связать и вставить кляп, потом забрать у него все и двинуть его пару раз для пушнего правдоподобия. «Бить надо сильно», — предупредил парень. Людей с итальянскими именами не так-то легко одурачить. За все это он просил четверть от суммы, полученной от продажи товара.

«Ну что ж», — сказал Ллойд. «Звучит неплохо».

На следующий день Поук и Ллойд пошли на встречу с Джорджем (так звали парня) — шестифунтовой дубиной с маленькой головой, сидевшей на несуществующей шее. Джордж сказал им прийти к нему домой вечером в следующую пятницу около шести часов. «Ради Бога, наденьте маски», — сказал он. «Вы расквасите мне нос и поставите фингал под глазом. Господи, и зачем только я в это ввязался».

Великий вечер наступил. Дверь в дом Джорджа оказалась заперта, но как он и сообщал, заперта не слишком крепко. На первом этаже была игровая комната. Там и стоял Джордж рядом с полным пакетом травы. На столе для пинг-понга лежало оружие. Джордж был испуган до смерти.

«Господи, Боже ты мой, и зачем только я в это ввязался», — повторял он Ллойд и Поуку, пока они его связывали.

Потом Ллойд двинул Джорджа в нос, расквасив его до крови, а Поук поставил ему синяк под глазом, в соответствии с высказанной просьбой.

«Господи!» — завопил Джордж. «Зачем же так сильно?»

«Ты сам этого хотел», — заметил Ллойд.

Поук скотчем закрепил Джорджу рот. Потом они стали собирать добычу.

«Хочу спросить у тебя одну вещь, дружок?» — сказал Поук.

«О чем?» — спросил Ллойд, нервно хихикнув.

«Как ты думаешь, сможет ли старина Джордж не выдать наш секрет?»

Ллойд оказался не готов к такому вопросу. В течение томительно долгой минуты он смотрел на Джорджа, глаза которого выкатились от внезапного ужаса.

Потом Ллойд сказал: «Конечно. Он ведь тоже в этом замешан». Но голос его звучал неубедительно. Если семена посадить в землю, они почти всегда прорастают.

Поук улыбнулся. «Ну, он может просто сказать им: Привет, ребята. Я встретил старого приятеля с дружком. Мы поболтали, выпили несколько бутылочек пива, и что же вы думаете, эти сукины дети заявили ко мне домой и ограбили меня. Уверен, что вы их поймаете. Давайте, я вам опишу, как они выглядят».

Джордж бешено тряс головой, а его глаза превратились в заглавные «О» ужаса.

К тому времени они сложили оружие в полотняную сумку для белья, найденную в ванной. Ллойд нервно подергал сумку и сказал: «Ну, и что же, ты думаешь, мы должны делать?»

«Я думаю, старичок, мы должны его кончить», — сказал Поук с сожалением. «Это единственный возможный выход».

«Это чертовски тяжело сделать после того, как он навел нас на это дело», — сказал Ллойд.

«Тяжело жить в этом мире, дружок».

«Да уж», — вздохнул Ллойд, и они подошли к Джорджу.

«Мммф», — сказал Джордж, бешено тряс головой.
«Мммм! Мммммммммф!»

«Я знаю», — утешил его Поук. «Хреново вышло, да? Мне очень жаль, без обмана. У меня к тебе нет никакой личной неприязни. Хочу, чтобы ты запомнил это. Держи его голову, Ллойд».

Легче было сказать, чем сделать. Джордж бешено мотал головой из стороны в сторону. Стены его игровой комнаты

были из шлакоблоков, и он бился о них головой, но, похоже, не чувствовал никакой боли.

«Держи его», — безмятежно сказал Поук и оторвал очередной кусок скотча.

Ллойд наконец-то ухватил его за волосы и держал его достаточно долго, для того чтобы Поук успел прилепить кусок скотча прямо на ноздри Джорджа, тем самым запечатав все его дыхательные пути. Агония продолжалась почти пять минут.

Поук присел на корточки рядом с трупом и пощупал пульс.

«Ну?» — спросил Ллойд.

«Ничего не слышно, кроме часов, старина», — сказал Поук. «Да, кстати, о часах...» Он поднял мясистую руку Джорджа и посмотрел на его запястье. «Нет, обычный «Таймекс». Я-то думал «Касио» или что-нибудь в этом роде».

Ключи от машины Джорджа лежали в переднем кармане его брюк. А в буфете наверху они нашли банку из-под арахисового масла, доверху набитую десятицентовиками. В общей сложности было двадцать долларов и шестьдесят центов.

Они выехали из Вегаса по №93 и поехали на юго-восток в Аризону. Вчера около девяти они остановились у магазинчика в двух милях от Шелдона по шоссе №75. Они вошли внутрь и убили хозяина — пожилого джентльмена со вставными зубами. Им достались шестьдесят три доллара и старый грузовик.

Сегодня утром у грузовика лопнули две шины. Две шины одновременно, и ни один из них не обнаружил на шоссе ни одного гвоздя, хотя почти полчаса они провели в поисках. В конце концов Поук сказал, что, должно быть, это было совпадение. Ллойд сказал, что ему приходилось слышать и о более удивительных вещах. Потом появился белый «Конни», словно в ответ на их молитвы.

Водитель «Конни» высунулся из окна и спросил: «Нужна ли помощь?»

«Конечно, нужна», — сказал Поук и посадил ему между глаз пулю из «Магнума-357». Несчастный мудака так, наверное, никогда и не узнал, что его ударило.

* * *

«Почему бы тебе не повернуть здесь?» — спросил Ллойд, указывая на приближающийся перекресток. Он был одурманен.

«И поверну», — весело сказал Поук.

Примерно час спустя справа показался дорожный знак: **БАРЕК 6.**

«Давай остановимся там. Я голоден», — попросил Ллойд.

«Ты всегда голоден».

«Иди в жопу. Когда я накурюсь, всегда хочу жрать».

«О'кей. Да и денег надо раздобыть. Добудем денег и поедем на север. Эта мудацкая пустыня меня достала».

«О'кей», — сказал Ллойд.

Они проехали Баррек и на выезде обнаружили помещавшиеся в одном здании кафе, магазинчик и заправочную станцию. На площадке перед зданием стояли фордовский фургон, пыльный «Олдсмобиль» и телега. Лошадь внимательно изучала их, пока они ставили «Конни» на стоянку.

Поук взял -357 и проверил патроны. «Готов?»

«Думаю, да», — отозвался Ллойд и взялся за шмайсер.

Заправка была на самообслуживании. Дежурный должен был только включить насос. Они поднялись по ступенькам и вошли внутрь. За прилавком человек в ковбойской одежде расплачивался за пачку сигарет. Утомленная женщина с жесткими черными волосами пыталась сделать выбор между двумя видами соуса для спагетти. За прилавком стоял хозяин — веснушчатый человек в серой рубашке. Он поднял взгляд, когда хлопнула входная дверь, и глаза его расширились от ужаса.

Ллойд дал очередь в потолок. Два стеклянных колпака разбились вдребезги. Человек в ковбойской одежде сделал движение, чтобы обернуться.

«Стойте на месте, и мы никого не тронем!» — закричал Ллойд. Поук немедленно превратил его в лжеца, проделав дырку в женщине, разглядывавшей соус.

«Боже мой, Поук!» — закричал Ллойд. «Ты не должен...»

«Кончил ее, старичок!» — завопил Поук. «Ей больше не придется смотреть телек! Ннннооо! Нннннооо!»

Человек в ковбойской одежде медленно обернулся. В левой руке он держал пачку сигарет. За поясом у него был

револьвер сорок пятого калибра. Пока Ллойд и Поук таращились на мертвую женщину, он неторопливо взял в руки револьвер, прицелился, выстрелил, и левая половина лица Поука неожиданно превратилась в месиво из крови, мяса и зубов.

«Меня ранили!» — завопил Поук, роняя свой -357. *«Меня ранили, Ллойд! Ранили! Ранили!»* Он ударился о входную дверь, и она распахнулась. Поук тяжело опустился на крыльцо.

Ошеломленный Ллойд выстрелил скорее инстинктивно, чем в целях самозащиты. Грохот «шмайсера» заполнил комнату. Бутылки и консервные банки взорвались на своих полках. Человек в ковбойской одежде, равнодушный, спокойный и собранный, снова выстрелил. Ллойд скорее почувствовал, чем услышал, как пуля пролетела у него над головой. Он дал еще одну очередь.

Человек за прилавком упал с такой внезапностью, что можно было подумать, будто он провалился в люк. Автомат с жвачкой разлетелся вдребезги. Повсюду рассыпались красные, синие и зеленые шарики. Шмайсер проделал три дырки в ковбое, и большая часть его внутренностей оказалась на пакетиках с сухой картошкой. Ковбой осел, все еще сжимая в одной руке 45, а в другой — пачку «Лаки».

Ллойд, обезумев от страха, продолжал палить. Автомат нагревался у него в руках. Коробка с бутылками соды зазвенела и упала. Девушка на календаре, одетая в соблазнительные шорты, получила пулю в бедро волшебного персикового цвета. Рухнула стопка книжек. Потом патроны кончились, и наступила оглушающая тишина. В комнате стоял тяжелый и отвратительный запах пороха.

«Боже мой», — выдохнул Ллойд. Он опасливо посмотрел на ковбоя. Было непохоже, что ковбой причинит ему какие-нибудь неприятности в ближайшем или отдаленном будущем.

«Меня ранили!» — промычал Поук, вваливаясь обратно внутрь.

«Я кончил его, Поук», — утешил Ллойд, но Поук, похоже, ничего не слышал. Его правый глаз сиял, как сапфир. Левого глаза не было.левой щеки тоже не

наблюдалось: можно было видеть, как движется его челюсть, когда он говорит. Рубашка пропиталась кровью.

«Чертов мудака достал меня», — закричал Поук. Он наклонился и поднял свой «Магнум». «Я покажу тебе, сушь отродье, как стрелять в меня!»

Он двинулся к ковбою, поставил ногу ему на голову, как охотник, позирующий для фотографии, и приготовился опорожнить свой 357. Ллойд стоял и смотрел на это с раскрытым ртом, с дымящимся автоматом в руке, все еще пытаясь понять, как же все это могло случиться.

В этот момент человек, упавший за прилавок, появился оттуда, как тещин язык. Его лицо выражало отчаянную решимость, а в руках у него была зажата двустволка.

«Что?» — сказал Поук и поднял взгляд как раз вовремя, чтобы встретиться с обоими зарядами. Лицо его превратилось в еще большую кашу, чем раньше, и он упал.

Ллойд решил, что самое время сматывать. Черт с ними, с деньгами. В конце концов, деньги можно найти в любом другом месте. Похоже, что пришло время опять сбивать погоню со следа. Он выбежал из магазинчика.

Он уже наполовину слетел со ступенек, когда подъехала патрульная машина аризонской полиции. Из правой двери вылез полицейский и вытащил пистолет. «Стои на месте! Что происходит внутри?»

«Трое убитых!» — закричал Ллойд. «Ну и заваруха! Парень, который сделал это, сбежал через заднюю дверь! Я уношу ноги!»

Он подбежал к «Конни», скользнул за руль и как раз успел вспомнить, что ключи остались у Поука в кармане, когда полицейский завопил:

«Стои! Стои, стрелять буду!»

«Боже мой», — сказал Ллойд, когда второй полицейский приставил ему к голове здоровенный ковбойский пистолет, а первый надел на него наручники.

«Отправляйся в багажник, красавчик».

Владелец вышел из магазинчика, все еще сжимая в руках двустволку. «Он застрелил Билла Марксона. Другой прикончил миссис Сторм! Я застрелил одного! Он мертв, как собачье дерьмо! Отойдите, мальчики, я с удовольствием кончу и этого!»

«Успокойся, Поп», — сказал один из полицейских. «Веселье кончилось».

«Эй, ребята, держите меня подальше от этого парня», — попросил Ллойд. «Такое впечатление, что он сдвинулся».

«А это ты получил, когда выходил из магазина, красавчик», — сказал первый полицейский. Его пистолет поднялся, блеснув в солнечных лучах, и опустился на голову Ллойда Хенрида. Очнулся он только в апачской тюрьме.

ГЛАВА 16

Старки внимательно посмотрел на монитор 2. Специалист второго класса Фрэнк Д.Брюс по-прежнему сидел, уткнувшись лицом в миску супа. Ситуация не изменилась. Задумчиво Старки перешел к монитору 4, на котором положение изменилось к лучшему. Доктор Эммануэль Эзвик по-прежнему неподвижно лежал на полу, но центрифуга остановилась. В 1940 часов (прошедших с момента несчастного случая) из центрифуги начали появляться тонкие струйки дыма. В 21.07 часов внутри центрифуги в последний раз что-то звякнуло, и она медленно перешла в состояние покоя. Кажется, Ньютон сказал, что где-то далеко, за самой дальней звездой, может находиться тело в абсолютном состоянии покоя. Ньютон оказался прав во всем, кроме расстояния, — подумал Старки. Совсем не надо углубляться в такую даль. Проект Блу — вот воплощение абсолютной неподвижности.

В кабинете раздался сигнал вызова. Старки подошел к переговорному устройству и нажал на кнопку: «Слушаю, Лен».

«Билли, у меня срочное сообщение от одного из наших подразделений из Сайп Спрингса, штат Техас. Почти в четырехстах милях от Арнетта. Они утверждают, что им надо поговорить с тобой».

«В чем там дело, Лен?» — спросил он спокойно. За последние десять часов он принял шестнадцать «отрубонов» и чувствовал себя сравнительно неплохо.

«Пресса».

«О, Господи», — сказал Старки. «Соедини меня с ними».

«Подожди минутку», — сказал Лен.

Атмосферные помехи постепенно исчезли.

«...Лайон, подразделение Лайон, как слышите, база Блу? Как слышите нас? Раз... два... три... четыре... говорит подразделение Лайон».

«Слышу вас, подразделение Лайон», — сказал Старки. «Говорит база Блу один».

«Кодовое обозначение проблемы — Цветочный Горшок», — произнес металлический голос. «Повторите, Цветочный Горшок».

«Я прекрасно знаю, что такое Цветочный Горшок», — сказал Старки. «В чем там дело?»

Металлический голос из Сайп Спрингса говорил почти пять минут подряд. Сама по себе ситуация его не слишком-то интересовала, потому что уже два дня назад компьютер проинформировал его, что это произойдет до конца июня с вероятностью 88%. Специфика же несущественна. Если у вещи есть две штанины и место, куда вдеть ремень, то это брюки. Цвет не имеет значения.

Доктор из Сайп Спрингса сделал несколько остроумных предположений, и репортеры ежедневной газеты из Хьюстона связали происходящее в Сайп Спрингс с тем, что уже произошло в Арнетте, Вероне, Коммерс Сити и городке Поллистон, штат Канзас. В этих городах процесс развивался так стремительно и так неблагоприятно, что военным был отдан приказ ввести карантин. В компьютере был заложен список других двадцати пяти городов десяти штатов, в которых начали обнаруживаться следы Проекта Блу.

Старки принял решение. Он отпер ключом нижний ящик своего письменного стола и вытащил оттуда синий сверток, запечатанный красной бумажной лентой. Надпись на нем гласила: ЕСЛИ ЛЕНТА ОКАЖЕТСЯ СОРВАННОЙ, НЕМЕДЛЕННО ИЗВЕСТИТЕ ВСЕ ОТДЕЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ. Старки сорвал ленту.

«Вы на связи, база Блу?» — спрашивал голос. «Мы вас не слышим».

«Я здесь, Лайон», — ответил Старки. Он открыл последнюю страницу книги из свертка и провел пальцем по колонке, озаглавленной ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНЫЕ КОНТРМЕРЫ.

«Вы слышите меня, Лайон?»

«Слышим, база Блу».

«Троя», — сказал Старки решительно. «Повторите, Лайон: Троя».

Молчание. Отдаленный треск помех. Старки вспомнил о тех телефонах, которые они делали в детстве: две консервных банки и двадцать ярдов вощенной бечевки.

«Повторяю...»

«О Господи!» — раздалось из Сайп Спрингса.

«Повтори, сынок», — сказал Старки.

«Т-т-троя», — сказал голос. Потом, более уверенно: «Троя».

«Очень хорошо», — сказал Старки. «Благослови тебя Бог, сынок. Отбой».

«И вас, сэр. Отбой».

За щелчком последовали сильные помехи, потом снова щелчок, молчание, и голос Лена Крейтона. «Билли?»

«Да, Лен».

«Я слышал весь разговор».

«Прекрасно, Лен», — сказал устало Старки. «Ты можешь доложить об этом в какой угодно форме».

«Ты не понял, Билли», — сказал Лен. «Ты поступил правильно. Думаешь, я не понимаю этого?»

Старки позволил глазам закрыться. На мгновение все замечательные «отрубоны» перестали действовать. «Благослови и тебя Бог, Лен», — сказал он еле слышно. Он отключил переговорное устройство и занял свою привычную позицию перед монитором 2. Через некоторое время он вновь почувствовал себя вполне сносно.

Если поехать на юг от Сайп Спрингса по шоссе №36, то за день можно добраться до Хьюстона. По дороге неслась машина — старый «Понтиак», выжимавший восемьдесят миль в час. Машина поднялась на холм. Внизу дорогу перегораживал «Форд», что чуть не привело к катастрофе.

Водитель, тридцатилетний репортер хьюстонской ежедневной газеты, нажал на тормоза.

«Боже мой», — завопил фотограф, сидевший рядом с водителем. Он уронил фотоаппарат на пол и ухватился за ремень безопасности.

Голубой дымок вырвался из-под шин. Радио продолжало орать:

«Крошка, поймешь ли ты своего парня?

Он — парень что надо.

Он парень шикарный.

Крошка, поймешь ли ты своего парня?

«Понтиак» наконец-то остановился. Водитель облегченно вздохнул и разразился приступом кашля. Им начал овладевал гнев. Он вышел из машины и, сжав кулаки, направился к двум молодым людям, стоявшим за «Фордом».

«Ага, раздолбай!» — закричал он. «Вы нас чуть на хрен не угробили, и я хочу...»

Четыре года он прослужил в армии. Добровольцем. Ему как раз хватило времени на то, чтобы определить тип винтовок, которые они доставали из багажника «Форда». Он ошеломленно остановился под палящим техасским солнцем и намочил свои штаны.

Он начал кричать и мысленно повернулся и побежал обратно к «Понтиаку», но ноги его не сдвинулись с места. Пули вырвали бесформенные куски мяса у него из груди и мошонки. Он упал на колени, немо протягивая руки в жесте пощады. Следующая пуля попала ему в лоб над правым глазом и снесла ему полголовы.

Фотограф, сползший с сиденья, был не в состоянии понять, что же происходит, до тех пор, пока двое молодых людей не переступили через тело репортера и не направились к нему с винтовками наперевес. Он успел завести мотор и тронуться, прежде чем они начали стрелять. Прострелив обе задние шины, молодые люди бросились к своему «Форду», номер которого числился в списке военных средств передвижения Пентагона, и, развернувшись, ринулись за «Понтиаком». «Форд» резко подскочил, когда они переезжали тело репортера. Сержант, сидевший рядом с водителем, испуганно чихнул, брызнув слюной на ветровое стекло.

Фотограф начал плакать, заметив в зеркале заднего вида увеличивающийся силуэт «Форда». Он утопил педаль газа до предела, но «Понтиак» с пробитыми шинами не выжимал больше сорока. По радио Ларри Андервуда сменила Мадонна. Мадонна утверждала, что она девчонка что надо.

«Форд» обогнал «Понтиак» и притормозил. Раздался визг раздираемого металла. Фотограф ударился о рулевую колонку, и кровь хлынула у него из носа. Он соскользнул с сиденья и, извернувшись, выскочил из правой двери. Он выбежал на обочину и прыгнул с откоса. Перед ним оказалось ограждение из колючей проволоки, и он попытался его перепрыгнуть. *«Я смогу убежать»*, — подумал он. *«Я могу бежать вечно»*.

Он приземлился на другой стороне с ногой, запутавшейся в проволоке. Он все еще пытался отцепить брюки, когда двое молодых людей сошли с обочины с винтовками наперевес.

«За что?» — попытался он спросить у них, но из его горла раздался лишь тихий и беспомощный птичий вскрик.

По официальным сообщениям, ничего тревожного в Сайп Спрингсе, штат Техас, в тот день не произошло.

ГЛАВА 17

Не успел Ник открыть дверь, отделявшую кабинет шерифа Бейкера от тюремных камер, как на него посыпался град угроз и насмешек. Винсент Хоган и Билли Уорнер сидели в двух камерах слева, Майк Чайлдрес занимал одну из камер справа. Еще одна камера пустовала, а пустовала она потому, что Рэю Буту, человеку с рубиновым перстнем, удалось сбежать.

«Эй, мудозвон!» — позвал Чайлдрес. «Чертов мудозвон! Что с тобой будет, когда мы выйдем отсюда? А? Ты подумал об этом?»

«Я лично отрежу ему яйца и засуну их в глотку так, чтобы он задохнулся», — сказал Билли Уорнер.

Только Винс Хоган не участвовал в этих упражнениях в красноречии. Утром шериф Бейкер насел на него, и он раскололся. Теперь все они сидели в камерах в ожидании суда. Бейкер сказал Нику, что он сможет получить обвинительный акт на этих ребят, но когда дело дойдет до суда присяжных, то показания Ника будут противостоять показаниям всех троих — или четверых, если они поймут Рэя Бута.

За последнее время Ник проникся к Бейкеру глубоким уважением. И не потому, что шериф арестовал людей, избивших и ограбивших Ника. Упрятав троицу за решетку, шериф, похоже, подхвативший сильную простуду, был вынужден уйти домой и оставил заключенных на попечение Ника. Через полчаса в тюрьме появился любопытный прыщавый мальчишка с тремя подносами, на которых стоял обед для арестованных. Ник жестом показал ему поставить подносы на койку и, взяв листок бумаги, написал: «Это оплачено?»

Мальчишка изучил записку со вниманием новичка-студента, взявшегося за «Моби Дика». «Конечно», — сказал он. «У шерифа есть свой счет. Скажи, ты действительно не можешь говорить?»

Ник кивнул.

«Хреновое дело», — сказал мальчишка и быстро ретировался, словно боялся, что немота заразна.

Ник отнес подносы к камерам и пропихнул их арестованным с помощью щетки. Вернувшись в кабинет, он вспомнил о том, что Бейкер попросил его вкратце изложить свою биографию. Он сел за письменный стол, положил в центре его блокнот, помедлил секунду и вывел наверху страницы:

*Ник Андрос
История Жизни*

Он прервался, слегка улыбаясь. После небольшой паузы он снова начал писать:

Я родился в Каслине, штат Небраска, 14 ноября 1968 года. Мой отец был фермером. Он и моя мама всегда жили на краю разорения. Они были должны трем разным банкам. Моя мать была уже шесть месяцев беременная мной, и отец решил отвезти ее к городскому доктору. Грузовик потерял управление и они заехали в кювет. У моего отца случился сердечный приступ, и он умер.

Тем не менее, спустя три месяца мать родила меня таким, какой я есть. Для нее это был тяжелый удар, особенно после потери мужа.

Она маялась с фермой до 1973 года, после чего ферма была конфискована в счет уплаты долгов. Родственников у нее не было, но она написала друзьям в Биг Спрингс,

и кто-то из них нашел ей работу в булочной. Мы прожили там до 1977 года, когда она погибла в результате несчастного случая. Человек на мотоцикле сбил ее, когда она возвращалась домой после работы. В этом даже не было его вины, только невезение — у него отказали тормоза. Он даже не превысил скорость. Баптистская церковь похоронила мою маму за свой счет. Та же самая церковь послала меня в приют для сирот в Де Муан. Церкви всех вероисповеданий перечисляют средства в фонд этого приюта. Там я научился читать и писать...

Здесь он остановился. Рука его заболела от долгого писания, но прервался он не по этой причине. Ему было трудно снова воскрешать все эти события в памяти. Он перечел последнюю строчку. *Там я научился читать и писать.* Но это было не так-то просто. Он жил в безмолвном мире. Речь была для него танцем губ, зубов, языка. Только в четыре года он понял, что такое слово. Только в шесть лет он понял, что высокие зеленые штуки называются *деревьями*. Он хотел знать имена вещей, но не мог о них спросить.

В приюте он потерял *желание* овладеть механизмами обозначения, и когда это случилось, его мыслительный механизм заржавел и стал распадаться. Он стал тупо бродить с места на место, созерцая безымянные предметы в безымянном мире. Потом появился Руди. Массивный человек со шрамами на лице и с лысой головой. Шесть футов пять дюймов роста. Низкорослому Нику он казался почти великаном. В первый раз они встретились в игровой комнате в подвале. Руди наклонился к нему, так что их глаза оказались примерно на одном уровне. Потом он поднял свои огромные, покрытые шрамами руки и прижал их сначала ко рту, а потом к ушам.

Я глухонемой.

Ник хмуро отвернулся: *Меня это не ебет.*

Руди ударил его по щеке.

Ник упал. Рот его открылся, и безмолвные слезы потекли из глаз. Он не хотел больше видеть это лысое чудовище. Он не глухонемой, он просто издевается.

Руди бережно помог ему подняться и повел его к столу. Там лежал чистый лист бумаги. Руди указал на лист, а потом на Ника. Ник покачал головой. Руди протянул ему карандаш. Ник отдернул руку, словно карандаш был раскален докрасна. Руди указал на карандаш, потом на Ника и снова на бумагу. Ник покачал головой. Руди снова ударил его.

Вновь безмолвные слезы. Покрытое шрамами лицо не выражало ничего, кроме бесконечного терпения. Руди вновь указал на бумагу. На карандаш. На Ника.

Ник зажал карандаш в кулаке. Он написал пять известных ему слов:

НИКОЛАС АНДРОС ПОШЕЛ В ЖОПУ

Потом он разломал карандаш пополам и хмуро и непокорно посмотрел на Руди. Но Руди улыбался. Неожиданно он наклонился над столом и обхватил голову Ника своими мозолистыми ладонями. Руки его были теплыми и нежными. Ник не мог вспомнить, когда в последний раз к нему прикасались с такой любовью. Так его трогала только мать.

Руди убрал руки. Он поднял половинку карандаша с грифелем. Перевернул лист бумаги. Постучал по пустому белому пространству кончиком карандаша, а потом указал на Ника. Он сделал это снова. И еще раз. И еще раз. И в конце концов Ник понял.

Ты — это пустая страница.

Ник заплакал.

Руди остался с ним на шесть лет.

...читать и писать. Человек по имени Руди Спаркмен помог мне. Мне очень повезло, что я его встретил. В 1984 году мне сказали, что меня отдадут в семью, а государство будет выплачивать деньги за мое содержание. Я хотел бы быть с Руди, но Руди служил в Африке в войсках ООН.

Тогда я убежал. Мне было шестнадцать, и не думаю, что они искали меня слишком усердно. Я решил освоить программу средней школы, так как Руди всегда говорил,

что самое главное — это образование. Я собираюсь сдать экзамены экстерном. Мне нравится учиться. Может быть, когда-нибудь я поступлю в колледж. Это звучит невероятно, но по-моему, это возможно. В любом случае, вот моя история.

Наутро шериф пришел в семь тридцать, в тот момент, когда Ник выносил мусорные корзины. Шериф выглядел значительно лучше.

«Как вы себя чувствуете?» — написал Ник.

«Неплохо. Я чуть не сгорел к полуночи. Аспирин не помогал. Джени хотела позвать доктора, но в полпервого лихорадка спала. Потом я уснул и спал как бревно. Как у тебя дела?»

Ник показал большой палец.

«Как наши гости?»

Ник сделал злобное лицо. Несколько раз открыл и закрыл рот. Потряс невидимые прутья решетки.

Бейкер расхохотался, а потом несколько раз чихнул.

«Тебе надо выступать по телевизору», — сказал он. «Ты написал свою биографию, как я тебя просил?»

Ник кивнул и протянул два исписанных листа бумаги. Шериф сел и внимательно прочитал их. Когда он кончил читать, он посмотрел на Ника так долго и так пристально, что Ник в смущении и недоумении опустил глаза.

Когда он снова поднял взгляд, Бейкер спросил: «Ты жил сам по себе с шестнадцати лет? В течение шести лет?»

Ник кивнул.

Ник написал: «Мне было трудно, так как я поздно начал читать и писать. В приюте я сдал по почте шесть зачетов. Еще шесть я сдал, когда жил в Чикаго. Чтобы закончить среднюю школу, мне нужно еще четыре зачета».

«Какие зачеты ты пока не сдал?» — спросил Бейкер, а затем повернулся и заорал: «Эй вы там, заткнитесь! Вы получите свой кофе с булочками не раньше, чем я освобожусь».

Ник написал: «Геометрия. Математика. Двухгодичный курс языка. Все это необходимо для того, чтобы поступить в колледж».

«Язык? Ты имеешь ввиду иностранный?»

Ник кивнул.

Бейкер рассмеялся и покачал головой. «Ну и ну! Глухонемой учится говорить на иностранном языке. Не обижайся, малыш. Ты ведь понимаешь, что я не над тобой смеюсь».

Ник улыбнулся и кивнул.

«Так почему же ты столько скитался?»

«Пока я был несовершеннолетним, я не осмеливался оставаться на одном месте слишком долго», — написал Ник. «Боялся, что меня засадят в другой приют или что-нибудь в этом роде. Когда же я стал достаточно взрослым, чтобы найти себе постоянную работу, наступили тяжелые времена. Говорят, биржевый рынок лопнул, но так как я глухой, то я этого не слышал (ха-ха)».

«Как твои зубы?»

Ник пожал плечами.

«Принимал обезболивающие таблетки?»

Ник показал два пальца.

«Ну ладно, у меня есть кое-какая бумажная работа по поводу этих парней. А ты продолжай уборку. Поговорим попозже».

Доктор Сомс, тот самый, который чуть не переехал Ника на своей машине, зашел к шерифу в половину десятого тем же утром. Это был человек лет шестидесяти с поредевшими седыми волосами, тощей цыплячьей шеей и очень острыми голубыми глазами.

«Шеф сказал мне, что ты умеешь читать по губам», — обратился он к Нику. «А еще он сказал мне, что собирается поручить тебе кое-какую работу, так что мне лучше удостовериться, что ты не умрешь у него на руках. Снимай рубашку».

Ник расстегнул свою голубую рубашку и снял ее.

«Боже мой», — сказал Бейкер. «Только посмотри на это».

«Да уж, они постарались как следует», — сказал Сомс.

Живот и ребра Ника по цветовой гамме напоминали восход в Канаде. Сомс ощупал его и внимательно изучил зрачки его глаз. Под конец он осмотрел остатки передних зубов Ника.

«Они, должно быть, болят, как сукины дети», — сказал он, и Ник горестно кивнул. «Ты их потеряешь», — продолжил Сомс. «Ты...» Он чихнул три раза подряд. «Извините».

Сомс достал из черной сумки стетоскоп. «А теперь, Джон, твоя очередь. Снимай рубашку».

«Снимать рубашку? Это еще зачем?»

Потому что твоя жена попросила меня тебя осмотреть, вот зачем. Она думает, что ты болен, и не хочет, чтобы ты заболел еще сильнее. Бог ее знает, почему. Ну не говорил ли я ей, что когда ты наконец будешь гнить в могиле, нам с ней не надо будет больше таиться? Ну давай, Джонни. Покажись нам».

«Это была обычная простуда», — сказал Бейкер, неохотно расстегивая рубашку. «Сегодня утром я уже чувствую себя отлично. Честное слово, парень, у меня такое чувство, что ты болен сильнее, чем я».

«Не ты будешь указывать доктору, а доктор — тебе». Пока Бейкер снимал рубашку, Сомс повернулся к Нику и сказал: «Забавно, похоже, все в округе свалилось от простуды. Миссис Латроп заболела, и вся семья Ричи, и даже Билли Уорнер кашляет в своей камере».

Бейкер вынырнул из своей майки. Когда стетоскоп прикоснулся к его груди, у него перехватило дыхание. «Господи, какой холодный! Ты что, держишь его в морозилке?»

«Вдохни», — сказал Сомс, нахмурившись. «Теперь выдохни».

Сомс возился с шерифом очень долго. Прослушивал грудь и спину. Наконец он отложил стетоскоп и осмотрел ему горло.

«Ну?» — спросил Бейкер.

Сомс надавил пальцами на подчелюстные железы Бейкера. Бейкер дернулся.

«Мне даже не надо спрашивать, больно ли здесь», — сказал Сомс. «Джон, сейчас ты отправишься домой и ляжешь в постель. Это не совет, это распоряжение врача».

«Амброз», — ответил шериф спокойно. «Ведь ты же знаешь, что я не могу. У меня на руках трое заключенных, и сегодня их надо отправить в Кэмден. Прошлой ночью я оставил с ними этого паренька, но больше я так не поступлю».

«Забудь о них, Джон. Тебе надо подумать о самом себе. Это какая-то дыхательная инфекция, довольно сильная, судя по звуку, и к тому же сопровождаемая лихорадкой. Твои дыхательные пути воспалены, Джон, и, говоря откровенно, это вовсе не шуточки для такого тучного человека, как ты. Иди и ложись. Если завтра будешь чувствовать себя нормально, отвезешь их в Кэмден, но лучше бы тебе вызвать патрульную машину, чтобы она забрала их».

Бейкер виновато посмотрел на Ника. «Знаешь, — сказал он, — я действительно немного не в своей тарелке. Может быть, если я немного отдохну...»

Идите домой и ложитесь», — написал Ник. «Я буду осторожен».

«Похоже, лихорадка опять возвращается», — сказал Бейкер, надевая рубашку. «А я-то думал, что избавился от нее».

«Прими аспирин», — сказал Сомс, запирая на замок врачебную сумку. «Отвратительная вещь эти инфекции в гландах».

«В нижнем ящике стола лежит коробка из-под сигар», — сказал Бейкер. «Там деньги на служебные расходы. Можешь пойти в кафе и купить по дороге обезболивающее лекарство. Только укажи в расписке, сколько денег ты взял. Я свяжусь с полицией штата, и к концу дня тебя от них избавят».

Ник показал большой палец.

«Я во многом доверился тебе, хоть мы и знакомы совсем недавно», — сказал Бейкер серьезно. «Но я надеюсь, что ты этого заслуживаешь».

Ник кивнул.

Жена шерифа Джейн Бейкер пришла около шести часов с накрытой тарелкой в руках и пакетом молока.

«Большое спасибо», — написал Ник. «Как чувствует себя ваш муж?»

Маленькая женщина с каштановыми волосами рассмеялась. «Он хотел прийти сам, но я отговорила его. После полудня лихорадка так усилилась, что я испугалась, но к вечеру температура снизилась. Думаю, что это из-за патрульной полиции штата».

Ник посмотрел на нее вопросительно.

«Они сказали ему, что не могут никого прислать за арестованными до девяти часов завтрашнего утра. У них был тяжелый день, двадцать или больше полицейских больны. А те, кто был на службе, транспортировали людей в госпиталь в Кэмдене и даже в Пайн Блафф. Все вокруг болеют. У меня такое чувство, что Эм Сомс обеспокоен куда сильнее, чем он хочет это показать».

Она и сама выглядела обеспокоенной.

«Я хочу извиниться перед тобой за моего брата», — сказала она.

Ник смущенно пожал плечами.

«Я надеюсь, что ты останешься в Шойо. Ты нравишься моему мужу и мне тоже. Будь осторожен с этими людьми».

«Буду», — написал Ник. «Скажите шерифу, что я желаю ему поскорее поправиться».

«Обязательно скажу».

Потом она ушла, и Ник провел ночь, время от времени просыпаясь, чтобы проверить своих трех подопечных. Двое местных парней зашли посмотреть, все ли у него в порядке, и Нику показалось, что оба больны простудой.

Ему снился странный сон. Когда он проснулся, он вспомнил только, как он шел во сне вдоль нескончаемых рядов зеленой кукурузы, что-то ища и чего-то опасаясь — чего-то ужасного, что следовало за ним по пятам.

Утром он поднялся рано и начал тщательно подметать дальний конец тюрьмы, не обращая внимания на Билли Уорнера и Майка Чайлдреса. Когда он проходил мимо, Билли крикнул ему: «Рэй вернется, помни об этом. А когда он схватит тебя, то тебе захочется быть не только глухим и немым, но и *слепым!*»

Ник стоял к нему спиной и пропустил большую часть фразы.

В кабинете он взял в руки старый номер журнала «Тайм» и принялся читать. Он подумал о том, не положить ли ему ноги на письменный стол, но решил, что это лучший способ нажать неприятности в том случае, если шериф застанет его в этой позе.

В восемь часов утра он с тревогой стал думать о том, не случился ли у шерифа повторный приступ лихорадки

прошедшей ночью. К четверти девятого он почувствовал себя очень беспокойно. Он подошел к двери, за которой были камеры, и заглянул внутрь.

Билли и Майк стояли у дверей своих камер и колотили по прутьям своими туфлями. Винс Хоган лежал на койке. Он лишь повернул голову и посмотрел в сторону двери, когда Ник заглянул. Лицо Хогана было смертельно бледным, лишь на щеках проступал чахоточный румянец. Под глазами образовались темные мешки. Крупные бисерины пота выступили у него на лбу. Ник встретился с его безразличным, блуждающим взглядом и понял, что он сильно болен. Его беспокойство усилилось.

«Эй, чушка, как насчет жратвы?» — позвал его Майк. «Старине Винсу, похоже, нужен доктор».

Ник кивнул и вышел, пытаясь сообразить, что же ему теперь делать. Он склонился над письменным столом и написал записку: «Шериф Бейкер! Я ушел за завтраком для заключенных и за доктором Сомсом для Винсента Хогана. Похоже, он действительно сильно болен, а не притворяется. Ник Андрос».

Он оставил записку в центре письменного стола. Потом, засунув блокнот в карман, вышел на улицу.

Главная улица Шою выглядела странно безлюдной, словно это было воскресное утро. На стоянках перед магазинами почти не было машин. Скобяная лавка вроде бы работала, но окна банка по-прежнему были закрыты жалюзи, хотя пошел уже десятый час.

Ник повернул направо и отправился к стоянке грузовиков, которая находилась в пяти кварталах от тюрьмы. На углу третьего квартала он заметил, что навстречу ему едет, медленно виляя из стороны в сторону, машина доктора Сомса. Ник энергично замахал, не будучи уверенным, что Сомс остановится, но машина прижалась к обочине. Вид доктора, который даже не вышел из машины, потряс Ника. С того времени, как Ник видел его в последний раз добродушно подшучивающим над шерифом, доктор постарел лет на двадцать. Одной из причин этого была крайняя усталость, но усталость не могла быть единственной причиной — даже Нику это было ясно. Как бы в подтверждение его мысли, доктор извлек из кармана носовой платок

и несколько раз чихнул. Кожа его так блестела и была такой желтой, что он был похож на труп.

Потом Сомс сказал: «Шериф Бейкер мертв. Если ты за этим останавливал меня, то забудь о нем. Он умер в начале третьего утра. А теперь заболела Джени».

Глаза Ника расширились. Шериф Бейкер мертв? Но ведь вечером приходила его жена и сказала, что ему лучше. И она... она прекрасно выглядела. Нет, это просто невозможно.

«Мертв, как бревно», — сказал Сомс, словно услышав мысли Ника. «И не он один. За последние двенадцать часов я подписал двенадцать свидетельств о смерти. И у меня есть список из двадцати человек, которые умрут к полудню, если Бог не проявит свою милость».

Ник вынул блокнот из кармана и написал: «Что с ними со всеми?»

«Я не знаю», — сказал Сомс, медленно комкая листок. «Но, похоже, все в городе болевают этой штукой, и никогда в жизни я не был так испуган. Я и сам заразился, но сейчас я больше всего страдаю от усталости. Я уже не молод. Я не могу безнаказанно работать много часов подряд». Нотка усталого, тревожного раздражения появилась в его голосе, но Ник, к счастью, не мог ее слышать.

Сомс вышел из машины, опираясь на руку Ника. «Пошли вон на ту скамейку, Ник. С тобой хорошо разговаривать. Я думаю, ты и сам знаешь об этом».

Ник указал в сторону тюрьмы.

«Никуда они не денутся», — сказал Сомс. «А если они больны, то их можно смело занести в мой список».

Они сели на ярко-зеленую скамейку.

«Простуда и жар», — сказал Сомс. «С десяти часов прошлого вечера. Раньше была только простуда. Слава Богу, что хоть поноса нет».

«Вам надо идти домой и прилечь», — написал Ник.

«Так я и сделаю. Я просто хотел сначала отдохнуть несколько минут...» Его глаза сомкнулись, и Ник подумал, что он заснул. Ник поразмыслил о том, стоит ли ему теперь идти на стоянку грузовиков за завтраком для Билли и Майка.

Затем доктор Сомс вновь заговорил, но на этот раз с закрытыми глазами. Ник внимательно наблюдал за его губами. «Симптомы у всех очень похожи. Все они совпа-

дают с симптомами обычной простуды, гриппа или пневмонии. Все это мы умеем лечить. Если только пациент не слишком молод, или не слишком стар, или не ослаблен предшествовавшей болезнью, антибиотики действуют безотказно. Но не на эту штуку. Течение болезни может быть быстрым или медленным. Похоже, это не имеет значения. Ничего не помогает.

«Кто-то крупно ошибся. А теперь они пытаются это скрыть».

Ник с сомнением посмотрел на доктора, не уверенный в том, что правильно угадал его слова, и подумал о том, не бредит ли Сомс.

«Звучит немного как бред параноика, правда?» — спросил Сомс, глядя на него с усталой улыбкой. «Я всегда боялся случаев паранойи у молодых. Все эти мысли о том, что кто-то подслушивает их телефонные разговоры... идет за ними по улицам... устраивает компьютерную слежку... а теперь я понимаю, что они были правы, а я не прав. Жизнь — прекрасная штука, Ник, но я нахожу, что возраст взымает слишком большую дань с лелеемых нами предрассудков».

«Что вы хотите этим сказать?» — написал Ник.

«Ни один телефон в Шойо не работает», — сказал Сомс. Ник не мог понять, то ли это был ответ на его вопрос, то ли доктор переключился на какую-то новую мысль.

Доктор посмотрел на озадаченное лицо Ника, и, похоже, решил, что глухонемой ему просто не поверил. «Истинная правда», — сказал он. «Если набрать номер абонента за пределами этого городка, услышишь записанное на пленку сообщение. Кроме того, оба выезда из Шойо по главному шоссе перегорожены барьерами, на которых написано РЕМОНТ ДОРОГИ. Но там не идет никакого ремонта. Одни барьеры. Я был там. Наверное, можно отодвинуть эти барьеры, но что-то этим утром через заставу проезжает слишком мало машин. И большинство из них — это армейские грузовики и джипы».

«А другие дороги?» — написал Ник.

«Шоссе №63 было взорвано для того, чтобы заменить водопроводную трубу», — сказал Сомс. В восточной части города, похоже, произошла серьезная катастрофа. Две

машины посреди дороги, и объехать их невозможно. Выставлены предупредительные знаки, но ни следа полицейских или работников ремонтной службы».

Он сделал паузу, достал платок и высморкался.

«По словам Джо Рекмена, который живет неподалеку, работа у водопроводчиков продвигается очень медленно. Я был у Рекмена около двух часов назад и осматривал его маленького сына, который находится в очень тяжелом состоянии. Джо считает, что люди, занятые заменой трубы, на самом деле солдаты, хотя они и одеты в форму дорожных рабочих».

«Почему он так думает?» — написал Ник.

Вставая, Сомс сказал: «Рабочие редко отдают друг другу честь».

Ник поднялся вслед за ним.

«Обходные пути?» — нацарапал он.

«Возможно», — кивнул Сомс. «Но я доктор, а не герой. Джо говорит, он видел винтовки в кабине грузовика дорожной службы. Карабины армейского образца. И если кто-то попытается уйти из Шойо обходными путями и его заметят, то кто знает... да и потом, что нас ждет за пределами Шойо? Повторяю: кто-то совершил ошибку. И теперь они пытаются это скрыть. Безумие. Разумеется, известия обо всем этом скоро распространятся, и много времени на это не потребуется. Сколько людей умрет за это время?»

Ник испуганно посмотрел на доктора Сомса, направившегося к своей машине.

«А ты, Ник?» — спросил Сомс, медленно залезая внутрь. «Как ты себя чувствуешь? Простуда? Чихаешь? Кашляешь?»

Ник покачал головой.

«Попытаешься уйти из города?»

Ник снова покачал головой и написал: «Эти люди заперты в камерах. Я не могу их так оставить. Винсент Хоган болен, но двое других, похоже, в норме. Я отнесу им завтрак и пойду проведу миссис Бейкер».

«Ты умный мальчик», — сказал Сомс. «Это редко встречается. А человек, который обладает в наш век упадка чувством ответственности, встречается еще реже. Мистер Брейсмен, методистский священник, тоже говорил, что

зайдет к миссис Бейкер. Боюсь, ему сегодня придется посетить не один дом. Ты позаботишься об этих троих, хорошо?»

Ник серьезно кивнул.

«Отлично. Я постараюсь заехать к тебе после полудня». Он завел машину и уехал. Ник посмотрел ему вслед и вновь пошел по направлению к стоянке грузовиков. Столовая была открыта, но одного из двух поваров не было на месте, и трое из четырех подавальщиц не пришли на утреннюю смену. Нику пришлось долго ждать, чтобы получить свой заказ. Когда он вернулся в тюрьму, Билли и Майк выглядели чертовски испуганными. Винс Хоган бредил. К шести часам вечера он скончался.

ГЛАВА 18

В то утро его мать не пошла на работу. Последние два дня она боролась с простудой, а этим утром поднялась с жаром. Из своей комнаты он слышал, как она расхаживала по кухне, чихала и звенела посудой, готовя завтрак. Раздался звук включаемого телевизора, в программе «Сегодня» передавали новости. Попытка переворота в Индии. Взрыв электростанции в Вайоминге. Ожидается, что Верховный Суд примет историческое решение о правах гомосексуалистов.

«Глазунью или болтунью?» — спросила Элис Андервуд. На ней был надет халат для ванной.

«Болтунью», — сказал Ларри, прекрасно понимая, что нет смысла протестовать против яиц. С точки зрения Элис, завтрак без яиц не имел права на существование. В них был белок и питательные вещества. Ее представления о питательных веществах были довольно смутными, но всеобъемлющими.

Элис вытащила из кармана платок и чихнула в него.

«Не пошла сегодня на работу?»

«Позвонила, что заболела. Проклятая простуда. А теперь еще и жар, да и гланды распухли».

«Ты позвонила доктору?»

«Когда я была хорошенькой молодой девушкой, доктора имели обыкновение приходить на дом», — сказала она.

«Теперь если ты заболеешь, придется тащиться в кабинет скорой помощи при больнице или целый день дожидаться, чтобы тебя посмотрел какой-нибудь шарлатан. Останусь дома и приму аспирин, а к завтрашнему дню я уже начну выздоравливать».

Почти все утро он пробыл дома, пытаясь помочь. Он перетащил в спальню телевизор, принес ей сока и сбегал в магазин за парой романов в бумажной обложке. После этого им ничего не оставалось, кроме как начать играть на нервах друг друга. Она удивилась, насколько хуже показывает телевизор в спальне, а ему пришлось ответить едким комментарием на тему о том, что плохое изображение все-таки лучше, чем никакого изображения вообще. Наконец он сказал, что пойдет и побродит немного по городу.

«Хорошая мысль», — сказала она с явным облегчением. «А я вздремну. Ты хороший мальчик, Ларри».

Он спустился по узкой лестнице (лифт все еще был сломан) и вышел на улицу, чувствуя виноватое облегчение. День принадлежал ему, и у него все еще оставалось в кармане немного денег.

Но на Таймс Сквер он уже не чувствовал себя таким радостным. Когда он проходил мимо магазина грампластинок, его остановил звук собственного голоса, доносившийся из выставленных на улицу динамиков.

*«Я пришел не за тем,
чтобы вместе встретить рассвет,
И не узнать у тебя, видела ли ты свет,
И не для того, чтобы лезть на стенку
и грызть паркет,
Я просто пришел спросить, можешь ли ты или нет
Понять своего парня?
Пойми его, крошка,...
Крошка, поймешь ли ты своего парня?»*

Это я, — подумал он, тупо разглядывая обложки альбомов, но сегодня звук собственного голоса расстроил его. Даже хуже — его стало тошнить от родного города. Ему не хотелось больше оставаться под этим серым, цвета грязного белья небом, вдыхать нью-йоркский смог и одной рукой все время дотрагиваться до бумажника, проверяя, на месте ли он. О, Нью-Йорк, имя тебе — паранойя.

Неожиданно ему захотелось оказаться в студии на Восточном Побережье, записывать новый альбом.

Он подошел к киоску и разменял десять долларов на четвертаки. Неподалеку был телефон, и он по памяти набрал номер покерного клуба, в котором часто бывал Уэйн Стаки. В трех тысячах милях от него раздался телефонный звонок.

Женский голос произнес: «Это клуб. Мы уже работаем».

«Работаете над чем?» — спросил он низким и сексуальным голосом.

«Послушай-ка, умник, это тебе не... эй, это не Ларри случайно?»

«Да, это я. Привет Арлен».

«Где ты? Мы тебя так давно не видели».

«Ну, я на Восточном Побережье», — ответил он неопределенно. «Кое-кто сказал мне, что ко мне присосались пиявки и надо выбраться из лужи, чтобы они отстали».

«Это насчет большого праздника?»

«Да».

«Я слышала об этом», — сказала она. «Кучу денег потратил».

«Уэйн там, Арлен?»

«Ты имеешь ввиду Уэйна Стаки?»

«Ну ведь не Джона Уэйна — он же умер».

«Ты хочешь сказать, что ты ни о чем не знаешь?»

«Что я должен знать? Я на другом конце Америки. Эй, с ним все в порядке?»

«Он в больнице с этим гриппозным вирусом. У нас его тут называют капитаном Шустриком. И нечего тут смеяться. Говорят, многие от него умерли. Люди боятся выходить на улицы. У нас сейчас шесть свободных столиков, а ты ведь знаешь, что у нас *никогда* не было свободных столиков».

«Как он себя чувствует?»

«Кто же знает? Там целые палаты забиты людьми, и к ним не пускают посетителей. Дело плохо, Ларри. А вокруг полным-полно солдат».

«В увольнении?»

«Солдаты в увольнении не носят с собой оружие и не разъезжают в конвойных грузовиках. Многие люди очень напуганы. Тебе повезло, что ты далеко отсюда».

«В новостях ничего об этом не было».

«У нас в газетах тут несколько раз писали о каком-то новом вирусе гриппа, и все. Но кое-кто говорит, что военные не уследили за одной из своих чумных пробирок. Не жуть?»

«Просто слухи».

«А там, где ты сейчас, нет ничего похожего?»

«Нет», — сказал он, а потом подумал о простуде своей матери. И не слишком ли многие чихали и кашляли в метро?

«Три минуты подошли к концу», — вмешалась телефонистка.

Ларри сказал: «Ладно, я вернусь примерно через неделю, Арлен. Увидимся».

«Я счастлива. Всегда мечтала пройтись рядом со звездой».

«Отлично. Ну, счастливо».

«Ой», — вдруг вскрикнула она неожиданно. «Постой, Ларри, не вешай трубку!»

«Что такое?»

«Как хорошо, что я вспомнила! Я ведь видела Уэйна, как раз дня за два до того, как он попал в больницу».

«И о чем вы говорили?»

«Он оставил тебе конверт и сказал, чтобы я недельку подержала его в ящике для выручки или отдала тебе, если встречу».

«Что в конверте?» Он переложил трубку из одной руки в другую.

«Подожди минутку. Я посмотрю». После секундной тишины раздался звук разрываемой бумаги. «Это чековая книжка. Первый Коммерческий Калифорнийский банк. На счету... ой! Больше тринадцати тысяч долларов. Если при встрече заплатишь только за себя, я разможу тебе голову».

«В этом нет нужды», — сказал он, улыбаясь. «Сохрани это до моего приезда».

«Нет, я выброшу это в унитаз. Или нет, лучше я положу чековую книжку в конверт с нашими именами на нем. Тогда тебе не удастся одурачить меня и забрать все в одиночку».

«Я не собираюсь делать этого, радость моя».

Он повесил трубку и посмотрел на мелочь, рассыпанную на полочке под телефоном. Потом он взял четвертак и

опустил его в прорезь. Спустя мгновение зазвонил телефон в квартире его матери. Наш первый импульс — поделиться хорошими новостями, второй — досадить ими другому человеку. Он думал — нет, не так: он верил — что подчиняется исключительно первому. Ему хотелось успокоить ее, сообщив, что он снова разбогател.

Улыбка постепенно сошла с его губ. К телефону никто не подходил. Может быть, в конце концов она решила пойти на работу. Он вспомнил о ее покрасневшем от жара лице, о том, как она чихала и кашляла. Нет, вряд ли она пошла бы, — подумал он. А в глубине души он подумал, что вряд ли у ней хватило бы сил пойти.

Он повесил трубку и машинально вынул четвертак из окошечка для возврата монет. Мелочь позванивала у него в руке, пока он шел. Потом он заметил такси и остановил его. Когда такси тронулось, закапал мелкий дождь.

Дверь была заперта, и постучав два или три раза, он убедил себя в том, что квартира пуста. У него не было ключа, и он уже собирался спуститься вниз к мистеру Фримену, но в этот момент он услышал за дверью тихий стон.

На двери квартиры его матери было три замка, но она никогда не запирала их все, и это несмотря на ее маниакальный страх перед пуэрториканцами. Ларри сильно толкнул дверь плечом, и она затрещала. Он толкнул снова, и замок подался. Дверь распахнулась и стукнулась о стену.

«Ма?»

Опять этот стон.

В квартире стоял полумрак. На улице внезапно потемнело, и теперь раздавались мощные удары грома, звук дождя усилился. Окно в гостиной было наполовину открыто. Занавеска развевалась от ветра. Дождь проникал в окно, и на полу образовалась небольшая блестящая лужица.

«Ма, где ты?»

Стон погромче. Он пошел на кухню, вновь загрохотал гром. Он чуть не споткнулся об нее. Она лежала на полу, наполовину вывалившись из двери спальни.

«Ма! Господи! Ма!»

В горле ее клокотала слизь. Но самым ужасным — он никогда этого не забудет — было то, как двинулся ее глаз,

чтобы взглянуть на него. Словно глаз борова на бойне. Лицо ее пылало от жара.

«Ларри?»

«Сейчас положу тебя на кровать, ма».

Он наклонился, невероятным усилием подавил дрожь в коленях и поднял ее на руки. У нее был ужасный жар. Это напугало его. Нельзя долго иметь такую температуру — и оставаться в живых. Должно быть, мозги жарятся у нее в голове.

Как бы в подтверждение его мысли, она ворчливо произнесла: «Ларри, сходи за своим отцом. Он в баре».

«Успокойся», — сказал он ей в отчаянии. «Просто успокойся и спи, ма».

«Он в баре с этим фотографом!» — резко выкрикнула она в сгустившиеся сумерки. Снаружи злобно ударил гром. Прохладный сквозняк из полуоткрытого окна в гостиную прошел по квартире. Словно в ответ на него, Элис начала дрожать, а руки ее покрылись гусиной кожей. Зубы ее застучали. В полутьме спальни ее лицо напоминало полную луну. Ларри уложил ее на кровать и накрыл одеялами, но она продолжала трястись в ознобе. Кожа лица была сухой.

«Иди и скажи, что я велела ему убираться оттуда!» — закричала она, а потом затихла. В комнате был слышен лишь тяжелый шум ее дыхания.

Он пошел в гостиную, закрыл окно и приблизился к телефону. Справочные книги лежали на полочке внизу. Он нашел номер центральной больницы и набрал его. Вновь раздался удар грома. Блеск молнии превратил только что закрытое им окно в бело-голубой рентгеновский снимок. В спальне на последнем дыхании закричала его мать.

Раздался один гудок, потом жужжание, а потом щелчок. Механически отчетливый голос произнес: «Вы позвонили в Главный Госпиталь. В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку, вам скоро ответят. Спасибо. Вы позвонили в Главный Госпиталь. В настоящий момент все линии заняты. Не вешайте трубку...»

«Мы выставили этих ублюдков на лестницу!» — выкрикнула его мать. Прогредел раскат грома. «Эти пуэртиканцы — суице свиньи!»

«...вам скоро ответят...»

Он повесил трубку. На лбу у него выступил пот. Что же это за хренов госпиталь, в котором вам дают прослушать записанное на пленку сообщение в тот момент, когда ваша мать умирает? Что там происходит?

Ларри решил спуститься и попросить мистера Фримена посидеть с ней, пока он доберется до больницы. Или вызвать частную скорую помощь? Господи, почему никто не знает самых необходимых вещей? Почему этому не учат в школе?

Из спальни продолжало слышаться затрудненное дыхание его матери.

«Я вернусь», — пробормотал он и направился к двери. Он был испуган, он боялся за нее, но в глубине его души другой голос твердил нечто подобное: *Как всегда, мне не везет. И: Надо же было этому случиться как раз тогда, когда я получил хорошие новости. И самое мерзкое: Насколько сильно это помешает моим планам? Что изменится в моей жизни?*

Он ненавидел этот голос и желал ему быстрой и ужасной смерти, но тот все говорил и говорил.

Он бросился вниз к квартире мистера Фримена. Вновь загремел гром. Когда он добежал до площадки первого этажа, дверь распахнулась, и дождь ворвался внутрь.

ГЛАВА 19

«Харборсайд» был самым старым отелем в Оганквите. Вид из окна стал не таким живописным с тех пор, как построили новый яхт-клуб, но в такие дни, как этот, когда по небу то и дело проносились грозовые тучи, вид был достаточно эффектным.

Фрэнни сидела у окна на протяжении почти трех часов, пытаясь написать письмо школьной подруге Грейс Дагген. Она не собиралась писать исповедальное письмо о своей беременности и о сцене с матерью — это только вновь расстроило бы ее, да и кроме того, Грейс сама скоро все узнает из своих источников в городе. Она пыталась написать обычное дружеское письмо. Поездка на велосипедах в Рэйнджли, которую мы с Джессом предприняли в мае совместно с Сэмом Лотропом и Салли Венселас. Экзамен

по биологии, на котором мне крупно повезло. Пегги Тейт (другая школьная подружка, общая знакомая) поступила на работу служителем в сенат. Близится свадьба Эми Лаудер.

Письмо просто не желало писаться. Небесная пиротехника сыграла в этом свою роль: как можно писать, когда то и дело над водой разражается гроза? И кроме того, ни одна из новостей в письме не была изложена абсолютно честно. Оно слегка уходило в сторону, словно нож в руке, которым ты наносишь себе порез вместо того, чтобы просто очистить картошку. Поездка на велосипедах была восхитительной, но она с Джессом уже далеко не в таких восхитительных отношениях. Ей действительно повезло на выпускном экзамене по биологии, но в самом факте его сдачи она не видела никакого везения. Ни она, ни Грейс никогда всерьез не интересовались судьбой Пегги Тейт, а сообщение о предстоящей свадьбе Эми Лаудер, учитывая теперешнюю ситуацию Фрэн, скорее выглядело как одна из этих отвратительно тупых шуток, а не как повод для радости. Эми выходит замуж, а у меня будет ребенок, ха-ха-ха.

Чувствуя, что пора заканчивать, она написала:

У меня у самой появились проблемы, но рука не поднимается о них написать. Даже подумать о них — и то страшно! Но к четвертому я рассчитываю тебя увидеть, если только ты не изменила свои планы со времени последнего письма. (Только одно письмо за шесть недель? Я уж начала думать, что кто-то отрезал тебе пальчики и ты не можешь писать, крошка!) Когда увидимся, я тебе все расскажу. Мне может понадобиться твой совет.

Верь в меня, а я буду верить в тебя,
Фрэн

Готово. Что теперь?

Небо снова начало темнеть. Она встала и заходила по комнате, думая о том, что надо уйти до того, как снова пойдет дождь. Но куда? В кино? Единственный фильм, который шел в городе, она уже видела. С Джессом. В Портленд посмотреть на одежду? Нет смысла. Единственная одежда, на которую ей имело смысл смотреть в ближайшее время, должна обладать эластичной безразмерной талией. Чтобы хватило места на двоих.

Первой ей позвонила Дебби Смит из Самерсворта. Мы очень ждем тебя, — сказала Дебби теплым голосом. Действительно, так оно и было. Одна из девушек, втроем снимавших одну квартиру, съехала в мае, устроившись работать секретарем в оптовую фирму. Дебби и Роде трудно было платить за квартиру вдвоем. «И мы обе воспитывались в больших семьях», — сказала Дебби. «Так что плачущие дети нам не в новинку».

Фрэн сказала, что будет готова к переезду к первому июля. Когда она повесила трубку, она обнаружила, что по щекам у нее текут теплые слезы. Слезы облегчения. Если она сможет уехать из этого города, где она выросла, то с ней будет все в порядке. Подальше от матери и даже от отца.

Второй звонок был от Джесса. Он звонил из Портленда и сначала набрал ее домашний номер. К счастью, он попал на Питера, который дал ее номер в «Харборсайде» без какого бы то ни было комментария.

И тем не менее, первое, что он сказал, было: «Похоже, у тебя дома напряженная атмосфера, а?»

«Ну, слегка», — ответила она неопределенно, не желая посвящать его в подробности. Это сделало бы их своего рода сообщниками.

«Твоя мать?»

«Почему ты так думаешь?»

«У нее вид женщины, которая может выйти из себя. Что-то у нее такое в глазах, Фрэнни. Ее взгляд говорит, что если ты пристрелишь моих священных коров, то я пристрелю твоих».

Она ничего не ответила.

«Извини, я не хотел тебя обидеть».

«Ты и не обидел», — сказала она. Его определение было, впрочем, очень точным — поверхностно точным, во всяком случае, но она все еще пыталась преодолеть удивление, вызванное этим глаголом — *обижать*. Странно было слышать от него это слово. Наверное, существует такое правило, — подумала она. Когда твой любовник начинает говорить о том, что «обидел» тебя, он больше уже не твой любовник.

«Фрэнни, предложение по-прежнему остается в силе. Если ты скажешь да, я смогу достать пару колец и быть здесь после полудня».

На своем велике, — подумала она и четь не захихикала.

«Нет, Джесс», — сказала она, преодолев внезапный приступ веселости.

«Я хочу этого!» — сказал он со странным неистовством, словно увидел, как она борется со смехом.

«Я знаю», — сказала она. «Но я не готова к замужеству. Дело во мне, Джесс, дело не в тебе».

«Что ты решила насчет ребенка?»

«Буду рожать».

«И откажешься от него?»

«Пока не решила».

«Ну и что мы будем делать?» — просил он резко. «Не можешь же ты оставаться в «Харборсайде» все лето. Если тебе нужно жилье, я могу поискать в Портленде».

«Я нашла себе жилье».

«Где? Или я не должен об этом спрашивать?»

«Не должен», — сказала она, не в силах придумать более дипломатичный ответ.

«Ты свяжешься со мной, когда устроишься на новом месте?»

«Да, наверное».

«Если я буду тебе нужен, Фрэнни, ты знаешь, где меня найти».

«Хорошо, Джесс».

«Если тебе понадобятся деньги...»

«Да».

«Свяжись со мной. Я не настаиваю, но... Я хочу тебя видеть».

«Хорошо, Джесс».

«До свидания, Фрэн».

«До свидания».

Когда она повесила трубку, у нее возникло ощущение, что осталась какая-то недоговоренность. Она задумалась. В конце разговора они впервые не сказали друг другу «Я люблю тебя». Это расстроило ее, и хотя она и велела себе не обращать внимания, но это не помогло.

Последним, около полудня, позвонил ее отец. Позавчера они вместе позавтракали, и он сказал ей, что беспокоится о Карле. Всю ночь она провела в гостиной, сосредоточенно изучая старые генеалогические записи. Около половины двенадцатого он зашел к ней и спросил, когда она поднимется наверх. Она ответила, что ей не спится. Она простудилась, — сказал Питер Фрэнни. У нее насморк. Когда он спросил ее, не выпьет ли она стакан горячего молока, она вообще ничего не ответила. На следующее утро он обнаружил ее спящей в кресле с книгой на коленях.

Когда она проснулась, то выглядела лучше и, похоже, немного пришла в себя, но простуда усилилась. Она воспротивилась его предложению вызвать доктора Эдмонта. Потом она поставила себе горчичники на грудь и сказала, что чувствует улучшение.

Он позвонил как раз в тот момент, когда началась первая гроза. Пока она разговаривала, ей было видно, как время от времени молния вонзалась в воду. Каждый раз в трубке при этом раздавался легкий треск, словно иголка проигрывателя подскакивала на царапине.

«Сегодня она осталась в постели», — сказал Питер. «В конце концов она согласилась, чтобы Том Эдмонтон осмотрел ее».

«Он уже приходил?»

«Только что ушел. Он думает, что у нее грипп».

«О Боже», — сказала Фрэнни, прикрыв глаза. «Это не шутки для женщины ее возраста».

«Это точно». Он выдержал паузу. «Я рассказ ему все, Фрэнни. О ребенке, о ссоре с Карлой. Том лечил тебя с младенчества, и он будет держать язык за зубами. Я хотел знать, могло ли все это стать причиной болезни Карлы. Он ответил нет. Грипп есть грипп».

«Что еще он говорит?»

«Он сказал, что многие в округе больны. Какой-то особенно мерзкий вирус. Похоже, он пришел с юга. Им уже охвачен весь Нью-Йорк».

«Как она сейчас, папочка?»

«Она в кровати, пьет сок и принимает таблетки, которые прописал Том. Я взял отгул, а завтра с ней придет посидеть

миссис Холлидей. Ей хотелось, чтобы это была именно миссис Холлидей, потому что она собирается поработать вместе с ней над повесткой июльского собрания Исторического Общества. Я иногда думаю, что ей хочется умереть в упряжке».

«Как ты думаешь, не будет ли она возражать, если...»

«В данный момент будет. Но дай ей время, Фрэн. Все образуется».

Теперь, четырьмя часами позже, Фрэнни усомнилась в этом. Может быть, если она откажется от ребенка, никто в городе никогда не разнюхает об этом. Впрочем, маловероятно. В маленьких городах у людей обычно бывает удивительно острое обоняние.

Накидывая на себя легкое пальто, она чувствовала, как в ней начинает зарождаться чувство вины. В последние дни перед ссорой ее мать выглядела очень измотанной. У нее были мешки под глазами, кожа выглядела слишком желтой, а седина в волосах стала еще более заметной, несмотря на то, что она регулярно красилась в парикмахерской. И все же...

Она была истеричкой, абсолютной истеричкой. Фрэнни спросила себя, какова же будет мера ее ответственности, если грипп матери перейдет в пневмонию. Или если она умрет. Господи, какая ужасная мысль. Это невозможно, Это невозможно, прошу тебя, Господи, разумеется, нет.

Мгновение она смотрела на него с отсутствующим видом, и в этот момент еще одна молния сверкнула за окном. Почти немедленно раздался зловещий раскат грома, заставивший ее подскочить на месте.

Дзынь, дзынь, дзынь.

Подходя к телефону, она была уверена, что звонит ее отец.

Вряд ли он сможет сообщить ей что-нибудь обнадеживающее. Это как пирог, — подумала она. Ответственность — это пирог. Своими добрыми делами ты можешь избавить себя от части ответственности, но ты просто дурачишь себя, если думаешь, что тебе не достанется под конец твоего собственного сочного и горького куска. И тебе придется съесть его до последней крошки.

«Алло?»

На мгновение в трубке воцарилось молчание, и ей пришлось снова сказать «алло».

Тогда ее отец ответил: «Фрэн?» и его голос странно прервался. «Фрэнни?» Со все возрастающим ужасом она поняла, что он борется со слезами.

«Папочка? Что случилось? Что-то с мамой?»

«Фрэнни, я сейчас заеду за тобой. Я... просто заеду за тобой и заберу тебя. Вот и все».

«С мамой все в порядке?» — закричала она в трубку. Над «Харборсайдом» снова прогрехотал гром. Она начала плакать. «Ответь мне, папочка!»

«Ей стало хуже — вот все, что я знаю», — сказал Питер. «Через час после нашего с тобой разговора ей стало хуже. Поднялась температура. Она начала бредить. Я попытался поговорить с Томом... Рэйчел сказал мне, что его нет, что многие люди очень сильно больны... тогда я позвонил в Сэнфордский госпиталь, а они сказали, что обе скорые на вызовах, но они занесут Карлу в список. *Список, Фрэнни, откуда, черт возьми, вдруг взялся список?*» Он почти кричал.

«Успокойся, папочка. Успокойся. Успокойся». Она снова разрыдалась. «Может, ты ее сам отвезешь?»

«Нет... нет, они забрали ее пятнадцать минут назад. Боже мой, Фрэнни, там сзади было *шесть человек*. Одним из них оказался Уилл Ронсон, владелец аптеки. А Карла, твоя мать, повторяла без конца: *Я не могу дышать, Питер, я не могу дышать, почему я не могу дышать? О Боже мой*», — закончил он ломающимся, почти детским голосом, который испугал Фрэнни.

«Ты можешь приехать, папочка? Ты можешь приехать сюда?»

«Да», — ответил он. «Конечно».

«Я буду у парадного подъезда».

Она повесила трубку и сбежала вниз. Ешь свой кусок пирога, — сказала она себе. Вкус ужасный, так что давай, ешь. Возьми еще один кусок. И еще. Ешь пирог, Фрэнни, до последней крошки.

ГЛАВА 20

Стью Редман был напуган.

Он смотрел в зарешеченное окно своего нового жилища в Стовингтоне, штат Вермонт. Перед ним открылся вид на небольшой городок далеко внизу; миниатюрные указатели бензозаправки, нечто вроде мельницы, главная улица, река, застава и, за пределами заставы, гранитная задница Зеленых гор.

Он был напуган, так как его новое жилище скорее походило на тюремную камеру, а не на больничную палату. Он был напуган, потому что Деннинджер исчез. Он не видел Деннинджера с тех пор, как весь этот сумасшедший цирк переехал из Атланты сюда. Дитц исчез вместе с ним. Стью подумал, что Деннинджер и Дитц больны, а возможно, уже и мертвы.

Кто-то сбежал. А может быть, болезнь, которую принес в Арнетт Чарльз Д.Кэмпбелл, оказалась значительно более заразной, чем кто бы то ни было мог предположить. Так или иначе, центр в Атланте был расформирован, и Стью подумал о том, что те, кто в нем работал, теперь имеют возможность изучить на себе действие той штуки, которую они называли А-Прайм или супергриппом.

Ему все еще делали анализы, но как-то бессистемно. Расписание не соблюдалось. Результаты заносились на бланки, и у Стью было подозрение, что после беглого просмотра их отправляют в ближайшую мусорную корзину.

Но не в этом заключалось самое худшее. Самым худшим было оружие. Вместе с медсестрами, приходившими взять у него анализ крови, слюну или мочу, каждый раз появлялся солдат в белом скафандре с оружием в руках. У Стью не было никакого сомнения, что если он станет вести себя здесь так, как с Дитцем, то оружие непременно будет пущено в ход.

Каждый вечер он внимательно смотрел шестичасовые новости. Люди, совершившие попытку государственного переворота в Индии, были объявлены иностранными шпионами и расстреляны. Полиция все еще разыскивала виновников вчерашнего взрыва электростанции в Ларами, штат Вайоминг. Верховный Суд принял решение шестью

голосами против трех, что открытые гомосексуалисты не могут быть уволены с гражданской службы. Сегодня впервые просочилась информация и кое о чем другом.

Официальные представители Комитета по атомной энергетике из Миллер Каунти, штат Арканзас, отрицали возможность утечки топлива из ядерного реактора. На атомной электростанции в небольшом городке Фуке, примерно в тридцати милях от границы Техаса, произошли незначительные неполадки в системе охлаждения, которые не дают никаких поводов для беспокойства. Армейские подразделения размещены в этом районе исключительно в целях предосторожности. Стью удивился, какие меры предосторожности сможет предпринять армия в том случае, если реактор в Фуке действительно даст течь. Он подумал, что, возможно, армия находится в юго-восточном Арканзасе по совсем другой причине. Фуке расположен не так далеко от Арнетта.

Еще в одном сообщении говорилось о том, что эпидемия гриппа на Восточном Побережье находится на самом раннем этапе развития. Штамм русского происхождения, беспокоится не стоит, разве что очень старым и очень молодым. В холле Бруклинского госпиталя брали интервью у какого-то усталого доктора. Он призывал зрителей принимать антибиотики. Вновь показали ведущего в студии, который сказал: «Поступило несколько сообщений о летальных исходах в Нью-Йорке в результате недавней эпидемии гриппа, но во многих смертельных случаях сыграли роль такие сопутствующие факторы, как промышленное загрязнение и даже, возможно, вирус СПИДа. Правительственные официальные лица подчеркивают, что это — так называемый «русский» грипп, а не более опасная свинка. Доктора советуют соблюдать постельный режим, отдыхать, пить побольше жидкости и принимать аспирин, чтобы сбить температуру».

Ведущий успокоительно улыбнулся... за пределами кадра кто-то чихнул.

Солнце подошло к горизонту, и небо стало золотым. Хуже всего были ночи. Его перевезли в незнакомую ему часть страны, и по ночам она казалась ему более чужой. У него не осталось друзей — насколько он знал, все те

люди, которые вместе с ним летели на самолете из Брей-нтри в Атланту, уже умерли. Он был окружен роботами, которые брали у него кровь на анализ под дулом пистолета. Он боялся за свою жизнь, хотя по-прежнему чувствовал себя хорошо и начал верить в то, что уже не заразится Этим.

Он глубоко задумался над тем, нельзя ли убежать отсюда.

ГЛАВА 21

Придя двадцать четвертого июня на работу, Крейтон застал Старки уставившимся на мониторы. Руки его были убраны за спину, и Крейтон заметил на правой блеск вест-пойнтового перстня и почувствовал прилив жалости. Старки сидел на таблетках в течение десяти дней, и скоро ножка у стула должна была подломиться. Но, — подумал Крейтон, — если он прав в своих подозрениях насчет телефонного звонка, то это уже произошло.

«Лен», — сказал Старки таким тоном, будто был удивлен его проявлению. «Хорошо, что ты зашел».

Крейтон слегка улыбнулся.

«Знаешь, кто звонил?»

«Так это был действительно он?»

«Да, сам президент. Меня уволили, Лен. Конечно, я знал, что это может случиться. Но все равно это неприятно. Чертовски неприятно. Неприятно услышать это из уст ухмыляющегося мешка с дерьмом».

Лен Крейтон кивнул.

«Ну, — сказал Старки, — ничего не поделаешь. Ты теперь исполняешь обязанности. Он хочет, чтобы ты немедленно прибыл в Вашингтон. Он вызовет тебя на ковер и до крови искушает тебе задницу, но ты будешь просто стоять там, поддакивать и принимать все как должное. Мы сделали все, что могли. Этого достаточно. Я убежден, что этого достаточно».

«Эта страна должна встать перед тобой на колени».

«Руль жег мне руки, но я... я держал его, пока мог, Лен. Я держал его». Он говорил это со спокойной яростью, но

глаза его вновь обратились к монитору, и на секунду его рот дернулся.

«Ты очень помог мне».

«Да, кое-что мы все-таки сумели сделать».

«Теперь слушай. Самое важное. Тебе надо связаться с Джеком Кливлендом. Он знает, кто у нас есть за двумя занавесами — железным и бамбуковым. Он знает, как вступить с ними в контакт, и не будет медлить. Он поймет, что надо действовать быстро».

«Не понимаю, Билли».

«Мы должны предполагать худшее. Эта штука вышла из-под контроля. Она появилась в Орегоне, Небраске, Луизиане, Флориде. Поступила предварительная информация из Мексики и Чили. Потеряв Атланту, мы потеряли трех человек, способных разрешить эту проблему. С мистером Стюартом «Принцем» Редманом мы зашли в полный тупик. Тебе известно о том, что ему впрыснули вирус Блу? Он думал, что это успокоительное. Вирус был уничтожен у него в крови, и никто теперь не может ничего понять. Будь у нас шесть недель, возможно, мы смогли бы совершить чудо. Но у нас их нет. Легенда о гриппе прекрасна, но необходимо — абсолютно необходимо, — чтобы противнику никогда не пришло в голову, что у истоков этой ситуации стоит Америка. Иначе у них могут возникнуть подозрения.

«У Кливленда есть от восьми до двадцати мужчин и женщин в СССР и от пяти до десяти в каждой из стран восточного блока. Даже мне известно, сколько их у него в Красном Китае». Губы Старки снова задрожали. «Когда ты встретишься сегодня с Кливлендом, просто скажи ему, что *Рим пал*. Не забудешь?»

«Нет», — сказал Лен. Губы его похолодели. «Но уверен ли ты, что они действительно сделают это? Эти мужчины и женщины?»

«Они получили ампулы неделю назад. Они считают, что там находятся радиоактивные вещества, местоположение которых будет фиксироваться с космических спутников. Больше им знать не следует, не так ли, Лен?»

«Да, Билли».

«И если положение дел измениться от плохого к худшему, никто никогда не поймет, в чем дело. Мы уверены,

что сведения о Проекте Блу не просочились на другую сторону до самого конца. Новый вирус, мутация... наши противники могут подозревать, но времени у них будет не так много».

«Да».

Старки вновь смотрел на мониторы. «Моя дочь несколько лет назад подарила мне книгу стихотворений человека по имени Йитс. Она сказала, что каждый военный должен читать Йитса. Думаю, это была шутка. Ты когда-нибудь слышал о таком, Лен?»

«По-моему, да», — сказал Крейтон, рассмотрев и отвергнув мысль о том, чтобы сказать Старки, что правильно произносить надо Йейтс.

«Я прочитал каждую строчку», — сказал Старки, уставившись в вечную тишину кафетерия. «В основном потому, что она была уверена, будто я не прочту. Понял я не слишком много — такое чувство, что чудак был немного того, — но прочитал все. Забавная поэзия. Не всегда есть рифмы. Но было в книжке одно стихотворение, которое крепко засело у меня в голове. Словно этот человек описал все то, чему я посветил свою жизнь. Он сказал, что вещи отпадают. Что центр их уже не держит. Я думаю, что имел в виду, что вещи изнашиваются. Йитс знал, что со временем вещи станут изнашиваться по краям».

«Да, сэр», — спокойно сказал Крейтон.

«Когда я впервые прочитал конец этих стихов, у меня пошли по коже мурашки. И так повторяется каждый раз, когда я его перечитываю. Этот кусок я помню наизусть. *Что за косматый зверь, чей час наконец пришел, плетется в Вифлеем, чтобы родиться там?*»

Крейтон стоял в молчании. Ему нечего было сказать.

«Зверь вышел на дорогу», — сказал Старки, обернувшись.

Он плакал и улыбался одновременно. «Он идет своим путем, и он гораздо опаснее, чем этот парень Йитс мог предположить. Вещи отпадают. Мы должны постараться удержаться их так долго, насколько это возможно».

«Да, сэр», — сказал Крейтон и впервые почувствовал, что слезы наворачиваются ему на глаза. «Да, Билли».

Старки протянул руку, и Крейтон сжал ее. Рука была старой и холодной. Слезы переполняли уголки глаз Старки и стекали по его тщательно выбритым щекам.

«У меня к тебе есть одно дело», — сказал Старки.

«Да, сэр».

Старки снял с правой руки свой вест-пойнтовский перстень, а с левой — обручальное кольцо. «Это для Синди», — сказал он. «Для моей дочери. Передай их ей».

«Передам».

Старки пошел к двери.

«Билли?» — сказал Крейтон ему вслед.

Старки обернулся.

Крейтон стоял по стойке смирно, и слезы все еще текли у него по щекам. Он отдал честь.

Старки возвратил приветствие и вышел за дверь.

Сработал сигнал тревоги. Старки представил себе, как Лен Крейтон наблюдает за ним по многочисленным мониторам. Герметичность была нарушена, и компьютеры переключили лифты в обычный режим.

Спустившись на нижний этаж, Старки, стараясь не смотреть по сторонам, пошел по коридору в направлении кафетерия. Двери кафетерия оказались открытыми. Он медленно подошел к тому месту, где сидел Фрэнк Д.Брюс, уткнувшись лицом в миску супа. Несколько мгновений он неподвижно смотрел на него. Потом он потянул его вверх за волосы. Миска с застывшим супом прилипла к лицу, и ее пришлось отдиравать. Большая часть супа, напоминающего теперь рыхлое желе, осталось на лице у Фрэнка Д.Брюса. Старки достал из кармана платок и постарался привести лицо в порядок. Глаза Фрэнка Д.Брюса были залеплены супом, но их Старки вытереть не решился. Он боялся, что они могут открыться. Меньше всего на свете ему хотелось бы с ними встретиться.

Он прикрыл лицо Фрэнка Д.Брюса платком. Потом он повернулся и вышел из кафетерия четкой, медленной походкой, как на параде.

На полпути к лифту он вынул из кобуры пистолет и вставил дуло себе в рот. Звук выстрела был приглушенным и совсем не драматичным. Никто из лежавших вокруг

людей не обратил ни малейшего внимания. Очистители воздуха быстро позаботились о маленьком облачке дыма. В кафетерии платок слетел с лица Фрэнка Д. Брюса и медленно опустился на пол. Фрэнку Д. Брюсу, похоже, было все равно, но Лен Крейтон все чаще и чаще стал смотреть на монитор и размышлять о том, какого черта Билли не вытер суп с бровей бедняги, раз уж взялся за это дело. Скоро, очень скоро, ему предстояло встретиться лицом к лицу с президентом Соединенных Штатов, но суп, застывший на бровях у Фрэнка Д. Брюса, беспокоил его больше. Куда больше.

ГЛАВА 22

Чернокожий Рэнделл Флетт шагал на юг шоссе №51, прислушиваясь к ночным звукам, обступившим эту узкую дорогу, которая рано или поздно должна была вывести его из Айдахо в Неваду. Из Невады он может отправиться куда угодно. Это была его страна, и никто не знал и не любил ее больше, чем он. Он знал, что за час до восхода солнца он был где-то между Грасмером и Ридлом, к Западу от Твин Фолс, но все еще к северу от резервации Дак Вэли, расположенной на территории двух штатов.

Если вдали показывались огни приближающейся машины, он сходил с обочины в высокую траву, во владения ночных жуков... и машина проезжала мимо, и водитель, возможно, чувствовал легкий озноб, словно он попал в воздушную яму, а его спящие жена и дети тревожно ворочались во сне, словно всем им одновременно приснился один и тот же кошмар.

Он шел дальше, на юг по №51, и стоптанные каблуки его остроносых ковбойских ботинок цокали по покрытию — высокий человек неопределенного возраста в вылинявших, дырявых джинсах и грубом пиджаке. Его карманы были набиты до отказа разного рода сомнительной литературой. Темы были самыми разнообразными: опасность от ядерных электростанций, роль международной еврейской мафии в свержении дружественных правительств, совместная контрабанда кокаина, осуществляемая ЦРУ и контрас, фермерские профсоюзы, Свидетели Иего-

вы (Если ты можешь ответить «да» на все эти десять вопросов, то ты СПАСЕН!), чернокожие за равенство армии, устав ку-клукс-клана. Все это было распахано у него по карманам. На груди слева и справа на его пиджаке было две больших пуговицы. На правой было изображено улыбающееся желтое лицо, а на левой — свинья в полицейской шапочке. Пониже была надпись, выполненная красными буквами, по которым стекали капли крови: *Как вам нравится свинина?*

Лицо, а, возможно, и сердце его были исполнены зловещей веселости. Это было лицо, излучающее ужасное притягательное тепло, лицо, при виде которого усталые официантки в дорожных столовых вдребезги разбивали стаканы, лицо, при виде которого маленькие дети врезались на своих трехколесных велосипедах в досчатые заборы, а потом, рыдая, бежали к своим мамам с острыми щепками, торчащими из коленей.

Вскоре он остановится на привал и проспит весь день, проснувшись с наступлением вечера. Пока его ужин будет готовиться на небольшом бездымном примусе, он будет читать — неважно, что. Возможно, слова из какого-нибудь романа, а возможно — «Майн Кампф», комиксы или газетку общества «Сыны Патриотов».

После ужина он вновь отправился в путь, наблюдая, обоняя и слушая, как климат становится более засушливым, уничтожая все, вплоть до полыни и перекасти-поля, глядя на то, как горы начинают вылезать из земли, словно шипы динозавра. Он был тромбом в поисках места, где бы застрять, осколком кости, стремящимся пронзить нежный орган, одинокой обезумевшей клеткой, подыскивающей себе дружка — они будут вместе вести домашнее хозяйство и выстроят для себя небольшую, но уютную злокачественную опухоль.

Он продолжал свой путь, размахивая руками. Его знали, очень хорошо знали на тех потайных дорогах, по которым путешествуют бедняки и безумцы, профессиональные революционеры и те, кто так хорошо научился ненавидеть, что их ненависть также ясно видна на их лице, как заячья губа, и кто отвергаем всеми, кроме таких же, как они, людей, которые приглашают их в дешевые комнаты, уве-

шанные лозунгами и плакатами, в подвалы, в которых храниться взрывчатка, в задние комнаты, где разрабатываются безумные планы: убить министра, похитить ребенка прибывающего высокопоставленного лица или с гранатами и автоматами ворваться на заседание правления «Стандарт Ойл» и начать убивать во имя народа. Его знали там, но даже самые безумные из них были вынуждены смотреть на его темное, усмехающееся лицо только искоса.

В Маунтин Сити его будет ждать человек по имени Кристофер Брейдентон, который позаботится о том, чтобы добыть ему «чистую» машину и «чистые» документы. Кристофер Брейдентон был одним из кондукторов в той подземной транспортной системе, которой пользуются беглецы. Он знал Рэнделла Флегга под именем Ричарда Фрая. Полдюжины разных организаций заботились о том, чтобы у Брейдентона не переводились деньги. Он был поэтом, который иногда преподавал в Свободном Университете или путешествовал в западные штаты — Уту, Неваду, Аризону, удивляя школьников и школьниц (он надеялся) новостью о том, что поэзия до сих пор существует, хоть и вдохновенная наркотиками — в этом нет сомнения, но все же не лишённая своеобразной отвратительной живучести.

Темный человек шел и улыбался. Брейдентон был лишь одним звеном цепи, а ведь их были тысячи трубочек, по которым двигались сумасшедшие со своими книжками и бомбами. Трубочки соединялись между собой, дорожные указатели были закомуфлированы, но понятны для посвященного.

В Нью-Йорке его знали как Роберта Фрэнка. Его утверждение, что он — чернокожий, никогда не подвергалось сомнению несмотря на то, что кожа его была довольно светлой. В компании с чернокожим ветераном Вьетнама — у него была более чем достаточная причина для ненависти после того, как он потерял левую ногу — они прикончили шесть полицейских в Нью-Йорке и Нью-Джерси.

В Джорджии он был Рэмзеем Форестом, отдаленным потомком Натана Бедфорда Фореста. В своем белом воплощении он участвовал в двух изнасилованиях, кастрации и поджоге жалкого негритянского городишки. Но это было очень давно, в начале шестидесятых, во время первой

вспышки борьбы за гражданские права. Иногда ему казалось, что он был рожден во время этого раздора.

Из предшествующего периода своей жизни он почти ничего не мог вспомнить кроме того, что родиной его была Небраска и что когда-то он ходил в среднюю школу в компании с рыжеволосым и кривоногим мальчишкой по имени Чарльз Старкуевер. Он припоминал марши гражданских прав в 1960 году. Лучше он помнил 1961 — драки, ночные рейды, церкви, которые взрывались так, словно внутри них произошло настолько большое чудо, что они не могли его в себя вместить. Он вспомнил, как перебрался в Новый Орлеан и встретил там умственно отсталого молодого человека, продающего брошюры, в которых содержался призыв к Америке оставить Кубу в покое. Он взял у него несколько брошюр, и штуки две из них до сих пор лежали в одном из многочисленных его карманов. Он заседал в сотне разных Отечественных Комитетов. Он участвовал в демонстрациях в сотне разных университетских кампусов против одних и тех же двенадцати компаний. Когда сильные мира сего приходили на публичные выступления, он писал им записки с наиболее обескураживающими вопросами, но никогда не задавал их вслух, так как увидев его усмехающееся, горящее лицо, человек мог ощутить опасность и скрыться с эстрады. По той же причине он никогда не выступал на митингах, так как микрофоны взвыли бы, а электрические цепи вышли бы из строя. Но он писал речи для тех, кто выступал, и в нескольких случаях результатом этих речей стали восстания, перевернутые машины, студенческие забастовки и яростные демонстрации.

В начале семидесятых он познакомился с человеком по имени Дональд ДеФриз и предложил ему заняться семьей Синков. Он помог составить план, в результате реализации которого была похищена наследница, и именно он предложил не просто выдать ее за выкуп, но и свести ее с ума. Через двадцать минут после того, как он ушел из маленького лос-анджелесского домика, где ДеФриз оставался со своими друзьями, туда нагрянула полиция. Они смогли лишь выяснить, что был кто-то еще, связанный с бандой, — может быть, важная фигура, может быть, шестерка,

человек без возраста по прозвищу Ходячий Хлыщ или Бука.

Он широко шагал, пожирая километры. Два дня назад он был в Ларами, штат Вайоминг, где участвовал во взрыве электростанции. Сегодня он был на №51, между Грасмером и Ридлом, по пути в Маунтин Сити. Завтра он будет где-нибудь еще. И он почувствовал себя счастливее, чем когда бы то ни было, потому что —

Он остановился.

Потому что что-то надвигалось. Он чувствовал это, он почти ощущал аромат в ночном воздухе. Горячий запах копти. Словно Бог задумал приготовить шашлык, а в роли мяса должна была выступить вся цивилизация. Угли уже готовы. Колоссальная вещь, великая вещь.

Близилось время его перевоплощения. Он собирался родиться вторично, собирался выдавиться из напряженного влагища какого-то огромного, песочного цвета зверя, который уже сейчас корчился в родовых схватках, медленно двигая ногами, истекая родильной кровью и уставившись ослепительно пылающими глазами в пустоту.

Он был рожден, когда времена изменились, а теперь времена собирались измениться снова. Это чувствовалось в ветре, в ветре этого мягкого вечера в штате Айдахо.

Почти уже наступило время родиться вторично. Он знал это. А иначе почему бы он внезапно получил способность творить чудеса?

Он закрыл глаза, слегка подняв лицо навстречу темному небу, которое уже готово было принять восходящее солнце. Он сосредоточился. Улыбнулся. Пыльные, стоптанные каблуки его ботинок начали подниматься над дорогой. Дюйм. Два. Три. Улыбка превратилась в оскаленную ухмылку. Он поднялся уже на фут. В двух футах над дорогой он неподвижно повис, и ветер под ним нес облачка пыли.

Потом он почувствовал, что первые дюймы зари занялись на горизонте, и вновь снизился. Время еще не наступило.

Но скоро оно наступит.

Он снова пошел по дороге, усмехаясь и высматривая место, где он мог бы поспать в течение дня. Скоро оно наступит. Он знал это и был счастлив.

ГЛАВА 23

Ллойда Хенрида, которого газеты Феникса окрестили «нераскайвавшимся убийцей с лицом грудного младенца», вели по городской тюрьме двое охранников. У одного из них текло из носа, и оба выглядели кисло. Другие обитатели крыла усиленного режима приветствовали его. Он был местной знаменитостью.

«Хеээээй, Хенрид!»

«Давай, парень!»

«Держись, Хенрид!»

«Молодец, браток!»

«Ублюдки с дырявым ртом», — пробормотал охранник с насморком, а затем чихнул.

Ллойд счастливо усмехнулся. Он был поражен своей новой славой. Здесь было намного лучше, чем в его первой тюрьме. Даже еда была вкуснее. Когда ты крупная птица, к тебе поневоле появляется уважение. Он подумал о том, что Том Круз чувствует себя, наверное, примерно так же во время мировой премьеры.

На выходе из крыла особого режима его провели через металлический детектор.

«Все в порядке», — сказал охранник с насморком, и другой охранник, сидевший в будке из пуленепробиваемого стекла, махнул им рукой. Они прошли в другой коридор. Здесь было очень тихо. Единственными звуками были щелканье каблуков охранников (Ллойд был обут в мягкие тапочки) и астматическое придыхание, раздававшееся сперва от Ллойда. В конце коридора еще один охранник поджидал их у закрытой двери. В двери было крохотное зарешеченное окошечко.

«Почему в тюрьмах всегда такая гнусная вонь?» — спросил Ллойд просто для того, чтобы поддержать разговор. «Даже в тех местах, где нет камер. Может, вы, ребята, ссыте здесь по углам?»

«Заткнись, убийца», — сказал охранник с насморком.

«Ты плоховато выглядишь», — сказал Ллойд. «Тебе надо бы домой, в постель».

«Заткнись», — сказал другой.

Ллойд заткнулся.

«Привет, мешок с дерьмом», — сказал охранник у двери.

«Как поживаешь, чертов хер?» — нашелся Ллойд. Ничто не освежает так, как небольшая перебранка. Два дня в тюрьме — и он уже начал ощущать, что впадает в прежнее состояние ступора.

«За это ты лишишься зуба», — сказал охранник у двери. «Ровно одного, можешь сосчитать».

«Эй, послушай, ты не можешь...»

«Могу. Там во дворе есть парни, которые убьют своих дорогих мамочек за две пачки «Честерфильда», мешок с дерьмом. Хочешь недосчитаться двух зубов, парень?»

Ллойд ничего не ответил.

«Ну, тогда все в порядке», — сказа охранник. «Ровно один зуб. Ведите его, парни».

Слегка улыбаясь, охранник с насморком открыл дверь, а другой ввел Ллойда внутрь, туда, где за металлическим столом сидел, просматривая бумаги, назначенный судом адвокат Ллойда.

«Вот ваш человек, шеф».

Адвокат поднял голову. Он еще и бриться то не начал, — подумал Ллойд, — но что ж поделать? У нищих нет выбора.

«Спасибо вам...»

«Этот тип», — сказал Ллойд, указывая на дверного охранника. «Он обозвал меня мешком с дерьмом. А когда я что-то ему ответил, он сказал, что поручит какому-то парню выбить один из моих зубов! Как насчет жестокого обращения с заключенными?»

«Это правда?» — спросил адвокат у охранника.

Дверной охранник закатил глаза, словно желая сказать *Боже мой, как вы могли в это поверить?* «Эти ребята, шеф. Им надо писать сценарии для телека. Я сказал «привет», он сказал «привет», вот и все».

«Это дьявольская ложь!» — с выражением воскликнул Ллойд.

«У меня на этот счет свое мнение», — сказал охранник и холодно посмотрел на Ллойда.

«Я в этом уверен», — сказал адвокат. «Но я уверен также и в том, что перед тем, как уйти, я пересчитаю зубы мистера Хенрида».

«А парень-то не слаб, — подумал Ллойд. Может, он и сумеет добиться для него десятки — вооруженное ограбление. В конце концов, он кончил только одного человека — жену владельца «Конни», и вполне возможно, что ему удастся спихнуть это на Поука. Поук не будет возражать».

Оторвавшись от своих мыслей, Ллойд обнаружил, что охранники удалились, оставив его наедине с адвокатом — его зовут Энди Девинз, вспомнил Ллойд, — который как-то странно смотрел на него. Так смотрят на гремучую змею, которой перебили хребет, но чей яд, возможно, продолжает действовать.

«Ты в полном дерьме, Сильвестр!» — неожиданно воскликнул Девинз.

Ллойд подскочил. «Что? Что вы хотите этим сказать? Кстати, вы классно отшили этого толстяка. У него был такой вид, словно он готов сгрызть все свои ногти».

«Слушай меня, Сильвестр, и слушай очень внимательно».

«Меня зовут не...»

«Ты даже не можешь себе представить, в какое дерьмо ты влип, Сильвестр», — сказал Девинз, не отрывая от Ллойда пристального взгляда. Голос его был мягким и энергичным. «Тебе вынесут приговор всего за девять дней, Сильвестр, в соответствии с решением Верховного Суда, принятым четыре года назад».

«Каким таким решением?» — спросил Ллойд, чувствуя себя не в своей тарелке.

Это было дело *Маркхема против Южной Каролины*. И на нем были определены условия, когда отдельный штат может самостоятельно совершить правосудие в случае, если выдвинуто требование смертной казни.

«Смертная казнь!» — завопил Ллойд в ужасе. «Электрический стул? Эй, парень, я клянусь, я никогда никого не убивал!»

«С точки зрения закона это не имеет значения», — сказал Девинз. «Раз ты был там, стало быть, ты принимал в этом участие».

«Как так, не имеет значения?» — Ллойд почти кричал. «Это должно иметь значение! Не я прикончил все этих людей. Это Поук их убил! Он был чокнутый! Он был...»

«Не могли бы вы заткнуться, Сильвестр?» — спросил Девинз своим мягким, энергичным голосом, и Ллойд замолчал. Внезапно он представил себе, как птичка Твити преследует кота Сильвестра. Но в его воображении она не долбила это тупое создание колотушкой по голове и не подставляла ему под лапу мышеловку. Ллойд увидел, как стянутый ремнями Сильвестр сидит на электрическом стуле, а длиннохвостый попугай уселся на жердочке рядом с большим рубильником. Он даже смог различить шапочку охранника на маленькой желтой головке Твити.

Зрелище показалось ему не особенно забавным.

«Не существует отдельной статьи о соучастии, когда речь идет о тяжких уголовных преступлениях», — сказал Девинз. «У штата есть три свидетеля, которые подтвердят, что вы с Эндрю Фрименом были вместе. Этого вполне достаточно, чтобы твоя жесткая задница хорошенько прожарилась. Понимаешь?»

«Я...»

«Ладно. Теперь вернемся к делу *Маркхем против Южной Каролины*. В двух словах я объясню, как этот вердикт может быть применен к твоему делу. Но сначала я напомним тебе о факте, который ты без сомнения должен был усвоить в девятом классе: Конституция Соединенных Штатов запрещает жестокие и необычные способы наказания».

«Вроде этого чертового электрического стула», — воскликнул Ллойд в приступе справедливого негодования.

Девинз покачал головой. «В этом месте закон не дает определенного толкования, — сказал он, — и вплоть до того дела четырехлетней давности суды так и сяк переворачивали эту статью, пытаясь определить, являются ли электрический стул и газовая камера «жестокими или необычными способами наказания». И не относится ли эта формулировка к тому периоду *ожидания*, который выпадает на долю заключенного между приговором и приведением его в исполнение. Но так или иначе — в деле *Маркхем против Южной Каролины* человека приговори-

ли к электрическому стулу за изнасилование и убийство трех студенток. Обдуманность преступления была доказана с помощью дневника Йона Маркхема. Суд присяжных приговорил его к смерти».

«Хреновое дело», — прошептал Ллойд.

Девинз кивнул и одарил Ллойда кислой улыбкой. «Дело было передано в Верховный Суд, который подтвердил, что в ряде случаев смертная казнь не является жестоким или необычным способом наказания. Суд высказал мнение, что чем быстрее приговор приводится в исполнение, тем лучше... с точки зрения закона. Начинаешь усекать, Сильвестр? Понял, в чем дело?»

Ллойд не понял.

«Знаешь, почему тебя судят в Аризоне, а не в Нью-Мексико или в Неваде?»

Ллойд покачал головой.

«Потому что Аризона является одним из четырех штатов, где заседает выездная сессия суда по особо тяжким преступлениям. Сессию созывают только в тех случаях, когда выдвинуто и удовлетворено требование смертной казни».

«Ничего не понимаю».

«Через четыре дня начнется суд», — сказал Девинз. «Я буду тянуть, сколько могу, но уже в первый день будут созваны присяжные. На второй день штат доложит дело. Я постараюсь затянуть разбирательство на три дня и буду разводить треп во вступительном и заключительном слове до тех пор, пока меня не прервет судья. Но три дня — это максимум, чего мы можем достигнуть, если повезет. Присяжные удаляться и — если не произойдет чуда — признают тебя виновным через три минуты. Через девять дней, начиная с сегодняшнего, тебе вынесут смертный приговор, а неделей позже ты будешь мертв, как кусок собачьего дерьма. Аризонцам это понравится. Понравится это и Верховному Суду. Потому что чем быстрее, тем лучше для всех».

«Боже мой, но ведь это несправедливо!» — закричал Ллойд.

«Тяжело жить в этом мире, Ллойд», — сказал Девинз. «Особенно для «бешеной собаки» — так тебя называют журналисты и телекомментаторы. Ну и натворил ты дел.

Из-за тебя даже сообщения об эпидемии передвинулись на вторую полосу».

«Я никого не убивал», — хмуро сказал Ллойд. «Поук во всем виноват».

«Это никого не волнует», — сказал Девинз. «Вот что я тебе попытаюсь вбить в твою тупую башку, Сильвестр. Я, конечно, подам протест, но, по новым правилам, он должен быть подан не позднее, чем через неделю. Если выездная сессия отклонит протест, то у меня будет еще одна неделя на то, чтобы направить ходатайство в Верховный Суд. Но выездная сессия скорее всего примет протест к рассмотрению — это новая структура, и они хотят, чтобы в их адрес раздавалось как можно меньше критики. Они примут к рассмотрению даже протест Джека Потрошителя».

«Сколько им понадобится времени?» — пробормотал Ллойд.

«Они будут действовать быстро», — ответил Девинз, и его улыбка приобрела слегка кровожадный оттенок. «Видишь ли, в состав выездной сессии входят пять отставных аризонских судей. Им только и остается, что ловить рыбу, играть в покер, пить бурбон и дожидаться, пока какой-нибудь кусок дерьма, вроде тебя, не приплывет в их зал заседаний. Их средний возраст составляет семьдесят два года...»

Ллойд вздрогнул.

«...и все они верят в Кодекс Запада — быстрый суд и веревку на шею. Так здесь рассматривались дела примерно до 1950 года. Когда дело доходило до виновных в нескольких убийствах, исход мог быть только *один*».

«Господь Всемогуший, зачем вы мне все это рассказываете?»

«Ты должен знать, в какую ситуацию мы попали», — сказал Девинз. «Им надо только убедиться в том, что к тебе не будет применено жестокое необычное наказание, Ллойд. Тебе надо бы сказать им спасибо».

«Им — *спасибо*? Да я бы скорее...»

«Кончил их?» — спокойно спросил Девинз.

«Нет, конечно», — сказал Ллойд не очень уверенно.

«Наше ходатайство о пересмотре дела будет отклонено, и все мои отводы будут моментально сняты. Если повезет,

суд пригласит свидетелей. Если мне дадут такую возможность, я постараюсь, чтобы они повторили все свои показания на первом суде, и спрошу их обо всем, что смогу придумать. После этого пора будет вызывать твоих школьных дружков, чтобы они рассказали нам о твоём характере. После того, как выездная сессия отвергнет ходатайство, я обращусь в Верховный Суд. Полагаю, что они отклонят мое обращение в тот же день».

Девинз сделал паузу и закурил.

«А потом что?» — спросил Ллойд.

«Потом?» — спросил Девинз, выглядя слегка удивленным и раздраженным безысходной тупостью Ллойда. «Потом ты отправишься в камеру смертников в тюрьме штата и будешь наслаждаться прекрасной едой до тех пор, пока не настанет время прокатиться на молнии. Все произойдет очень быстро».

«Они не могут так поступить», — сказал Ллойд. «Вы просто хотите запугать меня».

«Ллойд, четыре штата, в которых существуют выездные сессии судов по особо тяжким преступлениям, поступали так *всегда*. К настоящему моменту сорок мужчин и женщин были казнены в соответствии с вердиктом, вынесенным по делу Маркхема. Лишний суд обходится налогоплательщикам в некоторую сумму, но она не слишком велика, так как выездная сессия рассматривает лишь крохотный процент от общего числа убийств. Кроме того, налогоплательщики ничего не имеют против того, чтобы раскошелиться на смертную казнь. Она им *нравится*».

Не прошло и четверти часа, с тех пор как Ллойд купался в лучах славы, проходя по крылу строгого режима. Теперь, вслед за пустяковыми двумя или тремя неделями, перед ним неумолимо раскрывалась черная дыра.

«Испугался, Сильвестр?» — спросил его Девинз почти дружелюбно.

Ллойд пришлось облизать губы, прежде чем он смог ответить. «Испугаешься тут. По-вашему выходит, что я уже вроде как мертвец».

«Я не хочу, чтобы ты умер», — сказал Девинз. «Но мне надо было тебя напугать. Если ты войдешь в зал суда с глупой и самодовольной ухмылкой на роже, тебя немед-

ленно прикрутят ремнями и врубят ток. Будешь сорок первым. Но если будешь слушать меня, то, может быть, мы прорвемся. Я ничего не гарантирую, но слабая надежда есть».

«Ну?»

«Нам надо рассчитывать на присяжных», — сказал Девинз. «Двенадцать болванов с улицы. Я был бы рад, если бы присяжными оказались сорокадвухлетние престарелые леди, которые до сих пор помнят «Винни Пуха» наизусть и в детстве устраивали похороны птичкам на заднем дворе. Когда набирают состав присяжных, их очень хорошо информируют о вердикте по делу Маркхема. Они не выносят смертный приговор, который может быть приведен в исполнение через шесть месяцев или через шесть лет после его вынесения, когда они уже давно про него забудут. Парень, которого они приговорят к смерти, отправится на небеса через одну-две недели. В некоторых случаях само знание об этом заставляло присяжных вынести вердикт о невиновности. В некоторых случаях они оправдывали явных убийц только потому, что не хотели, чтобы кровь у них на руках была *такой* свежей. Хотя сорок человек и казнили в соответствии с вердиктом по делу Маркхема, но требование смертной казни по таким делам выдвигалось целых семьдесят раз. Из тридцати избежавших смерти двадцать шесть были признаны невиновными судом присяжных, и лишь четыре раза приговор был отменен выездной сессией суда по особо тяжким преступлениям — один раз в Южной Каролине, два раза во Флориде и один раз в Алабаме».

«А в Аризоне?»

«Ни разу. Я же тебе говорил. Кодекс Запада. Эти пятеро старичков хотят усадить тебя на сковородку. Если мы не отстоим тебя перед присяжными, тебе крышка. Могу дать девяносто против одного».

«Сколько человек было признано невиновными постоянным составом присяжных в Аризоне?»

«Двое из четырнадцати».

«Шансы не из лучших».

Девинз обнажил зубы в своей кровожадной улыбке. «Следует отметить, — сказал он. — Что один из этих двух

находился под защитой вашего покорного слуги. Он был виновен, как смертный грех, Ллойд. Совсем как ты».

«Если меня признают невиновным, они ведь не могут привлечь меня снова, а?»

«Ни в коем случае».

«Так что либо все, либо ничего».

«Да».

«Черт», — сказал Ллойд, вытирая лоб.

«Раз ты понял ситуацию, — сказал Девинз, — и понял, на чем будет основано наше сопротивление, то перейдем к делу. Ты сказал мне и полиции, что ты... эээ...» Он достал из портфеля бумаги, посмотрел их и выудил нужный лист. «Ага, вот оно: «Я никого не убивал. Всех убил Поук. Это была его идея, а не моя. Поук был чокнутый, и по-моему, это большая удача, что он подох».

«Да, так оно и есть. Ну и что?» — сказал Ллойд опасно.

«А то, — сказал Девинз, — что ты боялся Поука Фримена. Ты боялся его?»

«Ну, не совсем так...»

«Ты боялся, что он тебя убьет».

«Да, но...»

«Боялся до ужаса. Поверь в это, Сильвестр».

Ллойд нахмурился. Он выглядел как старательный студент, который никак не может ухватить смысл услышанного.

«Не позволяй мне вести тебя, Ллойд», — сказал Девинз. «Я не хочу этого. Тебе может показаться, что я хочу представить дело так, будто Поук все время был под действием наркотиков...»

«Но он действительно был под кайфом! Мы оба были!»

«Нет. Ты не был, а он был. А когда он нахмурился, он совсем сдвинулся...»

«Парень, да ты, пожалуй, прав». В памяти Ллойда возник призрак Поука Фримена, который весело завопил *Нинниноооо!* и выстрелил в женщину, стоявшую у прилавка».

«И он несколько раз угрожал тебе оружием, когда...»

«Нет, он никогда...»

«Угрожал. Он сказал, что убьет тебя, если ты не будешь ему помогать».

«Ну, у меня был автомат...»

«Я уверен, — сказал Девинз, пристально глядя на Ллойда, — что если ты хорошенько пороешься в памяти, то вспомнишь, как Поук сказал тебе, что автомат заряжен холостыми. Вспоминаешь?»

«Ну, когда вы мне об этом напомнили...»

«И именно ты был удивлен больше всех на свете, когда из него стали вылетать *настоящие* пули, верно?»

«Точно», — сказал Ллойд и энергично кивнул. «Меня чуть удар не хватил».

«И ты уже собирался направить автомат на Поука Фримена, когда его пристрелили, избавив тебя от этой необходимости».

Ллойд посмотрел на адвоката с зарождающейся надеждой во взгляде.

«Мистер Девинз, — сказал он чрезвычайно искренне, — именно так и было дело».

ГЛАВА 24

Ник Андрос отдернул одну из занавесок и выглянул на улицу. Отсюда, со второго этажа дома, который раньше принадлежал Джону Бейкеру, просматривался почти весь город. На главной улице никого не было видно. Жалюзи на окнах всех основных учреждений были опущены. Посреди дороги сидела собака. Бока ее раздувались, а изо рта выходила белая пена. В восточной канаве лежал труп еще одной собаки.

Он задернул занавеску и подошел к проснувшейся женщине. Джейн Бейкер была вся обложена одеялами, так как пару часов назад у нее начался приступ озноба. Теперь с ее лица струился пот, и Ник с удивлением заметил, что в некоторых местах ее тонкая ночная рубашка пропотела насквозь и стала прозрачной. Но она его не видела, и он подумал, что в данной ситуации ее частичная нагота едва ли имеет значение. Она умирала.

«Джонни, принеси таз. По-моему, меня сейчас вырвет!» — закричала она.

Он вынул таз из-под кровати и поставил перед ней, но она дернулась, и он упал на пол с глухим грохотом,

который Ник не услышал. Он подобрал таз и держал его в руках, наблюдая за ней.

«Джонни! — вскрикнула она. — Не могу найти коробку с иглами и нитками! Ее нет в шкафу!»

Никогда еще ему не приходилось так горько сожалеть о своей немоте, так как в последние два дня. Брейсмен, методистский священник, был с ней двадцать третьего числа, когда пришел Ник. Он читал ей библию в гостиной, но было видно, что он нервничает и ему не терпится уйти. Легко было понять, почему. Жар придавал ее внешности какое-то розовое, девичье свечение, которое никак не вязалось с ее горем. Возможно, священник боялся, что она заразит его. Но скорее всего, он просто стремился поскорее забрать семью и уйти через поля. Новости быстро передаются по маленькому городку, и многие уже решили уйти из Шойо.

После того, как около двух суток назад Брейсмен ушел, все превратилось в какой-то кошмар наяву. Миссис Бейкер стало хуже, настолько хуже, что Ник боялся, как бы она не умерла до захода солнца.

К тому же, он не мог быть с ней постоянно. Он принес заключенным ленч, но Винс Хоган был не в состоянии есть. Он бредил. Майк Чайлдрес и Билли Уорнер хотели, чтобы он их выпустил, но Ник не мог заставить себя сделать это. И дело было не в страхе — вряд ли они стали бы терять время, мстя ему за свои обиды. Они поспешили бы сбежать из Шойо вместе с остальными. Но у него было чувство ответственности. Он дал обещание человеку, который уже умер. Наверняка рано или поздно патрульная служба штата возьмет дело в свои руки и заберет их отсюда.

В нижнем ящике письменного стола Бейкера он нашел кобуру с револьвером сорок пятого калибра и после некоторого колебания надел ее себе на пояс.

После полудня двадцать третьего числа он открыл камеру Винса и положил ему на лоб, грудь и шею по пакету со льдом. Винс открыл глаза и посмотрел на Ника с такой молчаливой и отчаянной просьбой о помощи, что Нику внезапно захотелось что-то сказать ему — что-то, что могло бы принести ему хотя бы секундное облегчение. Пока он заботился о Винсе, Билли и Майк не переставали

кричать. Когда он поднимал голову, он мог прочесть у них на губах различные фразы, сводившиеся к одной единственной просьбе: *Пожалуйста, выпусти нас*. Ник старался держаться подальше от них. Он уже знал о том, что паника делает людей опасными.

В этот день он мотался взад и вперед по почти пустым улицам, каждый раз ожидая найти труп Винса Хогана или Джейн Бейкер. Он искал взглядом машину доктора Сомса, но так ни разу и не увидел ее. В тот день несколько магазинов по-прежнему оставались открытыми, но Ник все более убеждался в том, что город постепенно пустеет. Люди покидали город, уходя по лесным тропинкам и просекам, а, возможно, даже пересекая вброд реку Шойо.

Сразу же после захода солнца он оказался в доме Бейкеров и увидел, что Джейн, неуклюже передвигаясь по кухне в своем халате для ванной, заваривает чай. Когда Ник вошел, она посмотрела на него с благодарностью, и он заметил, что жар у нее спал.

«Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты ухаживал за мной», — сказала она спокойно. «Я чувствую себя гораздо лучше. Не хочешь ли чашку чая?» В этот момент она расплакалась.

Он подошел к ней, опасаясь, что она может потерять сознание и упасть на раскаленную плиту.

Она взяла его за руку, чтобы устоять на ногах, и положила голову ему на грудь.

«Джонни», — сказала она в сгустившихся сумерках. «Бедный мой Джонни».

Если б он только мог говорить, — подумал Ник мрачно. Но он мог только крепче обнять ее и подвести к стулу.

«Чай...»

Он указал на себя и усадил ее на стул.

«Ладно», — сказала она. «Мне действительно лучше. Просто удивительно. Это просто... просто...» Она закрыла лицо руками.

Он налил горячего чая и поставил чашки на стол. Некоторое время они пили чай в молчание. Она держала чашку двумя руками, словно маленький ребенок. Наконец она поставила чашку на стол и спросила: «Сколько людей в городе больны, Ник?»

«Точно не знаю», — написал Ник. «Но дела чертовски плохи».

«Ты видел доктора?»

«Последний раз — утром».

«Эм может заразиться, если не будет осторожен», — сказала она. «Но ведь он будет осторожен, правда, Ник?»

Ник кивнул и попытался улыбнуться.

«А что с арестованными? Патруль их забрал?»

«Нет», — написал Ник. «Хоган очень болен. Я делаю, что могу. Другие хотят, чтобы я их отпустил, пока Хоган не заразит их».

«Но ты же не станешь их выпускать?»

«Нет», — написал Ник, а мгновение спустя добавил: «Вам надо снова лечь в постель. Вам нужен отдых».

Она улыбнулась ему. Ник заметил у нее на шее темные припухлости и усомнился в том, что кризис для нее уже миновал.

«Да. Я, наверное, просплю двенадцать часов подряд. Странно как-то: я сплю, а Джон мертв... Знаешь, в это очень трудно поверить». Он сжал ее руку. Она болезненно улыбнулась. «Со временем, может быть, появится кто-то другой, ради кого стоит жить. Ты отнес арестованным ужин, Ник?»

Ник покачал головой.

«Обязательно надо это сделать. Почему бы тебе не взять машину Джона?»

«Я не умею водить», — написал Ник. «Спасибо. Я пройду до стоянки грузовиков. Это недалеко. Зайду к вам утром».

«Да», — сказала она. «Прекрасно».

Он поднялся и сурово указал на чашку с чаем.

«До капли», — пообещала она.

От нее он отправился прямо на стоянку грузовиков. На окне висела табличка ЗАКРЫТО. Никто не откликнулся на стук. Он подумал, что в таких обстоятельствах у него есть право войти в помещение силой — в копилке шерифа хватит денег, чтобы оплатить ущерб.

Он разбил дверное стекло над замком и отпер входную дверь. Помещение казалось призрачным даже со включен-

ным светом: музыкальный автомат был темен и мертв, никого не было перед столом с видеоиграми, гриль был закрыт.

Ник зажарил несколько гамбургеров на газовой плите и положил их в мешок. К этому он добавил бутылку молока и половину яблочного пирога. Потом он пошел обратно в тюрьму, оставив на прилавке записку о том, кто вторгся в помещение и с какой целью это было сделано.

Винс Хоган был мертв. Он лежал на полу своей камеры в окружении тающего льда и сырых полотенец. Перед смертью он расцарапал себе шею, словно сопротивляясь какому-то невидимому душителю. Кончики пальцев его были окровавлены. Над ним кружились мухи.

«Ну, а теперь ты нас выпустишь?» — спросил Майк Чайлдрес. «Он умер. Ну что, чушка херова, ты доволен? Насладился мстью? Теперь и он заболел». Он указал на Билли Уорнера.

Билли был в ужасе. На шее и на щеках у него выступили чажоточные красные пятна. Рукав его рубашки, которым он постоянно утирал нос, был весь в соплях. «Это неправда!» — истерично закричал он. «Неправда, неправда, гнусная ложь! Это не...» Неожиданно начал чихать, согнувшись пополам и исторгая из себя слюну и слизь.

«Видишь?» — спросил Майк. «Ну что? Доволен, херова полоумная чушка? Выпусти меня! Можешь оставить его, если тебе так хочется, но выпусти меня. Это же убийство, настоящее хладнокровное убийство — вот что это такое!»

Ник подождал, пока он не устанет, а потом пропихнул еду в щели под дверями камер с помощью щетки. Билли Уорнер кинул на него тупой взгляд и начал есть.

Майк разбил свой стакан молока о решетку. Два своих гамбургера он расплющил о покрытую надписями с рисунками заднюю стену камеры. Один из них прилип к стене в окружении брызг горчицы, кетчупа и приправы, гротескно напоминая картину Джексона Поллока. Он растоптал свой кусок яблочного пирога. Во все стороны полетели кусочки яблока. Пластиковая тарелочка треснула.

«У меня голодовка!» — завопил он. «Я отказываюсь от еды! Скорее ты съешь мой член, чем я съем что-нибудь из твоих подачек, понял, глухонемая жопа? Ты у меня...»

Ник отвернулся, и немедленно воцарилась тишина. Он вернулся в кабинет, чувствуя себя испуганным и не зная, что делать. Если бы он умел водить, он бы их сам отвез в Кэмден. Но водить он не умеет. А надо ведь еще подумать и о Винсе. Нельзя же оставить его лежать на полу на поживу мухам.

В кабинете было еще две двери. За одной оказался встроенный шкаф для одежды, а за другой — ведущая вниз лестница. Внизу оказалась что-то среднее между подвалом и складом. Там было прохладно. Этого достаточно — по крайней мере, на какое-то время.

Он попытался поднять тело. Исходивший от трупа тошнотворный запах чуть не вывернул его желудок наизнанку. Винс оказался для него слишком тяжел. Тогда он взял его под руки и вытащил из камеры. Голова Винса запрокинулась и словно бы просила Ника о том, чтобы он был поосторожнее.

На то, чтобы оттащить тяжелое тело Винса в подвал, потребовалось десять минут. Ник уложил его на бетонный пол и накрыл взятым из камеры армейским одеялом.

Потом он попытался уснуть, но удалось ему это лишь под утро, когда двадцать третье июня уже сменилось двадцать четвертым. Сны его были очень явственными и иногда пугали его. Все чаще и чаще последнее время содержание их оказывалось зловещим и имевшим какой-то тайный, скрытый смысл. Во сне у него возникало ощущение, что нормальный мир потихоньку превращается в то место, где грудных детей приносят в жертву за закрытыми ставнями, и огромные черные механизмы с грохотом работают в запертых подвальных помещениях.

И, разумеется, был еще и личный страх — страх того, что однажды и сам он проснется больным.

Спал он мало. Последний приснившийся ему сон он уже видел недавно: поле кукурузы, теплый запах растений, ощущение того, что что-то — или кто-то — очень доброе и надежное уже близко. Ощущение *дома*. И это ощущение уступает место ледяному ужасу, когда он понимает, что кто-то следит за ним из кукурузных зарослей. Он проснулся в поту. Он поставил кофе и пошел проверить двух своих подопечных.

Майк Чайлдрес был в слезах. За спиной у него гамбургер по-прежнему висел, прилипнув к стене.

«Теперь-то ты доволен? Я тоже заразился. Разве ты не этого хотел? Разве это не месть? Послушай, я дышу, как паровоз на подъеме!»

Но Ника в первую очередь интересовал Билли Уорнер, в бессознательном состоянии лежавший на своей койке. Шея его распухла и почернела. Грудь его судорожно вздымалась.

Ник выбежал из тюрьмы и заспешил к дому Бейкеров. Он нажал кнопку звонка. Через краткий промежуток времени, который, казалось ему, длился целый час, Джейн открыла дверь. Лицо ее вновь было покрыто лихорадочным потом. Она не бредила, но говорила медленно и нечетко. Губы ее распухли.

«Ник. Входи. Что случилось?»

«В. Хоган умер прошлым вечером. Кажется, Уорнер умирает. Он очень сильно болен. Видели ли вы доктора Сомса?»

Она покачала головой, чихнула и пошатнулась. Ник обнял ее за плечи и подвел к стулу. Он написал: «Не могли бы вы позвонить ему от моего имени?»

«Да, конечно. Принеси мне телефон, Ник. Кажется... ночью у меня начался повторный приступ».

Он принес телефон, и она набрала номер Сомса. После того, как она более полминуты неподвижно держала трубку, он понял, что ответа не будет.

Она попыталась позвонить ему домой, потом — домой его медсестре. Ответа не было.

«Попробую позвонить в патрульную службу штата», — сказала она, но ей пришлось положить трубку уже после первой цифры. «Похоже, за пределы города до сих пор нельзя дозвониться. После единицы сразу же начинаются гудки». Она слабо улыбнулась ему, и слезы беспомощно потекли у нее по щекам. «Бедный Ник», — сказала она. «Бедная я. Бедные все. Помогите мне подняться наверх, пожалуйста. Я очень ослабела и задыхаюсь. Похоже, скоро мы с Джоном будем опять вместе». Он посмотрел на нее и вновь с горечью подумал о своей немоте. «Если ты поможешь мне, то я, пожалуй, прилягу».

Он довел ее до спальни, а потом написал: «Я вернусь». «Спасибо, Ник. Ты хороший мальчик...» Она уже начала погружаться в сон.

Ник вышел из дома и остановился на дорожке, не зная, что же ему делать дальше. Если бы он мог водить машину, возможно, он сумел бы что-нибудь сделать. Но...

На лужайке перед домом на противоположной стороне улицы он увидел детский велосипед. Он подошел к дому, окна которого были зашторены, и постучал в дверь. Никто не отозвался несмотря на то, что он постучал несколько раз.

Он подошел к велосипеду. Велосипед был небольшим, но не настолько, чтобы он не смог с ним управиться. Конечно, выглядеть он будет очень нелепо, но едва ли в Шойо остался кто-нибудь, склонный к насмешкам.

Он сел на велосипед и неуклюже поехал вверх по главной улице, мимо тюрьмы, потом на восток по шоссе №63, в том направлении, где Джо Редман видел солдат, замаскированных под дорожную бригаду. Если они по-прежнему там и если они действительно солдаты, то Ник препоручит им охрану Билли Уорнера и Майка Чайлдреса. Разумеется, речь может идти о двоих только в том случае, если Билли все еще жив. Раз уж эти люди ввели в Шойо карантин, то местные заключенные — на их ответственности.

Путь занял у него около часа. Но когда он добрался, ни солдат, ни дорожной бригады на месте не оказалось. Дорога была взорвана, но Нику показалось, что по ней вполне можно проехать, если не слишком беречь автомобильные рессоры.

Черное облачко привлекло его внимание, и в тот же миг ветер донес до него густой, тошнотворный запах разложения. Облачко оказалось роем мух. Он наклонился над ямой посередине дороги. В яме, рядом с новенькой и блестящей водопроводной трубой, лежали тела четырех человек. Их шеи и распухшие лица были черного цвета. Ник не знал, были ли это солдаты, и не стал подходить ближе. Он сказал себе, что надо вернуться назад к велосипеду, что здесь нечего бояться, что они мертвы, а мертвые, как известно, не кусаются. Однако, им овладела паника. На обратном пути он налетел на камень и разбил велосипед. Сам он

перелетел через руль, ушиб голову и содрал в кровь руки. Лишь мгновение он помедлил посреди дороги. Его била дрожь.

Весь следующий час он провел, пытаясь достучаться и дозвониться до кого-нибудь из оставшихся в живых обитателей Шойо. Сам он был в полном порядке, и наверняка должен же быть еще кто-нибудь, кто не заразился этой штукой. Кто-нибудь обязательно найдется — мужчина, женщина, подросток — и скажет ему: *О, да, да. Давай отвезем их в Кэмден.* Или что-нибудь в этом роде.

Но на его стуки и звонки ответили меньше двенадцати раз. Дверь открывалась на длину цепочки, и больное, но исполненное надежды лицо смотрело на Ника. Потом надежда умирала, человек за дверью отрицательно качал головой, и дверь закрывалась. Если б Ник мог говорить, то он сказал бы им, что раз они могут ходить, то смогут и повести машину. А если они отвезут арестованных в Кэмден, то и сами смогут попасть в госпиталь. А тогда их вылечат. Но говорить он не мог.

Но в большинстве домов вообще никто не откликался. В конце концов он изнемог. Им овладевало зловещее ощущение из сна, и уже невозможно было бороться с мыслью о том, что он стучит в двери гробниц, стучит, чтобы разбудить мертвых, и рано или поздно трупы станут отвечать ему. Ему не слишком помогло даже соображение о том, что большинство домов просто остались пустыми после того, как их обитатели уехали в Кэмден, Эльдorado или Тексаркану.

Он вернулся в дом Бейкеров. Джейн Бейкер глубоко спала. Лоб ее был прохладным, но на этот раз его это не так обнадежило.

Наступил полдень. Ник снова пошел на стоянку. В столовой он разогрел две банки супа и перелил их в термос. Молоко в холодильнике, похоже, еще не успело испортиться, так что он захватил одну бутылку.

Билли Уорнер был уже мертв. Увидев Ника, Майк начал истерически хихикать. «Двоим — хана, а третий на подходе! Двоим — хана, а третий на подходе! Мсть свершается! Так? Так?»

Ник осторожно пропихнул под дверь термос с супом и большой стакан молока. Мелкими глотками Майк стал пить суп прямо из термоса.

«Хочешь знать, как я себя чувствую?» — спросил Майк.

Ник кивнул.

«Точно так же, как утром, когда ты ушел. Я выхаркал целый фунт соплей». Он с надеждой посмотрел на Ника. «Моя мама всегда говорила, что если мокрота отходит, то ты идешь на поправку. Может, у меня легкий случай, а? Как ты думаешь, это возможно?»

Ник пожал плечами.

«Послушай, парень, выпусти меня. Я умоляю тебя».

Ник задумался.

«Черт, у тебя же есть пушка. Но ты мне все равно не нужен. Я просто хочу выбраться из этого города. Дай мне шанс. Не оставляй меня в этой крысоловке».

Ник вернулся в кабинет и открыл ящик стола. Логика Майка была безупречной: бессмысленно было думать, что кто-нибудь наконец сюда заявится, чтобы забрать арестованных. Он взял ключи и пошел обратно. Он нашел в связке нужный ключ с белой биркой и просунул его сквозь решетку.

«Спасибо», — забормотал Майк. «Спасибо. Прости, что избили тебя. Честное слово, это все Рэй придумал. Мы с Винсом пытались его отговорить, но когда он напьется, он как безумный...» Ключ повернулся в замке. Ник отступил и положил руку на рукоять револьвера.

Дверь камеры распахнулась, и Майк вышел. «Я не отказываюсь от своих слов», — сказал он. «Все что мне нужно, это выбраться из города».

Когда Ник вышел на улицу, он увидел, что Майк стоит на обочине и смотрит на пустынный город.

«Боже мой», — прошептал он и обернулся к Нику. «Все они? Все они?»

Ник кивнул, все еще держа руку на рукоятке.

Майк начал говорить что-то еще, но фраза была прервана припадком кашля. Он прикрыл рот рукой, а потом утерся.

«Пойду-ка я поскорей отсюда», — сказал он. «Ты неплохо соображаешь, парень, и сделаешь то же самое. Это что-то вроде чумы».

Ник пожал плечами, и Майк пошел по дороге. Он шел все быстрее и быстрее, а в конце концов пустился бежать. Ник смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из вида, а потом вернулся в помещение. Больше он Майка не видел. На сердце у него полегчало, и появилась внезапная уверенность, что он поступил правильно. Он лег на койку и почти сразу же погрузился в сон.

Проснулся он только под вечер. Над холмами бушевала гроза. Он не мог слышать удары грома, но видел бело-голубые вспышки молнии. До Шойо гроза так и не дошла.

Ник побывал в столовой на стоянке грузовиков и приготовил супа и сэндвичей на двух человек. Ему показалось, что было что-то жуткое в том, что уличные фонари по-прежнему горели. Он положил еду в пакет, и по пути к дому Бейкеров за ним следовало несколько изголодавшихся собак, по-видимому, привлеченных запахом пищи. Ник вытащил револьвер, но не отважился пустить его в ход до тех пор, пока одна из собак чуть не укусила его. Тогда он нажал на курок, и пуля прочертила на асфальте серебристую борозду в пяти футах от него. Звук он, естественно, не услышал, но почувствовал отдачу. Собаки разбежались. Джейн спала. Лоб и щеки ее были горячими, дыхание было медленным и затрудненным. Выглядела она ужасно измученной и осунувшейся. Ник смочил салфетку в холодной воде и вытер ей лицо. Он оставил еду на ночном столике, спустился в гостиную и включил телевизор.

СиБиЭс не работало весь вечер. ЭнБиСи придерживалось установленной ранее программы, но изображение на ЭйБиСи то и дело пропадало в тумане. Ник ждал новостей.

Когда начали передавать новости, Ник был ошеломлен. «Эпидемия супергриппа» была, конечно, центральным сообщением, но диктор сказал, что ситуация взята под контроль. В Атланте разработана вакцина, и в начале следующей недели вы уже сможете прийти к своему доктору на прививку. Серьезные вспышки в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Лондоне. В некоторых районах временно запрещены публичные митинги.

В Шойо, — подумал Ник, — запретили целый *город*. Кто кого пытается обмануть?

В заключение диктор сообщил, что поездки в районы большинства крупных городов по-прежнему запрещены, но ограничения будут сняты, как только вакцина будет повсеместно распространена. Затем он перешел к сообщениям об авиационной катастрофе в Мичигане и о реакции Конгресса на последнее постановление Верховного Суда по правам гомосексуалистов.

Так как телевидение было для Ника исключительно визуальным источником информации, то он заметил во время передачи последних известий такие детали, на которые другие люди вполне могли бы не обратить внимание. В программе совсем не было рекламных клипов. Не было сообщений о результатах бейсбольных матчей, возможно, потому что ни одного матча так и не состоялось. Расплывчатая сводка погоды без карты смотрелась так, словно Метеорологическое бюро Соединенных Штатов закрывает лавочку.

Диктор выглядел очень нервно и расстроено. Глаза его постоянно дергались вправо и влево от камеры... словно кто-то был в студии, кто-то, в чьи обязанности входило проследить за тем, чтобы в передаче не было ничего лишнего.

Эту ночь Ник провел в доме Бейкеров. На следующий день ему пришлось присутствовать при медленном умирании Джейн Бейкер, этой прекрасной женщины... *и он не мог сказать ни слова утешения.*

Она держала его за руку. Ник посмотрел на ее бледное, искаженное лицо. Теперь кожа ее была сухой, весь пот испарился. Но это его нисколько не обнадежило. Она была при смерти. Он уже научился различать это состояние.

«Ник», — сказала она и улыбнулась. «Хочу снова поблагодарить тебя. Никому не хочется умереть в одиночку, так ведь?»

Он яростно потряс головой.

«Я умираю», — сказала она спокойно. «Но это неважно. В том шкафу висит платье, Ник. Белое. Ты узнаешь его по...» Ее слова были прерваны припадком кашля. Потом она продолжила: «...по кружевам. В нем я была, когда мы отправились в свадебное путешествие. Наверное, теперь оно будет мне слегка велико — я немного похудела, — но

это не имеет значения. Мы с Джоном ездили на озеро Понтчартин. Это были две самых счастливых недели в моей жизни. С Джоном мне всегда было хорошо. Ты запомнишь про платье, Ник? Я хочу, чтобы меня похоронили в нем. Тебя не очень смутит... переодеть меня, а?»

Он покачал головой. Должно быть, она почувствовала его неловкость, так как больше она о платье не заговаривала. Легко, почти кокетливо она заговорила с ним о других вещах. Как она победила на конкурсе чтецов в школе и поехала на финальный этап в Арканзас, и как ее нижняя юбка упала к ее ногам как раз в тот момент, когда она достигла кульминационного пункта в «Демоне-Любовнике» Ширли Джексон. Как ее сестра поехала во Вьетнам в составе баптистской церковной миссии и вернулась с тремя приемными детьми. Как три года назад они отправились с Джоном в поход, и как лось с дурным характером загнал их на дерево, где они провели целый день.

Наконец она заснула, но не надолго. У нее вновь начался бред.

«Джон!» — закричала она, и голос ее звучал придушенно.

«Ой, Джон, мне никогда не снять это чертово платье! Ты должен помочь мне, Джон! Ты должен помочь мне...»

Слова ее утонули в очередном приступе кашля. Из носа потекла тоненькая струйка темной крови. Потом она упала на подушку и несколько раз дернула головой из стороны в сторону, словно принимала какое-то жизненно важное решение, и оно оказалось отрицательным.

Потом она затихла.

Ник робко прижал руку к ее шее, потом пощупал внутреннюю сторону ее запястья и приложил руку к груди. Сердце не билось. Она была мертва. Часы с важным видом тикали на ночном столике, но никто их уже не слышал.

Он заставил себя встать и подойти к шкафу, все еще надеясь на то, что белое платье может оказаться всего лишь часть ее бреда. Но оно было там. Немного пожелтевшее от времени, но он узнал его, тем не менее. По кружевам.

Через силу он подошел к кровати и стал снимать с нее халат. Но когда перед ним оказалось ее обнаженное тело, ужас исчез, и осталась только жалость. Обмывая ее тело, он заплакал. Когда она была одета точно так же, как в тот

день, когда они с Джоном отправились на Понтчартин, он поднял ее на руки и понес, словно жених, переносящий свою возлюбленную через бесконечный порог.

ГЛАВА 25

В ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня одна из студенческих группировок, то ли «Студенты за демократию», то ли «Юные Маоисты», трудилась над копировальной установкой. Утром плакатики были расклеены по всему Кентуккийскому университету в Луисвилле:

**ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
ВАС ОБМАНЫВАЮТ!
ПРАВИТЕЛЬСТВО ЛЖЕТ ВАМ!
ПРЕССА, ВЗЯТАЯ ПОД КОНТРОЛЬ СВИНЬЯМИ
В МУНДИРАХ, ЛЖЕТ ВАМ!
АДМИНИСТРАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТА ЛЖЕТ ВАМ!
ПО ЕЕ ПРИКАЗУ ЛГУТ И ВРАЧИ!**

1. НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИКАКОЙ ВАКЦИНЫ ПРОТИВ СУПЕРГРИППА.

2. СУПЕРГРИПП — ЭТО НЕ СЕРЬЕЗНАЯ БОЛЕЗНЬ, ЭТО — СМЕРТЕЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ.

3. СМЕРТНОСТЬ МОЖЕТ ДОСТИЧЬ 75%.

4. ВИРУС СУПЕРГРИППА БЫЛ СОЗДАН СВИНЬЯМИ В МУНДИРАХ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ И СЛУЧАЙНО ВЫПУЩЕН НА СВОБОДУ.

5. СВИНЬИ В МУНДИРАХ ТЕПЕРЬ ХОТЯТ СКРЫТЬ СВОЙ СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫЙ ПРОМАХ ДАЖЕ ЦЕНОЙ ГИБЕЛИ 75% НАСЕЛЕНИЯ!

**ПРИВЕТ ВСЕМ РЕВОЛЮЦИОННО НАСТРОЕННЫМ
ЛЮДЯМ! ПРИШЛО ВРЕМЯ ПОДНИМАТЬСЯ
НА БОРЬБУ! ОБЪЕДИНИМСЯ, БУДЕМ БОРОТЬСЯ
И ПОБЕДИМ!
В 19.00 В СПОРТИВНОМ ЗАЛЕ СОСТОИТСЯ
МИТИНГ!**

ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА! ЗАБАСТОВКА!

Случившееся на ДаблЮБиЗед-ТиВи в Бостоне было подготовлено вчерашним вечером тремя дикторами новостей и шестью техническими работниками Студии 6. Пятеро из этих людей регулярно играли вместе в покер, а шестеро из девяти были уже больны. Им было нечего терять. Они добыли почти дюжину единиц оружия. Боб Палмер, передававший утренние новости, внес оружие в студию в небольшом пакете, в котором он обычно держал свои тексты, карандаши и несколько блокнотов.

Весь эфир шел под контролем людей, которых им представили, как национальных гвардейцев, но, как Палмер сказал вчерашним вечером Джорджу Дикерсону, это первые национальные гвардейцы в возрасте за пятьдесят, которых он видит в своей жизни.

В 9.01, сразу же после того, как Палмер начал читать успокоительный текст, врученный ему сержантом, произошел переворот. Вдвоятером они успешно захватили телевизионную станцию. Солдаты, не ожидавшие каких-либо решительных действий от жалкой группы штатских, привыкших сообщать о трагедиях, которые происходят где-то далеко от них, были захвачены врасплох и разоружены. Другие работники станции присоединились к восстанию и, быстро очистив шестой этаж, заперли все двери. Лифты были вызваны на шестой этаж, прежде чем солдаты в вестибюле сообразили, что происходит. Трое солдат попробовали подняться по восточной пожарной лестнице, и уборщик по имени Чарльз Йоркин произвел предупредительный выстрел. Этот выстрел оказался единственным.

Телезрители, наблюдавшие за программой ДаблЮБиЗед-ТиВи, увидели, как Боб Палмер прервал чтение на полуслове и сказал: «О'кей, поехали!» За кадром раздался шум борьбы. Когда наступила тишина, тысячи пораженных зрителей увидели Боба Палмера с короткоствольным пистолетом в руках.

Чей-то хриплый голос ликующе завопил: «Они попались, Боб! Ублюдки попались! Они в наших руках!»

«О'кей, чистая работа», — сказал Палмер. Потом он вновь повернулся к камере. «Жители Бостона и все граждане Америки, принимающие нашу передачу. В этой сту-

дии только что произошло нечто очень серьезное и очень важное, и я счастлив, что впервые это событие случилось у нас, в Бостоне — колыбели американской независимости. Последние семь дней эфир находился под контролем людей, которые называют себя национальными гвардейцами. Вооруженные люди в хаки стояли рядом с нашими операторами, в комнатах контроля, около телетайпов. Диктовали ли они текст новостей? С сожалением я вынужден дать положительный ответ на этот вопрос. Мне вручали текст и заставляли читать его перед камерой, буквально с пистолетом у виска. Тексты, которые я читал, имели отношение к так называемой «эпидемии супергриппа» и содержали заведомо ложную информацию.

«Наши операторы сняли фильм, который был частично конфискован, а частично намеренно засвечен. Сообщения наших корреспондентов исчезали. И все-таки, леди и джентльмены, у нас есть, что вам показать, и корреспонденты находятся прямо в этой студии — это не профессиональные репортеры, но это свидетели того, что может оказаться величайшим бедствием для нашей страны за всю ее историю. Сейчас мы покажем вам некоторые фрагменты нашего фильма. Все съемки велись тайно, поэтому качество не очень хорошее. И однако, мы, люди, только что освободившие телестанцию, надеемся, что того, что вы увидите, будет достаточно. Возможно, даже в большей степени, чем вам этого хотелось бы».

Он поднял взгляд, вынул из кармана платок и высморкался. Те, у кого дома были хорошие цветные телевизоры, могли заметить, что лицо его было красным и распухшим.

«Если все готово, Джордж, то давай».

На экране появились кадры Главного Госпиталя Бостона. Палаты были переполнены. Больные лежали на полу. Переполнены были и коридоры. Медсестры, многие из которых сами выглядели явно больными, нетвердой походкой ходили по госпиталю. Некоторые истерически плакали. Другие были ошарашены настолько, что почти впали в кому.

Кадры часовых на углах улиц с винтовками в руках. Кадры зданий со взломанными дверьми.

Снова появился Боб Палмер. «Леди и джентльмены, если у вас есть дети, — сказал он спокойно, — мы посоветовали бы вам попросить их уйти из комнаты».

Зернистый кадр военного грузовика, выезжавшего на пирс Бостонской гавани. Внизу — баржа, укрытая брезентом. Двое солдат в противогазах выпрыгнули из кабины грузовика. Изображение дернулось, а потом снова стало неподвижным. Солдаты залезли в кузов, и оттуда на баржу посыпались тела: женщины, старики, дети, полицейские, медсестры. В какой-то момент стало понятно, что солдаты поддевают тела вилами.

Палмер вел передачу около двух часов до тех пор, пока кто-то на первом этаже не сообразил, что вовсе не обязательно отвоевывать шестой этаж. В 11.16 передатчик ДаблЮБиЗед-ТиВи был отключен.

Палмер с сообщниками были казнены по обвинению в измене родине — Соединенным Штатам Америки.

Было отпечатано 26000 экземпляров экстренного одностраничного выпуска «Лос-Анджелес Таймс», прежде чем ответственные офицеры обнаружили, что это был отнюдь не рекламный проспект. Возмездие было быстрым и кровавым. Официальная версия ФБР гласила, что «радикальные революционеры» подложили динамит в типографию «Таймс», что привело к смерти двадцати восьми работников ФБР не пришлось объяснять, каким образом взрыв привел к тому, что в каждой из двадцати восьми голов оказалось по пуле, так как трупы смешались с тысячами тел жертв эпидемии, которые хоронили у моря.

Тем не менее 10000 экземпляров успело разойтись, и этого оказалось достаточно. Заголовок, набранный тридцать шестым кеглем, кричал:

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ В КОГТЯХ ЭПИДЕМИИ

Тысячи спасаются Бегством от Смертельного Супергриппа

Правительство Пытается Скрыть Свою Вину

ЛОС-АНДЖЕЛЕС — Солдаты, называющие себя национальными гвардейцами, на самом деле являются профессиональными военными. На рукавах у них по четыре звездочки, каждая из которых дается за десять лет службы.

Одна из их целей — уверить напуганных жителей Лос-Анджелеса в том, что вирус супергриппа, который молодежь называет Капитаном Шустриком, «лишь в незначительной степени более опасен», чем лондонский или гонконговский штаммы... но эти уверения звучат сквозь мембраны противогазов. Сегодня вечером в шесть часов планируется выступление президента. Пресс-секретарь Хуберт Росс назвал сообщения о том, что президент будет выступать в помещении, выглядящем как Овальный зал, но в действительности находящемся глубоко под землей в бункере Белого Дома, «истеричными, злобными и полностью безосновательными». Попавший нам в руки предварительный текст речи президента указывает на то, что он собирается «отшлепать» американский народ за паникерство и сравнивает теперешнее состояние людей с реакцией на радиопередачу Орсона Уэллса по «Войне миров» в начале тридцатых.

У «Таймс» есть пять вопросов, на которые мы хотели бы получить от президента ответ.

1. Почему, в прямое нарушение конституционных прав, головорезы в военной форме запрещали «Таймс» печатание новостей?

2. Почему шоссе №№5, 10 и 15 заблокированы военным транспортом?

3. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», то почему в Лос-Анджелесе и на прилегающих территориях было объявлено военное положение?

4. Если это действительно только «небольшая вспышка гриппа», то почему в Тихий океан были выведены караваны барж и затоплены там? Что находилось на этих баржах? Не были ли это, как мы опасаемся, трупы жертв эпидемии?

5. И наконец, если действительно докторам и больницам будет выдана вакцина в начале следующей недели, то почему он до сих пор ни один из сорока шести опрошенных нами врачей ничего не знает о конкретных планах доставки?

Почему *ни одна* из клиник не делает прививок против супергриппа? Почему *ни один* из десяти фармацевтических складов не получил извещений о скорых поставках вакцины?

Мы призываем президента ответить в своей речи на все эти вопросы, но прежде всего мы призываем его отказаться от репрессивных методов управления и от нездоровых попыток скрыть правду...

В Дулуте человек в шортах цвета хаки и сандалиях разгуливал по Авеню Пьемонт со следами пепла на лбу и от руки написанным сэндвичем на тощих плечах.

Спереди на сэндвиче было написано:

**ВРЕМЯ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПРИШЛО
ГОСПОДЬ НАШ ХРИСТОС СКОРО ВЕРНЕТСЯ
ГОТОВЬТЕСЬ К ВСТРЕЧЕ С БОГОМ!**

Сзади:

**СМОТРИ! СЕРДЦА ГРЕШНИКОВ РАЗБИТЫ
ВЕЛИКИЕ БУДУТ УНИЖЕНЫ, А УНИЖЕННЫЕ —
ВОЗВЕЛИЧЕНЫ**

**ЧЕРНЫЕ ДНИ НАСТУПАЮТ
ГОРЕ ТЕБЕ, О СИОН**

Четверо молодых людей в мотоциклетных куртках, все с сильным кашлем и насморком, напали на человека в шортах и избили его до потери сознания. Потом они убежали, а один из них все кричал через плечо: «Я тебя научу, как пугать людей! Я тебя научу, как пугать людей, полоумный мудак!»

Самой популярной программой в Спрингфилде, штат Миссури, была передача КЛФТ «Говорите, вы в прямом эфире», которую вел Рэй Флауэрс. Флауэрс был напуган. Похоже, все, кого он знал, были больны. Сам он чувствовал себя прекрасно.

Военных пока в Спрингфилде не было, но Рэй слышал, что Национальная Гвардия была направлена в Канзас-Сити и Сент-Луис «для предотвращения паники и мародерства».

Рэй закурил, подошел к двери студии и запер ее. Потом он забрался в свою кабинку, включил позывные и устроился перед микрофоном.

«Всем привет», — сказал он. «Говорит Рэй Флауэрс, ведущий передачи «Говорите, вы в прямом эфире», а сегодня, как мне кажется, есть только одна тема для разговора, не так ли? Как бы вы ее ни назвали — супер-гриппом или Капитаном Шустриком — речь идет об одном и том же. Я слышал разные жуткие истории о том, как армия все подмяла под себя, и если вы хотите рассказать об этом, то я готов вас послушать, хорошо? Наши телефоны: 555-8600 и 555-8601. Если будет занято, потерпите немного. Сегодня я в студии один».

В Картхейдже, в пятидесяти милях от Спрингфилда, находилось военное подразделение, и отряд из двадцати человек получил приказ разобраться с Рэем Флауэрсом. Два человека отказались выполнять приказ. Они были расстреляны на месте.

За этот час, который заняла у них дорога до Спрингфилда, Рэй Флауэрс принял звонки от доктора, который сказал, что люди мрут, как мухи, и что, по его мнению, правительство лжет насчет вакцины, от медсестры, которая подтвердила, что тела увозят из больниц Канзас-Сити на грузовиках, от женщины в состоянии бреда, которая заявила, что во всем виноваты летающие тарелки из космоса, от фермера, который сказал, что только что армейский взвод выкопал на поле рядом с шоссе №71 к югу от Канзас-Сити чертовски длинный ров, и от полдюжины других людей.

Затем дверь студии затрещала. «Откройте!» — закричал чей-то приглушенный голос. «Откройте именем Соединенных Штатов!»

Рэй посмотрел на часы. Четверть двенадцатого.

«Что ж», — сказал он. «Похоже, молодчики заявили ко мне. Но мы просто будем продолжать наш разговор, хор...»

Раздался треск автоматной очереди. Дверь была взломана, и человек шесть солдат в противогазах и в полном вооружении ворвались в помещение.

«Только что несколько солдат вломились в студию», — сказал Рэй. «Они вооружены... и выглядят так, словно готовы повторить военную операцию по очистке территории от противника, проведенную во Франции пятьдесят

лет назад. Единственное отличие в том, что теперь на них противогазы...»

«Прекращай передачу!» — завопил массивный человек с сержантскими нашивками. Он стоял перед прозрачной стенкой кабинки и угрожающе жестикулировал винтовкой.

«Я этого не сделаю!» — отозвался Рэй. «У станции есть лицензия ЭфСиСи, и я...»

«Я *отменяю* твою херову лицензию! А теперь прекращай передачу!»

«Я этого не сделаю», — повторил Рэй и снова повернулся к микрофону. «Леди и джентльмены, только что я получил приказ прекратить вещание КЛФТ и отказался выполнить его. Как мне кажется, я поступил совершенно правильно. Эти люди ведут себя как нацисты, а не как американские солдаты. Я не собираюсь...»

«Последний шанс!» Сержант вскинул винтовку.

«Сержант», — сказал один из солдат у дверей. «Не думаю, что у вас есть право...»

«Если этот парень еще что-нибудь вякнет, пристрелите его», — сказал сержант.

«Похоже, они собираются убить меня», — сказал Рэй Флауэрс, и в следующую секунду стекло кабинки разлетелось вдребезги, а Флауэрс упал на пульт.

«О'кей», — сказал сержант и обернулся. «Я хочу вернуться в Картхейдж к часу дня и я не...»

Трое из его подчиненных выстрелили в него одновременно. Сержант исполнил судорожный танец смерти и упал.

СООБЩЕНИЕ 234 ЗОНА 2 СЕКРЕТНО
ОТ: ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК
КОМУ: КОМАНДУЮЩИЙ КРЕЙТОН
ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»
КОРДОНЫ ВОКРУГ НЬЮ-ЙОРКА ПО-ПРЕЖНЕМУ
ФУНКЦИОНИРУЮТ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ УБОРКА ТЕЛ В ГОРОДЕ ОТ-
НОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО
ОФИЦИАЛЬНАЯ ВЕРСИЯ ЛОПНУЛА БЫСТРЕЕ
ЧЕМ ОЖИДАЛОСЬ

50% ВОЕННЫХ НА КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНЫХ
ПУНКТАХ БОЛЬНЫ НО

БОЛЬШИНСТВО ВОЙСК СПОСОБНО УСПЕШНО
ПРОДОЛЖАТЬ СЛУЖБУ

ТРИ НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ПОЖАРА ГАРЛЕМ
СЕДЬМАЯ АВЕНЮ СТАДИОН ШЕА

ДЕЗЕРТИРСТВО СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ СЕРЬ-
ЕЗНОЙ ПРОБЛЕМОЙ

ОТДАН ПРИКАЗ О РАССТРЕЛЕ НА МЕСТЕ
ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ СИТУАЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ

ПОД КОНТРОЛЕМ НО МЕДЛЕННО УХУДШАЕТСЯ
КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

ЛЭНДОН ЗОНА 2 НЬЮ-ЙОРК

СООБЩЕНИЕ 771 ЗОНА 6 СЕКРЕТНО

ОТ: ГАРЕТ ЗОНА 6 ЛИТТЛ РОК

КОМУ: КОМАНДУЮЩИЙ КРЕЙТОН

ОПЕРАЦИЯ «КАРНАВАЛ»

БРОДСКИЙ НЕЙТРАЛИЗОВАН БРОДСКИЙ НЕЙТ-
РАЛИЗОВАН

ЕГО АРЕСТОВАЛИ В КЛИНИКЕ ПРЕДЪЯВИЛИ
ЕМУ ОБВИНЕНИЕ И РАССТРЕЛЯЛИ БЕЗ СУДА ЗА
ИЗМЕНУ РОДИНЕ НЕКОТОРЫЕ ИЗ ЕГО ПАЦИЕН-
ТОВ ПОПЫТАЛИСЬ ВМЕШАТЬСЯ 14 ГРАЖДАН-
СКИХ РАНЕНО, 6 УБИТО 3 МОИХ ЛЮДЕЙ РАНЕНО,
ВСЕ ЛЕГКО

СИЛЫ ЗОНЫ 6 СОХРАНЯЮТ 40% ТРУДОСПО-
СОБНОСТЬ ОКОЛО 25% ВСЕ ЕЩЕ НАХОДЯЩИХСЯ
НА СЛУЖБЕ БОЛЬНЫ 15% ДЕЗЕРТИРОВАЛО

СЕРЖАНТ Т.Л. ПЕТЕРС ПРОХОДИВШИЙ СЛУЖ-
БУ В КАРТХЕЙДЖЕ УБИТ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУ-
ЖЕБНОГО ДОЛГА СВОИМИ ЖЕ СОЛДАТАМИ

ПОСТУПИЛИ НЕПОДТВЕРЖДЕННЫЕ ПОКА СО-
ОБЩЕНИЯ ОБ АНАЛОГИЧНЫХ СЛУЧАЯХ

СИТУАЦИЯ БЫСТРО УХУДШАЕТСЯ

КОНЕЦ СООБЩЕНИЯ

ГАРФИЛД ЗОНА 6 ЛИТТЛ РОК

* * *

«Мессинджил, Зона 10. Слышите нас, база Блу? Это сообщение закодировано как Энни Оукли, неотложность-плюс-десять. Отвечайте, если вы на связи. Прием».

«Это Лен, Дэвид. По-моему, можно послать к черту этот жаргон. Подслушивать нас некому».

«Все вышло из-под контроля, Лен. Буквально все. Лос-Анджелес в огне. Все мои люди либо больны, либо не подчиняются приказам, либо дезертировали, либо мародерствуют в компании с местным населением. Я нахожусь в зале Скайлайт «Бэнк оф Америка», главное здание. Около шестисот людей пытаются вломиться сюда и добраться до меня. Большинство из них — военные».

«Вещи отпадают. Центр не держит».

«Повтори, я не понял».

«Неважно. Ты можешь выбраться?»

«Нет, черт возьми. Но первым мерзавцам из этой банды будет, о чем задуматься. У меня тут винтовка. Мерзавцы. Сукины дети!»

«Удачи тебе, Дэвид».

«Тебе тоже. Держи все под контролем, сколько сможешь».

«Постараюсь».

«Я не уверен...»

На этом связь прервалась.

«Солдаты и братья! Мы захватили радиостанцию и генеральный штаб! Ваши угнетатели мертвы! Я, брат Зено, еще несколько минут назад бывший сержантом первого класса Роландом Гиббсом, провозглашаю себя первым президентом республики Северная Калифорния! Ситуация находится под нашим контролем! Под нашим контролем! Если ваши офицеры попытаются отменить мои приказы, пристрелите их, как уличных собак! Как собак! Как сук, к животам которых пристало засохшее дерьмо! Записывайте имена, звания и порядковые номера дезертиров! Составляйте списки тех, кто ведет подрывную агитацию и призывает к измене республике Северной Калифорнии! Начинается новый день! Дни угнетателей кончились! Мы...»

Треск автоматных очередей. Крики. Звуки глухих ударов. Пистолетные выстрелы, снова крики, непрекращаю-

щийся грохот автомата. Протяжный, умирающий стон. Три секунды мертвой тишины.

«Говорит майор Альфред Нанн, армия Соединенных Штатов. Я беру войска Соединенных Штатов в районе Сан-Франциско под свое временное командование. Куча предателей, захвативших штаб, уничтожена. Я принимаю на себя командование, повторяю, командование. Дезертиры и членовредители будут расстреливаться на месте. Сейчас я...»

Снова автоматные очереди. Чей-то крик.

Отдаленный вопль: «— *всех! Держи их всех! Смерть свиньям в мундирах...*»

Громкий треск автоматных очередей. Потом тишина.

В 21.16 те люди, которые были еще в состоянии смотреть телевизор и настроились на ДаблЮСиЭсЭйч-ТиВи, онемев от ужаса, наблюдали за тем, как огромный чернокожий, на котором не было ничего, кроме набедренной повязки из розовой кожи и берета морской пехоты, публично приводил в исполнение шестьдесят два смертных приговора.

Его сообщники, также чернокожие и также почти обнаженные, были вооружены автоматическим и полуавтоматическим оружием. Другие члены «черной хунты» держали под прицелом своих винтовок и ручных автоматов сотни две одетых в хаки солдат, сидевших на тех самых местах, где когда-то приглашенные в студию зрители наблюдали за местными политическими дискуссиями и телеигрой «Набери номер — получишь доллар».

У огромного негра, который часто ухмылялся, обнажая удивительно ровные и белые зубы, в руках был автоматический револьвер сорок пятого калибра. Он стоял рядом с большим стеклянным барабаном, который когда-то — казалось, что это было очень давно — служил для определения победителей среди позвонивших в студию телезрителей.

Негр крутанул барабан, вытащил из него водительское удостоверение и провозгласил: «Рядовой первого класса Франклин Стерн, вперед и на середину, *прошууу*».

Вооруженные люди, окружавшие зрителей со всех сторон, наклонились, чтобы разглядеть ярлыки с именами, а

оператор, явно лишь недавно ознакомившийся с этой профессией, панорамировал зрителей резкими рывками камеры.

Наконец молодой человек со светлыми волосами, не старше девятнадцати, был поднят на ноги и, несмотря на вопли протеста, выведен на эстраду. Двое негров заставили его встать на колени.

Негр ухмыльнулся, чихнул, выплюнул комок слизи и приставил револьвер к виску рядового первого класса Стерна.

«Нет!» — истерически воскликнул Стерн. «Я пойду с вами, клянусь Богом, я пойду! Я...»

«Воимяотцаисынаисвятогодуха», — произнес негр нараспев и спустил курок. Позади того места, где стоял на коленях рядовой первого класса Стерн, была большая лужа крови и мозгов — теперь он внес в нее свой вклад.

Чпок.

Негр снова чихнул и чуть не упал. Другой негр, сидевший за пультом, нажал кнопку АПЛОДИСМЕНТЫ. Перед зрителями вспыхнул сигнал. Негры, охранявшие зрителей-пленников, угрожающе вскинули оружие. Белые солдаты бешено зааплодировали.

«Следующий!» — провозгласил негр в набедренной повязке и снова запустил руку в барабан. Он посмотрел на удостоверение и провозгласил: «Сержант Роджер Петерсен, вперед и на середину, *прошууу!*»

Один из зрителей взвыл и рванулся к задним дверям. Через несколько мгновений он уже был на сцене. Под шумок один из солдат в третьем ряду попытался оторвать ярлык с именем, приколотый к его гимнастерке. Прозвучал выстрел, и он обмяк на своей стуле, а глаза его затуманились, словно это несколько безвкусное шоу вогнало его в легкую дремоту, напоминающую смерть.

Спектакль продолжался до тех пор, пока четыре взвода военных в противогазах и с автоматами в руках не ворвались в студию. Ряды зрителей немедленно поднялись на борьбу.

Негр в набедренной повязке упал почти сразу же, продырявленный пулями. Ренегат, стоявший за камерой №2, получил очередь в живот. Попытавшись поймать свои

внутренности, он наклонился вперед и задел камеру, которая начала медленно вращаться, воспроизводя на экранах телевизоров неторопливо снятую панораму ада.

Оператор упал на ручку управления камерой, и во время продолжающейся перестрелки телевизорами мило-сердно демонстрировался потолок студии. Через пять минут автоматный огонь стих до уровня отдельных выстрелов, а спустя некоторое время и вовсе прекратился. Остались только крики.

В пять минут двенадцатого вместо потолка студии на экранах появился нарисованный человечек, хмуро уставившийся на нарисованный телевизор. На экране нарисованного телевизора была видна надпись: ИЗВИНИТЕ, У НАС ПРОБЛЕМЫ!

Надпись эта была справедлива по отношению почти ко всем.

Из речи президента, начавшейся в девять часов вечера и не принимавшейся многими районами страны.

«...такая великая нация, как наша, должна справиться со всеми трудностями. Мы не можем позволить себе пугаться теней в темной комнате, как маленькие дети, но не можем мы и легкомысленно относиться к этой серьезной эпидемии гриппа. Сограждане-американцы, я призываю вас оставаться дома. Если вы почувствуете, что заболели, ложитесь в постель, примите аспирин и пейте побольше жидкости. Будьте уверены, что скоро — *самое позднее*, через неделю — вам станет лучше. Позвольте мне повторить то, что я сказал в начале своего разговора с вами этим вечером: Не доверяйте — *не доверяйте* — слухам о том, что эта разновидность гриппа смертельна. В абсолютном большинстве случаев больной может рассчитывать на выздоровление в течение недели. Далее...»

(Припадок кашля).

«Далее, радикальные анти-правительственные группировки распространяют злобный слух о том, что этот вирус был создан правительством в военных целях. Сограждане американцы, это откровенная ложь. Наша страна подписала пересмотренные Женевские соглашения по отравляющему газу, нервнопаралитическому газу и бактериологическому

оружию с чистой совестью. Ни сейчас, ни когда-либо ранее...»

(чихание)

«...мы не занимались тайным производством веществ, запрещенных Женевской Конвенцией. Это просто серьезная вспышка гриппа, ни больше, ни меньше. Этим вечером мы получили сообщения об аналогичных вспышках в ряде других стран, включая Россию и Красный Китай. Следовательно, мы...»

(кашель и чихание)

«...мы призываем вас сохранять спокойствие в ожидании того момента, когда в конце этой недели или в начале следующей те, кто еще не успел выздороветь сам, получат вакцину против гриппа. В некоторые районы были посланы национальные гвардейцы, призванные защитить население от хулиганов, вандалов и паникеров, но абсолютно лживы слухи о том, будто некоторые города были «оккупированы» войсками и будто новости фабрикуются. Сограждане-американцы, это явная ложь, и я хочу заклеить тех, кто...»

На фасаде Первой Баптистской Церкви Атланты баллончиком с красной краской было написано:

«Дорогой Иисус. Скоро встретимся. Твоя подружка, Америка. PS. Надеюсь, у тебя еще останутся свободные места к концу недели.

ГЛАВА 26

Сидя на скамейке в Центральном Парке 27 июня, Ларри Андервуд вспоминал о чемпионате США по бейсболу пять лет назад. Вспоминать о нем было приятно, потому что, как казалось теперь Ларри, именно тогда он был в последний раз совершенно счастлив, в отличном физическом состоянии и с ясной головой.

Это было как раз после ссоры с Руди. Чертовски неприятная вышла ситуация, и если он когда-нибудь снова встретит Руди (никогда, — подумал он со вздохом), то обязательно извинится. Он опустится на землю и поцелует башмаки Руди, если только тому станет от этого легче.

Они отправились через всю страну на страдающем одышкой старом «Меркури», у которого в Омахе полетела коробка передач. С тех пор им пришлось работать недельки две, потом автостопом пробираться какое-то время дальше на запад, потом снова работать и снова ехать автостопом. Как-то они нанялись на ферму в западной Небраске, и однажды вечером Ларри проиграл в покер шестьдесят долларов. На следующий день ему пришлось попросить у Руди взаймы. Через месяц они оказались в Лос-Анджелесе, и Ларри первым нашел работу — если только можно назвать работой мытье тарелок за мизерную плату. Однажды вечером, недели через три, Руди напомнил о долге. Он сказал, что встретил парня, который порекомендовал ему действительно хорошее бюро по трудоустройству. Работа гарантируется, но плата составляет двадцать пять долларов. Именно столько Руди одолжил Ларри после его проигрыша. «В обычной ситуации, — сказал Руди, — я не стал бы напоминать, но...»

Ларри запротестовал и сказал, что уже вернул долг. Они квиты. Если Руди нужен четвертной — о'кей, но он надеется, что Руди не заставит его дважды уплачивать один и тот же долг.

Руди сказал, что ему не нужны *подарки*, он хочет получить назад свои деньги, и рассказы Ларри его не слишком интересуют. Боже мой, — воскликнул Ларри, пытаясь добродушно рассмеяться. Никогда не думал, что надо требовать от тебя расписку. Теперь я вижу, что ошибался.

Дело чуть не дошло до драки. В конце концов лицо Руди налилось кровью. В этом весь ты, Ларри, — закричал он. Вся твоя сущность. Я получил хороший урок. Пошел на хер, Ларри.

Руди пошел к выходу. Ларри последовал за ним на лестницу, доставая бумажник из заднего кармана. В секретном отделении за фотографиями лежали аккуратно сложенные три десятки. Он швырнул их вслед Руди. *Давай, лживый сукин сын! Бери! Бери эти чертовы деньги!*

Руди хлопнул дверью и ушел в ночь, так ни разу и не оглянувшись. Тяжело дыша, Ларри стоял на лестнице. Примерно через минуту он огляделся в поисках своих десятков, подобрал их и положил обратно в бумажник.

Время от времени вспоминая об этом случае, Ларри все больше и больше убеждался в том, что Руди прав. Когда Руди напомнил ему о четвертном, все внутри Ларри сжалось. Его мозг вычел двадцать пять из тридцати и сделал вывод: *Останется только пять долларов. Стало быть, ты уже заплатил ему. Не помню точно, когда это было, но это было. И больше обсуждать тут нечего.*

Ларри остался один в городе. У него не было друзей, и он не пытался даже познакомиться с теми, кто работал вместе с ним в кафе. Дело было в том, что он был абсолютно уверен: никто, начиная с шефа-повара с плохим характером и кончая официантками, виляющими задницами и жующими жвачку, не мог сравниться с ним — Ларри Андервудом, которого вскоре ждет успех. Страдая от одиночества в мире сплошных болванов, он чувствовал себя, как побитая собака. Он уже начал подумывать о том, чтобы вернуться в Нью-Йорк, так и поступил бы... если бы не Ивонна.

Он познакомился с Ивонной Ветерлен в кинотеатре, расположенном в двух кварталах от клуба, в котором она работала танцовщицей. После фильма она начала плакать, так как обнаружила, что пропала ее сумочка с деньгами и документами. Хотя Ларри был уверен, что сумочку стащили, он, тем не менее, помог ей в поисках. И чудо свершилось: он нашел сумочку в трех рядах от ее места в тот момент, когда они уже почти отчаялись. Она обняла его со слезами благодарности на глазах.

Они стали встречаться. Меньше, чем через две недели, встречи стали постоянными. Ларри нашел себе работу получше — клерком в книжном магазине. Потом они переехали в одну квартиру, и для Ларри все изменилось. Отчасти из-за того, что наконец-то у него появился свой дом, настоящий дом, за который он вносил половину квартирной платы. Ему нравилось просыпаться иногда ночью, ощущать рядом тело Ивонны и вновь соскальзывать в глубокий, праведный сон. О Руди Марксе не вспоминал.

Они прожили вместе четырнадцать месяцев. Это было прекрасное время, за исключением последних шести недель или около того, когда Ивонна показала себя редко-

стной сучкой. Завершающим событием этого этапа жизни оказался для Ларри чемпионат США по бейсболу. В те дни после работы в книжном магазине он отправлялся домой к Джонни МакКоллу и двум его друзьям. По вечерам они пытались сочинять свою музыку и играть старые вещи типа «Никто, кроме меня».

Потом он шел домой, к себе домой, и обед у Ивонны был уже готов. Не какая-то дрянь, сваренная по телевизионным рецептам, а настоящая домашняя еда. Ивонна в этом знала толк. А потом они отправлялись в гостиную, включали телевизор и смотрели чемпионат США по бейсболу. А после занимались любовью. С тех пор ему никогда не было так хорошо. Никогда.

Его мать умерла три дня назад. Она умерла на койке в коридоре больницы, забитом тысячами других умирающих. Склоняясь над ней, он думал, что сойдет с ума от поднимавшейся вокруг вони мочи и экскрементов, от бормотания людей, впавших в состояние бреда, от хриплого дыхания и от криков боли и страдания. Перед смертью мать не узнавала его. Не было никакого предсмертного просветления. Просто ее грудь поднялась и опустилась очень медленно, словно проколота шина. Он просидел рядом с ней около десяти минут, смутно предполагая, что надо дожидаться, пока выпишут свидетельство о смерти или пока кто-нибудь не спросит его о том, что произошло. Не спрашивать об этом не было никакой нужды — смерть была повсюду. И никакой серьезный молодой доктор не собирался подходить, выражать симпатию и запускать в ход механику смерти. Он взял ее сумочку, достал оттуда ручку, булавку и листок бумаги. На листке он написал ее имя, адрес и, после кратких вычислений, возраст. Он приколот листок к карману ее блузки и заплакал. Поцеловав ее в щеку, он направился к выходу, чувствуя себя дезертиром. На улице ему стало намного лучше, хотя вокруг него сновали обезумевшие, больные люди и военные патрули. А теперь он сидел на скамейке в Центральном Парке и грустил о более абстрактных вещах — о крахе своей карьеры, о том времени в Лос-Анджелесе, когда они вместе с Ивонной смотрели чемпионат по бейсболу, зная, что за этим последует любовь, и о Руди. Больше всего он

грустил о Руди и жалел, что не может вернуть назад шесть потерянных лет и протянуть Руди двадцать пять долларов, слегка улыбнувшись и пожав плечами.

Направляясь к открытой эстраде, он увидел, что на одной из скамеек сидит женщина. Ей, наверное, было около пятидесяти, но она изо всех сил старалась выглядеть моложе. Она была одета в дорогие серо-зеленые слаксы и шелковую блузку.

Услышав звук шагов, женщина обернулась. В одной руке у нее была таблетка, и она небрежно швырнула ее в рот, как зернышко жареного арахиса.

«Привет», — сказал Ларри. У нее были голубые глаза, в которых светился острый ум. Она носила очки в тонкой золотой оправе, а ее сумочка была оторочена мехом, который выглядел, как настоящая норка. На пальцах у нее было четыре кольца — одно обручальное, два перстня с бриллиантами и один с изумрудом.

«Эй, я не опасен», — сказал он. Фраза получилась глупая, но на пальцах у нее было, по крайней мере, тысяча двадцать долларов.

«Да», — сказала она. «Вы не выглядите опасным. Как, впрочем, и больным». Произнося последнее слово, она слегка повысила интонацию, превращая свою фразу в вежливый полувопрос. Но выглядела она не очень спокойно: левая сторона ее шеи дергалась в небольшом тике, а за пронизательностью голубых глаз скрывался тот же самый тупой шок, который Ларри увидел сегодня утром в своих глазах, когда брился.

«Нет, я, похоже, здоров. А вы?»

«Не вполне. Вы знаете, что у вас к ботинку прилипла обертка от мороженого?»

Он посмотрел вниз и убедился, что так оно и было. Это заставило его покраснеть, так как он подозревал, что тем же тоном она могла бы сообщить ему о том, что у него расстегнута ширинка. Стоя на одной ноге, он попытался содрать обертку.

«Вы похожи на аиста», — сказала она. «Сядьте и попытайтесь еще раз. Меня зовут Рита Блэкмор».

«Приятно познакомиться. Я — Ларри Андервуд».

Рита Блэкмор улыбнулась ему, и он вновь был поражен ее небрежной, но элегантной красотой. Она была похожа на женщину из романа Ирвина Шоу.

«Когда я услышала ваши шаги, я чуть не спряталась», — сказала она. «Я подумала, что это идет человек в разбитых очках, который постоянно вопит о том, что чудовища приближаются. Он напоминает мне безумного Диогена».

«Ну да, ищет честное чудовище», — сказал Ларри и засмеялся.

Она достала из отороченной норкой (?) сумочки пачку ментоловых сигарет и закурила, выдохнув облачко дыма.

«Тем не менее, он не болен», — сказал Ларри. «В отличие от большинства других».

«Швейцар в моем доме выглядит очень хорошо», — сказала Рита. «Он по-прежнему стоит на посту. Когда я выходила сегодня из дома, я дала ему на чай целых пять долларов. Интересно, за что? За то, что он не болен или за то, что стоит на посту? Как вы думаете?»

«Я слишком мало знаю вас, чтобы ответить».

«Конечно, вы меня не знаете». Она убрала сигареты обратно в сумочку. Внутри он заметил револьвер. Проследив направление его взгляда, она сказала: «Это револьвер моего мужа. Он был чиновником крупного нью-йоркского банка и умер два года назад от удара».

Между ними на дорожку приземлился зяблик и принялся клевать землю.

«Он жутко боялся воров и купил себе этот револьвер. Ларри, правда, что когда из револьвера стреляют, то бывает очень сильная отдача и страшный гром?»

Ларри, никогда в своей жизни не стрелявший из револьвера, сказал: «Не думаю, что от такого маленького будет сильная отдача. Это 0.38?»

«По-моему, 0.32». Она вытащила револьвер из сумки, и Ларри заметил, что в ней также было много пузырьков с таблетками. На этот раз она не следила за его взглядом, она смотрела на большую китайскую вишню шагах в пятнадцати от скамейки. «Надо испытать его. Как вы думаете, я попаду вон в то дерево?»

«Не знаю», — сказал он опасливо. «Мне кажется, что...»

Она спустила курок и раздался впечатляющий гром выстрела. В вишне появилась большая дырка. «Точно в цель», — сказала она и подула в ствол, как заправский стрелок.

«Очень неплохо», — сказал Ларри.

«В человека я бы не смогла выстрелить. Я совершенно в этом уверена. Да и скоро не в кого будет стрелять, верно?»

«Ну, я не знаю».

«Вы смотрели на мои кольца. Хотите одно?»

«Что? Нет!» Он снова покраснел.

«Как банкир, мой муж верил в бриллианты. Он верил в них так же, как баптисты верят в конец света. У меня очень много бриллиантов, и все они застрахованы. Но если кто-нибудь попросит у меня их, я тут же отдам. В конце концов, это ведь просто камни?»

«Мне кажется, вы правы».

«Конечно», — сказала она, и левая сторона ее шеи вновь содрогнулась в тике.

«Что вы собираетесь сейчас делать?» — спросила Ларри.

«Что бы вы предложили?»

«Я не знаю», — сказал Ларри и вздохнул.

«То же самое и я вам собираюсь сказать».

Она вздохнула, и вздох перешел в дрожь. Она открыла сумочку, достала пузырек и положила себе в рот капсулу.

«Что это?»

«Витамин Е», — сказала она с яркой, фальшивой улыбкой. Шея еще раз дернулась от тика. Потом она вновь обрела безмятежность.

«В барах никого нет», — неожиданно произнес Ларри. «Я зашел к Пэту на Сорок Третью, и там было абсолютно пусто. Я налил себе, и я ушел, оставив стакан на стойке».

Они хором вздохнули.

«С вами очень приятно общаться», — сказала она. «Вы мне очень нравитесь. И как это прекрасно, что вы не сумасшедший».

«Спасибо, миссис Блэкмор». Он был удивлен и обрадован.

«Рита. Меня зовут Рита».

«О'кей».

«Ты голоден, Ларри?»

«Да, пожалуй».

«Может, пригласишь леди на ленч?»

«С удовольствием».

Предложив ей руку, он уловил аромат ее пудры. Этот запах подействовал на него одновременно и успокаивающе, и тревожно. Когда они ходили с матерью в кино, она всегда брала с собой косметику.

По дороге она бесконечно болтала, и потом он ничего не мог вспомнить из ее слов (нет, впрочем, одну вещь он вспомнил: она всегда мечтала, — сказала она, — прогуливаться по Пятой Авеню под руку с молодым человеком, который годился бы ей в сыновья, но все же не был ее сыном).

ГЛАВА 27

После смерти матери и отца Фрэнни потеряла способность к умственной концентрации. Она забывала о том, что делала, и ее ум уносился по какой-то неясной кривой, или она просто сидела, ни о чем не думая и заботясь о мире не больше, чем о кочане капусты.

Ее мать умерла в Сэнфордском госпитале. Отец умер в своей постели вчера вечером в половине девятого. Она долго сидела рядом с кроватью, потом спустилась вниз и включила телевизор. Работала только одна станция — ДаблЮСиЭсЭйч, филиал ЭнБиСи в Портленде. Негр, словно появившийся из самого страшного ночного кошмара ку-клукс-клановца, делал вид, что убивает из пистолета белых людей под аплодисменты зрителей. Разумеется, он просто делал вид — если такие вещи происходят на самом деле, их не показывают по телевизору, — но выглядело это вполне реально. Это ей напоминало «Алису в Зазеркалье», только на этот раз не Королева кричала «Отрубите им головы!», а... что? Кто? Черный король, — предположила она. Хотя этот кусок мяса в набедренной повязке вовсе не был похож на короля.

Позже какие-то другие люди ворвались в студию, и завязалась перестрелка, поставленная даже еще более реалистично, чем сцена казней. Она смотрела на людей,

которым пули большого калибра чуть не отрывали головы и у которых из раздробленных шей вырывались пышные фонтаны артериальной крови. Она подумала, что у ДаблЮСиЭсЭйч могут отобрать лицензию на вещание — слишком уж кровавая передача.

Когда камера уперлась в потолок, она выключила телевизор и легла на кушетку, уставившись в свой собственный потолок. Там она и уснула, а сегодня утром она почти уже уверилась в том, что вся передача ей просто приснилась. Похоже, в этом и было все дело: все вокруг, начиная со смерти ее матери, превращалось в непрерывный кошмарный сон. Как в «Алисе»: становилось все любопытнее и любопытнее.

Несмотря на то, что он был уже болен, ее отец ходил на экстренное городское собрание. Фрэнни, чувствуя себя как во сне, отправилась вместе с ним.

Зал собраний был переполнен. Многие чихали, кашляли и сморкались. В результате было принято решение о закрытии города. Никто не сможет в него попасть. Если кто-то захочет уехать — пожалуйста, разумеется, если он понимает, что обратно ему уже не вернуться. Дороги, ведущие из города, в особенности — шоссе №1, должны быть забаррикадированы грузовиками, и вооруженные добровольцы будут стоять на посту. Если кто-то все-таки попытается пробраться в город, он будет застрелен.

Небольшая группа человек из двадцати требовала, чтобы больные немедленно были выдворены за пределы города. Их предложение было отвергнуто подавляющим большинством голосов, так как к вечеру двадцать четвертого почти у каждого жителя города, даже если сам он был пока здоров, были больные родственники или близкие друзья. Многие из них верили сообщениям о том, что скоро появится вакцина. Как мы потом посмотрим в глаза друг другу, — восклицали они, — если, повинувшись беспричинной панике, мы поступим со своими земляками, как с париями?

Тогда поступило предложение выдворить из города всех дачников.

Дачники мрачно заявили, что за счет налогов, которые они платят за свои коттеджи, существуют городские шко-

лы, дороги, пляжи. Если их выдворят, жители Оганквита могут быть уверены, что больше сюда они не вернуться. И тогда местные жители могут вновь заняться промыслом омаров, съедобных моллюсков и морских ежей. Предложение о выдворении дачников было провалено солидным большинством голосов.

К полуночи баррикады были построены, а к утру двадцать пятого числа три или четыре человека были убиты. Это были люди, в панике покинувшие Бостон и устремившиеся на север.

К вечеру большинство добровольцев на баррикадах заболели сами, покраснели от жары и постоянно опускали оружие, чтобы высморкаться.

К утру вчерашнего дня отец Фрэнни, возражавший против самой идеи баррикад, слег в постель, и Фрэнни стала при нем сиделкой. Он не разрешил ей отвезти его в больницу. Если ему суждено умереть, — сказал он, — то он хочет умереть у себя дома.

После полудня движение на дорогах совсем прекратилось. Гус Динсмор, сторож пляжной автостоянки, сказал ей, что на дороге скопилось столько машин, что даже те водители, которые еще способны были вести свои автомобили, не имели возможности проехать. У Гуса, до вчерашнего дня чувствовавшего себя превосходно, начался насморк. Собственно говоря, единственным здоровым человеком в городе, кроме Фрэн, был шестнадцатилетний брат Эми Лаудер по имени Гарольд. Сама Эми умерла как раз перед первым городским собранием, и ее ненадеванное свадебное платье так и осталось висеть в шкафу.

Сегодня Фрэн не выходила. Она никого не видела с тех пор, как вчера заходил Гус. Несколько раз за это утро она слышала шум мотора, один раз до нее донесся звук двойного выстрела из двустволки. Это были единственные звуки, нарушившие воцарившуюся в городе гробовую, ирреальную тишину.

Почти уже час Фрэнни сидела на кухне перед тарелкой с куском земляничного пирога. Тупое, полувопросительное выражение застыло на ее лице. В холодильник было встроено автоматическое устройство для изготовления льда, и время от времени изнутри раздавался холодный

стук — еще один кубик был готов. Две мысли, вроде бы не имевшие между собой никакой связи, стали зарождаться в ее мозгу. Прислушиваясь к постукиваниям кубиков в холодильнике, она сосредоточилась на них. Первая мысль сводилась к тому, что ее отец мертв: он умер у себя дома, и, возможно, ему это было по душе.

Вторая мысль имела отношение к погоде. Стоял прекрасный, безупречный летний день. Ярко светило солнце, и Фрэнни видела, что термометр за кухонным окном показывает почти восемьдесят градусов по Фаренгейту. Прекрасный денек, и ее отец мертв. Существует ли между двумя этими мыслями какая-то связь?

Она задумалась. Взгляд ее стал смутным и апатичным. Ее мысль кружила вокруг проблемы, а потом отвлекалась на другие предметы. Но рано или поздно она снова возвращалась назад.

Стоял прекрасный теплый денек, и ее отец был мертв.

Это немедленно привело ее в чувство, и она зажмурила глаза, как от удара.

В тот же самый момент ее руки инстинктивно схватились за скатерть, и тарелка полетела на пол. Она лопнула словно бомба, и Фрэнни закричала, впившись ногтями себе в щеки. Блуждающая, апатичная неопределенность исчезла из ее глаз, которые внезапно стали смотреть остро и прямо. Словно ей закатали сильную пощечину или поднесли к носу пузырек с нашатырем.

Нельзя оставлять труп в доме. Только не в разгар лета.

К ней вновь стала возвращаться апатия, затуманивая очертания мысли. Она снова стала прислушиваться к звукам падающих ледяных кубиков.

Она встала, подошла к раковине, открыла на полную мощь кран с холодной водой и стала плескать ее себе на лицо. Она может раздумывать о чем угодно, но одну проблему она должна решить. Должна. Она не может оставить его в постели в дни, когда июнь превращается в июль. Это будет слишком похоже на рассказ Фолкнера «Роза для Эмили», который включают во все институтские антологии. «Роза для Эмили». Отцы города не знали, откуда исходил этот ужасный запах, но, спустя немного времени, он исчез. Он... Он...

«Нет!» — вскрикнула она громко в залитой солнцем кухне. Она начала быстро ходить из стороны в сторону. Ее первая мысль была о городском морге, но кто... кто...

«Не пытайся уйти от этого!» — закричала она яростно. «Кто похоронит его?»

Вместе со звуком ее голоса пришел и ответ. Он был абсолютно ясен. Она, конечно. Кто же еще? Только она.

В половину третьего днем она услышала, как к дому подъезжает машина. Она положила лопату на край ямы — она копала яму в саду, между помидорами и салатом-ла-туком — и обернулась, слегка испуганно.

Это была новая модель «Кадилака» бутылочного цвета, и из открывшейся двери выходил толстый шестнадцатилетний Гарольд Лаудер. Фрэнни почувствовала внезапный приступ неприязни. Гарольд ей не нравился, и она не знала ни одного человека, который бы относился к нему иначе — это относилось и к его покойной сестре Эми.

Гарольд издавал литературный журнал средней школы Оганквита и писал странные рассказы в настоящем времени или от второго лица, а иногда и то, и другое вместе. Ты проходишь по бредовому коридору, прокладываешь путь сквозь расщепленную дверь и смотришь вверх на гончие звезды — таков был стиль Гарольда.

Волосы Гарольда были черными и жирными. Он был довольно высоким и весил почти двести сорок фунтов. Он предпочитал ковбойские ботинки с острыми носами, широкие кожаные ремни, которые ему приходилось постоянно подтягивать, так как его живот был значительно толще задницы, и цветастые рубашки, которые развевались на нем, как паруса.

Он ее не заметил, так как смотрел на дом. «Есть кто-нибудь дома?» — закричал он, а потом просунул руку в окно «Кадилака» и просигналил. Звук ударил Фрэнни по нервам. Она не отозвалась бы, если бы не была уверена, что когда Гарольд будет садиться обратно в машину, он обязательно увидит ее на краю выкопанной ямы. На мгновение ей захотелось лечь на землю, уползти поглубже в сад и затаиться среди гороха и бобов до тех пор, пока он не уедет.

Прекрати, — приказала она самой себе, — немедленно прекрати. В любом случае, он живой человек.

«Я здесь, Гарольд», — позвала она.

«Привет, Фрэн», — сказал он радостно, и глаза его с жадностью скользнули по ее фигуре.

«Привет, Гарольд».

«Я слышал, что ты делаешь успехи в сопротивлении смертельной болезни, поэтому я и заехал к тебе. Я объезжаю город». Он улыбнулся ей, обнажая зубы, которые, в лучшем случае, лишь шапочно были знакомы с зубной щеткой.

«Я очень расстроилась, когда услышала об Эми, Гарольд. Твой отец и мать?..»

«Боюсь, что так», — сказал Гарольд. «Но ведь жизнь продолжается, правда?»

«Наверное», — вымученно произнесла Фрэнни. Его взгляд снова остановился на груди, и она пожалела, что на ней не одет свитер.

«Как тебе моя машина?»

«Она ведь принадлежит мистеру Брэннигану?» Мистер Брэнниган был местным агентом по продаже недвижимости.

«Принадлежала», — сказал Гарольд равнодушно.

«А теперь извини меня, Гарольд...»

«Но чем ты можешь быть занята, детка?»

Ощущение ирреальности происходящего вновь попыталось вползти в нее, и она задумалась о том, сколько же человеческий мозг может вынести перед тем, как лопнуть, словно старая изношенная резинка. Мои родители умерли, но я могу примириться с этим. Какая-то жуткая болезнь охватила всю страну, может быть, весь мир, пожиная праведных и неправедных — и я могу примириться с этим. Я копаю яму в саду, который мой отец пропалывал еще только неделю назад, и когда яма будет достаточно глубокой, я похороню его в ней — и я думаю, что смогу примириться с этим. Но Гарольд Лаудер в «Кадиллаке» Роя Брэннигана, пожирающий меня глазами и называющий меня «деткой»? Я не знаю, Господи. Я просто не знаю.

«Гарольд», — сказала она терпеливо. «Я тебе никакая не детка. Я на пять лет старше тебя. Физически невозможно, чтобы я была твоей деткой».

«Просто такое выражение», — сказал он, слегка зажмурившись от ее спокойной ярости. «В любом случае, что это там такое? Вон та яма?»

«Могила. Для моего отца».

«Ааа», — протянул Гарольд тихим, встревоженным голосом.

«Хочу пойти попить воды. Честно говоря, Гарольд, я дожидаясь того момента, когда ты уйдешь. Я не в духе».

«Понимаю», — сказал он напряженно. «Но Фрэн... в саду?»

Она уже пошла к дому, но, услышав его слова, яростно обернулась. «Ну, и что ты предлагаешь? Положить его в гроб и дотащить до кладбища? Но зачем все это? Он *любил* этот сад! Но в любом случае, тебе-то какое до этого дело?»

Она расплакалась. Повернувшись, она побежала на кухню, зная, что Гарольд будет смотреть на ее покачивающиеся ягодицы, накапливая материал для порнофильма, постоянно прокручивающегося у него в голове.

Она закрыла за собой дверь, подошла к раковине и быстро выпила три стакана холодной воды подряд.

«Фрэн?» — донесся до нее неуверенный, тихий голос.

Она обернулась и сквозь стекло двери увидела Гарольда. Он выглядел озабоченно и несчастно, и Фрэн внезапно почувствовала к нему жалость. Гарольд Лаудер, разъезжающий по этому печальному, опустевшему городу в «Кадиллаке» Роя Брэннигана, Гарольд Лаудер, у которого, возможно, в жизни не было ни одного свидания, одержимый чувством, которое он, наверное, сам определял, как презрение к миру. К свиданиям, девушкам, друзьям — ко всему. В том числе, и это уж наверняка, к самому себе.

«Извини, Гарольд».

«Нет, я сам виноват. Послушай, если ты не против, я могу помочь».

«Спасибо, но лучше мне сделать это одной. Это...»

«Это личное. Конечно, я понимаю».

Она могла достать свитер из шкафа на кухне, но, разумеется, он понял бы, зачем она это сделала, а ей не хотелось снова смущать его. Гарольд изо всех сил пытался держаться, как хороший мальчик, что несколько напоминало попытки говорить на иностранном языке. Она вышла

из дома, и мгновение они стояли вместе и смотрели на сад и на яму с разбросанной вокруг земель.

«Что ты собираешься делать?» — спросила она Гарольда.

«Не знаю», — сказал он. «Знаешь...» Он запнулся.

«Что?»

«Ну, мне трудно об этом говорить. Я не самый любимый человек на этом кусочке Новой Англии. Сомневаюсь, что мне поставят в этих краях памятник, даже если я когда-нибудь стану знаменитым писателем, как когда-то мечтал».

Она ничего не ответила, только продолжала смотреть на него.

«Вот!» — воскликнул Гарольд, и тело его дернулось, словно слово вылетело из него, как пробка. «Вот я и удивляюсь этой несправедливости. Эта несправедливость выглядит — для меня, по крайней мере — такой чудовищной, что мне легче поверить, будто неотесанным грубиянам, которые посещают нашу местную цитадель знаний, удалось-таки наконец свести меня с ума».

Он поправил очки на носу, и она сочувственно заметила, насколько его мучают прыщи. Говорил ли ему кто-нибудь, — подумала она, — что мыло и теплая вода могут немного помочь? Или все они были слишком увлечены, наблюдая за тем, как их хорошенькая малышка Эми на крыльях неслась сквозь Мэнский университет, имея средний балл 3,8 и закончив двадцать третьей на курсе, где было более тысячи человек?

«Свести с ума», — тихо повторил Гарольд. «Я разъезжал по городу на «Кадиллаке». И посмотри на эти ботинки». Он слегка приподнял штанины джинсов, приоткрывая сияющие ковбойские ботинки с изощренными украшениями. «Восемьдесят шесть долларов. Я просто зашел в обувной магазин и подобрал мой размер. Я чувствовал себя самозванцем. Актером в пьесе. Сегодня были такие моменты, когда я был *уверен*, что сошел с ума».

«Нет», — сказала Фрэнни. От него пахло так, словно он не принимал ванну три или четыре дня, но это больше не вызывало у нее отвращения. «Откуда эта сорочка? Я приснюсь тебе, если ты приснишься мне? Мы не сумасшедшие, Гарольд».

«Может быть, было бы лучше, если б мы действительно оказались сумасшедшими».

«Кто-то появится», — сказала Фрэнни. «Через некоторое время. Когда эта болезнь, наконец, кончится».

«Кто?»

«Кто-то сильный», — сказала она неуверенно. «Кто-то, кто сможет... ну... привести все в порядок».

Он горько засмеялся. «Милая ты моя детка... извини, Фрэн. Фрэн, все это сделали сильные люди у власти. Они здорово умеют приводить все в порядок. Одним махом они разрешили все проблемы — экономическую депрессию, загрязнение окружающей среды, нехватку топлива, холодную войну. Да, они все привели в полный порядок. Они разрешили проблемы тем же способом, которым Александр распутал Гордиев узел — просто разрубив его пополам».

«Но ведь это просто новый вирус *гриппа*, Гарольд. Я слышала по радио».

«Мать-Природа не работает такими методами, Фрэн. Это у твоих сильных людей у власти есть свора бактериологов, вирусологов и эпидемиологов, засевших в каком-нибудь правительственном учреждении и занятых изобретением всяких новых зверюшек. А потом какая-нибудь хорошо оплачиваемая жаба говорит: «Смотрите, что я придумал. Убивает почти *всех*». Ну разве это не прекрасно? Ему дают медаль и увеличивают зарплату. А потом кто-нибудь разбивает пробирку».

«Что ты будешь делать, Фрэн?»

«Хоронить отца», — ответила она мягко.

«Ой... ну конечно». Он быстро посмотрел на нее и сказал: «Послушай, я собираюсь уехать отсюда. Из Оганквита. Если я останусь здесь еще на какое-то время, то действительно сойду с ума. Фрэн, почему бы тебе не поехать со мной?»

«Куда?»

«Пока не знаю».

«Ну, когда будешь знать, приди и спроси меня еще раз».

Гарольд просиял. «Хорошо. Так я и сделаю. Видишь ли, дело в том...» Он запнулся и сошел с крыльца, словно в каком-то полусне. Его новые ковбойские ботинки сверкали

на солнце. Фрэн наблюдала за ним с грустным недоумением.

Он помахал ей перед тем, как сесть за руль «Кадиллака». Фрэн подняла руку в ответ. Он неумело дал задний ход. Машина дернулась влево и раздавила некоторые из цветов Карлы. Наконец, он вырулил на дорогу и чуть не попал в канаву. Потом он просигналил два раза и укатил. Фрэн смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом вернулась в сад своего отца.

После четырех часов дня, пересиливая себя, она поднялась наверх шаркающей походкой. В висках у нее стучала тупая головная боль, вызванная жарой и переутомлением. Она решила было отложить это на один день, но ведь будет только хуже. В руках она несла лучшую дамасскую скатерть своей матери, предназначенную исключительно для гостей.

Все было не так хорошо, как она надеялась, но и не так плохо, как она страшилась. На лице у него были мухи, и кожа потемнела, но у него был такой сильный загар от работы в саду, что это едва было заметно. Запаха не чувствовалось, а запаха-то она и боялась сильнее всего.

Он умер на двуспальной кровати, которую годами разделял с Карлой. Фрэнни положила скатерть на половину матери и, сглотнув слюну, приготовилась перекатить отца на его саван.

На Питере Голдсмите была надета полосатая пижама, и она была поражена легкомысленным несоответствием этого одеяния данному случаю, но придется обойтись тем, что есть. Она не могла даже подумать о том, чтобы переодеть его.

Напрягшись, она ухватила его за левую руку — она была твердой, как мебель — и перекатила его на скатерть. Отвратительный, протяжный звук раздался из его рта, словно туда забралась цикада и завела там свою нескончаемую песню.

Она взвизгнула, отшатнулась и сшибла прикроватный столик. Его расчески, щетки, будильник, небольшая кучка мелочи, несколько булавок для галстука и запонок со звяканьем упали на пол. *Теперь* она почувствовала запах, омерзительный запах разложения, и последняя защитная

дымка вокруг нее рассеялась. Теперь она знала правду. Она упала на колени, обхватила руками голову и зарыдала. Она хоронит не какую-нибудь куклу ростом с человека, она хоронит своего *отца*, и последнее — самое последнее — человеческое свойство, которое от него осталось, это крепкий, ядовитый запах, распространившийся теперь по комнате. А скоро и он исчезнет.

Постепенно она пришла в себя, и к ней вернулось сознание предстоящей работы. Она подошла к нему и перевернула его на спину. Он издал еще один рыгающий звук, на этот раз тихий и угасающий. Она поцеловала его в лоб.

«Я люблю тебя, папочка», — сказала она. «Я люблю тебя, Фрэнни любит тебя». Ее слезы капали на его лицо. Она сняла с него пижаму и одела его в лучший костюм. В нижнем ящике, под носками, она нашла его военные награды и приколотла их к пиджаку. В ванной комнате она нашла детскую пудру «Джонсон» и напудрила его лицо, шею и руки. Сладкий, ностальгический запах пудры вновь заставил ее заплакать.

Она завернула в скатерть, достала швейный набор матери и зашила саван. С трудом ей удалось медленно опустить его тело на пол. Приподняв верхнюю часть тела, она очень осторожно опустила его по лестнице. Потом она остановилась передохнуть. Воздух выходил у нее из легких с короткими, жалобными стонами. Головная боль стала еще сильнее.

Она протащила тело по прихожей и через кухню, а потом вытащила его на крыльцо. Вниз по ступенькам. Теперь снова надо отдохнуть. Земля была освещена золотыми лучами заходящего солнца. Она села рядом с телом отца, положила голову на колени и снова дала волю слезам. Щебетали птицы. Наконец она смогла вытащить его в сад.

К четверти девятого все было кончено. Она изнемогла от утомления. Волосы повисли спутанными крысиными хвостами.

«Покойся в мире, папочка», — пробормотала она. «Пожалуйста».

Она оттащила лопату обратно в мастерскую отца. Пока она поднималась по шести ступенькам крыльца, ей при-

шлось отдохнуть два раза. Не включая света она прошла через кухню и сбросила свои теннисные туфли, прежде чем войти в гостиную. Она рухнула на кушетку и немедленно уснула.

Во сне она вновь поднималась по лестнице, направляясь к отцу, чтобы исполнить свой долг и похоронить его надлежащим образом. Но когда она вошла в комнату, то скатерть уже была на нем, и ее горе уступило место какому-то другому чувству... очень похожему на страх. Она пересекла погруженную во мрак комнату, не желая этого делать, с одной лишь мыслью о том, что надо бежать отсюда, но не в силах остановиться. Скатерть призрачно светилась в сумерках, и внезапно она поняла:

То, что там лежит, — это не ее отец. И то, что там лежит, вовсе не мертво.

Что-то — кто-то, исполненное омерзительного веселья, было под скатертью, и лучше ей расстаться с жизнью, чем сдвинуть ее, но она... не могла... остановиться.

Ее рука вытянулась, замерла над скатертью и резко отдернула ее.

Он усмехался, но она не могла разглядеть его лица. От этой ужасной усмешки ее захлестнула волна ледяного холода. Да, она не могла разглядеть его лица, но чувствовала, какой подарок преподнесло это кошмарное видение ее неродившемуся ребенку — перекрученную пуповину.

Она спасалась бегством, из комнаты, из сна, просыпаясь, ненадолго выныривая на поверхность...

В три часа ночи она ненадолго очнулась от сна — ее тело, плавало в пене ужаса, а сон уже распадался и терял связность, оставляя после себя лишь чувство обреченности, напоминавшее прогорклый привкус во рту, который останется после какого-нибудь протухшего блюда. В промежутке между сном и бодрствованием она подумала: *Он, это он, Ходячий Хлыщ, человек, у которого нет лица.*

Потом она снова заснула, на этот раз без снов, и когда она проснулась на следующее утро, ночной кошмар не всплыл у нее в памяти. Но когда она подумала о ребенке у себя в животе, ее немедленно захлестнуло яростное

желание встать на его защиту. Глубина и сила этого чувства смутили ее и немного испугали.

ГЛАВА 28

Вечером, накануне той самой ночи, когда Ларри Андервуд спал с Ритой Блэкмор, а Фрэнни Голдсмит спала одна и видела во сне свой загадочный, зловещий кошмар, Стюарт Редман ожидал Элдера. Он ждал его уже три дня, и на этот раз Элдер его не разочаровал.

После полудня двадцать четвертого Элдер приходил с двумя медбратами и забрал телевизор. Но Стью телевизор был уже не нужен — все равно по нему передавали всякую запутанную чушь. Все, что Стью было нужно, — это стоять у зарешеченного окна и смотреть на город у реки.

Дым больше не поднимался над трубами текстильной фабрики. Цветастые пятна краски на реке исчезли, и вода очистилась. Большинство машин, выглядевших сверху как игрушечные модельки, разъехались со стоянки у фабрики и не вернулись обратно. За вчерашний день, двадцать шестое июня, из города выехало всего лишь несколько машин, да и тем пришлось пробираться между брошенными автомобилями, как горнолыжникам на слаломной трассе.

Город расстился под ним как рельефная карта. Он выглядел абсолютно опустевшим. Сегодня в девять часов утра городские часы, отсчитавшие время от его заточения, пробили в последний раз. Весь день сегодня горело какое-то здание — то ли придорожное кафе, то ли универсальный магазин на выезде из города. Ни одна пожарная машина не появилась. К вечеру руины еще дымились, несмотря на прошедший днем небольшой дождик.

Стью предполагал, что Элдер отдал приказ убить его — почему бы и нет? Ну, будет одним трупом больше. Он знал их маленький секрет. Они не сумели найти лекарство и не смогли понять, чем его тело отличается от тех людей, которые умерли от этой штуки. А мысль о том, что вряд ли он найдет кого-нибудь, кому он сможет рассказать их маленький секрет, вряд ли придет им в голову.

Стью знал наверняка, что герой романа или телевизионной передачи обязательно нашел бы способ убежать

отсюда. Черт, да и в жизни такие люди встречаются, но он к их числу не принадлежит. В конце концов он решил, что ему остается только одно — ждать Элдера и постараться быть готовым ко всему.

Медсестры называли Элдера доктором, но он им не был. Он был на середине пятого десятка, обладал тяжелым взглядом и не имел чувства юмора. Ни один из докторов до Элдера, не нуждался в том, чтобы держать Стью под прицелом. Стью испугался Элдера, так как понял, что не имеет смысла что-то обсуждать с этим человеком или умолять его о чем-нибудь. Элдер ждал приказов. Как только они поступали, он их выполнял. И ему никогда не пришлось бы в голову усомниться в их разумности в свете свершающихся событий.

Красная лампочка вспыхнула над дверью ровно в десять часов вечера, и Стью почувствовал, как на ладонях и на лице у него выступает пот. Так было каждый раз, когда зажигался красный свет. Потому что когда-нибудь Элдер придет один. Он придет один, так как ему не нужны свидетели. Где-нибудь здесь, наверное, есть печь, в которой сжигают жертв эпидемии.

Элдер запихнет его туда. И никаких следов.

Элдер вошел внутрь. Один.

Стью сидел на больничной койке, положив руку на спинку стула. При виде Элдера он почувствовал знакомую пустоту в желудке. Все вокруг стало очень отчетливым, ярким, неторопливым. Ствол револьвера показался ему размером с туннель.

«Как вы себя чувствуете?» — спросил Элдер, и даже сквозь переговорное устройство Стью различал гнусавый оттенок его голоса. Элдер был болен.

«По-прежнему», — ответил Стью, удивившись спокойствию своего голоса. «Скажите, когда я смогу выйти отсюда?»

«Теперь уже очень скоро», — сказал Элдер. Револьвер его был направлен в сторону Стью, не точно в него, но и не в сторону. Раздалось приглушенное чихание. «Вы не слишком-то разговорчивы, а?»

Стью пожал плечами.

«Мне это нравится», — сказал Элдер. «Минут двадцать назад ко мне поступил приказ насчет вас, мистер Редман».

«Какой приказ?»

«Ну, мне приказали...»

Глаза Стю устремились поверх плеча Элдера. Боже мой», — воскликнул он. «Там крыса!» Ну и дыра у вас тут!»

Элдер обернулся, и на мгновение Стю едва не впал в оцепенение от неожиданного успеха своей хитрости. В тот момент, когда Элдер вновь стал оборачиваться к нему, он уже соскользнул с кровати и ухватил стул за спинку. Глаза Элдера тревожно расширились. Стю сделал шаг вперед и поднял стул.

«Назад», — закричал Элдер. «Не смей...»

Стул опустился на правую руку Элдера, и револьвер полетел вниз. Пуля визгнула по полу.

Стю подумал, что ему вряд ли придется рассчитывать больше, чем на один удар до того, как Элдер оправиться. Он вложил в замах всю свою силу. Элдер попытался защититься сломанной правой рукой, но не смог этого сделать. Ножки стула опустились на шлем белого скафандра. Пластмассовое окошко для лица разлетелось вдребезги, и осколки брызнули Элдери в лицо. Он вскрикнул и упал на спину.

Потом он встал на четвереньки и попытался дотянуться до револьвера на ковре. Стю в последний раз занес стул и ударил им Элдера по затылку. Элдер рухнул. Тяжело дыша, Стю наклонился и поднял револьвер. Он отступил назад, держа под прицелом распростертое тело Элдера, но тот не двигался.

На мгновение его посетила кошмарная мысль: Что если Элдери поступил приказ освободить его?

Нет — Элдери послали сюда, чтобы убить его.

Стю оглядел распростертое тело, дрожа с головы до ног. Если Элдер сейчас встанет, — подумал Стю, — то он промахнется всеми пятью пулями. Но вряд ли Элдер собирается подняться. И вряд ли когда-нибудь соберется.

Стю зашел в воздушную камеру между двумя дверьми и нажал кнопку с надписью ЦИКЛ. Насос заработал. Открылась внешняя дверь. За ней оказалась небольшая комнатка с одним только письменным столом. На нем лежала тонкая стопка медицинских карт... и его одежда.

Все это предназначалось к отправке в крематорий вместе с ним, сомнений нет. Его карты, его одежда. Итак, Стюарт Редман должен был превратиться в несуществующее лицо. В сущности...

Позади него раздался негромкий шум, и Стью быстро обернулся. Элдер ковылял по направлению к нему. Из вытекшего глаза торчал осколок пластмассы. Элдер улыбался.

«Не двигаться», — произнес Стью. Он поднял пистолет и сжал его двумя руками, но ствол все дрожал.

Элдер словно не слышал. Он продолжал идти.

Содрогнувшись, Стью спустил курок. Револьвер дернулся у него в руках, и Элдер остановится. Улыбка превратилась в гримасу, словно в лицо ему брызнули из газового баллончика. В белом костюме появилась небольшая дырка. Мгновение Элдер стоял, покачиваясь, а потом рухнул навзничь.

Стью открыл дверь в дальнем конце комнатки, в которой лежала его одежда. За дверью оказался коридор, освещенный лампами дневного света. Он услышал отдаленный стон, за которым последовал долгий припадок кашля.

Потом Стью вернулся обратно в комнатку и забрал свою одежду. С одеждой под мышкой он пошел по коридору по направлению к лифтам. Он снова услышал стон, на этот раз он был громче. За лифтами оказался еще один коридор, под прямым углом смыкавшийся с тем, по которому шел Стью. В этом коридоре, прислонившись к стене, стоял человек, в котором Стью узнал одного из медбратьев. Лицо его распухло и почернело, грудь вздымалась и опадала резкими рывками. Позади него, свернувшись калачиком, лежал труп. Дальше по коридору было еще три тела, одно из них — женское. Медбрат — Стью вспомнил, что его зовут Вик — снова начал кашлять.

«Боже мой», — сказал Вик. «Боже мой, что вы здесь делаете? Вам не полагается быть здесь».

«Элдер пришел позаботиться обо мне, а вместо этого я позаботился о нем», — сказал Стью. «Мне повезло, что он был болен».

«Господи Боже мой, тебе действительно повезло», — сказал Вик и снова зашелся в припадке кашля. «Если бы

ты знал, парень, как это больно. Как нас всех выдрючили. Боже ты мой».

«Слушай, могу я чем-нибудь помочь?» — спросил Стью.

«Если ты серьезно, то приставь эту пушку мне к уху и спусти курок. Меня внутри раздрает на кусочки». Он снова начал кашлять, а потом беспомощно застонал.

Но Стью не мог выполнить этой просьбы. Глухие стоны Вика продолжались, и нервы у Стью не выдержали.

Двери лифта закрылись, а машина отправилась вниз. Лишь после этого Стью пришло в голову, что лифт может оказаться ловушкой. Это вполне в их духе. Может быть, отравляющий газ, или сработает рубильник, отсоединив тросы и отправив лифт в недолгое путешествие на дно шахты. Он нервно огляделся, пытаясь найти какие-нибудь лазейки или потайные выходы. Клаустрофобия погладила его своей шершавой рукой, и неожиданно лифт стал казаться не больше телефонной будки, не больше гроба. Преждевременные похороны.

Он уже собрался нажать кнопку СТОП, но подумал, что в этом нет никакого смысла — все равно он окажется между этажами. В этот момент лифт замедлил ход и остановился самостоятельно.

Что если за дверьми окажутся вооруженные люди?

Но единственным часовым, который поджидал его перед лифтом, оказались мертвая женщина в форме медсестры. Перед смертью она также свернулась калачиком.

Обходя медсестру стороной, Стью пошел по коридору. Позади него раздался шум, и он резко повернулся, вскинув револьвер. Но это оказались всего лишь закрывающиеся двери лифта. Он пошел дальше. Вновь его поглаживала шершавая рука, наигрывая мелодии на его позвоночнике и убеждая его пуститься бегом, прежде чем кто-нибудь... что-нибудь... сумеет до него добраться. Он добрался до того места, где коридор, по которому он шел, смыкался под прямым углом с еще одним коридором. Там бил небольшой фонтанчик с питьевой водой, но теплый привкус хлорки чуть не вывернул его желудок наизнанку.

Слева выхода не было. На кафельной стенке был нарисован оранжевый указатель с надписью БИБЛИОТЕ-

КА. Казалось, коридор простирается в том направлении на многие мили. В пятидесяти ярдах валялось тело человека в белом скафандре.

Он начал терять самообладание. Здание было огромным, куда больше, чем он подумал сначала. Он может часами бродить здесь, оглашая помещения звуками своих шагов и то и дело натываясь на трупы. Они были натканы повсюду, словно призы в какой-нибудь омерзительной игре «Охота за сокровищами».

Он повернул направо, прошел мимо каких-то кабинетов, свернул в другой коридор. Он начал часто оглаживаться, убеждаясь в том, что никто — Элдер, например — не следует за ним по пятам. В конце этого коридора оказалась закрытая дверь с надписью РАДИОЛОГИЯ. На ручке висела от руки написанная табличка: ЗАКРЫТО ВПЛОТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ РАСПОРЯЖЕНИЙ РЭНДЕЛЛ.

Стью вернулся к развилке и пошел в другую сторону. На этот раз коридор закончился лабораторией микробиологии. В одном из боксов лаборатории на своем письменном столе лежал молодой человек в коматозном состоянии. Кровь шла у него изо рта и из носа. Дыхание вырвалось у него изо рта с таким звуком, будто осенний ветер гонял по полю высохшие обертки кукурузных початков.

И тогда Стью все-таки побежал, из коридора в коридор, все более и более убеждаясь в том, что выхода нет, во всяком случае, на этом этаже. Эхо его шагов следовало за ним по пятам, словно Вик или Элдер прожили достаточно долго для того, чтобы успеть направить за ним в погоню взвод военной полиции. Потом им овладело другое наваждение, каким-то образом связанное с теми снами, которые он видел в последнее время — что-то насчет бесконечных рядов кукурузы, среди которых скрывается какая-то опасность. И он уже не мог оборачиваться, опасаясь, что увидит позади себя фигуру в белом скафандре, у которой за плексиглазовым окошком для лица нет ничего, кроме черной пустоты.

Тяжело дыша, Стью завернул за угол, пробежал десять футов и налетел на дверь с табличкой. На табличке было написано ВЫХОД.

Он взялся за ручку, не сомневаясь, что дверь не откроется, но она поддалась неожиданно легко. По ступенькам

он спустился на площадку перед следующей дверью. Еще один пролет вел с площадки вниз, в густую темноту. Верхняя часть двери была стеклянной. За стеклом была восхитительная летняя ночь и вся свобода, о которой человек мог мечтать.

Стью все еще неподвижно смотрел сквозь стекло, когда из темноты ведущего вниз крутого лестничного пролета высунулась рука и ухватила его за лодыжку. Сдавленный крик вырвался у Стью из горла. Он обернулся, чувствуя, что его живот превратился в глыбу льда, и увидел в темноте окровавленное, ухмыляющееся лицо.

«Спускайся ко мне и поешь со мной цыпленка, радость моя», — прошптала тварь надтреснутым, умирающим голосом. «Здесь так *темнооооооооооо*...»

Стью закричал и попытался освободить ногу. Ухмыляющаяся тварь не отпускала. Кровь или желчь капала у нее из уголков рта. Стью ударил ногой по руке, ухватившей его за лодыжку, а потом наступил на нее. Лицо скрылось в темноте. Послышалась серия глухих ударов... а потом раздались крики. Боли или гнева — Стью точно определить не мог. Он ударил дверь плечом, и она с шумом распахнулась. Он выскочил наружу, размахивая руками, чтобы не потерять равновесие. Так или иначе, он его потерял и упал на асфальтовую дорожку.

Медленно и осторожно он приподнялся и сел. Крики позади него прекратились. Прохладный вечерний ветерок коснулся его лица и осушил пот. С удивление он заметил, что вокруг него трава и цветочные клумбы. Ночь никогда не пахла так сладко и нежно, как сейчас. Месяц парил в небе. Стью благодарно посмотрел ввысь и пошел через лужайку в направлении дороги, ведущей в Стювингтон. Трава была покрыта росой. Он слышал, как ветер шумит в соснах.

«Я жив», — сказал Стью Редман, обращаясь к ночи. Потом он заплакал. «Я жив, слава тебе, Господи, я жив. Слава тебе, Господи, слава тебе, Господи, слава тебе...»

Слегка пошатываясь, он пошел по дороге в сторону города.

ГЛАВА 29

Кристофер Брейдентон выбрался из бреда, который засосал его, словно зыбучий песок. Все тело его болело. Лицо было чужим, словно кто-то сделал ему дюжину инъекций силикона, и распухло, как дирижабль. Воздух со свистом вырывался у него из легких. Но хуже всего был жар. Он вспомнил, как меньше двух лет назад он испытал нечто подобное, когда вез двух политических заложников, захваченных в Техасе к западу от Лос-Анджелеса. Их древний «Понтиак» умер на шоссе №190 в Долине Смерти, и тогда-то его и охватил жар. Но на этот раз дела обстояли хуже. Это был внутренний жар, словно он проглотил солнце.

Он застонал и попытался сбросить с себя одеяла, но не хватило сил. Он сам лег в постель? Вряд ли. Кто-то или что-то было в доме вместе с ним. Кто-то или что-то... он никак не мог вспомнить. Все, что Брейдентон мог вспомнить, сводилось к тому, что ужас овладел им еще до того, как он заболел. Он знал, что кто-то (или что-то) приближается, и он должен... должен что?

Он снова застонал и помотал головой. В памяти возникали только картины бреда. Призраки с тупыми глазами. Его мать, умершая в 1969 году, вошла в спальню с бревенчатыми стенами и сказала ему: «Кит, ой, Кит, я же тебе говорила, не связывайся ты с этими людьми, говорила я тебе. Мне нет дела до политики, говорила я, но эти люди, с которыми ты ошиваешься, они сумасшедшие, как бешеные собаки, а девушки — просто шлюхи. Я ведь говорила тебе, Кит...» А потом лицо ее распалось, и сквозь трещины полезли могильные черви. И тогда он закричал и продолжал кричать до тех пор, пока вокруг вновь не сгустилась темнота. Из темноты слышались неясные крики, топот ног... потом появились огни, вспышки, запах газа, и он вновь оказался в Чикаго в 1968 году. У входа в парк в водосточной канаве лежала девушка в джинсах, и в ее волосах застряли сверкающие осколки стекла, а лицо ее было окровавлено и напоминало мордочку раздавленного насекомого. Он помог ей встать на ноги, и она вскрикнула и прижалась к нему, так как из облака газа выходило

космическое чудовище в сверкающих черных ботинках, военной куртке и противогазе. В руке оно держало дубинку. А когда космическое чудовище сняло маску, обнажив свою пылающую ухмылку, то они оба вскрикнули, так это был кто-то или что-то, кого он ждал, человек, которого Кит Брейдентон всегда боялся. Это был Ходячий Хлыщ.

Крики Брейдентона разорвали ткань этого сна, и он оказался в Боулдере, штат Колорадо, в квартире на бульваре Кэнион. Разгар лета, и так жарко, что даже в шортах твое тело изнемогает от пота, а рядом стоит самый красивый парень в мире в лимонно-желтых плавках, которые любовно обрисовывают каждую выпуклость и впадинку его драгоценных ягодич, и ты знаешь, что если он повернется, то лицо у него будет как у рафаэлевского ангела. Где ты его подцепил? На университетской сходке, посвященной обсуждению проблемы расизма? Или в кафетерии? Или во время автостопа? Какая разница? Ой, как жарко, но ведь есть вода, кувшин с водой, ваза с водой на которой вырезаны странные фигуры, а рядом лежит таблетка, нет — **ТАБЛЕТКА!** Которая поможет ему попасть в то место, которое этот загорелый ангел в желтых плавках называет Хакслилендом, где цветы растут на мертвых дубах, ой, парень, что за эрекция разрывает изнутри твои плавки! Был ли когда-нибудь Кит Брейдентон настолько возбужден, настолько готов к любви? «Пойдем в постель», — говоришь ты этой гладкой коричневой спине, — «пойдем в постель, и ты трахнешь меня, а потом я трахну тебя. Так, как ты захочешь». «Сначала прими таблетку», — говорит он, не оборачиваясь. «А потом посмотрим». Ты принимаешь таблетку, и постепенно все вокруг начинает принимать причудливые очертания и каждый угол в помещении становится либо чуть-чуть больше, либо чуть-чуть меньше девяноста градусов. Ты смотришь на свое отражение в зеркале над комодом. Лицо твое выглядит почерневшим и распухшим, но тебе нечего беспокоиться, потому что это ведь из-за таблетки, просто из-за **!!!ТАБЛЕТКИ!!!** «Шустрик, — бормочешь ты, — ой, парень, мы с Капитаном Шустриком тааак возбудились...» Он начинает бегать по кругу, и ты смотришь на его бедра, а потом переводишь взгляд на плоский, загорелый живот, потом на прекрасную

нее он увидел темное лицо, отраженное и преображенное в лицо снисходительно ухмыляющегося тролля, который только что проделал долгий путь из забитых дерьмом адских кишок на землю. Потом вода хлынула вниз. Она оказалась такой холодной, что его распухшее горло на мгновение расширилось, а потом сжалось в спазме. Он промок с головы до ног, глаза его выпучились, а тело зашлось в припадке дрожи. Дышать он не мог.

«Я знал, что это охладит тебя!» — весело закричал человек, известный ему под именем Ричарда Фрая. Со звоном он поставил ведро на пол. «Говорю тебе, говорю тебе, я знал, что это поможет. Жду благодарности, дружок. Ты скажешь мне спасибо? Не можешь говорить? Нет? Ну что ж, я знаю, что ты мне благодарен в душе.

«Йеэээ-ГААААААХХХХХ!»

Он подпрыгнул в воздух, как Брюс Ли, и на мгновение завис над Брейдентоном как раз в том самом месте, что и вода, и Брейдентон слабо вскрикнул. Фрай приземлился на колени, оседлав его грудную клетку. Его лицо горело над Брейдентоном, словно фонарь в подвале из готического романа.

«Надо разбудить тебя, старина», — сказал Фрай. «Не хочу, чтобы ты отдал концы, не успев со мной поговорить».

«...слезь... слезь... слезь с меня...»

«Нам надо поговорить о документах, которые ты должен был для меня приготовить, и о машине, и о ключах от машины. Пока в твоём гараже стоит только «Шевроле»-пикап, а насколько я знаю, киска, это твоя машина, так как же насчет всего этого?»

«...они... бумаги... не могу... не могу говорить...» Он попытался вдохнуть. Зубы его щелкнули, как птички на дереве.

«Лучше бы тебе заговорить», — сказал Фрай. «Скажи мне все, и я оставлю тебе таблетки. Я даже поддержу тебя, чтобы ты мог проглотить их. Тебе будет хорошо, парень. Таблетки решают все проблемы».

Брейдентон, трясущийся и от холода, и от страха, выдавил из себя несколько слов: «Документы... на имя Рэнделла Флегга. Валлийский туалетный столик внизу».

«Машина?»

Брейдентон попытался сосредоточиться. Достал ли он этому человеку машину? Все это было так давно, его отделял от того времени пожар бреда, похоже, спаливший всю его память.

Фрай мягко положил одну руку Брейдентону на рот, а другой зажал ноздри. Брейдентон забился. Из под руки Фрая раздалась приглушенная стона. Фрай отнял руки и сказал: «Помогает вспомнить?»

Как ни странно, это действительно помогло.

«Машина...» — сказал он, и судорожно стал хватать ртом воздух. Потом он отдышался и смог продолжать. «Машина стоит... за заправкой Коноко... сразу за городом. Шоссе №51».

«На север или на юг от города?»

«Ю... ю...»

«Ю! Я понял. Продолжай».

«Накрыта брезентом... «Бьюик». Права в бардачке. На имя... Рэнделла Флегга».

«Ключи?»

«Под ковриком...»

Фрай лишил Брейдентона дальнейшей возможности говорить, усевшись поплотнее к нему на грудь. Последнего дыхания Брейдентона хватило только на одно слово: «...пожалуйста...»

«И спасибо», — сказал ему Ричард Фрай/Рэнделл Флегг с суровой усмешкой. «Скажи спокойной ночи, Кит».

Кит Брейдентон мог лишь вращать глазами.

«Не думай обо мне плохо», — мягко сказал темнокожий человек, глядя на Брейдентона. «Просто нам надо торопиться. Начинается карнавал. И это моя счастливая ночь, Кит. Я чувствую это. Я не могу ошибиться. Так что надо торопиться».

До заправки Коноко было около полутора миль, и он добрался туда к четверти четвертого. По дороге он повстречал четыре трупа — трех собак и одного мужчину. Брезент, укрывавший «Бьюик», был туго укреплен вбитыми в землю колышками. Когда Флегг выдернул колышки, брезент был унесен ветром, словно огромное серое привиде-

ние, движущееся на восток. Вопрос состоял в том, в каком направлении двигаться ему?

Он постоял рядом с «Бьюиком», вдыхая летний ночной воздух, словно койот. Прошло время. Он усмехнулся. Теперь он знал.

Он скользнул за руль «Бьюика» и пару раз нажал на педаль газа, чтобы подготовить карбюратор. Мотор заурчал, и стрелка индикатора бензина качнулась до отказа вправо. Он тронулся с места и объехал заправку. В свете фар сверкнули два изумруда — глаза кошки, зажавшей в зубах маленькое безвольное мышинное тельце. При виде его ухмыляющегося, луноподобного лица, кошка выронила свою добычу и убежала. Флегт громко расхохотался — это был искренний смех человека, у которого на уме только хорошее. Выехав с заправки, он повернул направо и отправился на юг.

ГЛАВА 30

«Мама», — донесся хриплый, протяжный крик. «Мама!»

Скрестив ноги, Ллойд сидел на полу своей камеры. Обе его руки были в крови, словно он надел красные перчатки. Легкая голубая рубашка также была испачкана кровью, так как он вытирал об нее руки. Было десять часов утра двадцать девятого июня. Сегодня в семь часов утра Ллойд заметил, что правая передняя ножка его койки шатается. С тех пор он пытался отвернуть болты, которые крепили ее к полу и к кровати раме. Роль инструментов исполняли его пальцы. Ему удалось выковырять пять из шести болтов. В результате руки его стали похожи на раскрошившиеся сырые гамбургеры. Шестой болт оказался упрямой штучкой, но он начинал думать, что в конце концов ему удастся его вытащить. О том, что будет дальше, он не позволял себе думать. Единственный способ избежать паники — это поменьше думать.

«Мамаааа...»

Он вскочил на ноги, роняя на пол капли крови со своих израненных, дрожащих пальцев, и высунул голову в коридор так далеко, как только мог, схватившись руками за решетку и яростно выкатив глаза.

получилось. Он посасывал пальцы во рту, давая им отдохнуть. Когда все будет кончено, он разорвет свою рубашку на полосы и забинтует их.

«Мама?»

«Имел я твою маму в рот», — пробормотал Ллойд.

Вечером того дня, когда он в последний раз виделся с Девинзом, из камер стали выносить тяжело больных заключенных. Человек в камере справа от Ллойда — его звали Траск — обратил внимание на то, что и сами охранники набиты соплями. Может, нам обломится с этого какая-нибудь выгода? — сказал Траск. Какая? — спросил Ллойд. Не знаю, — сказал Траск, отсрочка, скажем.

Под матрацем у Траска было спрятано шесть косяков. Четыре из них он отдал одному из охранников, который был еще в состоянии рассказать им о том, что происходит снаружи. Охранник сказал, что люди бегут из Феникса. Многие больны, и люди погибают с бешеной скоростью. Правительство говорит, что скоро будет вакцина, но большинство думает, что это наколка. Многие калифорнийские радиостанции передают всякие ужасы о военном положении, армейских блокадах, обезумевших дезертирах с оружием в руках и о десятках тысяч умерших. Охранник сказал, что не удивится, если узнает, что какой-нибудь длинноволосый коммунист подмешал чего-нибудь в водопровод.

Охранник сказал, что сам он чувствует себя прекрасно, но собирается убраться куда подальше, как только окончится его смена. Он слышал, что с завтрашнего утра армия собирается заблокировать выезды из города, так что он забирает жену с ребенком и как можно больше еды и отсидится в горах, пока все это не кончится. Охранник сказал, что у него там есть домик, и если кто-нибудь попытается приблизиться к нему на расстояние тридцати ярдов, он всадит ему пулю в лоб.

На следующее утро у Траска потекло из носа, и он сказал, что чувствует жар. Он чуть не помешался от страха — Ллойд помнил, как он сосал свои пальцы. Каждому проходившему мимо охраннику Траск кричал, что его надо скорее выпустить отсюда до тех пор, пока он действительно не заболел. Охранники не обращали ника-

кого внимания ни на него, ни на других заключенных, которые бродили по камерам, как львы из зоопарка, не получившие вовремя еду. Тогда Ллойд впервые по-настоящему испугался. Обычно на этаже бывало двадцать охранников, так почему же теперь он видел сквозь решетку лишь около пяти различных лиц?

В тот день, двадцать седьмого, Ллойд стал съедать только половину полагавшейся ему еды. Вторую половину он прятал под матрацем.

Вчера Траск неожиданно упал в конвульсиях. Его лицо стало черным, как туз пик, и он умер. Ллойд жадно посмотрел на недоеденный ленч Траска, но достать его он не мог. Вчера на этаже еще было несколько охранников, но они уже никого не переносили в лазарет. За Траском никто так и не пришел.

Вчера во второй половине дня Ллойд задремал. Когда он проснулся, коридоры крыла особого режима были пусты. Ужин не принесли. Позже, когда автоматически включилось освещение, Ллойд поел немного бобов, сэконо-
мленных два дня назад. Вкус был ужасный, но он все равно съел их. Но запасы его были ограничены. Если бы он знал, что все это действительно произойдет, он откладывал бы больше. В глубине его сознания пряталось нечто, что ему не хотелось видеть. Какой-то отдаленный уголок был словно завешан драпировками, а за ними что-то скрывалось. Виднелись только костлявые, скелетоподобные ноги. Лучше не заглядывать. Потому что там, за драпировками, стоял исхудалый труп по имени ГОЛЮД.

«О нет», — сказал Ллойд. «Кто-нибудь придет сюда. Разумеется придет. Это так же верно, как и то, что дерьмо прилипает к одеялу».

Но он все вспоминал о своем кролике. Он ничего не мог с собой поделать. Он выиграл кролика с клеткой в школьной лотерее. Отец был против, но Ллойду как-то удалось убедить его, что он будет ухаживать за кроликом и кормить его из своих денег. Он любил кролика и заботился о нем. Сначала. Но увы, он быстро обо всем забывал. И однажды, раскачиваясь на шине, подвешенной на заднем дворе их маленького домика в Марафоне, штат Пенсильвания, он внезапно подскочил на месте, вспомнив о кролике. Он не

вспоминал о нем за последние... ну, недели две или немного больше. Просто это как-то выскочило у него из головы.

Он побежал в небольшой сарайчик, пристроенный к амбару. Стояла жара, совсем как сейчас, и когда он шагнул внутрь, вкрадчивый запах наполнил его ноздри. мех, который он так любил гладить, свалялся и почернел. Белые личинки деловито копошились в глазницах, где когда-то были хорошенькие розовые глазки. Лапы кролика были изранены и окровавлены. Он попытался убедить себя в том, что лапы были покрыты кровью из-за того, что кролик царапал ими по стенкам клетки, и несомненно так оно и было, но какая-то болезненная, темная часть его сознания шептала ему, что, может быть, кролик, доведенный голодом до последней степени отчаяния, попытался съесть самого себя.

Спустя некоторое время после полуночи он заснул, а этим утром он стал трудиться над ножкой своей койки. Теперь, посмотрев на свои окровавленные пальцы, он с новым ужасом подумал о том давнишнем кролике, которому он не хотел принести никакого вреда.

К часу дня двадцать девятого июня он открутил ножку койки. В конце концов болт стал выкручиваться с глупой легкостью, ножка звякнула о пол камеры, и он посмотрел на нее, удивляясь, зачем же она ему понадобилась. Ножка была длиной около трех футов.

Он взял ее в руки и принялся колотить по стальной решетке. «Эй!» — завопил он. «Эй, выпустите меня отсюда! Я хочу выбраться отсюда, вы поняли? Эй, черт вас побори, эй!»

Он замолчал и прислушался. На мгновение воцарилась полная тишина, а потом с нижнего этажа донесся хриплый, восторженный отклик: «Мама! Я здесь, внизу, мама! Я внизу!»

«Господи!» — завопил Ллойд и швырнул ножку в угол. В течение долгих часов он трудился, практически искалечил свои пальцы, — и все это для того, чтобы разбудить этого мудака.

Он сел на койку, приподнял матрац и вынул оттуда кусок черствого хлеба. Он подумал, не добавить ли к этому

горсть фиников, решил их пока оставить и все равно вынул их из-под матраса. Он съел их один за другим, оставив хлеб напоследок, для того чтобы перебить этот вязкий, фруктовый вкус.

Когда он покончил со своей жалкой трапезой, он бесцельно подошел к правой стенке своей камеры. Взглянув вниз, он издал крик отвращения. Триск наполовину сполз со своей койки, и его брюки слегка задрались. Лодыжки обнажились. Большая лоснящаяся крыса обедала ногой Траска. Отвратительный розовый хвост был аккуратно изогнут вокруг ее серого тела.

Ллойд пошел в другой угол своей камеры и подобрал ножку. Он вернулся и какое-то время стоял неподвижно, думая, не решит ли крыса, заметив его, отправиться в менее людные места. Но, похоже, крыса его не замечала. Ллойд глазом смерил расстояние и решил, что длины ножки как раз хватит.

Ллойд крикнул и с силой опустил ножку. Она придавила крысу к ноге Траска, и тот упал со своей койки с глухим звуком. Крыса с удивленным видом лежала на боку и слабо дышала. На усах у нее были крошечные капельки крови. Задние ноги ее двигались, словно маленький крысиный мозг приказывал ей убежать куда-нибудь, но, проходя по позвоночнику, сигналы безнадежно путались. Ллойд стукнул ее снова и убил ее.

«Вот ты и попалась, дура», — сказал Ллойд. Он положил ножку и вернулся к своей койке. Он был разгорячен, напуган и чуть не плакал. Он обернулся через плечо и закричал: «Как тебе нравится крысиный яд, грязная шлюшка?»

«Мама!» — радостно отозвался голос. «Маааааа!»

«Заткнись!» — взвизгнул Ллойд. «Я не твоя мама! Твоя мама сосет член в борделе города Задница, штат Индиана!»

«Мама?» — отозвался голос, на этот раз исполненный сомнения. Потом все затихло.

Ллойд заплакал. Плача, он тер глаза кулаками, совсем как маленький. Он хотел сэндвич с ветчиной, хотел поговорить со своим адвокатом, хотел выбраться отсюда.

Наконец он лег на койку, прикрыл глаза одной рукой и занялся мастурбацией. Во всяком случае, это был неплохой способ уснуть.

Проснувшись в пять часов утра, Ллойд снова принялся барабанить ножкой по решетке.

«Эй, есть кто-нибудь?» — закричал Ллойд срывающимся голосом.

Ответа не последовало. Не было даже крика «Мама!» Теперь он был бы рад и этому. Общество сумасшедшего лучше общества мертвеца.

Ллойд вернулся к койке, поднял матрас и произвел опись оставшейся еды. Два куска хлеба, две горсти фиников, наполовину обглоданная свиная косточка, один кусок болонской колбасы. Он разделил кусок колбасы и съел большую часть, но это лишь разожгло его аппетит.

«Больше не буду», — прошептал он и доел остатки свинины. Обозвав себя разными нехорошими словами, он еще немного поплакал. Он умрет здесь, как кролик в клетке, как Траск в своей камере.

Траск.

Он посмотрел в камеру Траска долгим и задумчивым взглядом. На лице старины Траска был настоящий международный Лос-Анджелесский аэропорт для мух. Спустя долгий промежуток времени Ллойд взял ножку, подошел к решетке и просунул ее между прутьев. Встав на цыпочки, он как раз сумел дотянуться до крысы, зацепить ее и подтащить к своей камере.

Когда крыса оказалась достаточно близко, Ллойд встал на колени и перетащил крысу на свою сторону. Он взял ее за хвост и долгое время держал у себя перед глазами ее раскачивающееся тело. Потом он положил крысу под матрас, чтобы мухи не могли до нее добраться. Безвольное тельце он разместил отдельно от еды. Он долго-долго смотрел на крысу и лишь потом опустил матрац, милостиво скрывший ее от глаз Ллойда.

«Просто на всякий случай», — прошептал Ллойд Хенрид окружавшей его тишине.

Потом он забрался на другой конец койки, подтянул колени к подбородку и застыл в неподвижности.

ГЛАВА 31

В двадцать две минуты девятого по часам, висевшим над дверью в кабинете шерифа, свет погас.

Ник Андрос читал книжку в бумажной обложке, которую он взял с полки в аптеке. Готический роман об испуганной гувернантке, которая подозревала, что в уединенном поместье, где она должна была учить сыновей красивого хозяина, завелось привидение. Хотя он не дочитал еще и до середины, Ник уже знал, что привидение было на самом деле женой красивого хозяина, запертой где-нибудь на чердаке и сумасшедшей, как мартовский заяц.

Когда свет погас, он почувствовал, как сердце затрепетало у него в груди, и услышал исходящий из глубины сознания шепот. Шепот раздавался из того самого места, где прятались в ожидании своего часа посещавшие его по ночам кошмары: Он пришел за тобой... сейчас он на улице, на ночных дорогах... на тайных путях... темнокожий человек...

Он выронил из рук книжку и вышел на улицу. Остаток дня еще догорал на горизонте, но ночь уже почти наступила. Все фонари погасли. Лампы дневного света в аптеке, которые горели днем и ночью, также потухли.

В кабинете была целая коробка свечей, но мысль об этом не слишком-то успокоила Ника. Он стоял и смотрел на запад, немо умоляя свет не оставлять его одного на этом темном кладбище.

Но свет не зажигался. Ник вернулся в кабинет и как раз обшаривал одну из полок в поисках нужной коробки, когда дверь позади него с шумом распахнулась, и внутрь ввалился Рэй Бут с почерневшим и распухшим лицом и с перстнем, сверкающим у него на пальце. С ночи двадцать второго июня он прятался в лесах недалеко от города. К утру двадцать четвертого он почувствовал себя больным. И наконец, этим вечером голод и боязнь за свою жизнь погнали его обратно в город, где он не нашел никого, кроме этого чертового немого, из-за которого все и произошло. Рэй увидел его, когда тот шел через городскую площадь с таким видом, будто город, в котором Рэй прожил большую часть своей жизни, принадлежит ему одному.

Ник стоял спиной к двери и не подозревал о том, что кто-то еще появился в кабинете шерифа Бейкера до тех пор, пока руки не сомкнулись у него на шее. Коробка, которую он только что нашел, выпала у него из рук, и свечи рассыпались по полу. Когда он сумел преодолеть первый приступ ужаса, он уже был наполовину задушен. Он почувствовал внезапную уверенность, что черная тварь из его снов ожила: какой-то бес из адских подвалов преследовал его и схватил за горло сразу же после того, как отключилась электроэнергия.

Инстинктивно он попытался оторвать чужие руки от шеи. Он сумел поймать немного воздуха, прежде чем руки снова сомкнулись. Оба они раскачивались в темноте, как танцоры. Рэй Бут чувствовал, как силы его убывают. Если он не кончит немного быстро, то он не кончит его уже никогда. Он сжал тощую шею мальчишки со всей силой, на которую был способен.

Ник почувствовал, как мир куда-то проваливается. Боль в горле, которая вначале была очень сильной, теперь стала какой-то отдаленной и почти приятной. Он с силой наступил каблуком на ногу Рэю Буту и одновременно толкнул его весом своего тела. Бут был вынужден сделать шаг назад. Одной ногой он наступил на свечку. Она покатилась под ним, и он рухнул на пол, увлекая за собою Ника. В конце концов его руки разжались.

Ник откатился в сторону, судорожно ловя ртом воздух. Все вокруг казалось каким-то отдаленным и призрачным, за исключением боли в горле, которая возвращалась медленными, тупыми толчками. Глубоко в горле он чувствовал вкус крови.

Чей-то массивный силуэт поднимался на ноги. Ник вспомнил о револьвере и схватился за него. Он оказался на месте, но вытащить Ник его не смог. Каким-то образом револьвер застрял в кобуре. Обезумев от страха, Ник дернул за рукоятку изо всех сил. Револьвер подался. Пуля чиркнула ему по бедру и застряла в полу.

Силуэт надвигался на него, как смертельный рок.

Белые руки направили его лицо и надавили большими пальцами ему на глаза. В тусклом свете луны Ник заметил на одном из пальцев пурпурный блеск. Правой рукой он

продолжал тащить револьвер из кобуры. Он почти не чувствовал обжигающей боли в бедре.

Большой палец Рэя Бута уперся в правый глаз Ника. В голове у него вспыхнула и рассыпалась искрами чудовищная боль. Наконец-то он вытащил револьвер. Мозолистый большой палец Бута резко повернулся по часовой стрелке, а потом в обратном направлении.

Ник дико вскрикнул и, прижав револьвер к дряблему боку Рэя Бута, спустил курок. Ник увидел вспышку и мгновение спустя почувствовал запах пороха. Рэй Бут напрягся, а потом обмяк.

Ник выбрался из-под тела Бута, зажимая одной рукой изуродованный глаз. Долгое время он лежал на полу, и его горло горело огнем. Казалось, голова его приобрела гигантские размеры, а в виски вкручивались безжалостные шурупы.

Наконец он нашарил свечу и зажег ее зажигалкой с письменного стола. В ее слабом желтом свете он увидел распростертое на полу тело Бута, лицом вниз. Он был похож на мертвого кита, выбросившегося на берег. Пуля проделала в его рубашке отверстие размером с небольшой блин. Вокруг натекло много крови.

Мыча от боли, Ник проковылял в маленькую ванную, все еще зажимая рукой глаз, и посмотрел на себя в зеркало. Он увидел, как кровь сочится у него между пальцев, и неохотно отвел руку. Он не был уверен, но, похоже, теперь он стал не только глухонемым, но и одноглазым.

Он вернулся в кабинет и пнул ногой безвольное тело Рэя Бута.

Ты меня изувечил, — сказал он мертвецу. Сначала мои зубы, а теперь и мой глаз. Ты доволен? Ты бы и два глаза мне выдавил, если б смог, так ведь? И оставил бы меня глухим, немым и слепым в мире мертвых.

Он снова пнул Бута ногой и ощутил, как его ботинок тонет в груди мертвого мяса. Ощущение было омерзительным. Потом он подошел к койке, сел на нее и обхватил голову руками. Снаружи по-прежнему было темно. Все огни мира погасли.

ГЛАВА 32

Долгое время, в течение многих дней (сколько дней? кто знает? во всяком случае, не Мусорный Бак, это уж точно) Дональд Мервин Элберт, известный своим школьным друзьям под кличкой Мусорный Бак, бродил по улицам Поутенвилля, штат Индиана, пугаясь голосов в своей голове, уворачиваясь и заслоняя себя руками от камней, которые бросали в него привидения.

Эй, Мусорный Бак!

Эй, Мусорный Бак, черт тебя побери! Поджег что-нибудь крупное на этой неделе?

Что сказала старая леди Симпл, когда ты сжег ее пенсионный чек?

Эй, Ведрышко, не хочешь ли прикупить керосина?

Как тебе понравилась шокотерапия в Терр От, Мусор? Мусор...

Эй, Мусорный Бак...

Иногда он понимал, что эти голоса звучат в его воображении, но иногда он громко кричал им, чтобы они перестали, в конце концов осознавая, что единственный существующий голос принадлежит ему, и этот голос возвращался к нему эхом, отразившись от домов и фасадов магазинов, отскакивая от шлакоблочной стены мойки машин «Скрубба-Дубба», где он когда-то работал и где сегодня, тридцатого июня, он сидел, поедая большой нерыбный сэндвич с арахисовым маслом, студнем, помидорами и горчицей. Только его голос, отражающийся от домов и магазинов и, словно незваный гость, возвращающийся к нему в уши. Потому что по непонятной причине Поутенвилль опустел. Все куда-то ушли... но ушли ли они на самом деле? Они всегда утверждали, что он сумасшедший, а это как раз подходящая мысль для сумасшедшего — о том, что все ушли из города и он остался один. Но его взгляд возвращался к нефтяным резервуарам на горизонте, огромным, белым и круглым, словно низкие облака. Они были расположены между Поутенвиллем и дорогой на Гэри и Чикаго, и он знал, что он хочет сделать и что это — отнюдь не сон. Это было ужасно, но это не было сном, и он ничего не мог с собой поделать.

Обжег пальцы, Мусор?

Эй, Мусорный Бак, разве ты не знаешь, что из-за игр с огнем ты мочишься в постель?

Были ли это сны? Когда-то был жив его отец, и шериф убил его на улице прямо перед Методистской церковью, и с этим он должен прожить всю свою жизнь.

Эй, Мусорный Бак, шериф Грили пристрелил твоего старика, как бешеную собаку, ты знаешь об этом, чертов мудака?

Его отец был у О'Тула, и там произошла какая-то ссора. Тогда Уэнделл Элберт выхватил револьвер и убил бармена, а потом пришел домой и убил двух старших братьев Мусорного Ведре, а заодно и сестру — да, Уэнделл Элберт был странным парнем с неважным характером, и ум у него поизносился задолго до того вечера, это вам любой поутенвиллец скажет, а еще он скажет вам, что яблоко от яблони недалеко падает — он убил бы и мать, но Салли Элберт с криком выбежала на улицу с пятилетним Дональдом (впоследствии известным под именем Мусорного Бака) на руках. Уэнделл Элберт стоял на ступеньках парадного крыльца и стрелял им вслед. Пули визжали и отскакивали от дороги. Во время последнего выстрела дешевый револьвер, купленный им у негра в баре на улице Штата Чикаго, взорвался у него в руках. Осколки стерли большую часть его лица. Он побрел по улице, истекая кровью, крича и размахивая остатками дешевого пистолета. В тот самый момент, когда он подошел к Методистской церкви, подъехал шериф Грили на единственной в городе полицейской машине. Он приказал ему немедленно остановиться и бросить оружие. Вместо этого Уэнделл Элберт навел на шерифа остатки своего револьвера, и Грили то ли действительно не заметил, что ствол расщеплен, то ли сделал вид, что не заметил, но так или иначе результат был один. Он разрядил в Уэнделла Элберта оба ствола своей двустволки.

Эй, Мусор, твой ЧЛЕН еще не сгорел?

Он огляделся вокруг в поисках того, кто прокричал эти слова — похоже на Карли Йейтса или какого-нибудь мальчишку из его компании — правда, Карли не был больше мальчишкой, как и он сам.

Может быть, теперь он станет просто Доном Элбертом, а не Мусорным Баком. Ведь стал же Карли Йейтс Карлом Йейтсом, торгующим машинами в фирменном магазине «Крайслер-Плимут». Правда, Карл Йейтс куда-то делся, все куда-то делись, и, возможно, теперь для него уже поздно становиться кем-либо.

Он уже больше не сидел у стены «Скруббы-Дуббы» — он уже прошел мило или даже больше по шоссе №130 на северо-запад. Поутенвилль теперь расстился под ним внизу, словно масштабная модель для детской железной дороги. Нефтяные резервуары были теперь всего лишь в полумиле от него. В одной руке он нес набор инструментов, а в другой — канистру с пятью галлонами бензина.

Это было ужасно, но...

После смерти Уэнделла Элберта Салли Элберт нашла работу в поутенвилльском кафе, и время от времени, в первом или втором классе, ее единственный оставшийся в живых ребенок, Дональд Мервин Элберт, стал поджигать чужие мусорные баки, а потом убежать.

Смотрите, девочки, вот идет Мусорное Ведро, он подожжет ваши платья!

Только когда он перешел в третий класс, взрослые обнаружили, кто это делает, и тогда появился шериф, старина Грили, и, наверное, так и получилось, что человек, пристреливший его отца у Методистской церкви, стал его отчимом.

Эй, Карли, хочешь загадку: Как может твой отец убить твоего отца?

Не знаю, Пити, а как?

Я и сам не знаю, но если ты — Мусорный Бак, то это очень просто!

Хи-хи-хи-ха-ха-ха-хо-хо-хо!

Теперь он стоял в самом начале посыпанной гравием подъездной дороги, и плечи его болели от тяжести набора инструментов и бензина. На воротах была надпись: НЕФ-ТЯНАЯ КОМПАНИЯ ЧИРИ ИНКОРПОРЕЙТЕД. ВСЕ

ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ В КОНТОРЕ! СПАСИБО!

Мусорный Бак проскользнул в полуоткрытые ворота. Его голубые глаза не отрывались от тонкой лесенки, обвивающей спиралью ближайший резервуар. В самом низу лесенка была перегорожена цепью, и на цепи висела табличка: ПРОХОДА НЕТ! НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ ЗАКРЫТА. Он перешагнул через цепь и пошел вверх.

Его мать не должна была выходить замуж за шерифа Грили. В четвертом классе он стал поджигать почтовые ящики. Именно тогда он сжег пенсионный чек старой миссис Симпл и снова попался. Салли Элберт Грили впала в истерику при первых же словах ее мужа о том, что мальчика надо послать полечиться в Терр От (Ты думаешь, он сумасшедший? Как может десятилетний мальчик сойти с ума? Мне кажется, ты просто хочешь избавиться от него! Ты избавился от его отца, а теперь хочешь избавиться от него!) Единственное, что оставалось сделать Грили, — это взять мальчика на поруки, потому что вы не можете послать десятилетнего ребенка в исправительную школу, если, конечно, вы не хотите, чтобы у него существенно увеличился диаметр заднего прохода или чтобы ваша новая жена с вами развелась.

Вверх по лестнице. Сталь слегка позванивала у него под ногами. Голоса остались далеко внизу, и никто не мог бросить камень так высоко. Машины на стоянке выглядели как сверкающие детские модельки. Наверху звучал только голос ветра, да еще далекий щебет птиц. Вокруг простирались поля и рощи — все было зеленым, за исключением голубоватого утреннего тумана. Поднимаясь по стальной спирали, он улыбался и чувствовал себя счастливым.

Когда он поднялся на плоскую и круглую крышу резервуара, ему показалось, что он добрался до самого неба, и если протянуть руку, то можно ногтями соскрести с небесного свода голубой мел. Он поставил канистру и положил набор инструментов. Теперь отсюда был виден Гэри, так как из его труб не шел больше дым и воздух очистился. Чикаго был миражом в летней дымке, а далеко

на севере виднелся слабый голубой отблеск, который мог оказаться озером Мичиган ли плодом разыгравшейся фантазии.

Взяв набор инструментов, он подошел к насосному оборудованию и стал приводить его в рабочее состояние. У него было интуитивное понимание техники. Он обращался с ней примерно тем же способом, которым некоторые ученые идиоты умножали и делили в уме семизначные числа. В этом не было ничего глубокомысленного или познавательного — он просто позволял глазам блуждать тут и там в течение нескольких секунд, а потом его руки начали двигаться с быстрой и легкой уверенностью.

Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?

В пятом классе он устроил пожар в гостиной пустого дома в соседнем городке Седли, и дом выгорел дотла. Его отчим шериф Грили был вынужден посадить его в арестантскую камеру, потому что после того, как его побила банда мальчишек, свою руку хотели приложить и взрослые (Что за черт, если бы не было дождя, мы лишились бы половины города из-за этого огненного жучка!). Грили сказал Салли, что Дональду придется отправиться в Терр От и пройти обследование. Салли сказала, что уйдет от него, если он так поступит с ее единственным сыном, но Грили стоял на своем. Судья подписал ордер, и Мусорный Бак ненадолго уехал из Поутенвилля, года на два, а его мать развелась с шерифом, а спустя некоторое время в том же году его не переизбрали, и в конце концов Грили стал работать в Гэри на автоконвейере. Салли навещала Мусора каждую неделю и всегда при этом плакала.

Среди механизмов возвышалась широкая труба, диаметром более двух футов. Она предназначалась исключительно для отвода паров, но так как резервуар был до предела заполнен неочищенным бензином, через край перелилось немного горючей жидкости. Глаза у Мусорного Бака заблестели. Ему даже не понадобится принесенный с собой бензин. С воплем «Сбросить бомбы!» он швырнул канистру вниз.

Потом он опять повернулся к трубе и посмотрел на сверкающие лужицы вокруг. Из кармана он вынул коробок спичек. На коробке была реклама, сообщавшая, что вы можете изучить любой предмет в заочной школе Ля Салль в Чикаго. Я стою на огромной бомбе, — подумал он. Дрожа от страха и возбуждения, он закрыл глаза.

Из Терр От он вышел, когда ему исполнилось тринадцать. Они не знали, вылечился он или нет, но сказали, что вылечился. Им понадобилась его палата, чтобы засадить туда на два года другого чокнутого мальчишку. Мусорный Бак отправился домой. Он сильно отстал в школе и, похоже, не мог наверстать упущенное. В Терр От его лечили шоковой терапией, и когда он вернулся в Поутенвилль, память у него почти совсем пропала.

Но во всяком случае в течение какого-то времени он больше не устраивал пожаров. Казалось бы, все стало как раньше. Убийца-шериф приделывал фары к «Доджам» в Гэри. Мать вернулась на работу в поутенвилльское кафе. Все было в порядке. За исключением нефтяной компании «Чири». Он часто думал о том, как будут гореть ее резервуары. Три отдельных взрыва, способных разодрать в клочья твои барабанные перепонки и изжарить глаза в глазницах? Три столба огня (отец, сын и святой убийца-шериф), которые будут пылать день и ночь в течение долгих месяцев? А может, они вообще не загорятся?

Он это выяснит. Легкий летний ветерок задул две первые спички. Справа в луже бензина он увидел перебирающего лапками жука. Я как этот жук, — подумал он обиженно и удивился, что же это за мир такой, где Бог не только запикивает тебя в липкую гадость, как жука в лужу неочищенного бензина, но и оставляет тебя в живых, чтобы ты боролся за свою жизнь в течение долгих часов, а возможно, дней... или, в его случае, лет. Это был мир, заслуживший, чтобы его сожгли. Он стоял с опущенной головой и ждал, пока ветер утихнет, чтобы зажечь третью спичку.

Когда ему исполнилось шестнадцать, он, с разрешения матери, бросил школу (А что вы от них ждали? Они его

искалечили там, в Терр От. Если б у меня были деньги, я бы подала на них в суд. Они называют это шоковой терапией. Проклятый электрический стул — вот как называю это я!) и стал работать на мойке машин «Скрубба-Дубба». И какое-то время все шло своим чередом. Люди громкими криками подзывали его с углов улиц или из останавливавшихся машин, интересуясь, что сказала миссис Симпл (уже четыре года, как в могиле), когда он сжег ее пенсионный чек, и намочил ли он постель после того, как сжег тот дом в Седли. Голоса постепенно стали призрачными, но камни, вылетающие из темных аллей и из-за углов улиц, оставались реальными. Однажды кто-то запустил в него полупустой банкой пива из проезжавшей машины. Банка попала ему в лоб, и он упал на колени.

Такова была его жизнь: голоса, время от времени пролетающие камни, «Скрубба-Дубба». А во время обеденного перерыва он обычно сидел на том же самом месте, что и сегодня, ел сэндвич и наблюдал за нефтяными резервуарами «Чири», размышляя, как же это все-таки произойдет.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды он не оказался в вестибюле Методистской церкви с пятигаллонной канистрой бензина, разливая его повсюду, а в особенности на груды старых сборников церковных гимнов в углу — и тогда он остановился и подумал: Это плохо, и, наверное, не просто плохо, а еще и ГЛУПО, они поймут, кто это сделал, они поймут, кто это сделал, даже если это сделал бы кто-нибудь другой. Так он думал, вдыхая запах бензина, и голоса трепыхались и кружились в его голове, словно летучие мыши в башне с привидениями. Потом медленная улыбка появилась на его лице, и он перевернул канистру и побежал с ней в центральный неф, повсюду разливая бензин. Он пробежал весь путь от вестибюля к алтарю, словно жених, опоздавший на свою собственную свадьбу и настолько нетерпеливый, что начал уже разбрызгивать горячую жидкость, которую стоило бы сохранить для первой брачной ночи.

На следующий день его отправили в Исправительный центр для мальчиков в Северной Индиане. Уезжая, он заметил черные тлеющие развалины Методистской церкви.

И Карли Йейтс проорал ему вслед свою эпитафию: «Эй, Мусорный Бак, с чего ты решил сжечь церковь? Почему ты не спалил ШКОЛУ?»

В семнадцать лет его отправили в тюрьму для несовершеннолетних, а в восемнадцать он попал в тюрьму штата. Сколько он там пробыл? Кто знает? Во всяком случае, не Мусорный Бак, это уж точно. Никому в тюрьме не было дела до спаленной им Методистской церкви. Там были люди, совершившие куда более серьезные преступления. Убийство. Изнасилование. Пролом черепа старой библиотечарши. Кое-кто из сокамерников хотел кое-что сделать с ним, а кое-кто — чтобы он с ними кое-что сделал. Он не возражал. Один мужчина с лысой головой сказал, что любит его. — Я люблю тебя, Дональд! — и это во всяком случае было лучше, чем увертываться от камней. Иногда он думал, что хорошо бы остаться здесь навсегда. Но иногда ночью ему снилась нефтяная компания «Чири», и во сне это всегда был один оглушительный взрыв, за которым следовали два других.

Со временем ему стали доверять, и когда появилась странная болезнь, его послали помогать в лазарете. Но через несколько дней больных там уже не осталось, потому что все, кто был болен, умерли.

Ветерок погладил его по щеке и замер.

Он зажег спичку и уронил ее. Она упала в лужицу бензина. Появились языки голубого пламени. Они образовали вокруг обгоревшей спички расширяющуюся корону. Мгновение Мусорный Бак зачарованно наблюдал за ними, а потом, оглядываясь через плечо, побежал к лестнице. Голубые языки, не более двух дюймов в высоту, устремились к насосной станции и возвращающейся посреди нее трубе. Борьба жука подошла к концу. Теперь он превратился в обыкновенную почерневшую головешку.

Это может произойти и со мной.

Но, похоже, ему этого не хотелось. У него появилась смутная мысль, что теперь в его жизни может возникнуть новая цель, что-нибудь очень великое и возвышенное. Он испугался и побежал вниз по лестнице.

Все дальше и дальше вниз, вокруг резервуара, с мыслями о том, когда же наконец воспламенятся пары над трубой

и как скоро температура станет достаточно высокой для того, чтобы огонь ринулся вниз.

Земля становилась все ближе и ближе. Машины на стоянке приобрели свой нормальный размер. Но ему все казалось, что он движется очень медленно, как во сне, что он будет бежать и бежать, но никогда не добежит до конца. Он был рядом с бомбой, и запал был уже подожден.

Наверху раздался внезапный треск, похожий на взрыв пятидюймового фейерверка четвертого июля. Потом он услышал приглушенный лязг, и что-то просвистело мимо него. Это был кусок трубы, абсолютно черный и переплавленный жаром в какую-то новую и бессмысленную форму.

Когда до земли оставалось футов двадцать пять, он не выдержал и, перескочив через перила, спрыгнул вниз. Он содрал с ладоней всю кожу, но едва ли почувствовал это. Он был до краев наполнен стонущим, ухмыляющимся ужасом.

Он кое-как поднялся и посмотрел наверх. На среднем резервуаре появилась большая шапка желтых волос, и росли они с удивительной скоростью. Взрыв мог произойти в любую секунду.

Он побежал. Сломанная кисть правой руки безвольно болталась. Он пересек стоянку, одолел посыпанную гравием широкую подъездную дорогу, пронесся сквозь открытые ворота и выбежал на шоссе №130. Он перебежал через шоссе и прыгнул в придорожную канаву, приземлившись на мягкое ложе из мертвых листьев и влажного мха.

Раздался взрыв. Звук был таким сильным, что он почувствовал, как его перепонки вдавились внутрь, а глаза вылезли из орбит. Раздался второй взрыв, а за ним и третий. Мусорный Бак приподнял голову и увидел огромное огненное дерево. Над ним возвышался удивительно высокий столб черного дыма. На шоссе и рядом с ним стали падать куски обгорелого железа. Нахлынула волна нестерпимого жара.

Он с трудом поднялся на ноги и побежал по шоссе в направлении Гэри. Воздух становился все горячее и горячее и приобрел металлический привкус. Он чувствовал себя как жук, пытающийся сбежать из включенной микроволновой печи.

БА-БАААААХХХ!

Взорвался еще один резервуар, и сопротивление воздуха перед ним словно бы исчезло. Огромная теплая рука подтолкнула его сзади и понесла вперед. Его ноги лишь слегка касались асфальта.

Сопротивление воздуха постепенно вернулось, и Мусор рискнул бросить взгляд через плечо. Возвышение, на котором стояли резервуары, было все объято огнем. Похоже, горела даже дорога, а деревья пылали, как факелы.

Он пробежал еще четверть мили и, задыхаясь, перешел на шаг. Пройдя еще милю, он остановился отдохнуть, и ноздри его втянули радостный запах огня. Без пожарных машин и самих пожарных он будет распространяться по ветру. Возможно, он будет пылать несколько месяцев. Сгорит Поутенвилль, и огонь пойдет дальше на юг, уничтожая дома, деревни, фермы, поля, пастбища, леса. Может быть даже, огонь доберется и до Терр От и спалит тамошнюю больницу. А может быть, и дальше!

Он посмотрел на север в направлении Гэри. Теперь он мог видеть город и возвышающиеся над ним огромные трубы, спокойные и безмятежные, словно штрихи мела на светло-голубой доске. А за всем этим был Чикаго. Сколько там нефтяных резервуаров? Заправочных станций? Остановившихся поездов с цистернами сжиженного газа и горючими удобрениями? Сколько еще городов за Гэри и Чикаго?

Перед ним простиралась вся страна, созревшая для огня.

Ухмыляясь, Мусорный Бак встал на ноги и отправился в путь. Кожа его уже покраснела, как у омара. Он не чувствовал боли, хотя из-за этого и не спал всю ночь, никак не в силах успокоиться. Впереди его ждали еще более обширные и величественные пожары. Взгляд его глаз был нежным, радостным и абсолютно сумасшедшим. Это были глаза человека, нашедшего наконец-то смысл своей жизни, с которым он уже не расстанется никогда.

ГЛАВА 33

«Я хочу выбраться из города», — сказала Рита, не оборачиваясь. Она стояла на балконе небольшой квартир-ки, и утренний ветерок теребил ее прозрачную ночную рубашку.

«Хорошо», — сказал Ларри. Он сидел на столе и ел сэндвич с яичницей.

Она повернулась к нему, и лицо ее было осунувшимся. Если в парке в день их встречи она тянула на элегантные сорок, то теперь она выглядела, как женщина, балансирующая на опасной грани, которая отделяет начало шестого десятка от полной старости. Между пальцами она держала сигарету, и кончик ее дрожал. Она вдохнула дым, не затягиваясь.

«Я серьезно говорю».

«Я знаю», — сказал он. «И могу тебя понять. Нам действительно надо уйти».

Мышцы ее лица облегченно расслабились, и с почти (но все же не совсем) бессознательным отвращением Ларри подумал, что так она выглядит даже старше.

«Когда?»

«Почему бы не сегодня?» — спросил он.

«Ты хороший мальчик», — сказала она. «Хочешь еще немного кофе?»

«Я и сам могу налить».

«Глупости. Сиди, где сидишь. Я всегда наливала мужу вторую чашку кофе, он настаивал на этом. Впрочем, от него за завтраком я видела только пробор. Остальное было скрыто за «Уолл Стрит Джорнел» или какой-нибудь чертовски солидной книжкой. Не просто что-нибудь значительное или глубокое, но обязательно чреватое значением. Белль, Камю, Мильтон, Боже ты мой. Ты — неплохая замена». Она обернулась с игривым выражением лица. «Тебе должно быть стыдно, если ты будешь прятать свое лицо за газетой».

Он вяло улыбнулся. Ее шутки сегодня утром, как впрочем, и весь вчерашний день, казались слегка натянутыми. Он вспомнил их встречу в парке и как ее речь показалась ему небрежной россыпью бриллиантов на биль-

ярдном сукне. Со вчерашнего дня бриллианты стали больше похожи на фальшивки.

«Ну вот». Она подошла, держа чашку во все еще дрожавшей руке, и когда она стала ставить ее на стол, кофе выплеснулся ему на руку. Он отдернул руку, зашипев от боли, как кошка.

«Ой, извини...» На ее лице отразился не только испуг, но и нечто, очень похожее на ужас.

«Все в порядке...»

«Нет, я просто... не надо... сиди на месте... безрукая идиотка...»

Она разразилась такими оглушительными рыданиями, словно ей только что довелось присутствовать при смерти лучшего друга.

Он встал и обнял ее, не очень-то обрадовавшись ее конвульсивным ответным объятиям. Это были даже не объятия, а скорее захват. Космический захват, новый альбом Ларри Андервуда, — подумал он тоскливо. О, черт. Никакой ты не симпатичный парень. Приехали, опять начинается.

«Прости меня. Не знаю, что это со мной стряслось. Никогда такого не было. Прости меня...»

«Все в порядке, это ерунда». Он продолжал автоматически утешать ее, глядя ее по седеющим волосам, которые станут выглядеть гораздо лучше (да и вся она, собственно говоря, станет выглядеть гораздо лучше) после того, как она проведет долгое время в ванной.

Разумеется, он понимал, что с ней стряслось. То, что произошло, имело одновременно и личный, и безличный характер. Это повлияло и на него, но не так резко и глубоко. В ней же словно разбился какой-то внутренний кристалл.

Безличным фактором был, очевидно, запах. Сквозь балконную дверь его приносил прохладный утренний ветерок, который вскоре превратится в неподвижную, влажную жару, если, конечно, это день будет таким же, как и предыдущие три или четыре. Что-то вроде гнилых апельсинов, или тухлой рыбы, или запаха, который иногда бывает в подземке, когда в поезде открыты окна. Это был запах разлагающихся трупов.

В Манхеттене по-прежнему было электричество, но вряд ли это будет продолжаться долго. Почти во всех других районах свет уже погас. Прошлой ночью, когда Рита уснула, он стоял на балконе и мог видеть, что в большей части Бруклина и Куинз царит полная темнота. Черный карман шел от Сто Десятой до самого Манхеттена. Если посмотреть в другом направлении, то можно было заметить россыпь ярких огней над Юнион Сити и, возможно, Байонной, но в остальном Нью-Йорк был погружен в черноту.

Чернота же эта означала не только отсутствие света. Она означала также и отключение воздушных кондиционеров, этого современного удобства, благодаря которому можно было спокойно существовать в городе с наступлением середины июня. Это означало, что люди, спокойно умершие в своих квартирах, теперь тухли в раскаленных печах. Когда он об этом думал, то его ум постоянно возвращался к той картине, которую он застал в зале ожидания. Он вспоминал об этом, и черное, сладкое видение вставало перед ним и манило его.

Что касается личного фактора, то, по-видимому, она была встревожена тем, что они обнаружили вчера по пути в парк. Когда они выходили, она смеялась, болтала и веселилась. После возвращения она начала стареть.

Человек, предвещавший появление чудовищ, лежал на тропинке парка в огромной луже собственной крови. Рядом с его застывшей вытянутой левой рукой лежали разбитые очки. Одно из чудовищ, очевидно, все же появилось. Его несколько раз ударили ножом. Ларри показалось, что он стал похож на огромную подушечку для иголок.

Она кричала и не могла остановиться. Когда истерика, наконец, прошла, она стала настаивать на том, чтобы похоронить его. Так они и сделали. И на обратном пути она стала той женщиной, которой она была сегодня.

«Все в порядке», — сказал он. «Совсем небольшой ожог. Кожа почти не покраснела».

«Я принесу мазь. Там есть в аптечке».

Она сделала шаг по направлению к двери, но он крепко взял ее за плечи и усадил на стул. Она посмотрела на него своими запавшими глазами, окруженными черными кольцами.

«Что тебе надо сделать, так это поесть», — сказал он. «Яичница, жаренный хлеб, кофе. Потом мы пойдем за какими-нибудь картами и посмотрим, как нам лучше всего выбраться из Манхэттена. Нам ведь придется идти пешком».

Он подошел к холодильнику и достал оттуда два последних яйца. Он разбил их над миской и стал сбивать.

«Куда ты хочешь уйти?»

«Что? Я не...»

«В каком направлении?» — сказал он с легким нетерпением. Он долил молока и поставил сковородку на плиту. «На север? Там Новая Англия. На юг? Смысла нет. Мы можем отправиться...»

Приглушенное рыдание. Он обернулся и увидел, что она смотрит на него, пытаясь овладеть собой, но ей не слишком это удается.

«В чем дело?» — спросил он, подходя к ней. «Что такое?»

«Боюсь, я не смогу есть», — вздохнула она. «Я знаю, что ты хочешь накормить меня... Я попытаюсь, конечно... Но запах...»

Он подошел к балконной двери и плотно закрыл ее.

«Ну вот», — сказал он, надеясь, что его раздражение осталось ею незамеченным. «Так лучше?»

«Да», — сказала она горячо. «Так гораздо лучше. Теперь я могу есть».

Он подошел к плите и потыкал яичницу, которая уже начинала пузыриться. Он слышал, как она двигалась у него за спиной. Раздались звуки Дебюсси, слишком легкие и слащавые на вкус Ларри. Он не терпел легкой классической музыки. Если уж нужна настоящая классическая музыка, то надо послушать Бетховена или Вагнера. Зачем заниматься ерундой?

Она спросила его, как он зарабатывал себе на жизнь. С некоторым негодованием Ларри подумал, что та легкость, с которой она задала этот вопрос, выдает человека, никогда не нуждавшегося в деньгах. Я был рок-н-рольным певцом, — ответил он ей, удивляясь, насколько легко он привык к прошедшему времени.

Он положил яичницу на тарелку и поставил рядом чашку растворимого кофе с большим количеством сливок

и сахара, как ей это нравилось (сам Ларри был солидарен с мнением водителей грузовиков: «Если тебе нужна чашка сливок с сахаром, то на хрен тебе кофе?»). Она сидела на пуфике перед проигрывателем. Дебюсси тек из колонок, как растаявшее масло.

«Кушать подано», — позвал он.

Она подошла к столу с вымученной улыбкой и начала есть.

«Вкусно», — сказала она. «Ты был прав. Спасибо».

«На здоровье», — ответил он. «А теперь слушай. Я хочу предложить тебе следующее. По Пятой мы дойдем до Тридцать Девятой и повернем на запад. Доберемся до Нью-Джерси по туннелю Линкольна. Потом мы можем отправиться по №495 на северо-запад до Пассейка и... яичница нормальная? Яйца не тухлые случайно?»

Она улыбнулась. «Прекрасная яичница». Она подцепила на вилку еще один кусок и отправила его себе в рот, запив глотком кофе. «Как раз то, что мне было необходимо. Продолжай, я слушаю».

«От Пассейка мы просто пойдем пешком на запад, пока на дорогах не будет поменьше машин и мы не сможем ехать. Потом, по-моему, можно повернуть на северо-восток и направиться в Новую Англию. Сделаем такой крюк, понимаешь? Так кажется длиннее, но, по-моему, это избавит нас от многих проблем. Найдем дом где-нибудь на побережье в Мэне. Киттери, Йорк, Уэллс, Оганквит, а может быть, Скарборо или Бутбей Харбор. Как тебе такой план?»

Пока он говорил, он смотрел в окно. Когда он обернулся и посмотрел на нее, ее вид на мгновение вогнал его в ужас. Она словно сошла с ума. На лице у нее по-прежнему была улыбка, но теперь она застыла в маску боли и страха. На лице у нее выступили крупные капли пота.

«Рита? Господи, Рита, что...»

«...извини...» Она вскочила, перевернув стул на пол, и побежала к двери. По дороге она споткнулась о пуфик, на котором она слушала Дебюсси, и чуть не упала.

«Рита?»

Пока она была в ванной, он мог слышать мощные звуки ее рвоты. Он раздраженно хлопнул рукой по столу и пошел

за ней. Боже, как он ненавидел, когда людей рвет. Всегда возникает ощущение, что рвет тебя самого. От запаха, стоявшего в ванной, его чуть не вывернуло наизнанку. Рита стояла на коленях, держа голову над унитазом.

Она вытерла рот обрывком туалетной бумаги и с мольбой посмотрела на него. Лицо ее было белей бумаги.

«Извини меня, Ларри. Я просто не могу ничего есть. Действительно. Извини меня».

«Господи, но если ты знала, что тебя вырвет, то зачем же ты пыталась?»

«Потому что ты этого хотел. А мне не хотелось, чтобы ты на меня сердился. Но ты ведь рассердился, правда? Ты сердишься на меня».

Он мысленно вспомнил прошлую ночь. Она занималась с ним любовью с такой неистовой энергией, что он впервые подумал о ее возрасте и почувствовал легкое отвращение. Он кончил быстро, чуть ли не в порядке самозащиты, и лишь значительно позже она оставила его в покое, тяжело дыша и так и не кончив. Потом, когда он уже почти погрузился в сон, она пододвинулась к нему поближе, и снова он ощутил запах ее пудры — несколько более дорогостоящую версию того запаха, который исходил от его матери, когда они вместе ходили в кино. Она прошептала ему на ухо слова, которые выдернули его из сна на два последующих часа: Ты ведь не оставишь меня, правда? Ты не оставишь меня одну?

До этого она была очень хороша в постели, настолько хороша, что он даже удивился. Она привела его сюда после ленча в тот день, когда они встретились, и то, что случилось, случилось совершенно естественно. Он помнил мгновенный приступ отвращения, когда он увидел, как обвисли ее груди и как выпирают ее голубые вены (это заставило его вспомнить о варикозных венах его матери), но он совсем забыл об этом, когда она обхватила его ногами с удивительной силой.

Когда он уже почти взобрался на вершину, она оттолкнула его и взяла пачку сигарет.

Какого черта? — спросил он удивленно, в то время как его вождь краснокожих негодуя раскачивался в воздухе.

Она улыбнулась: «У тебя ведь одна рука не занята, а? У меня тоже».

Они гладили друг друга и курили, и она весело болтала обо всякой всячине.

А теперь, — сказала она, вынимая сигарету у него из рта. Давай-ка посмотрим, сможешь ли ты закончить то, что начал. И если не сможешь, то очень может быть, что я разорву тебя на части.

Он закончил к их обоюдному удовлетворению, и они уснули. Он проснулся после четырех, думая о том, что произошло. Он много трахался за последние десять лет, но то, что случилось сегодня, не было траханьем. Это было гораздо лучше, хотя и имело несколько декадентский оттенок.

Ну, конечно, у нее было много любовников.

Эта мысль снова возбудила его и он заставил ее проснуться.

Так все и продолжалось до тех пор, пока они не нашли труп в парке. Но и раньше его кое-что беспокоило. Две ночи назад он проснулся после двух и услышал, как она наливает в ванной стакан воды. Он подумал, что, наверное, она принимает еще одну снотворную таблетку. Скорее всего, она начала принимать их задолго до эпидемии супергриппа.

А потом эта манера ходить за ним по пятам по квартире. Даже когда он принимал душ или облегчался, она стояла за дверью и что-то говорила ему.

И вот теперь...

Что ж ему — нести ее на своем горбу? Господи, ну уж нет. А ведь раньше она казалась ему вполне выносливой. Так вот почему она так прицепилась к нему в парке. Нет правды в рекламе, — подумал он горько. Как теперь он будет заботиться о ней, если и с собой он не может управиться?

«Нет», — сказал он ей. «Я не сержусь. Просто... понимаешь, я ведь не твой начальник. Не хочешь есть, так и скажи».

«Так я ведь и сказала».

«Хрена лысого ты сказала!» — отрезал он гневно.

Она опустила голову и стала смотреть себе на руки, и он понял, что она старается не разрыдаться, потому что ему это не понравится. На мгновение это разозлило его больше, чем все остальное, и он чуть не в полный голос заорал: Я тебе не отец родной и не муженек! Я не собираюсь о тебе заботиться! Господи Боже мой, ты ведь на тридцать лет меня старше! Потом он почувствовал знакомую волну презрения к себе и удивился этому.

«Прости меня», — сказал он. «Я бесчувственный убудок».

«Нет, это не так», — сказала она и шмыгнула носом. «Просто... все это как-то одновременно свалилось на меня. Это... этот человек вчера в парке... я подумала: ведь никто уже не поймает тех людей, которые так поступили с ним, и не посадят их в тюрьму. А они просто будут ходить по свету и делать это снова и снова. Как звери в джунглях. Ты понимаешь, Ларри?»

«Да», — ответил он, все еще чувствуя раздражение, смешанное с совсем небольшой толикой презрения. Такова была ситуация, а иначе и быть не могло. Они ведь были посреди всего этого и видели все своими глазами. Умерла его мать, и он присутствовал при этом. Что она, хочет сказать, что у нее более чувствительная натура, чем у него? Все это притворство. Сплошное притворство

«Попытайся не сердиться на меня», — сказала она. «Я исправлюсь».

Надеюсь на это. Очень надеюсь.

«Все в порядке», — сказал он и помог ей подняться на ноги. «Пошли, прямо сейчас. Что скажешь? Нам надо многое сделать. Ты готова к этому?»

«Да», — сказала она, но выражение на лице у нее было такое же, как в тот момент, когда он предложил ей яичницу.

«Когда мы выберемся из города, тебе станет лучше».

«Ты думаешь?»

«Конечно», — сказал Ларри искренне.

Спортивный магазин был заперт, но Ларри нашел железный прут и разбил витрину. Завывание сирены бессмысленно огласило улицу. Он выбрал большой рюкзак для

себя и несколько меньший — для Риты. Она упаковала туда по две смены одежды на каждого — больше он не позволил. Нет смысла, — объяснил Ларри, — особенно нагружаться. Все можно найти и на другом берегу реки. Она покорно согласилась, и ее равнодушие вновь разозлило его.

После недолгих внутренних колебаний он также взял с собой двустолвку тридцатого калибра. Пушка была очень красивой, а на ярлыке, который он сорвал с предохранителя и равнодушно бросил на пол, была проставлена цена в четыреста пятьдесят долларов.

«Ты уверен, что нам это нужно?» — спросила она опасно. Ее револьвер по-прежнему лежал у нее в сумочке.

«Не помешает», — сказал он и ничего не добавил к этому, хотя и подумал про себя о жалкой смерти человека из парка.

«Ах», — сказала она тихо, и по ее глазам он угадал, что она подумала о том же.

«Рюкзак не слишком тяжел?»

«Нет, нет. Действительно».

«Да, но у них есть обыкновение становиться тяжелее, когда ты идешь. Когда устанешь, скажи мне, и я понесу».

«Со мной все будет в порядке», — сказала она и улынулась. Когда они вновь вышли на улицу, она огляделась по сторонам и сказала: «Мы покидаем Нью-Йорк».

«Да».

Она повернулась к нему. «Я рада. Я чувствую себя, как будто... я снова маленькая. И мой отец говорит мне, что сегодня мы снова пойдем в поход. Помнишь такие моменты?»

Ларри слегка улыбнулся в ответ, вспоминая вечера, когда его мама говорила: «Тот вестерн, который ты хотел посмотреть, идет сейчас в «Кресте», Ларри. С Клинтом Иствудом. Что ты скажешь?»

«Помню, наверное», — сказал он.

Она поправила рюкзак на плечах.

«Путешествие начинается», — сказала она. «Нас ждут приключения».

«Чем меньше приключений, тем лучше», — ответил Ларри.

«Я была на Бермудах и в Англии, на Ямайке и в Монреале, в Сайгоне и в Москве. Но я никогда не ходила пешком, с тех пор как была маленькой девочкой, и папа водил меня и мою сестру Бесс в зоопарк. Пошли, Ларри».

Это была прогулка, которую Ларри Андервуд запомнил на всю жизнь. На перекрестке Пятой и Пятдесят Четвертой человек висел на фонарном столбе. На шее у него была табличка с одним словом: МАРОДЕР. На мусорном баке (на боках были наклеены свежие афиши бродвейского шоу), нежась на утреннем солнышке, лежала кошка и кормила молоком своих котят. Молодой человек с широкой ухмылкой и чемоданом в руках подошел к Ларри и сказал, что даст ему миллион долларов за право попользоваться женщиной в течение пятнадцати минут. Миллион, по всей видимости, был в чемодане. Ларри снял с плеча винтовку и сказал, чтобы тот отнес свой миллион куда-нибудь еще. «Разумеется, парень. Не держи на меня зла, договорились? Я ведь только предложил, а за это нельзя обвинить. Удачи тебе».

Они дошли до угла Пятой и Тридцать Девятой вскоре после встречи с этим человеком (Рита с несколькими истерическим юмором упорно называла его Джоном Берсфордом Типтоном — Ларри это имя ничего не говорило). Был уже почти полдень, и Ларри предложил перекусить. На углу была колбасная, но когда он открыл дверь, запах гнилого мяса заставил его попятиться.

«Пожалуй, чтобы сохранить тот скромный аппетит, который у меня остался, мне не стоит туда заходить», — сказала она извиняющимся тоном.

Ларри подумал, что внутри можно, наверное, найти какие-нибудь готовые продукты — салями, пепперони, что-нибудь в этом роде — но, натолкнувшись в четырех кварталах отсюда на «Джона Берсфорда Типтона», он не хотел оставлять ее одну на улице даже на короткое время. Так что они нашли скамейку в полуквартале западней от колбасной и съели сушеные фрукты и ломтики бекона. Закончили они трапезу крекерами с сыром и термосом с охлажденным кофе.

«На этот раз мне действительно хотелось есть», — сказала она гордо.

Он улыбнулся ей, чувствуя себя лучше. Просто двигаться, предпринимать любые конкретные действия — это было неплохо. Он сказал ей, что когда они выберутся из Нью-Йорка, она окончательно придет в норму. Находиться в Нью-Йорке — это было все равно что быть на кладбище, мертвецы которого еще не совсем успокоились. Чем раньше они уйдут отсюда, тем лучше. Возможно она снова станет такой же, как в тот первый день в парке. Они дойдут до Мэна по второстепенным дорогам и поселятся в богатом летнем коттедже. Сейчас на север, и обратно на юг в сентябре или октябре. Бутбей Харбор летом, Кей Бискейн зимой. Симпатичный маршрут. Занятый своими мыслями, он не заметил на ее лице гримасу боли, появившуюся в тот момент, когда он встал и повесил на плечо двустволку.

Теперь они шли на запад. Они прошли по Авеню Америк, Седьмой Авеню, Восьмой, Девятой, Десятой. Улицы представляли собой замерзшие реки автомобилей всех расцветок, среди которых доминировал желтый цвет машин такси. Ларри подумал о том, что на выходе из города им стоит раздобыть пару мотоциклов. Это даст им обоим мобильность и возможность преодолеть пробки мертвых машин, которыми, должно быть, забиты все дороги.

А я-то думал, что она сможет ехать на велосипеде, — подумал Ларри. Но, похоже, ей это не удастся. Жизнь с Ритой превращалась в непрестанную головную боль, во всяком случае, в некоторых аспектах. Но уж ехать на заднем сиденье мотоцикла она, наверное, сможет.

На пересечении Тридцать Девятой и Седьмой они увидели молодого человека в коротких хлопчатобумажных шортах, лежащего на крыше такси.

«Он мертв?» — спросила Рита, и при звуке ее голоса молодой человек сел, оглянулся, заметил их и помахал рукой. Они махнули ему в ответ. Молодой человек безмятежно лег на прежнее место.

Было начало третьего, когда они пересекли Одиннадцатую Авеню. Ларри услышал позади приглушенный вскрик боли и понял, что Рита уже не идет слева от него.

Она опустилась на одно колено и держалась за ногу. С чувством, похожим на страх, Ларри впервые заметил, что на ногах у нее — дорогие открытые сандалии, пригодные разве что для короткой прогулки вдоль витрин по Пятой Авеню.

Кожаные ремешки натерли ей ноги. Кровь струилась у нее по лодыжкам.

«Ларри, из...»

Он резко поднял ее на ноги. «О чем ты думала?» — закричал он ей прямо в лицо. Увидев, как униженно она отпрянула, он почувствовал мгновенный стыд, но в то же время и злобное удовольствие. «Ты что, думала, что сможешь доехать до дома на такси, если ножки устанут?»

«Я не ду...»

«Боже мой!» Он взъерошил волосы. «Конечно, ты не думала. Ты истекаешь кровью, Рита. Давно это у тебя?»

Голос ее был таким тихим и хриплым, что ему с трудом удалось расслышать ее слова даже в том сверхъестественном молчании, которое царило вокруг. «С тех пор как... ну, примерно с перекрестка Пятой и Сорок Девятой, кажется».

«Ты натерла себе ноги двадцать кварталов назад и ничего мне об этом не сказала?»

«Я думала... может быть... это пройдет... не будет больше болеть... я не хотела... мы так хорошо шли... выбирались из города... я просто подумала...»

«Ты вообще не думала», — сказал он рассерженно. «Как мы теперь с тобой пойдем? Твои чертовы ноги выглядят так, словно тебя распяли».

«Не ругай меня, Ларри», — сказала она, начиная плакать. «Пожалуйста, не надо... мне становится так плохо, когда ты... пожалуйста, не ругай меня».

Ярость охватила его. Он крикнул ей прямо в лицо: «Сука! Сука! Сука!» Слово вернулось тусклым и неясным эхом, отразившись от высоких жилых домов.

Она закрыла лицо руками и, плача, опустила голову. Это его рассердило еще больше, и он предположил, что отчасти этот жест действительно объясняется нежеланием видеть. Как просто: закрыть глаза руками, а он поведет ее, почему бы и нет? Всегда ведь рядом был кто-то, кто брал на себя заботу о нашей Маленькой Героине, крошке Рите.

Кто-то, кто водил машину, ходил в магазины, мыл унитаз, платил налоги. Так что надо завести слащавого Дебюсси, закрыть глаза своими хорошо наманикюренными руками и предоставить все Ларри. Позаботься обо мне, Ларри. Увидев, что случилось с человеком в парке, я не хочу больше видеть. Все это слишком низко для человека моего воспитания и происхождения.

Он оторвал руки от ее лица. Она съежилась от страха и попыталась снова закрыться.

«Посмотри мне в глаза».

Она потрясла головой.

«Черт тебя побери, немедленно посмотри на меня, Рита».

Она посмотрела на него как-то странно и косо, словно думая, что теперь он пустит в ход не только язык, но и кулаки.

«Я хочу тебе изложить реальные факты, потому что ты, похоже, ничего не понимаешь. А факты заключаются в том, что нам надо пройти еще двадцать или тридцать миль. И в том, что если в твои раны попадет инфекция, у тебя может начаться заражение крови, и ты умрешь. И в том, что тебе наконец-то надо вынуть палец из задницы и начать помогать мне».

Он говорил, сжимая ее плечи, и заметил теперь, что пальцы его почти погрузились в ее плоть. Гнев оставил его, когда, отпустив ее, он увидел на ее предплечьях красные пятна. Он отступил шаг назад, вновь чувствуя неуверенно и сознавая с болезненной ясностью, что он переборщил. Ларри Андервуд наносит следующий удар. Ну а если он такой крутой, то почему же он не проверил, в чем она обута, прежде чем отправиться в путь?

«Потому что это ее проблемы» — сказал внутри него угрюмый голос.

Нет, это неправда. Это его проблема. Потому что она не знала. Раз уж он решил взять ее с собой (и только сегодня он стал думать о том, насколько проще было бы, если бы он этого не сделал), то он должен нести за нее ответственность.

Черт меня побери, если я возьму на себя ответственность, — сказал внутри него угрюмый голос.

Голос его матери: Ты создан для того, чтобы брать, Ларри.

Специалист по оральной гигиене закричала ему вслед из окна: Я думала, что ты симпатичный парень! Никакой ты не симпатичный парень!

Это неправда! Черт возьми, это НЕПРАВДА!

«Рита», — сказал он. «Извини меня».

Она села на тротуар и опустила голову. На него она не смотрела.

«Извини меня», — повторил он. «Я... знаешь, у меня не было права говорить все это». Он-таки сказал все это, но ничего страшного. Если извинишься, все пойдет на лад. Так устроен мир.

«Продолжай, Ларри», — сказала она. «С чего это ты вдруг остановился?»

«Я же сказал, что извиняюсь», — сказал он слегка нетерпеливо. «Мы найдем тебе новые туфли и белые носки. Мы...»

«Ничего мы не сделаем. Продолжай».

«Рита, извини меня...»

«Если ты повторишь это еще раз, я закричу. Ты — дерьмо, и твои извинения не принимаются. А теперь продолжай».

«Я же сказал, что...»

Она вскинула голову и закричала. Он сделал шаг назад и огляделся, чтобы посмотреть, не слышал ли кто-нибудь ее крика. Не бежит ли полисмен, чтобы выяснить, что за ужасные вещи творит этот молодой человек с сидевшей на тротуаре разутой пожилой леди.

«Лучше тебе перестать орать», — сказал он ей. «А то я действительно тебя брошу».

Она ничего не сказала и только посмотрела на него. Он не смог вынести ее взгляд и опустил глаза, ненавидя ее за то, что она вынудила его это сделать.

«Ладно», — сказал он. «Желаю приятного изнасилования и насильственной смерти».

Через минуту он обернулся, уверенный в том, что она идет за ним, но Риты не было.

«Черт возьми», — сказал он обиженно. «Я же пытался извиниться».

Прежде чем продолжить путь, он мгновение помедлил. Он чувствовал, как его пожирают сотни мертвых злобных глаз, уставившихся на него из всех этих машин.

Он видел, как впереди четырехполосное шоссе исчезает в черной арке туннеля, и с ужасом он заметил, что света внутри нет. Путешествие в автомобильное кладбище. Они подождут, пока он дойдет до половины, а потом начнут шевелиться... оживать... он услышит, как с тихим щелчком откроются двери их машин... их шаркающие шаги...

Его прошибло легким потом. У него над головой хрипло каркнула какая-то птица, и он вздрогнул. Идиот, — сказал он самому себе. Испугался детских сказок. Тебе надо просто идти по пешеходной дорожке и очень скоро ты...

...будешь удушен восставшими мертвецами.

Он облизал губы и попробовал рассмеяться. Ничего не вышло. Он сделал пять шагов по направлению к тоннелю и снова остановился. Слева от него стоял кадиллак «Эльдорадо», из которого на него уставилась женщина с черным, чудовищным лицом. Нос ее был прижат к стеклу. Стекло было забрызгано слюзью и кровью. Человек, который сидел за рулем, обмяк словно искал что-то на полу. Все стекла были подняты. Там, наверное, сейчас как в оранжерее. Если он откроет дверь, то женщина вывалится на мостовую, как мешок гнилых дынь, а запах будет теплым и плотным, влажным и гниющим.

Такой же запах будет и в тоннеле.

Ларри резко повернулся и пошел назад, чувствуя, как ветерок осушает пот у него на лбу.

«Рита! Рита, послушай! Я хочу...»

Риты нигде не было.

Он приложил руки ко рту и закричал: «Рита! Рита!»

Единственным ответом ему было мертвое эхо: «Рита... ита... ита... ита...»

К четырем часам над Манхеттеном сгустились черные тучи и загрохотал гром. В небоскребы ударила молния. Словно Бог пытался выгнать немногих оставшихся в живых людей из их убежищ. Свет стал желтым и странным, и Ларри это не понравилось. Ему свело живот, и когда он

закурил сигарету, она задрожала у него в руке так же, как чашка в руках Риты этим утром.

Он сидел на улице, прислонившись к железному ограждению. Рюкзак он положил себе на колени, а двустволку прислонил к ограждению рядом с собой. Он подумал, что она испугается и вернется сама, но она не возвращалась. Пятнадцать минут назад он перестал выкрикивать ее имя.

Снова ударил гром, на этот раз поближе. Прохладный ветерок прикоснулся к его спине сквозь пропитанную потом прилипшую рубашку, Пора было или укрыться где-нибудь или перестать валять дурака и отправиться через тоннель. Если он осмелится пройти через тоннель, то он переночует еще одну ночь в городе, а утром перейдет через мост Джорджа Вашингтона, в ста сорока кварталах отсюда на север.

Он попытался спокойно подумать о тоннеле. Он забыл добыть себе хороший фонарь — Господи, всегда о чем-нибудь забываешь — но между дорогой и пешеходным проходом есть перила. Что касается остального... мыслей о том, что все эти мертвецы в машинах могут, к примеру... это просто какая-то глупая паника, история из комикса. Это все равно, что бояться Буки в шкафу. Если ты будешь думать только об этом, Ларри (поучал он себя), то тебе вряд ли удастся преуспеть в этом дивном новом мире. Ты...

Удар молнии расколол небо пополам почти у него над головой, заставив его содрогнуться. Последовал мощный раскат грома. На лице он ощутил первую холодную каплю дождя. Вторая капля упала ему сзади на шею и стекла за воротник рубашки. Он встал, надел рюкзак и взял винтовку. Он все еще не знал куда направиться — назад на Тридцать Девятую или в тоннель Линкольна. Но надо было где-то укрыться, так как дождь становился все сильнее.

С невероятным грохотом над ним разразился удар грома, заставив его взвизгнуть от ужаса — наверное, тот же самый звук вырывался из уст кроманьонцев два миллиона лет назад.

«Глупый трус», — сказал он себе и направился к пасти тоннеля. Он прошел мимо женщины, прижавшейся к стеклу «Эльдорадо», стараясь не смотреть в ее сторону, но

все же краем глаза замечая ее. Дождь превратился в ливень.

На мгновение перед входом в тоннель Ларри остановился в нерешительности, снова ощутив страх. В этот момент с неба посыпался град, и он решился. Градины были большими и больно жалили его тело. Вновь прогремел гром.

«О'кей», — подумал он. «О'кей, о'кей, о'кей, я иду». Он шагнул в тоннель Линкольна.

Внутри оказалось гораздо темнее, чем он надеялся. Поначалу сквозь вход в тоннель, оставшийся позади него, еще проникал тусклый белесый свет, и он мог видеть ряды стоявших друг за другом машин и зеленоватые плитки, которыми были выложены стены. Справа от себя он видел перила, отгораживавшие пешеходный проход и уходившие далеко вперед. Слева через каждые тридцать или сорок футов, возвышались опорные столбы. Вверху виднелись темные лампы дневного света. Но после того, как тоннель слегка повернул, свет, казалось, вообще перестал существовать.

Скользя рукой по перилам, он шел вперед. В тоннеле также было эхо, и это ему не понравилось. Эхо звучало так, словно кто-то шел за ним... крался за ним. Несколько раз он останавливался и смотрел назад своими слепыми глазами. Когда эхо замирало, он вновь отправлялся в путь. Потом он стал идти шаркающей походкой, не отрывая подошвы от бетона, чтобы не слышать эха своих шагов.

Интересно, какой длины тоннель Линкольна? Миля? Две? Разумеется, под Гудзоном не может быть двух миль. Стало быть, около мили. Но если бы это было так, то он давно бы уже добрался до другого конца. Если в среднем человек идет со скоростью четыре мили в час, то одну милю можно пройти за пятнадцать минут. А он шел уже минут двадцать.

«Я просто иду медленнее», — сказал он и подскочил от звука своего собственного голоса. Эхо отозвалось голосом приближающегося лунатика:

«... леннее... еннее... нее...ее...»

«Господи», — пробормотал Ларри, и эхо прошептало в ответ:

«спади... спади... спади...»

Он вытер пот с лица, борясь с паникой и желанием забыть о разуме и слепо ринуться вперед. Но он постепенно совладал с собой и вновь двинулся в путь. Он уже почти совсем успокоился, когда нога его натолкнулась на что-то твердое. Он издал придушенный вскрик и отступил два шага назад. С трудом он заставил себя вытащить из кармана зажигалку. Пламя бешено металось от его судорожного дыхания.

Он наступил на руку солдата. Солдат сидел, прислонившись спиной к стене тоннеля, вытянув вперед ноги. Его остекленевшие глаза уставились на Ларри. Губы его отвисли, и Ларри показалось, что он ухмыляется. Из глотки его с небрежным изяществом торчал выкидной нож.

Зажигалка в его руке нагревалась, и он потушил пламя. Облизав губы и мертвой хваткой вцепившись в перила, Ларри медленно двинулся вперед, пока носок его ботинка вновь не натолкнулся на руку солдата. Тогда он перешагнул через него, и им овладела кошмарная уверенность, что сейчас солдат мягко схватит его за ногу своими прохладными руками.

Ларри пробежал десять шагов и заставил себя остановиться, зная, что если он не сделает этого, то его захлестнет паника и он ринется вперед, преследуемый тысячеголосым эхом.

Когда он вновь овладел собой, он двинулся вперед. Но теперь ситуация стала еще хуже. Пальцы его ног сжимались в ботинках, страшаясь соприкоснуться с другим телом, распростертым на пешеходной дорожке... довольно скоро это произошло.

Он застонал и снова вытащил зажигалку. На этот раз все было еще ужаснее. Тело, на которое он наткнулся, принадлежало пожилому человеку в синем костюме. Черная шелковая шапочка упала ему на колена, обнажив его лысую голову. На лацкане у него была шестиконечная серебряная звезда. За ним лежало еще трупов шесть: две женщины, человек средних лет, старуха лет восьмидесяти и двое тинэйджеров.

Зажигалка стала слишком горячей, и он не мог уже держать ее в руках. Он погасил пламя и отправил ее обратно в карман, где она, словно тлеющий уголь, некоторое время согревала его бедро. Этих людей, как и того солдата, убил не Капитан Шустрик. Ларри заметил кровь, осколки плиток, дырки от пуль. Их застрелили. Ларри вспомнил слухи о том, что солдаты блокировали выходы из Манхеттена. Теперь он не знал, верить им или нет — слишком много слухов пришлось ему услышать за последнее время.

Ситуацию легко можно было воссоздать. Их машины были заперты в тоннеле, но они могли идти. Они вышли из машин и отправились по направлению к Джерси. А здесь был контрольный пост, огневая точка или что-нибудь в этом роде.

Был? А может быть, и до сих пор есть?

Ларри стоял весь в поту, пытаясь справиться с силами. Абсолютная темнота представляла собой идеальный киноэкран, на который его сознание могло проецировать свои фантазии. Он увидел: солдаты с беспощадными глазами, одетые в защитные костюмы, скорчившиеся за пулеметными гнездами с приборами ночного видения. У них задание — не пропустить никого сквозь тоннель. Один солдат медленно подползает к нему, зажав нож в зубах, а двое других бесшумно заряжают миномет зарядом с отравляющим газом.

Но и назад пойти он не мог. Он был уверен, что все эти картины — лишь плод его воображения. Разумеется, никаких солдат здесь давно уже нет. Но...

Но больше всего его тревожат не солдаты, а распростертые перед ним тела. Они лежали на протяжении восьми или девяти футов. Через них он не мог перешагнуть, как через солдата. А если он попытается спрыгнуть вниз с пешеходного прохода, то он может сломать себе ногу. Стало быть, ему придется... ну... придется идти по ним.

Позади него, в темноте, раздался какой-то шум.

Ларри немедленно обернулся. Им овладел ужас, так как звук, который он услышал, очень напоминал чьи-то шаги.

«Кто там?» — закричал он, снимая с плеча винтовку.

Ему отозвалось только эхо. Когда эхо затихло, он услышал — или подумал, что услышал — тихий звук дыхания. Он стоял, уставившись в темноту, и уже начал было думать, что ему показалось, когда звук раздался снова — тихий, скользящий шаг.

Он судорожно полез в карман за зажигалкой. Мысль о том, что зажигалка превратит его в великолепную мишень, не пришла ему в голову. Когда он попытался высечь искру, зажигалка выпала из его дрожащих рук. Он услышал звяканье о металлические перила, а потом легкий звон удара о капот или крышу одной из машин внизу.

Скользкий шаг снова раздался в темноте, на этот раз ближе, но неизвестно насколько. Кто-то приближался, чтобы убить его, и обьятый ужасом ум нарисовал ему картину солдата с выкидным ножом в горле, который подкрадывается к нему все ближе и ближе.

Снова мягкий, скользящий звук.

Ларри вспомнил о винтовке. Он прижал приклад к плечу и начал стрелять. Звук выстрелов оказался настолько оглушительным в замкнутом пространстве, что он вскрикнул, но его крик потерялся в грохоте. Все еще сжимая в руках винтовку, он обернулся, но теперь в своем внутреннем кинотеатре он увидел перед собой не солдат в защитных противовирусных костюмах, а морлоков из комиксной версии «Машины времени» Герберта Уэллса, слепых горбатых созданий, выбирающихся из своих нор, где глубоко под землей безостановочно работают их адские механизмы.

Задышавшись, он стал преодолевать баррикаду трупов. Его нога провалилась во что-то омерзительно мягкое. Вокруг стоял ядовитый, вонючий запах, но он едва замечал его.

Потом, позади него в темноте, раздался крик, заставивший его замереть на месте. Отчаянный, пронзительный, почти безумный крик: «Ларри! Ой, Ларри, ради Бога...»

Это была Рита Блэкмор.

Он обернулся. Теперь до него доносились дикие рыдания, заполнившие все вокруг своим эхом. В течение одной сумасшедшей секунды он был уверен, что уйдет, оставив ее там. Она и сама сможет выбраться, зачем же опять взваливать на себя эту ношу? Потом он вновь овладел

собой и закричал: «Рита! Оставайся на месте! Ты слышишь меня?»

Рыдания продолжались.

Он пошел по трупам обратно, стараясь не дышать и сморщившись от отвращения. Потом он побежал к ней, не зная, как далеко она находится, из-за искажающего действия эха. В конце концов он чуть не упал на нее.

«Ларри...» Она бросилась к нему в объятия и обхватила его шею так, словно собиралась задушить его. Он чувствовал, как бешено стучит ее сердце. «Ларри, Ларри не оставляй меня одну здесь не оставляй меня одну в темноте...»

«Нет». Он крепко сжал ее. «Я... не ранил тебя?»

«Нет... я почувствовала ветерок... одна из пуль пролетела так близко, что я почувствовала ветерок... и осколки... осколки плиток, кажется... лицо... они поранили мне лицо...»

«О, Господи, Рита, я же не знал. Я тут в темноте вообразил Бог знает что. И я потерял зажигалку... тебе надо было крикнуть... я же мог убить тебя». Внезапно он осознал ситуацию. «Я же мог убить тебя», — повторил он потрясенно.

«Я была не уверена, что это ты. Когда ты пошел к тоннелю, я зашла в дом. А потом ты вернулся и звал меня, и я почти... но я не могла... а потом, когда начался дождь, появились двое мужчин... думаю, они искали нас... или меня. Так что я оставалась там, и они ушли, но я подумала, что они ведь могли спрятаться, поджидая меня, и не осмелилась выйти до тех пор, пока не вспомнила, что может быть, ты уже на другой стороне, и я никогда не увижу тебя снова... и я... я... Ларри, ты ведь не бросишь меня, правда? Ты ведь не уйдешь?»

«Нет», — сказал он.

«Я была не права, а ты был прав. Я должна была сказать тебе, я имею ввиду туфли, я буду есть, когда ты мне скажешь... я... я...»

«Тише», — сказал он, крепко обнимая ее. «Все в порядке теперь. Все в порядке». Но мысленно он представил себе, как в панике он стрелял по ней, и подумал о том, с какой легкостью одна из пуль могла раздробить ей руку

или разворотить живот. «Мы отправимся в путь, когда ты сможешь идти. А пока приди в себя».

«Там был мужчина... я думаю, это был мужчина... я наступила на него, Ларри». Она сглотнула слюну. «А когда ты позвал... то эхо... я была не уверена, что это ты...»

«Там впереди много трупов. Ты сможешь это вынести?»

«Если ты будешь со мной. Пожалуйста... если ты будешь со мной».

«Я буду с тобой».

«Тогда пошли. Я хочу поскорее выбраться отсюда». Она судорожно прижалась к нему.

Он нащупал ее лицо и поцеловал ее, сначала в нос, потом в глаза, потом в губы.

«Спасибо», — сказал он робко, понятия не имея о том, что же он хочет этим сказать. «Спасибо. Спасибо».

«Спасибо», — повторила она. «Ой, милый мой Ларри. Ты ведь не бросишь меня, правда?»

«Нет», — сказал он. «Я не брошу тебя. Просто скажи, когда ты сможешь идти, и мы пойдем».

Когда она смогла идти, они пошли.

Они перебрались через трупы, идя в обнимку, словно двое пьяных дружков, возвращающихся домой из расположенного по соседству кабака. Потом они наткнулись на какое-то препятствие. Ничего не было видно, но ощупав предмет руками, Рита сказала, что, должно быть, это поставленная на-попа кровать. Вдвоем им удалось сбросить ее вниз через перила. Она врезалась в стоявшую внизу машину с таким громким звуком, что оба они подскочили от испуга и сжали друг друга в объятиях. За кроватью оказалось три трупа, и Ларри подумал, что это — солдаты, расстрелявшие еврейскую семью. Они перелезли через них и пошли дальше, взявшись за руки.

Через некоторое время Рита остановилась.

«В чем дело?» — спросил Ларри. «Какое-то препятствие?»

«Нет. Я вижу, Ларри! Там конец туннеля!»

Он пригляделся и понял, что и сам может теперь видеть. Свет был таким тусклым, что он не замечал его до тех пор, пока Рита не заговорила об этом. Он различал в темноте

призрачные отсветы на плитках и смутное пятно лица Риты невдалеке. Взглянув налево, он увидел мертвую реку автомобилей.

«Пошли», — сказал он в ликовании.

В шестидесяти шагах лежали новые трупы — все солдаты. Они переступили через них.

«Почему они решили закрыть Нью-Йорк?» — спросила она. «Разве что, может быть... Ларри, может быть, все это случилось только в Нью-Йорке?»

«Не думаю», — сказал он, но ощутил смутную, иррациональную надежду.

Они пошли быстрее. Выход из тоннеля был теперь прямо перед ними. Он был заблокирован двумя огромными армейскими грузовиками, поставленными нос к носу. Грузовики заслоняли дневной свет. Если бы их там не было, Ларри и Рита давно бы уже шли при свете.

Они протиснулись между грузовиками, вскарабкавшись на бамперы. Рита не смотрела по сторонам, но Ларри заглянул в кабину. Там был наполовину собранный автомат, коробки с патронами и баллоны с чем-то вроде слезоточивого газа. Также внутри было три трупа.

Когда они вышли из тоннеля, навстречу им подул влажный ветер, и его восхитительно чистый запах сделал оправданным все их кошмарное путешествие. Он сказал об этом Рите, и она кивнула в ответ и на мгновение положила голову ему на плечо.

«Но пройти снова я не согласилась бы и за миллион долларов», — сказала она.

«Через несколько лет ты будешь использовать деньги вместо туалетной бумаги», — сказал он.

«Но ты уверен...»

«Что это было не только в Нью-Йорке?» Он сделал жест рукой. «Посмотри».

На посту, где вбиралась пошлина, никого не было. За шлагбаумом ведущая на запад половина шоссе была абсолютно пуста, насколько они могли видеть, но полосы движения, ведущие на восток, в тоннель, из которого они только что вышли, были забиты мертвыми автомобилями. На разделительной линии возвышалась беспорядочная гора трупов, за которой молчаливо наблюдала стайка чаек.

«О Господи», — сказала она ослабевшим голосом.

«Столько же людей пыталось попасть в Нью-Йорк, сколько и выбраться из него. Я вообще не знаю, с чего это им вздумалось блокировать тоннель со стороны Джерси. Думаю, они и сами не знали. Просто чья-то великолепная идея, чтобы создать видимость деятельности...»

Рита сидела на дороге и плакала.

«Не плачь», — сказал он, опускаясь рядом с ней на колени. Впечатление от тоннеля было еще слишком свежим, чтобы вновь начать сердиться на нее. «Все в порядке, Рита».

«Что все?» — всхлипнула она. «Скажи мне только одно: что все?»

«Так или иначе мы выбрались. Это уже что-то. И здесь свежий воздух. Честно говоря, в Нью-Джерси никогда раньше не было такого свежего воздуха».

Он заработал вымученную улыбку. Ларри посмотрел на царапины у нее на щеке и около виска — следы осколков плитки.

«Нам надо найти аптеку и смочить твои раны перексидом», — сказал он. «Ты можешь идти?»

«Да». Она посмотрела на него с немой благодарностью, и он почувствовал себя неловко. «И я раздобуду себе новые туфли. Что-нибудь вроде спортивных тапочек. Я сделаю все, что ты мне скажешь, Ларри».

«Я накричал на тебя, потому что был не в себе», — сказал он спокойно. Он откинул назад ее волосы и поцеловал одну из царапин над правым глазом. «Я вовсе уж не такой плохой парень», — добавил он тихо.

«Просто не оставляй меня».

Он помог ей подняться на ноги и обнял за талию. Потом они пошли к заставе, оставив позади себя Нью-Йорк.

ГЛАВА 34

В центре Оганквита был небольшой парк с пушкой времен Гражданской войны и памятником погибшим. После того как умер Гус Динсмор, Фрэнни Голдсмит пошла в этот парк и, сидя на берегу пруда с утками, лениво стала бросать в него камни, наблюдая за расходившимися по воде кругами.

Позавчера она проводила Гуса в дом Хэнсона, стоявший на побережье, опасаясь того, что ему придется «уйти из жизни» (именно таким гнусным эвфемизмом обозначали смерть ее предки) в раскаленной крошечной будке на пляжной автомобильной стоянке.

Она думала, что Гус умрет тем же вечером. У него был очень сильный жар, и он бредил. Дважды он падал с кровати и даже принимался расхаживать по спальне старого мистера Хэнсона, сшибая вещи, падая на колени и снова вставая. Он кричал, обращаясь к людям, которых не было в комнате, отвечал им и наблюдал за ними с чувствами, воплощавшими собой всю гамму от радостного ликования до ужаса, до тех пор, пока Фрэнни не ощутила, что его невидимые собеседники реальны, а она сама превратилась в призрак. Она умоляла Гуса снова лечь в постель, но для Гуса она не существовала. Ей приходилось уступать ему дорогу, потому что если бы она этого не сделала, то он бы просто сшиб ее на пол и прошелся бы по ней.

Наконец он рухнул на кровать и перешел от энергичного бреда к бессознательному состоянию, которое показало Фрэн предсмертной комой. Но на следующее утро она увидела, что он сидит в постели и читает вестерн в бумажной обложке, найденный им на одной из полок. Он поблагодарил ее за то, что она о нем позаботилась, и выразил надежду, что прошлой ночью ему не довелось сказать или сделать что-нибудь неподобающее. Когда она стала утверждать, что ничего подобного не было, Гус с сомнением оглядел окружающий хаос. Она приготовила немного супа, и он съел его с аппетитом.

Фрэнни накрыла тело Гуса чистой простыней и оставила его на кровати старого Джека Хэнсона, перед окном с видом на океан. Потом она пришла в парк и стала швырять камешки в пруд, ни о чем не думая. Но подсознательно она поняла, что это уже не была та странная апатия, которая охватила ее после смерти отца. С тех пор она постепенно все больше приходила в себя. Она взяла розовый куст в цветочном магазине Натана и аккуратно посадила его на могиле Питера. Она понадеялась, что куст хорошо приживется. Ее теперешнее бездумное состояние было чем-то вроде отдыха после смерти Гуса. Оно ничем

не напоминало то преддверие безумия, в котором она находилась раньше.

Но вскоре ей надо будет подумать о том, что делать дальше, и, по-видимому, в этих мыслях будет присутствовать Гарольд Лаудер. Но не только потому, что она и Гарольд были единственными оставшимися в живых людьми в этом районе, но и потому, что она просто не могла себе представить, что случится с Гарольдом, если некому будет за ним присмотреть. Он ей по-прежнему не слишком-то нравился, но, во всяком случае, он попытался быть тактичным, и оказалось, что у него есть хоть какие-то представления о приличиях.

Гарольд оставил ее в покое с момента их встречи, состоявшейся четыре дня назад, возможно, проявив уважение к ее желанию остаться один на один со своим горем. Но время от времени она замечала «Кадиллак» Роя Брэннигана, бесцельно круживший по городским улицам. И дважды, при соответствующем направлении ветра, до окна ее спальни донеслось постукивание пишущей машинки. Сам факт того, что она могла услышать этот звук, несмотря на то, что дом Лаудеров находился почти в миле от нее, подчеркивал реальность случившегося. Она немного удивилась, что, хотя Гарольд и позаимствовал чужой «Кадиллак», он не заменил свою механическую пишущую машинку на одну из этих гудящих электрических торпед.

«Но теперь, когда электричество в городе погасло, — подумала она, вставая и оправляя шорты, — ему уже не удастся это сделать».

Где-то *должны* быть другие люди, что бы Гарольд не говорил. Если иерархия власти распалась, им просто надо найти других людей и вновь сформировать ее. Она не задумывалась над тем, почему «власть» представлялась ей такой необходимой вещью, но еще меньше беспокоил ее вопрос о том, почему она должна заботиться о Гарольде. Просто так было надо.

Она вышла из парка и медленно отправилась вниз по Главной улице в направлении дома Лаудеров. Становилось уже довольно жарко, но морской ветерок освежал воздух. Ей неожиданно захотелось пойти на пляж, найти бурую водоросль и съесть кусочек.

«Боже, как ты отвратительна», — сказала она вслух. Но, разумеется, она не была отвратительна; просто она была беременна. Вот в чем было дело. А на следующей неделе ей захочется луковых бермудских сэндвичей. С хреном.

Она остановилась на углу, в квартале от дома Лаудеров, удивляясь тому, как долго не приходила ей в голову мысль о собственном «интересном положении». Может быть, она уже просто привыкла к этому? В конце концов прошло уже почти три месяца.

В первый раз она подумала с некоторой тревогой о том, кто будет помогать ей при родах.

С задней лужайки дома Лаудеров раздавался стрекот ручной косилки. Когда Фрэн обошла дом, только абсолютное удивление помешало ей громко расхохотаться.

Гарольд в одних плавках стриг лужайку. Его белая кожа лоснилась от пота, а длинные волосы развевались (к чести Гарольда следует отметить, что они были вымыты в не слишком отдаленном прошлом). Жировые складки на талии бешено тряслись. По лодыжку его ноги позеленели от травы. Спина его покраснела — то ли от усилий, то ли от солнца.

Она слышала его тяжелое дыхание. Лезвия стрекотали. Трава летела зеленым водопадом Гарольду под ноги. Он подстриг уже почти половину лужайки. Остался только все уменьшающийся квадрат с летним домиком в центре, в котором когда-то Фрэнни и Эми устраивали свои летние «чаепития». Он повернул у подножия холма и застрекотал в обратном направлении, на мгновение скрывшись за летним домиком, а потом вновь вынырнув, склонившись над своим механизмом, как гонщик Формулы 1. Потом он заметил ее, как раз в тот самый момент, когда Фрэнни робко произнесла: «Гарольд?» Она заметила, что он был в слезах.

«Ой!» — сказал — почти взвизгнул — Гарольд. Она вырвала его из какого-то индивидуального мира, и на мгновение ей показалось, что у него сейчас будет сердечный приступ.

Потом он побежал к дому, прорываясь сквозь завалы срезанной травы, и она смутно ощутила в воздухе ее сладкий запах.

Она пошла за ним. «Гарольд, что случилось?»

Он взбежал по ступенькам крыльца. Дверь открылась, Гарольд вбежал в дом и захлопнул ее за собой. Фрэнни некоторое время помедлила, а потом подошла к двери и постучала. Ответа не последовало, но она услышала, как Гарольд плачет где-то внутри.

«Гарольд?»

Плач продолжался.

Она вошла в дом.

«Гарольд?»

Она пересекла прихожую и вошла в кухню. Гарольд сидел за столом, вцепившись руками в волосы.

«Гарольд, что случилось?»

«Убирайся!» — закричал он сквозь слезы. «Убирайся, я тебе не нравлюсь!»

«Неправда, ты мне нравишься. Ты нормальный парень, Гарольд. Может быть, не самый крутой, но вполне нормальный». Она сделала паузу. «Собственно говоря, принимая во внимание ситуацию, мне следовало бы сказать, что в целом мире ты мне нравишься больше всех».

Гарольд заплакал еще сильнее.

«У тебя есть что-нибудь попить?»

«Кул-Эйд», — сказал Гарольд, шмыгнув носом, и, все еще глядя в стол, добавил: «Он теплый».

«Ну конечно, он теплый. Ты не принес себе воды из городской колонки?» Как и во многих других маленьких городках, в Оганквите за ратушей была своя колонка, правда, за последние сорок лет она была скорее предметом старины, а не источником воды. Туристы иногда ее фотографировали. Вот колонка маленького городка на побережье, где мы провели свой летний отпуск. Разве она выглядит не забавно?

«Принес».

Она налила по стакану себе и Гарольду и присела. «Гарольд, что случилось?»

Гарольд издал странный, истерический смешок и начал пить. Осушив стакан, он поставил его на стол. «Случилось? А что могло случиться?»

«Я хочу сказать, случилось ли что-нибудь конкретное?» Она попробовала свой Кул-Эйд (прохладительный напи-

ток — *прим. перев.*) и поборола гримасу. Он был не такой уж теплый. Должно быть, Гарольд ходил за водой не так давно, но он забыл положить сахар. Он наконец-то поднял голову и посмотрел на нее. «Я хочу к маме», — сказал он просто.

«Ну, Гарольд...»

«Когда это случилось, когда она умерла, я подумал, что это не так уж плохо». Сжимая в руке свой стакан, он смотрел на нее напряженным, измученным взглядом, и это слегка пугало ее. «Я знаю, что для тебя это звучит ужасно. Но я никогда не знал, как я восприму их уход. У меня очень чувствительная душа. Вот почему меня так ненавидели эти кретины из дома ужасов, который отцы города считали нужным именовать средней школой. Я думал, что это может свести меня с ума от горя или, по меньшей мере, ввергнуть меня в протрацию на год... мое внутреннее солнце, так сказать... так сказать... а когда это случилось, моя мама... Эми... мой папа... я сказал себе, что это не так уж плохо. Я... они...» Он стукнул кулаком по столу, заставив ее содрогнуться. «Почему я не могу найти нужных слов?» — закричал он. «Я *всегда* мог выразить то, что хотел сказать! Это ведь дело писателя — уметь пользоваться языком, *так почему же я не могу выразить свои чувства?*»

«Не пытайся, Гарольд. Я знаю, что ты чувствовал».

Он удивленно уставился на нее. «Ты знаешь...?» Он покачал головой. «Нет. Ты не можешь этого знать».

«Помнишь, как ты пришел ко мне домой? И я копала могилу? Я была не в себе. Иногда я даже не могла вспомнить, чем это я занимаюсь. Так что если ты чувствуешь себя лучше, когда подстригаешь лужайку, что ж, прекрасно. Но если ты будешь заниматься этим в плавках, ты можешь получить солнечный ожог. Да ты уже получил его», — добавила она, критически оглядев его плечи. Чтобы не оказаться невежливой, она отхлебнула еще немного омерзительного Кул-Эйда.

Он утер рот. «Я никогда их особенно уж не любил», — сказал он, — но я думал, что все равно почувствуешь горе. Ну, как если мочевого пузыря полон, то чувствуешь желание помочиться. А если умирают близкие родственники, то надо испытывать скорбь».

Она кивнула.

«Моя мать всегда была занята Эми. Эми была ее другом», — повысил он голос, впадая в бессознательную и почти жалкую детскость, — а я шокировал своего отца».

Фрэн вполне могла этому поверить. Бред Лаудер был огромным, мускулистым человеком. Он работал десятником на ткацкой фабрике в Кеннебанке. Вряд ли он толком представлял себе, что ему делать с жирным, странным сынком, которого произвели на свет его чресла.

«Однажды он отвел меня в сторону, — продолжил Гарольд, — и спросил, не педик ли я. Прямо так и сказал. Я испугался и заплакал, а он ударил меня по щеке и сказал, что если я всегда буду таким неженкой, то мне лучше убраться из города. А Эми... думаю, ей было на меня наплевать. Для нее я был просто неудобством, когда она приводила домой подруг. Она относилась ко мне так, словно я был неубранной комнатой».

С усилием Фрэн допила свой Кул-Эйд.

«Поэтому когда они умерли и я ничего не почувствовал, я подумал, что ошибался. Горе — это не подергивание коленного сустава, когда по нему бьют молоточком, — сказал я себе. Но я снова был одурачен. С каждым днем мне стало не хватать их все больше и больше. В особенности мамы. Если бы я мог хотя бы взглянуть на нее... столько раз ее не оказывалось рядом, когда я хотел ее видеть... когда я нуждался в ней... она была слишком занята Эми, но никогда она не относилась ко мне плохо. Этим утром, когда я проснулся, я сказал себе: надо подстричь лужайку, и тогда ты не будешь думать об этом. Но это не помогло. И тогда я стал стричь все быстрее и быстрее... словно стремился обогнать мои мысли... наверное, тогда ты и подошла. Я выглядел сумасшедшим, а? Фрэн?»

Она наклонилась над столом и прикоснулась к его руке. «С тобой все в порядке, Гарольд. Все это совершенно естественно».

«Ты в этом уверена?» Он вновь уставился на нее широко раскрытыми, совсем детскими глазами.

«Да».

«Ты будешь со мной дружить?»

«Да».

«Слава Богу», — сказал Гарольд. «Спасибо Ему за это. Не хочешь ли ты еще Кул-Эйда?» — спросил он робко.

Она постаралась улыбнуться как можно приветливее. «Может быть, чуть-чуть позже», — сказала она.

В парке они устроили пикник: арахисовое масло и сэндвичи со студнем. Каждый выпил по большой бутылке Кока-Колы, охлажденной в пруду с утками.

«Я думаю о том, что теперь делать», сказал Гарольд. «Ты будешь доедать свой сэндвич?»

«Нет, я наелась».

За один присест Гарольд проглотил ее сэндвич. Его запоздалая скорбь не повлияла на аппетит, — отметила про себя Фрэнни, но тут же решила, что думать так нехорошо.

«Что?» — спросила она.

«Я думаю, что надо поехать в Вермонт», — сказал он неуверенно. «Ты не против поехать со мной?»

«Почему в Вермонт?»

«Там, в городке под названием Стовингтон, есть государственный центр по изучению чумы и других заразных заболеваний. Он, конечно, не такой большой, как в Атланте, но уж наверняка поближе к нам. Я подумал, что если остались еще в живых люди, работающие над этим гриппом, то многие из них должны оказаться там».

«Почему ты думаешь, что они могут остаться в живых?»

«Конечно, может быть, они и мертвы», — сказал Гарольд довольно сухо. «Но в местах вроде Стовингтона, где приходится иметь дело с заразными заболеваниями, умеют принимать меры предосторожности. И если они еще работают, то, я думаю, они ищут таких людей, как мы. У кого есть иммунитет».

«Как ты до всего этого додумался, Гарольд?» Она смотрела на него с открытым восхищением, и он покраснел от удовольствия.

«Я много читал. Ни одно из этих мест не засекречено. Ну, так что ты думаешь, Фрэн?»

Она думала, что это прекрасная идея. Эта идея отвечала ее потребности в порядке и власти. Конечно, люди из Стовингтона не могли умереть. Они доберутся туда, их

примут, обследуют и установят ту разницу, то несоответствие, которое существует между ними и другими людьми, которые заболели и умерли. Ей не пришлось в голову подумать о том, кому может понадобиться в настоящий момент вакцина.

«Я думаю, нам надо найти дорожный атлас и посмотреть, как мы можем туда добраться», — сказала она.

Лицо его вспыхнуло от радости. На мгновение ей показалось, что сейчас он поцелует ее, и в ту единственную ослепительную секунду она бы не стала возражать, но эта секунда прошла. Задним числом она была рада, что этого не произошло.

По дорожному атласу, в котором расстояния измерялись в сантиметрах, все выглядело достаточно просто.

«Сколько миль нам придется проехать?» — спросила Фрэн.

Гарольд взял линейку, измерил расстояние и сверился с масштабной шкалой.

«Ты не поверишь», — сказал он угрюмо.

«Что такое? Сто миль?»

«Больше трехсот».

«О Боже», — сказала Фрэнни. «Это разрушает мои представления о мире. Я где-то читала, что большинство штатов Новой Англии можно обойти за один день».

«Это просто такой трюк», — сказал Гарольд ученым тоном. — Действительно можно побывать в четырех штатах — Коннектикуте, Род-Айленде, Массачусетсе и Вермонте — за двадцать четыре часа, если идти правильным маршрутом, но нам это ни к чему».

«Откуда ты все это знаешь?» — спросила она удивленно.

«Книга рекордов Гиннеса», — сказал он пренебрежительно. — Собственно говоря, я подумывал о велосипедах. Или... не знаю... мотороллерах, что ли».

«Гарольд», — сказала она проникновенно, — ты гений».

Гарольд кашлянул и покраснел. Он снова выглядел польщенным. «Завтра утром мы можем на велосипедах доехать до Уэллса. Там есть фирменный магазин фирмы «Хонда»... ты умеешь водить «Хонду», Фрэн?»

«Я смогу научиться, если какое-то время мы поедem помедленнее».

«О, я думаю, было бы очень неблагоприятно ехать быстро», — сказал Гарольд очень серьезно. — Никогда не знаешь, в какой момент завернешь за поворот и наткнешься там на три разбитых машины, перегородивших дорогу».

«Но мы и не будем спешить, так ведь? Но зачем нужно ждать до завтра? Почему бы не поехать сегодня?»

«Ну, сейчас уже пошел третий час», — сказал он. «Дальше Уэллса мы не доедем, а нам ведь нужно еще экипироваться. Это будет легче сделать здесь, в Оганквите, так как тут мы знаем, где что найти. Кроме того, нам понадобится оружие».

Странно. Как только он произнес это слово, она сразу же подумала о ребенке. «Зачем нам оружие?»

Он посмотрел на нее мгновение, а потом опустил глаза. Краска заливала его шею.

«Потому что больше нет полиции и судов, а ты — женщина, к тому же — хорошенькая, и некоторые люди... некоторые мужчины... могут... повести себя не по-джентельменски. Вот зачем».

Кожа его стала почти пурпурной.

Он говорит об изнасиловании, — подумала она. *Изнасилование*. Но каким образом может кто-то захотеть изнасиловать меня. Ведь я беременна. Но ведь об этом никто не знает, даже Гарольд. И даже если ты скажешь насильнику: *Пожалуйста, не делайте этого, потому что я беременна*, то стоит ли ожидать, что он ответит: *Господи, леди, извините меня, пойду изнасилую кого-нибудь другого?*

«Хорошо», — сказала она. — Оружие. Но все равно мы можем добраться до Уэллса уже сегодня».

«У меня здесь есть еще одно дело», — сказал Гарольд.

Под крышей амбара Мозеса Ричардсона было ужасно жарко. Струйки пота стекали по ее телу, когда они добрались до сеновала, а когда они взобрались по шаткой лесенке на крышу, струйки превратились в реку, от которой потемнела ее блузка.

«Ты думаешь, это необходимо, Гарольд?»

«Я не знаю». Он нес ведро белой краски и здоровую кисть. «Но амбар видно с шоссе №1, а по нему могут проехать люди».

«Но ты ведь можешь упасть и сломать себе шею». От жары у нее разболелась голова, и Кока-Кола тошнотворно плескалась у нее в животе.

«Я не упаду», — сказал Гарольд нервно. Он взглянул на нее. «Фрэн, ты выглядишь больной».

«Это от жары», — пробормотала она.

«Ради Бога, спускайся вниз. Полежи под деревом. И посмотри на муху, которая бросит вызов смерти на отвесном десятиградусном скате крыши амбара Мозеса Ричардсона».

«Не шути. Я по-прежнему думаю, что это глупая и опасная затея».

«Возможно, но я буду чувствовать себя спокойнее, если сделаю это».

Он делает это для меня, — подумала она.

Она привстала на цыпочках и легко поцеловала его в губы. «Будь осторожен», — сказала она и быстро сбежала вниз, так что Кока-Кола заплескалась у нее в животе. Быстро, но не настолько, чтобы не успеть заметить, как в глазах у него появилось удивленное, счастливое выражение. Еще быстрее она спустилась с сеновала, так как чувствовала, что сейчас ее вырвет. Она-то знала, что дело в Кока-Коле, жаре и ребенке, но что подумает Гарольд, если услышит? Поэтому-то она и торопилась выбраться поскорее из амбара, чтобы он не услышал. И она успела. Как раз.

Гарольд спустился без четверти четыре. Теперь кожа его была ярко-красной, а руки забрызгались белой краской. Пока он работал, Фрэн дремала под вязом во дворе Ричардсона, в любой момент готовая проснуться, услышав треск дранок и отчаянный крик бедного толстого Гарольда, падающего с высоты девяноста футов навстречу жесткой земле. Но он так и не раздался — слава Богу, и теперь Гарольд стоял гордо перед ней — зеленые ноги, белые руки и красные плечи.

«Зачем ты принес назад краску?» — спросила она с любопытством.

«Я не хотел оставлять ее там. Это могло бы привести к самовозгоранию, и наша надпись пропала бы».

Вдвоем они посмотрели на крышу хлева. Свежая краска ярко сияла на фоне тускло-зеленой дранки:

УЕХАЛИ В СТОВИНГТОН, В ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕ-
НИЮ ЧУМЫ

ПО ШОССЕ №1 ДО УЭЛЛСА

ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ №95 ДО ПОРТЛЕНДА

ПО ШОССЕ №302 ДО БАРРА

ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ №89 ДО СТОВИНГТОНА

ВЫЕХАЛИ ИЗ ОГАНКВИТА 2 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР

ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

«Я не знал твоего второго имени», — сказал Гарольд извиняющимся тоном.

«Все в порядке», — сказала Фрэнни, по-прежнему глядя на надпись. Первая строчка была написана прямо под чердачным оконцем, а последняя — ее имя — прямо над дождевым желобом. «Как ты умудрился написать последнюю строчку?» — спросила она.

«Это было нетрудно», — сказал он застенчиво. — Пришлось немного поболтать ногами, вот и все».

«Ой, Гарольд. Ну почему ты не мог поставить только свою подпись?»

«Потому что мы с тобой в одной упряжке», — сказал он и посмотрел на нее с некоторым опасением. — Так ведь?»

«Конечно, да... до тех пор, пока ты не свернешь себе шею. Голоден?»

Он просиял. «Голоден, как медведь».

«Тогда пошли поедем. И я помажу твою обгорелую кожу детским кремом. Тебе надо надеть рубашку, Гарольд. Ты сегодня ночью не заснешь».

«Я буду спать крепко», — сказал он и улыбнулся ей. Фрэнни улыбнулась в ответ. На ужин они ели консервы и пили Кул-Эйд (на этот раз его делала Фрэнни и не забыла добавить сахар). Позже, когда начало темнеть, Гарольд пришел в дом Фрэнни, что-то таща подмышкой.

«Это принадлежало Эми», — сказал он. — Я нашел на чердаке. Думаю, мама и папа подарили ей эту штуку, когда

она закончила восьмой класс. Я даже не знаю, работает ли она, но я захватил несколько батареек из магазина».

Это был переносной проигрыватель с пластмассовой крышкой, созданный специально для того, чтобы девочки-подростки тринадцати или четырнадцати лет брали его с собой на пляж или на пикник.

«Что ж», — сказала она. — Давай посмотрим, работает эта штука или нет».

Проигрыватель работал. Почти четыре часа сидели они на разных концах кушетки, а переносной проигрыватель стоял между ними на кофейном столике. С зачарованной и тихой грустью они слушали музыку мертвого мира, звучащую в летней ночи.

ГЛАВА 35

Поначалу звук не вызвал у Стью никакого недоумения. Обычная составляющая часть яркого летнего утра. Он только что миновал город Саут Райгейт, штат Нью-Хемпшир, и теперь дорога вела его по очаровательной местности, поросшей вязами, нависшими над дорогой и испещрившими асфальт движущимися солнечными бликами. Снова раздался этот звук — лай собаки, самая естественная вещь на свете.

Он прошел почти милю, когда ему пришло в голову, что в этой собаке есть что-то необычное. Покинув Стовингтон, он видел много мертвых собак, но ни одной живой. Ну что ж, — предположил он, — многие, но не все люди умерли от гриппа. Ясно, что также случилось и с собаками. Возможно, теперь собака очень боится людей. Когда она учуяла его, она залезла в кусты и начала лаять, и будет лаять до тех пор, пока он не покинет ее территорию.

Он поправил рюкзак и заново свернул подложенные под лямки носовые платки. На ногах у него были Великаны Джорджии, и три дня ходьбы почти лишили их изначального лоска. На голове у него была изящная красная фетровая шляпа с широкими полями, а на плече болтался армейский карабин. Он не думал, что наткнется на мародеров, но что-то внутри подсказывало ему, что неплохо иметь при себе ружье. Может быть, пригодиться для охоты.

Правда, вчера он видел большую самку оленя, но не выстрелил в нее, приятно пораженный ее красотой.

Дорога шла вверх. Лай собаки становился все громче и громче. В конце концов, может быть, я ее увижу, — подумал Стью.

Он шел по №302 на восток, предполагая, что рано или поздно шоссе выведет его к океану. Он заключил с собой нечто вроде договора: Когда я доберусь до океана, я решу, что делать дальше. До тех пор я вообще не буду об этом думать. Он подумывал о том, чтобы раздобыть гоночный велосипед или мотоцикл, на котором он смог бы объезжать время от времени перегораживавшие дорогу разбитые машины, но потом решил идти пешком. Ходьба была для него чем-то вроде процесса выздоровления. Пошел уже четвертый день его путешествия. Он всегда любил ходить, и его тело жаждало активности. До побега из Стовингтона он просидел взаперти почти две недели, и поначалу чувствовал себя не совсем в форме. Он предполагал, что рано или поздно медлительность продвижения ему надоест, и он раздобудет себе велосипед или мотоцикл, но пока ему нравилось идти пешком на восток, глядя по сторонам и отдыхая, когда захочется. Мало-помалу безумные блуждания в поисках выхода тускнели в его памяти. Первые две ночи ему снилась последняя встреча с Элдером, который пришел привести в исполнение полученный приказ. В снах Стью всегда слишком долго медлил со стулом в руках. Элдер уклонялся от удара, нажимал на курок, и Стью чувствовал, как тяжелая, но не причиняющая боли свинцовая боксерская перчатка бьет его в грудь. Сон снился ему снова и снова, пока он не просыпался утром, не отдохнув, но безумно радуясь тому, что он жив. В последнюю ночь сон не повторился. Он не был уверен, что кошмары окончательно прекратились, но подумал о том, что постепенно яд в его организме рассасывается.

Он завернул за поворот и увидел собаку — ирландского сеттера шоколадного цвета. Он радостно залаял при виде Стью и побежал ему навстречу, бешено махая хвостом. Сеттер подпрыгнул и положил передние лапы Стью на живот. Стью пошатнулся. «Осторожней, парень», — сказал он, усмехаясь.

Собака радостно залаяла, услышав звук его голоса, и снова прыгнула на Стюю.

«Коджак!» — раздался строгий голос, и Стюю подскочил на месте и огляделся. «Иди сюда! Оставь человека в покое, а то ты порвешь ему всю рубашку! Глупый пес!»

Коджак опустил передние лапы на дорогу и стал расхаживать вокруг Стюю. Теперь Стюю заметил обладателя голоса — и, по-видимому, Коджака. Человек лет шестидесяти, в рваном свитере, изношенных серых брюках... и берете. Он сидел на вращающемся стульчике и держал в руках палитру. Мольберт с холстом стоял перед ним.

Потом он встал, положил мольберт на стульчик и направился к Стюю, протягивая ему руку. Выбившиеся из-под берета седые волосы развевались на небольшом ветру.

«Я надеюсь, вы не собираетесь пускать в ход свою винтовку, сэр. Глен Бэйтмен, к вашим услугам».

Стюю сделал шаг вперед и пожал протянутую руку. «Стююарт Редман. Не обращайтесь внимания на винтовку. Не так уж много людей мне довелось видеть за последнее время, чтобы начать палить по ним. Собственно говоря, вы первый».

«Вы любите икру?»

«Никогда не пробовал».

«Тогда самое время сделать это. А если не понравится икра, найдется много другой еды. Коджак, перестань прыгать!»

Коджак тяжело задышал, и на морде у него появилась широкая ухмылка. По собственному опыту Стюю знал, что собака, способная улыбаться, либо кусается, либо принадлежит к числу лучших собак на свете. А Коджак, похоже, не кусался.

«Приглашаю вас на ленч», — сказал Бэйтмен. — Вы первый встретившийся мне живой человек, во всяком случае, за последнюю неделю. Остановитесь у меня?»

«С удовольствием».

«Вы южанин?»

«Из Восточного Техаса».

«Стало быть, восточник», — сказал Бэйтмен и сам засмеялся над своей шуткой. Пройдя мимо картины, само-

го обычного пейзажа с изображением лесов за дорогой, он направился к оранжевому с белым переносному холодильнику на обочине. На холодильнике лежала свернутая белая скатерть для пикников.

«Когда-то она принадлежала общине баптистов в Вудсвилле», — сказал Бэйтмен, разворачивая скатерть. — Теперь она моя. Не думаю, что баптисты очень без нее страдают. Теперь они все дома, у Христа за пазухой. Во всяком случае, баптисты Вудсвилля. Коджак, не наступай на скатерть. Контролируй свое поведение — никогда не забывай об этом, Коджак. Не хотите ли перейти через дорогу и умыться, мистер Редман?»

«Зовите меня просто Стью».

«О'кей».

Они спустились с обочины и умылись холодной, чистой водой. Вниз по течению от них лакал воду Коджак. Во встрече с этим человеком было что-то приятное и правильное.

Весело лая, Коджак побежал по направлению к лесу. Он спугнул лесного фазана, и Стью видел, как тот с шумом вылетел из кустов. С некоторым удивлением Стью подумал, что, возможно, так или иначе, все будет хорошо. Так или иначе.

Икра ему не очень понравилась — вкус как у холодной заливной рыбы. Но у Бэйтмена оказались также пепперони, салями, две банки сардин, несколько слегка лежалых яблок и большая коробка прессованных плиток инжира. Прессованный инжир прекрасно действует на кишечник, — сказал Бэйтмен. Кишечник Стью не доставлял ему никаких проблем с тех пор, как он выбрался из Стовингтона и отправился в путь пешком, но прессованный инжир все равно ему понравился.

Во время еды Бэйтмен сказал Стью, что он был доцентом социологии в Вудсвилльском колледже. «Вудсвилль, — сказал он Стью, — это небольшой городок в шести милях по дороге отсюда». Жена Бэйтмена умерла шесть лет назад. Детей у них не было. Большинство коллег не желали иметь с ним дело, и желание это он искренне разделял. «Они думали, что я чокнутый», — сказал он. —

Высокая вероятность их правоты тем не менее не могла улучшить наши отношения». Эпидемию супергриппа он воспринял с подобающим хладнокровием, так как наконец-то у него появилась возможность оставить работу и рисовать целыми днями, как он всегда мечтал.

Деля десерт (торт Сары Ли) на две части и вручая Стью его половину на бумажной тарелочке, он сказал: «Я ужасный художник, ужасный. Но я просто сказал самому себе, что никто сейчас на всей земле не рисует пейзажи лучше Глендона Пеквода Бэйтмена. Дешевый эгоистический трюк, но я сам его придумал».

«Коджак и раньше был вашей собакой?»

«Нет — это было бы уж слишком удивительное совпадение, не правда ли? Я думаю, Коджак принадлежал кому-то из городских жителей. Я встретил его случайно, но так как я не знал его клички, то мне пришлось окрестить его снова. Он, похоже, не возражает. Извините меня, Стью, я на минутку».

Он перебежал трусой через дорогу, и Стью услышал плеск воды. Вскоре он появился снова, и его брючины были закатаны до колен. В каждой руке он держал по мокрой упаковке из шести банок нарангансетского пива.

«Надо было выпить за едой. Как глупо, что я забыл».

«Сейчас тоже неплохо, — сказал Стью, вытаскивая банку из упаковки. — Спасибо».

Они открыли пиво, и Бэйтмен поднял свою банку. «За нас, Стью. Пусть дни наши будут счастливыми, пусть все желания наши будут удовлетворены, и пусть наши задницы не болят или болят не сильно».

«Аминь». Они чокнулись банками и начали пить. Глотнув, Стью подумал, что никогда до этого момента вкус пива не казался ему таким приятным, и что, возможно, никогда в будущем это ощущение не повторится.

«Вы не слишком-то многословны, — сказал Бэйтмен. — Я надеюсь, что вы не думаете, будто я, так сказать, пускаюсь в пляс на могиле мира?»

«Нет», — сказал Стью.

«Я был предубежден против мира, — сказал Бэйтмен. — Я свободно это признаю. Мир в последней четверти двадцатого столетия обладал для меня по крайней мере

всем очарованием восьмидесятилетнего старика, умирающего от рака толстой кишки. Говорят, что болезнь поражает все народы запада, когда столетие — каждое столетие — подходит к концу. Мы всегда заворачиваемся в саван и начинаем расхаживать, возвещая скорый конец Иерусалима... или Кливленда, в нашем случае. Пляска святого Витта поразила Европу во второй половине пятнадцатого века. Бубонная чума — черная смерть — косила людей в конце четырнадцатого. Мы так привыкли к гриппу, — для нас ведь это обычная простуда, не так ли? — что никто уже, кроме историков, не подозревает о том, что *сто лет назад он еще не существовал*.

«На протяжении трех последних десятилетий каждого столетия появляются религиозные маньяки, которые с цифрами в руках начинают доказывать, что близится очередной Армагеддон. Такие люди, разумеется, существуют всегда, но к концу столетия их ряды начинают расти... и очень многие начинают принимать их всерьез. Появляются монстры. Гун Аттила, Чингиз Хан, Джек Потрошитель, Лиззи Борден. В наше время, если угодно, это были Чарльз Мэнсон, Ричард Спек, Тед Банди. Коллеги с еще большим воображением, чем у меня, предположили, что в конце каждого столетия Западный Человек необходимо слабительное, так чтобы он мог предстать перед следующим столетием очищенным и исполненным нового оптимизма. В данном же случае нам поставили суперклизму, и если подумать, то это выглядит совершенно разумно. В конце концов, мы приближаемся не только к концу века, но и к концу тысячелетия».

Бэйтмен выдержал паузу.

«Похоже, я все-таки пустился в пляс на могиле мира. Еще пива?»

Стью взял еще одну банку и подумал о том, что сказал Бэйтмен.

«Это еще не конец, — сказал он после паузы. — Во всяком случае, мне так не кажется. Просто... переменка между уроками».

«Довольно точно. Хорошо сказано. Если вы не возражаете, я, пожалуй, вернусь к своей картине».

«Валяйте».

«Вы видели других собак?» — спросил Бэйтмен в тот момент, когда на дороге возник радостно скачущий Коджак.

«Нет».

«И я не видел. Одного человека я все-таки увидел, но Коджак, похоже, единственный представитель своего вида».

«Раз жив он, то должны быть и другие».

«Не очень-то научное утверждение, — добродушно сказал Бэйтмен. — Покажите мне вторую собаку, предпочтительнее суку, и я поверю, что где-то бегают еще и третья. Но выводить из факта существования одной собаки тот факт, что существует вторая, едва ли справедливо».

«Я видел коров», — произнес Стью задумчиво.

«Коровы — да, и еще олени. Но лошади все подошли».

«Это правда», — согласился Стью. По пути он видел несколько лошадиных трупов. «Но почему это так?»

«Ни малейшего представления. Все мы дышим примерно одинаковым способом. А это, похоже, прежде всего заболевание дыхательных путей. Но нет ли здесь какого-нибудь другого фактора? Люди, собаки и лошади заболевают. Коровы и олени — нет. Крысы, похоже, исчезли ненадолго, но сейчас появились снова». Бэйтмен яростно смешивал краски на палитре. «Повсюду кошки, прямо чума, и насколько я могу видеть, жизнь насекомых ни в чем не изменилась. Конечно, небольшие промахи человечества редко оказывают на них влияние, да и комар, заболевший гриппом, — слишком уж нелепо звучит. Ни в чем не просматривается явной закономерности. Это какое-то безумие».

«Разумеется», — сказал Стью, открывая следующую банку. Голова его приятно гудела.

«Мы наблюдаем интересные сдвиги в экологии», — сказал Бэйтмен. Он совершал ужасную ошибку, пытаясь вписать Коджака в картину. «Остатки человечества, возможно, и сумеют наладить процесс воспроизведения, но найдет ли Коджак себе подружку? Станет ли он когда-нибудь гордым папашей?»

«Бог мой, может быть, и нет».

Бэйтмен встал, положил палитру на стул и взял новую банку пива. «Может быть, вы и правы, — сказал он. —

Наверное, где-то остались другие люди, другие собаки, другие лошади. Может быть, среди этих уцелевших особей есть и беременные. Возможно, в Соединенных Штатах найдутся дюжины женщин, которые прямо сейчас занимаются любовью. Но некоторые животные вполне могут окончательно исчезнуть. Если вычесть из равенства собак, олени — похоже, не обладающие восприимчивостью к болезни — одичают. Разумеется, не хватит людей для того, чтобы истреблять лишнее поголовье. На несколько лет охотничий сезон будет отменен».

«Ну, лишнее поголовье просто будет голодать», — сказал Стью.

«Нет, не будет. Не все, далеко не все. Во всяком случае, не здесь. Не знаю уж, что произойдет в Восточном Техасе, но в Новой Англии много садов и огородов. В течение лет семи здесь не будет ни одного голодающего оленя. Если через несколько лет вы окажетесь в этих местах, Стью, то для того чтобы пробраться к дороге, вам придется отпихивать оленей локтями».

Стью поразмыслил и, наконец, спросил: «А вы не преувеличиваете?»

«Не думаю. Конечно, может быть, я забыл какой-то самый существенный фактор, но, честно говоря, мне так не кажется. Так что давайте возьмем мою гипотезу о влиянии полного или почти полного уничтожения собак на популяцию оленей и распространим ее на взаимоотношения других видов. Огромное число кошек. Что это значит? Ну, я уже говорил, что на какое-то время крысы исчезли, но сейчас они вернулись. Но если число кошек будет неконтролируемо возрастать, ситуация может снова измениться. Мир без кошек — звучит поначалу неплохо, но кто знает».

«Как вы думаете, сможет ли человечество выжить?»

«Существует две возможности, — сказал Бэйтмен, — способные ему в этом воспрепятствовать. Во всяком случае, в настоящий момент я вижу только две. Первая заключается в том, что у детей может не быть иммунитета».

«Вы хотите сказать, что они умрут, как только родятся на свет?»

«Да, а может быть, даже раньше. Менее вероятно, но все же возможно, что супергрипп подействовал на оставшихся в живых стерилизующим образом».

«Но это безумно», — сказал Стью.

«Как свинка», — сухо ответил Глен Бэйтмен.

«Но если женщины, ожидающие ребенка, обладают иммунитетом...»

«Да, в некоторых случаях иммунитет, как, впрочем, и заразное заболевание, может передаваться от матери к ребенку. Но не во всех. На это нельзя рассчитывать. Будущее этих детей очень неопределенно. Конечно, их матери обладают иммунитетом, но статистическая вероятность говорит в пользу того, что их отцы заболели и умерли».

«Какова другая возможность?»

«Мы можем сами завершить дело уничтожения человеческого рода, — спокойно сказал Бэйтмен. — Я действительно думаю, что это *очень* вероятный вариант. Не сейчас, разумеется, потому что мы слишком рассеяны по поверхности земли. Но человек — это стадное, социальное животное, и в конце концов мы соберемся вместе. Когда мы соберемся вместе, мы сможем рассказывать друг другу истории о том, как мы пережили великую эпидемию 1990 года. Большинство сформировавшихся обществ будут представлять собой примитивные диктатуры, возглавляемые маленькими Цезарями. Несколько будут представлять собой просвещенные, демократические общества, и я могу сказать точно, что будет необходимым условием возникновения таких обществ и девяностых годах и в самом начале двадцать первого века: это будут общества технически грамотных людей, способных снова включить свет. Это вполне возможно, и без особых проблем. Это ведь не ядерная война, в которой все уничтожается. Вся техника до сих пор стоит на своих местах и ждет людей — нужных людей — которые знают, как зачистить контакты и заменить несколько перегоревших предохранителей. Вопрос в том, какой процент оставшихся в живых понимают, как устроена техника, которую остальные могут только погреть».

Стью отхлебнул еще пива. «Вы так думаете?»

«Разумеется». Бэйтмен в свою очередь сделал глоток из банки, а потом подался вперед и мрачно улыбнулся Стью. «А теперь, мистер Стюарт Редман из Восточного Техаса, позвольте вам вкратце обрисовать такую гипотетическую ситуацию. Предположим, существуют Сообщество А в Бостоне и Сообщество Б в Утике. Они знают о существовании друг друга и об условиях жизни в чужом сообществе. Сообщество А процветает, так как в числе его членов оказался электрик. Этот парень знал ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы снова запустить местную электростанцию. Надо только представлять себе, на какие кнопки нужно нажать, чтобы вывести станцию из режима автоматического отключения. После того, как станция снова заработает, она будет продолжать действовать также почти в автоматическом режиме. Электрик сможет научить других членов Сообщества А, за какие рычаги дергать и на какие стрелки смотреть. Станция работает на нефти, а ее вокруг предостаточно. Так что в Бостоне полный рай. Есть отопление, чтобы бороться с холодом, есть свет, чтобы читать по вечерам, есть холодильник, чтобы пить свой скотч со льдом, как цивилизованный человек. Жизнь почти идиллическая. Нет загрязнения окружающей среды. Нет проблемы наркотиков. Нет расовой проблемы. Нет ни в чем недостатка. Не существует проблемы денег или бартера, потому что вокруг достаточно любых товаров, чтобы их хватило резко уменьшившемуся обществу на три столетия вперед. Здесь не будет диктатуры. Такие условия диктатуры, как нужда, нехватка, неуверенность, просто не будут существовать. Возможно, Бостоном снова будет управлять городское собрание.

«Но вспомним о Сообществе Б в Утике. Там нет никого, кто мог бы запустить электростанцию. Все технари умерли. И им понадобится слишком много времени, чтобы самим во всем разобраться. А пока они мерзнут по ночам (а впереди — зима), они едят консервы, они несчастны. К власти приходит сильная личность. Они рады приветствовать его, потому что они сбиты с толку, замерзли и больны. Пусть он принимает решение. Разумеется, он так и делает. Он посылает кого-нибудь в Бостон с просьбой. Не пришлют ли они кого-нибудь в Утику, кто мог бы запустить

электростанцию? Другой вариант для них — долгое и опасное путешествие на юг. Ну и что предпринимает Сообщество А, получив такое послание?»

«Посылают своего парня?» — спросил Стю.

«Клянусь мошонкой Иисуса Христа, *нет!* Возможно, и даже весьма вероятно, что его удержат против воли. В мире после эпидемии технические знания заменят золото в роли идеального обменного эквивалента. Ну и что предпринимает Сообщество Б?

«Думаю, они пойдут на юг», — сказал Стю и затем усмехнулся. «Может быть. А может быть, они будут угрожать бостонцам ядерной боеголовкой».

«Правильно, — сказал Стю. — Запустить электростанцию они не смогут, но смогут запустить ядерную ракету».

«На их месте, — сказал Бэйтмен, — я бы даже не стал возиться с ракетой, а просто попробовал бы отсоединить боеголовку и привезти ее в Бостон на автофургоне. Как вы думаете, получилось бы?»

«Черт меня побери, если я знаю».

«Ну а если даже и не получилось бы, то ведь вокруг — горы обычного оружия, которое ждет, чтобы его подобрали и пустили в дело. А если специалисты окажутся в обоих сообществах, то они могут затеять ядерный конфликт из-за религии, территориальных претензий или какого-нибудь ничтожного идеологического расхождения. Вы только подумайте, вместо шести или семи ядерных держав мира у нас может появиться шестьдесят или семьдесят прямо здесь, в центральных районах США. Если бы ситуация была иной, то могла бы начаться война с использованием камней и палиц. Но ситуация такова, что армия исчезла и оставили на земле все свои игрушки. Тяжело об этом думать, особенно после всего того, что уже успело произойти... но я боюсь, что в этом нет ничего невозможного».

Воцарилось молчание. Далеко в лесах лаял Коджак. День начинал клониться к вечеру.

«Знаете что, — сказал наконец Бэйтмен, — по основе я оптимист. Может быть потому, что у меня низкий порог удовлетворяемости. По этой причине меня здесь терпеть не могли. У меня есть свои недостатки: я слишком много

говорю, я — ужасный художник и ужасно легко транжирю деньги. Мне часто приходилось за три дня до зарплаты переходить на диету из сэндвичей с арахисовым маслом, и я приобрел печальную славу в Вудсвилле благодаря тому, что через неделю закрывал открытые мною в банке счета для сбережений. Но я никогда не позволял себе падать духом из-за этого, Стью. Эксцентричный оптимист — это обо мне. Единственное проклятие моей жизни — это сны. С детства меня осаждают удивительно явственные сны. Многие из них были кошмарными. Когда я был мальчиком, это были спрятавшиеся под мостами тролли, которые выскакивали и хватали меня за ногу, или ведьма, превращавшая меня в птицу... я открывал рот, чтобы закричать, но оттуда вырывалось только карканье. Вам когда-нибудь снились кошмары, Стью?»

«Иногда», — сказал Стью, вспоминая о том, как Элдер, пошатываясь, идет за ним в его снах, и о коридорах, которые никогда не кончаются, но лишь замыкаются сами на себя.

«Тогда вы поймете меня. Когда я был тинэйджером, мне снился определенный процент эротических сновидений, как «мокрых», так и «сухих», но иногда среди них попадались сны, в которых девушка, с которой я был, превращалась в жабу, змею или даже разлагающийся труп. Когда я стал старше, мне начали сниться сны о неудачах, распаде, самоубийстве, сны о кошмарных несчастных случаях, приводивших к смерти. Чаще всего мне снилось, как меня медленно раздавливает в лепешку подъемник на заправочной станции. Все это, наверное, лишь вариации на тему сна о тролле. Но я верю в то, что такие сны играют роль обычного психологического рвотного, и люди, которым они снятся, скорее благословенны, чем прокляты».

«Когда это сниться, то не накапливается внутри».

«Совершенно верно, Существует столько гипотез о роли снов, и гипотеза Фрейда пользуется наибольшей, но несколько скандальной известностью, но я всегда считал, что они выполняют обычную гигиеническую функцию, и не более того. Сны отражают потребность души в регулярной разгрузке. И люди, которые не видят снов — или не могут вспомнить их, когда проснутся — страдают своего рода

умственным запором. В конце концов единственная практическая компенсация за приснившийся кошмар — это то чувство, которое мы испытываем, когда просыпаемся и понимаем, что это был только сон».

Стью улыбнулся.

«Но недавно мне стал сниться чрезвычайно отвратительный сон. Он не похож ни на один из прежде виденных мною снов, но каким-то непостижимым образом он напоминает их все. Как будто... Как будто это *сумма* всех кошмарных снов. Когда я просыпаюсь, у меня появляется нехорошее чувство, что это был вовсе не сон, а скорее видение. Я знаю, что звучит это все, наверное, как бред сумасшедшего».

«О чем он?»

«О человеке», — тихо сказал Бэйтмен. «Во всяком случае, я думаю, что это человек. Он стоит то ли на крыше небоскреба, то ли на утесе. Но чем бы ни была эта штука, она такая высокая, что подножье ее тонет в тумане. Ближится закат, но он смотрит в другую сторону — на восток. Иногда на нем надеты синие джинсы и куртка из грубой хлопчатобумажной ткани, но чаще на нем бывает ряса с капюшоном. Мне никогда не удастся увидеть его лицо, но я вижу его глаза. Они красного цвета. И у меня такое чувство, что он ищет *меня* — и что рано или поздно он меня найдет или я сам буду вынужден пойти к нему... и это будет моя смерть. Тогда я попытаюсь закричать и...» Он запнулся, недоуменно пожав плечами.

«И в этот момент вы просыпаетесь?»

«Да». Они посмотрели на бегущего назад Коджака.

«Ну, наверное, это просто сон», — сказал Бэйтмен. «Если меня подвергнуть психоанализу, то в результатах, думаю, будет записано, что этот сон является выражением моего подсознательного страха перед лидером или лидерами, которые придут и попытаются начать все с начала. А может быть, страх перед техникой вообще. Потому что я верю, что во главу угла всех новых обществ, во всяком случае, западных, будет поставлена техника. Жаль, конечно, и лучше бы этого не было, но так *будет*, потому что мы — на крючке. Они не вспомнят — или не захотят вспомнить — о загрязненных реках, дыре в озоновом слое,

атомной бомбе, испорченной атмосфере. Они смогут вспомнить только то, что когда-то без особых усилий с их стороны они могли проводить ночи в тепле. Вы видите, что в довершение всего я еще и луддит. Но этот сон... он преследует меня, Стью».

Стью ничего не ответил.

«Ну ладно, пора домой», — отрывисто произнес Бэйтмен. Он отошел за кусты и вернулся с тележкой.

«Вы прикатали ее сюда из дома?» — спросил Стью.

«Я качу ее до тех пор, пока не увижу что-нибудь, достойное моей кисти. В разные дни я выбираю разные маршруты. Это хорошее физическое упражнение. Если вы идете на восток, то почему бы вам не прогуляться со мной до Вудсвилля и провести ночь у меня дома? Мы можем катить тележку по очереди, а в реке у меня осталась еще одна упаковка пива. Так будет веселее идти».

«Предложение принимается», — сказал Стью

«Отлично. Возможно, всю дорогу я буду болтать. Когда я вам надоем, просто скажите мне, чтобы я заткнулся. Я не обижусь».

«Мне нравится слушать», — сказал Стью.

«Тогда вы — один из Божьих избранников. Пошли».

Они отправились по шоссе №302. Пока один из них катил тележку, другой попивал пиво. Бэйтмен говорил безостановочно, перескакивая с одной темы на другую и почти не делая при этом пауз. Коджак трусил рядом. Какое-то время Стью слушал, потом его ум отдавался своим собственным мыслям, а потом снова сосредоточивался на словах Бэйтмена. Его беспокоила нарисованная Бэйтменом картина сотен крошечных колоний, возникших в стране, где смертоносные вооружения рассыпаны повсюду, как детали от детского конструктора. Но странным образом ум его постоянно возвращался к сну Глена Бэйтмена — к человеку без лица на вершине высокого здания или утеса, к человеку с красными глазами, повернувшегося спиной к заходящему солнцу и без усталости глядящему на восток.

Он проснулся незадолго до полуночи, весь в поту, опасаясь, что мог кричать во сне. Но дыхание Глена

Бэйтмена в соседней комнате было медленным и спокойным, и Стью мог видеть Коджака в прихожей, спящего, положив голову на лапы. Луна светила сюрреалистически ярко.

Проснувшись, Стью приподнялся на локтях, а теперь он вновь опустился на влажную простыню, не желая вспоминать свой сон, но не в силах этого избежать.

Он снова был в Стовингтоне. Элдер был мертв. Все были мертвы. Это была гулкая могила. Он был единственным оставшимся в живых и не мог найти выход. Сначала он попытался обуздать овладевшую им панику. *Надо идти, нельзя бежать*, — повторял он себе снова и снова, но вскоре он вынужден был пуститься бегом. Он бежал все быстрее и быстрее, и им овладевало непреодолимое желание оглянуться и убедиться в том, что его преследует одно лишь эхо.

Мимо него мелькали оранжевые надписи: РАДИОЛОГИЯ, КОРИДОР Б К ЛАБОРАТОРИЯМ и ВХОД РАЗРЕШЕН ТОЛЬКО ДЛЯ ИМЕЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ. Потом он оказался в другой части здания, где он никогда не был. Краска на стенах отслаивалась. Некоторые лампы перегорели, а другие гудели, как застрявшие в сетке мухи. Некоторые матовые дверные стекла были разбиты, и сквозь звездообразные дыры он мог видеть тела, искореженные от боли. Там была кровь. Эти люди умерли не то гриппа, они были убиты. На их телах были колотые и огнестрельные раны, нанесенные тупыми предметами. Глаза их вылезли из орбит и смотрели на Стью.

По неподвижному эскалатору он сбежал вниз и оказался в длинном и темном выложенном плиткой коридоре. В конце его снова стали попадаться двери, но теперь они были выкрашены в черный цвет. Стрелки были ярко-красными. Надписи гласили: ПРОХОД К ХРАНИЛИЩУ КОБАЛЬТА, ЛАЗЕРНЫЙ АРСЕНАЛ, РАКЕТЫ БОКОВОГО УДАРА, ЧУМНАЯ КОМНАТА. Потом, всхлипнув от облегчения, Стью увидел стрелку с единственным благословенным словом над ней: ВЫХОД.

Он завернул за угол и оказался перед открытой дверью. За ней была сладкая, нежная ночь. Он бросился к двери,

но путь ему преградил человек в джинсах и грубой хлопчатобумажной куртке. Стью замер и крик застрял у него в глотке, словно кусок ржавого железа. Когда на человека упал отсвет мигающих ламп, Стью увидел, что вместо лица у него — только холодная черная пустота, пронзенная взглядом бездушных красных глаз. Бездушных, но насмешливых. В них было какое-то пляшущее безумное ликование.

Человек вытянул руки, и Стью увидел, что с них капает кровь. «Небо и земля», — раздалось из той черной дыры, где должен был быть его рот. «Все небо и вся земля».

Стью проснулся.

Коджак постанывал и тихо скулил в прихожей. Лапы его подергивались, и Стью пришло в голову, что даже собаки могут видеть сны. Такая естественная вещь — сон, пусть даже иногда и кошмарный.

Заснуть ему удалось не скоро.

ГЛАВА 36

Ллойд Хенрид стоял на коленях. Он хихикал и напевал песенку. То и дело он забывал, что он напевает, усмешка таяла на его лице, и он начинал плакать, но потом он забывал о том, что плачет, и снова начинал напевать. Он напевал песенку под названием «Загородные скачки». То и дело, вместо песенки и плача, он тихо шептал: «Ду-ба, ду-ба». Единственным звуком в камере, помимо песенки, плача и «ду-бы, ду-бы», было позвякивание ножки от койки в руках у Ллойда. Он пытался развернуть тело Траска, чтобы добраться до ноги. Пожалуйста, официант, принесите мне еще капустного салата и еще одну ногу.

Ллойд выглядел как человек, севший на самую суровую диету. Его арестантская одежда болталась на нем, как обвисший парус. Последний раз ему принесли ленч восемь дней назад. Кожа Ллойда прочно прилипла к черепу, обрисовав каждый изгиб и выступ. Глаза его сверкали. Губы обвисли и обнажили ряды зубов. Волосы его стали вылезать целыми прядями. Вид у него был абсолютно сумасшедший.

«Ду-ба, ду-ба», — прошептал Ллойд, орудуя ножкой от койки. Когда-то он не знал, зачем ему понадобилось калечить пальцы, чтобы отвернуть эту проклятую штуку. Когда-то он думал, что знает, что такое настоящий голод. Но тот голод в сравнении с этим оказался всего лишь легким позывом к еде.

«Скачи всю ночь... Скачи весь день... ду-ба...»

Ножка зацепилась за штанину Траска, но ненадолго. Ллойд положил голову на пол и заплакал, как ребенок. Позади него в углу лежал скелет крысы, которую он убил в камере Траска пять дней назад, двадцать девятого июня. Длинный розовый хвост по-прежнему остался на том же месте. Ллойд несколько раз пытался съесть его, но это оказалось ему не под силу. Почти вся вода в унитазе была выпита. В камере воняло мочой, так как Траск мочился в коридор, не желая расходовать небольшой запас воды. Облегчать свой кишечник — и это было вполне понятно исходя из его теперешней диеты — ему не приходилось.

Он съел весь свой запас еды. Слишком быстро. Теперь он это понимал. Он ведь думал, что кто-то придет. Он не мог поверить.

Ему не хотелось есть Траска. Сама мысль об этом была ужасна. Прошлым вечером ему удалось поймать таракана и съесть его живьем. Прежде чем он перекусил его пополам, он успел почувствовать, как таракан заметался у него во рту. В сущности, это было не так уж плохо, куда вкуснее, чем есть крысу. Нет, Траска ему есть не хотелось. Он не хотел превращаться в каннибала. Это было вроде крысы. Он подтащит Траска поближе... но просто на всякий случай. На всякий случай. Он слышал о том, что человек долгое время может обходиться без еды, если у него есть вода.

(воды не так уж и много, но я не буду об этом думать, не сейчас, только не сейчас)

Он не хотел умирать. Он не хотел голодать. Он был исполнен ярости.

Ярость его росла наравне с чувством голода. Он подумал, что если бы его кролик был способен мыслить, он точно также возненавидел бы его (он много спал теперь, и во сне его всегда преследовал кролик, с распухшим

тельцем, с побитым мехом, с личинками в пустых глазницах и, самое ужасное, с окровавленными лапками: просыпаясь, он заворожено смотрел на свои собственные пальцы). Ненависть Ллойда концентрировалась вокруг одного простого образа, и этим образом был КЛЮЧ.

Он был заперт. Когда-то ему казалось, что это справедливо. Он был одним из несимпатичных парней. Не совсем уж несимпатичный, конечно, в отличие от Поука. Без Поука он оказался бы способен разве что на мелкое хулиганство. Но все-таки и на нем лежала частичная ответственность. Ему казалось, что он действительно заслужил небольшой срок. Нельзя сказать, что он сам просился в тюрьму, но когда тебя берут на месте преступления, то приходится смириться. Он сказал адвокату, что заслужил двадцать лет за соучастие в убийстве. Но уж никак не электрический стул, это уж точно. Мысль о том, что Ллойда Хенрида можно усадить верхом на молнию была... просто безумной.

Но у них был КЛЮЧ, вот в чем все дело. Они могли запереть тебя и делать с тобой все, что им заблагорассудится.

За последние три дня Ллойд стал смутно понимать символическую, волшебную силу КЛЮЧА. КЛЮЧ был наградой за то, что ты играешь по правилам. Если ты нарушаешь правила, то тебя могут запереть. КЛЮЧ означал обладание некоторыми правами. Они могут отнять у тебя десять лет жизни, или двадцать, или сорок. Они даже могут усадить тебя на электрический стул.

Но даже КЛЮЧ не давал им права уйти и обречь тебя на голод. Он не давал им права заставлять тебя есть дохлую крысу и паклю из матраса. Он не давал им права оставлять тебя в таком месте, где, для того чтобы выжить, тебе вполне возможно придется съесть человека из соседней камеры (если, конечно, тебе удастся до него дотянуться, вот какая штука — ду-ба, ду-ба).

Есть какие-то вещи, которые просто нельзя делать. Есть какая-то граница тех прав, которые дает вам КЛЮЧ. Они обрекли его на ужасную смерть, хотя вполне могли выпустить его. Он не был бешеной собакой, готовой прикончить первого же встречного, чтобы о нем ни писали газеты. До

встречи с Поуком он был способен разве что на мелкое хулиганство.

Он ненавидел, и ненависть приказывала ему бороться за жизнь. Какое-то время ему казалось, что ненависть и борьба за жизнь бессмысленны, так как все те, у кого был КЛЮЧ, умерли от гриппа. Он уже не мог им отомстить. Потом понемногу, по мере того, как рос его голод, он начал понимать, что *их* грипп убить не мог. Он мог убить неудачников, вроде него, но не охранников, у которых был КЛЮЧ. Охранник, который сказал, что начальник тюрьмы болен, был отъявленным лжецом. Грипп не может убить офицеров, заседающих в комиссиях по досрочному освобождению, шерифов или агентов ФБР. Грипп не причинит вреда тем, у кого есть КЛЮЧ. Он просто не осмелится. Осмелится Ллойд. Если он проживет достаточно долго, чтобы выбраться отсюда, он им всем покажет.

Ножка снова зацепилась за штанину Траска.

«Ну же», — прошептал Ллойд. «Давай. Иди сюда...»

Тело Траска медленно скользило по полу камеры. Ни один рыбак никогда не подсекал рыбу с такой осторожностью, с которой Ллойд тащил Траска. Вскоре его нога оказалась в пределах досягаемости Ллойда... если, конечно, Ллойд захочет ее достичь.

«У меня нет к тебе личной неприязни», — прошептал он Траску. Он дотронулся до его ноги. Он погладил ее. «Никакой личной неприязни. Я не собираюсь есть тебя, старина. Разве что мне придется это сделать».

Он не подозревал о том, что во рту у него выделилась обильная слюна.

В пепельном свете сумерек Ллойд расслышал какой-то звук, но сначала он был таким тихим и странным — позвякивание металла о металл — что он посчитал его плодом своего воображения.

Но потом раздался голос, и он подскочил на своей койке. Глаза на его истощенном лице широко раскрылись и заблестели. Голос плыл по коридорам административного крыла, потом по лестничным пролетам в коридоры, соединяющие помещения для свиданий с центральным отде-

лением, где находился Ллойд, и наконец достигал ушей Ллойда:

«Ээээээээээээй! Есть кто-нибудь дома?»

Как ни странно, первой в голову Ллойда пришла следующая мысль: *«Не отвечай. Может быть, он уйдет.»*

«Есть кто-нибудь дома? Считаю до трех: раз, два?.. О'кей, я пойду дальше, отрясая пыль Феникса с моих ног...»

В этот момент Ллойд очнулся. Он вскочил с койки, схватил ножку и принялся лупить ей по решетке камеры.

«Нет!» — закричал он. «Нет! Не уходите! Пожалуйста, не уходите!»

Голос, раздававшийся теперь значительно ближе, с лестницы, соединявшей административное крыло с камерами, прокомментировал: «Мы готовы тебя скушать, мы тебя так любим... ой-ой-ой... похоже, кто-то очень... проголодался». Последовало ленивое хихиканье.

Ллойд бросил на пол ножку от койки и схватился обеими руками за прутья решетки. Теперь он мог слышать шаги. Ему хотелось расплакаться от облегчения... в конце концов, он спасен... но в сердце у него вместо радости был страх, растущий ужас, заставивший его пожалеть о том, что он не промолчал. Промолчать? Господи! Что может быть хуже голода?

Мысль о голоде заставила его вспомнить о Траске. Траск раскинулся на спине, и одна из его ног торчала сквозь решетку камеры Ллойда. Область голени — ее самая мясистая часть — претерпела значительные изменения. На ней были следы зубов. Ллойд знал, кому принадлежали эти зубы, но почти не помнил о том, как это произошло. Чувства отвращения, вины и ужаса преисполнили его. Бросившись к Траску, он быстро спустил штанину на полусъеденной ноге и выпихнул ее за пределы своей камеры, опасаясь, как бы обладатель голоса не застал его за этим.

Разумеется, торопиться не было причин, потому что решетчатые ворота у входа в арестантское отделение были закрыты, а так как электричество вырублено, кнопка не сработает. Его освободителю придется вернуться и отыскать КЛЮЧ. Ему придется

Ллойд вздрогнул, услышав, как заработал электромотор, приводящий в движение ворота.

Разобравшись с Траском, Ллойд вернулся к двери своей камеры. Услышав приближающиеся шаги, он невольно сделал два шага назад. Он бросил взгляд на пол коридора и увидел пару ковбойских остроносых ботинок с заостренными носами и сбитыми каблуками. Первая его мысль была о том, что у Поука были такие же ботинки.

Ботинки остановились напротив камеры.

Взгляд Ллойда медленно пополз вверх, скользя по потертым джинсам, кожаному ремню с медной пряжкой (на ней были выбиты различные астрологические знаки в паре концентрических кругов), джинсовой куртке с двумя большими пуговицами на нагрудных карманах — на одной было изображено улыбающееся лицо, на другой — труп свиньи и слова: КАК ВАМ ПРАВИТСЯ СВИНИНА?

В тот самый момент, когда взгляд Ллойда неохотно поднялся до темного лица Рэнделла Флегга, тот закричал: «Ууу!» Звук разнесся по мертвому арестантскому отделению и вернулся вместе с эхом. Ллойд взвизгнул, отшатнулся, упал и заплакал.

«Все в порядке», — утешил его Флегг. «Все в порядке, парень. В полном порядке».

«Не могли бы вы меня выпустить?» — всхлипнул Ллойд. «Пожалуйста, выпустите меня. Я не хочу, чтобы со мной случилось то же, что и с кроликом, я не хочу этого, это несправедливо, если бы не Поук, я не смог бы натворить ничего, кроме мелкого хулиганства, пожалуйста, выпустите меня, мистер, я сделаю все, что угодно».

«Бедный парень. Ты похож на рекламный плакат летнего отдыха в Дахау».

Несмотря на сочувственный тон Флегга, Ллойд не мог решиться снова поднять глаза. Если он снова посмотрит ему в лицо, он умрет. Это лицо дьявола.

«Пожалуйста», — канючил Ллойд. «Пожалуйста, выпустите меня, я голодаю».

«Как давно тебя заперли в этой консервной банке, паренек?»

«Не знаю», — ответил Ллойд, утирая слезы. «Давно».

«Почему же ты до сих пор не умер?»

«Я понял, что происходит», — сказал Ллойд, обращаясь к ногам в потертых джинсах. «Я сэкономил еду и сделал себе небольшой запас».

«Случайно не откусил кусочек от этого славного парня в соседней камере, а?»

«Что?» — возопил Ллойд. «Что? Нет! Клянусь Христом Богом! За кого вы меня принимаете? Мистер, мистер, пожалуйста...»

«Его левая нога немного тоньше, чем правая. Вот я и спросил, дружок».

«Я ничего не знаю об этом», — прошептал Ллойд. Он весь дрожал.

«Ну, а что ты скажешь насчет крысы? Какой у нее был вкус?»

Ллойд закрыл лицо руками и ничего не ответил.

«Как тебя зовут?»

Ллойд попытался ответить, но из глотки его вырвался только жалобный стон.

«Как тебя зовут, солдат?»

«Ллойд Хенрид». Он попытался придумать, что бы еще сказать, но в голове была какая-то каша. Он испугался, когда адвокат сказал ему, что он может попасть на электрический стул, но не *так*, как сейчас. Никогда за всю свою жизнь он не был *так* испуган. «Это все Поук!» — закричал он. «Это ему надо было здесь сидеть, а не мне!»

«Посмотри на меня, Ллойд».

«Нет», — прошептал Ллойд.

«Почему нет?»

«Потому что...»

«Продолжай».

«Потому что я не верю, что вы существуете», — прошептал Ллойд. «А если вы существуете... мистер, если вы существуете, то вы — дьявол».

«Посмотри на меня, Ллойд».

Ллойд беспомощно поднял взгляд на темное, усмехающееся лицо, парившее в пролете между прутьями. Флегг что-то держал в поднятой правой руке. Это было что-то вроде черного камня, в центре которого пролегалла ярко-красная щель. Ллойд у нее оказалась ужасным глазом, приоткрытым и кровавым, пристально уставившимся на

него. Потом Флегг слегка повернул камень, и красная щель в нем стала похожа... на ключ. Флегг вертел его в пальцах так и сяк. То это был глаз, то ключ.

Глаз, ключ.

Он пропел: «Она принесла мне кофе... она принесла мне чай... кроме самого главного... кроме ключа. Так, Ллойд?»

«Так», — ответил Ллойд хрипло, не отрывая глаз от черного камешка.

«Теперь-то ты можешь оценить, какую ценность представляет собой нужный ключ», — сказал человек. «Я абсолютно в этом уверен. Потому что ключ нужен для того, чтобы открывать им двери. Существует ли что-нибудь важнее этого, Ллойд?»

«Мистер, я ужасно голоден...»

«Конечно, ты голоден», — сказал человек. На лице его появилось выражение сочувствия — настолько всеобъемлющее, что оно стало гротескным. «Боже мой, крыса создана не для того, чтобы ее есть! Знаешь, что у меня было сегодня на ленч? Симпатичный ростбиф на венской булке, посыпанный кольцами лука и обильно политый горчицей. Звучит неплохо?»

Ллойд кивнул.

«Немного копченой рыбы, какао, а на десерт... Господи, да я ведь *мучаю* тебя, правда? За это меня следовало бы выпороть. Извини. Сейчас я тебя выпущу и мы пойдем что-нибудь поедим, о'кей?»

Ллойд даже не в силах был кивнуть. Черный камень в очередной раз исчез в кулаке незнакомца, а когда Ллойд вновь посмотрел ему на руку, то увидел у него на ладони блестящий плоский ключ.

«*Боже мой!*» — возопил Ллойд.

«Нравится?» — спросил темный человек довольным голосом. «Я научился этому трюку у одной крошки из массажного кабинета в Сикокусе, штат Нью-Джерси, Ллойд. Сикокус — родина величайших свиноферм».

Он наклонился и вставил ключ в замочную скважину камеры Ллойда. И в этом была какая-то странность, так как, насколько Ллойд помнил, у этих камер *не было* замочных скважин, потому что они закрывались и откры-

вались с помощью электричества. Но в том, что серебряный ключ откроет камеру, он не сомневался.

Вставив ключ, Флегг остановился и, слегка усмехаясь, посмотрел на Ллойда. Ллойд почувствовал, как им снова овладевает отчаяние. Над ним просто издеваются.

«Я до сих пор не представился? Меня зовут Флегг, с двумя «г». Рад с вами познакомиться».

«Взаимно», прокаркал Ллойд.

«И мне кажется, что перед тем, как я открою камеру и мы пойдем обедать, нам надо кое о чем договориться».

«Ясное дело», — сказал Ллойд и снова начал плакать.

«Я сделаю тебя своей правой рукой, Ллойд. Поставлю тебя на место святого Петра. Когда я открою эту дверь, то сразу же вручу тебе ключи от царства. Важная штука, не правда ли?»

«Да», — прошептал Ллойд, снова испугавшись. В камере было уже совсем темно. Флегг превратился в черный силуэт, но глаза его были видны очень ясно. Они светились в темноте, как у рыси. Ллойдом овладел ужас, но и какое-то другое чувство, нечто вроде религиозного экстаза. Радость. Радость того, что ты *избран*.

«Ты хотел бы свести счеты с теми, кто запер тебя здесь, так ведь?»

«Это уж точно», — отозвался Ллойд, немедленно позабыв про свой ужас.

«Может быть, и не только с ними, но и со всеми людьми, способными на подобную пакость», — предположил Флегг. «Это ведь особый тип человека, так ведь? Для таких людей такой человек, как ты, — это просто грудa мусора. Потому что они забрались наверх. Они считают, что такой человек, как ты, не имеет права на жизнь».

«Правильно», сказал Ллойд. Его физический голод внезапно превратился в какой-то другой вид голода. Подобно тому, как черный камень превратился в блестящий ключ. Этот человек выразил все бушевавшие его сложные чувства всего в нескольких предложениях. Он хотел расправиться не только с охранниками. У них был КЛЮЧ, это верно, но не они его сделали. Кто-то дал его им. Начальник тюрьмы, — предположил Ллойд, но ведь и не он сделал КЛЮЧ. Ллойд хотел добраться до изготовителей. Они не

умерли от гриппа, и у него будет о чем с ними поговорить. Это будет *подходящее* для него дело.

«Знаешь, что говорит Библия о таких людях?» — спокойно спросил Флегг. «Она говорит, что возвысившиеся будут унижены, и могущественные будут низвергнуты, и у людей с поднятой головой будет сломана шея. А знаешь, что там говорится о таких людях, как ты, Ллойд? Там говорится, что блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. И там говорится, что блаженны нищие духом, ибо они узрят Бога».

Ллойд согласно кивал. Кивал и плакал. На мгновение ему показалось, что вокруг головы Флегга засияла ослепительная корона. Свет ее был так ярко, что если бы Ллойд не отвел глаза, она спалила бы их дотла.

«Ты не слишком умен», — сказал Флегг. «Но ты — первый. И у меня такое чувство, что ты будешь мне очень предан. Вместе, ты и я, мы далеко пойдем. Для таких, как мы, настало хорошее время. Мне нужно лишь твое слово».

«С-слово?»

«Что мы будем всегда держаться вместе, ты и я. Водой не разольешь. Никто из нас не уснет на посту. Вскоре появятся другие — они уже идут на запад — но пока мы с тобой одни. Я дам тебе ключ, а ты дашь мне обещание».

«Я... обещаю», — сказал Ллойд, и ему показалось, что слова повисли в воздухе, странно вибрируя. Склонив голову, он прислушался к этой вибрации, и почти различил в воздухе два этих слова, распространяющих вокруг себя такое же темное свечение, как северное сияние, отраженное в глазу у мертвеца.

Дверь распахнулась.

«Ты свободен, Ллойд. Выходи».

Сделав шаг вперед, Ллойд замер, уставившись на своего спасителя. Что-то положили ему в руку. Ключ.

«Теперь он твой, Ллойд».

«Мой?»

Флегг протянул руку и сжал пальцы Ллойда в кулак. Ллойд почувствовал, как ключ движется у него в руке, как он *меняется*. Он хрипло закричал и посмотрел на ладонь. Там лежал черный камень с красной щелью.

«Не пообедать ли нам?» — спросил Флегг. «Этой ночью нам предстоит много проехать».

«Обед», — сказал Ллойд. «Хорошо».

«У нас с тобой столько дел», — радостно сказал Флегг. «И нам надо спешить». Мимо мертвецов в камерах они прошли на лестницу. Когда Ллойд от слабости споткнулся, Флегг ухватил его за локоть и поддержал. Ллойд обернулся и посмотрел в это усмехающееся лицо с чувством, превышающим благодарность. Он посмотрел на Флегга с чувством, очень похожим на любовь.

ГЛАВА 37

Беспокойно ворочаясь, Ник Андрос спал на койке в кабинете шерифа Бейкера. На нем были только шорты, и его обнаженное тело было покрыто потом. Засыпая, он подумал о том, что умрет к утру. Черный человек, постоянно преследовавший его в лихорадочных снах, прорвется сквозь последнюю тонкую преграду и покончит с ним.

Это было странно. Глаз, который покалечил Рэй Бут, болел два дня. На третий день чувство, что в голову ему вонзают гигантский циркуль, перешло в тупую боль. Глаз не видел ничего, кроме серого марева, в котором иногда передвигались неясные очертания. Но Ника убивал не глаз, его убивала царапина от пули у него на ноге.

Он не продезинфицировал рану. Боль в глазу была такой сильной, что он едва ощущал ее. Неглубокая царапина шла по правому бедру и заканчивалась у колена. На следующий день он с удивлением обнаружил дыру, сделанную в его брюках случайно вылетевшей пулей. А еще через день, тридцатого июня, вокруг раны появилась сильная краснота, и заболели все ножные мускулы.

Хромая, он дошел до конторы доктора Сомса и раздобыл бутылку перекиси водорода. Он вылил всю бутылку на рану, длина которой достигала десяти дюймов. Это было попыткой запереть дверь конюшни после того, как лошадь украли. К вечеру вся его правая нога болела, как гнилой зуб.

Первого июля он снова пошел в контору к Сомсу и перерыл его аптечку в поисках пенициллина. Обнаружив

пенициллин, он, после некоторого колебания, проглотил две таблетки. Он прекрасно понимал, что умрет, если у него окажется аллергия на пенициллин, но в качестве альтернативы выступала еще более неприятная смерть. Заражение прогрессировало. От пенициллина он не умер, но и значительного улучшения не последовало.

К полудню вчерашнего дня у него начался сильный жар, и, похоже, большую часть времени он бредил. Еды у него было предостаточно, но есть не хотелось. Он лишь пил чашку за чашкой холодную кипяченую воду из холодильника, стоявшего в кабинете Бейкера. Вода уже почти кончилась, когда он заснул (или забылся) прошлой ночью, и Ник не представлял себе, как он сможет достать себе еще. Впрочем, в таком лихорадочном состоянии его это не слишком беспокоило. Скоро он умрет, и больше не о чем будет беспокоиться. Мысль о скором прекращении боли была для него большим облегчением. Нога его болела, чесалась и горела.

После убийства Рэя Бута сон его перестал быть сном. Он стал похож на непрерывный поток. Словно все, кого он знал, возвращались на сцену после спектакля, чтобы поклониться рукоплещущей публике. Руди Спаркмен, указывающий на листок бумаги: *Ты — это белая страница*. Его мать, постукивавшая пальцем по линиям и окружностям на другом листке бумаги: *Здесь написано Ник Андрос, радость моя. Это ты*. Джейн Бейкер, отвернувшаяся в сторону на подушке: *Джонни, бедный мой Джонни*. В его снах доктор Сомс снова и снова просил Джона Бейкера снять рубашку, и снова и снова Рэй Бут говорил: *Держите его... сейчас я его вздую... сосунок ударил меня... держите его...* В отличие от всех предыдущих снов в своей жизни, Нику не нужно было читать по губам. Он слышал, как люди говорят. Сны были удивительно явственными. Они бледнели по мере того, как боль в ноге подталкивала его к пробуждению. Когда он снова засыпал, он оказывался на возвышении. Под ним простиралась земля, как рельефная карта. Вокруг была пустыня, и звезды над головой сверкали с сумасшедшей яркостью. Рядом с ним был человек... нет, не человек, а лишь оболочка человека. Словно его очерта-

ния были изъяты из ткани реальности, и перед Ником стоял негатив человека, черная дыра в форме фигуры. И голос этой пустоты говорил: *Все вокруг будет твоим, если ты падешь на колени и поклонись мне*. Ник тряс головой и хотел отступить от обрыва, опасаясь, что пустота протянет руки и толкнет его вниз.

Почему ты не говоришь? Почему ты только качаешь головой?

Во сне Ник делал жест, который ему столько раз приходилось делать наяву: прикладывал палец к губам и ладонь к горлу... а потом слышал свой собственный абсолютно ясный и довольно красивый голос: «Я не могу говорить. Я немой».

Но ты можешь. Можешь, если захочешь.

Страх Ника моментально сменялся удивлением и ликованием, и он протягивал руку, чтобы прикоснуться к человеку. Но дотронувшись до его плеча, рука леденела. Он отдергивал руку, замечая ледяные кристаллы на костяшках. И это приходило к нему. Он мог слышать. Голос темного человека, далекий крик вылетевшей на охоту ночной птицы, бесконечный стон ветра. Он вновь становился немой — от удивления. У мира появлялось новое измерение, о котором он никогда не подозревал. Он начинал слышать звуки. Он различал любой из них без чужих пояснений. Они были красивыми. Красивыми звуками. Он пробежал пальцами вверх и вниз по своей рубашке и удивился быстрому шепоту ногтей, прикасавшихся к хлопку.

Потом темный человек поворачивался к нему, и Ником овладевал ужас. Это создание, кем бы оно ни было, не совершало бесплатных чудес.

...если ты падешь на колени и поклонись мне.

И Ник закрывал лицо руками, потому что он страстно желал все то, что темный человек показал ему с возвышения: города, женщин, сокровища, власть. Но больше всего ему хотелось слышать завораживающий звук прикосновения ногтей к рубашке, тиканье часов в пустом доме после полуночи и загадочный шум дождя.

Но он произносил слово *Нет*, и тогда им снова овладевал леденящий холод, и его толкали, и он падал вниз

головой, беззвучно крича, низвергаясь в туманные глубины, в запахах — кукурузы?

Да, кукурузы. Это был другой его сон, и оба сна соединялись в один, не образуя швов. Он был на кукурузном поле, на поле зеленой кукурузы. Пахло теплой землей, коровьим навозом и растущей зеленью. Он поднимался на ноги, и начинал идти вдоль ряда и немедленно останавливался, понимая, что может слышать мягкий шорох ветра в зеленых листьях, похожих на лезвия мечей... и что-то еще.

Музыку?

Да, какую-то музыку. И во сне он думал: «Так вот что они имели ввиду». Она раздавалась прямо перед ним, и он шел навстречу, желая узнать, откуда исходит последовательность этих прекрасных звуков — из того, что они называют «фортепьяно», или «трубой», или «виолончелью», или из какого-нибудь другого инструмента.

Горячий запах лета в ноздрях, нависающий синий свод над головой, прекрасные звуки. Никогда Ник не чувствовал себя счастливее, чем в этом сне. По мере того, как он приближался к источнику звуков, к музыке присоединялся голос — старческий, слегка невнятно произносящий слова, словно песня была жестковатым куском мяса. Словно под гипнозом, Ник шел ему навстречу.

«Я пришел в этот сад в одиночку

И на розах сияла роса

И услышал слова, что полны торжества

Нам послали Его небеса

В этой дивной стране Он подходит ко мне

Говорит мне, что я его сын

И тот рай, что найду я в волшебном саду

Не знал... никогда... ни один».

Когда куплет кончался, Ник протискивался к началу ряда, и там, на небольшой лужайке, оказывалась хижина. Слева от нее стояла ржавая бочка для мусора, а справа висела старая шина, служившая качелями. Шина была подвешена к яблоне, искривленной, но покрытой зеленой листвой. Окна были распахнуты, и летний ветерок раздувал оборванные белые занавески. Со всех сторон домик был окружен кукурузой, ряды которой тянулись, на сколько

хватало глаз. Только на север сквозь нее пролегла грязная дорога, уходящая к далекому горизонту. И тогда Ник понимал, где он находится — округ Полк, штат Небраска, к западу от Омахи и немного к северу от Оцеолы.

На крыльце сидела самая старая женщина Америки, негритянка с пушистыми белыми волосами. Она была очень худа, на ней было домашнее платье и очки. Она выглядела такой тонкой, что, казалось, летний ветерок мог подхватить ее и унести в высокое синее небо. А инструмент, на котором она играет (возможно, именно он-то и удерживает ее на земле), называется «гитара». *Так вот как звучит гитара, неплохо,* — думает Ник в своем сне. Он мог бы так простоять до конца дня, наблюдая за старой женщиной посреди кукурузных полей и слушая. Ее лицо испещрено миллионами морщинок, словно подробная географическая карта — по ее впалым щекам пролегают реки и каньоны, под подбородком идут горные хребты, глубоко запали пещеры глаз.

Она снова начинает петь, аккомпанируя себе на старой гитаре:

*«Ии-сус: придешь ли ты сюда?
Ооо, Ии-сус, придешь ли ты сюда?
Иисус, придешь ли ты сюда?
Ибо... есть в тебе нужда
Ооооо, в мире есть в тебе нужда
В наши дни...»*

Скажи, мальчик, что ты здесь делаешь?

Она кладет гитару себе на колени, как грудного ребенка, и жестом подзывает его к себе. Ник подходит. Он говорит, что просто хотел послушать ее песню, что ее песня очень красива.

Ты разобрался с этим черным человеком?

Он пугает меня. Я боюсь...

Мальчик, ты должен бояться. Все мы смертны.

Но как мне сказать ему нет? Как мне...

Как ты дышишь? Как ты видишь сны? Никто не знает. Но приходи ко мне. В любое время. Меня называют матерью Абагейл. Думаю, я самая старая женщина в этих местах, и я до сих пор сама готовлю себе

печенье. Приходи ко мне в любое время, мальчик, и приводи своих друзей.

Но как мне со всем этим справиться?

Господь благословит тебя, мальчик, никто другой тебе не поможет. Просто надейся на лучшее и приходи к матери Абагейл, когда захочешь. Думаю, я по-прежнему буду здесь, искать меня тебе не придется. Так что приходи повидать меня. Я по-прежнему...

...здесь, прямо здесь...

Он просыпался, и Небраска, запах кукурузы и темное, морщинистое лицо матери Абагейл постепенно растворялись в небытии. В сознание просачивался реальный мир, но не столько вытесняя сон, сколько заслоняя его.

Он снова был в Шойо, штат Арканзас, его звали Ником Андросом, и он никогда не мог ни говорить, ни слышать звуки «гитары»... но он по-прежнему был жив.

Он сел на койке, опустил ноги на пол и поглядел на рану. Опухоль немного спала. Боль уменьшилась. Я выздоравливаю, — подумал он с огромным облегчением. Скоро я буду в полном порядке.

Он поднялся с койки и захромал к окну, нога онемела, но чувствовалось, что это пройдет после небольшой физической нагрузки. Он посмотрел на пустынный город, который был уже не Шойо, а трупом Шойо, и понял, что сегодня уедет отсюда. Далеко он не уйдет, но начать путешествие надо.

Куда отправиться? Ну, это он вроде бы знал. Сны — это всего лишь сны, но для начала можно пойти и на северо-запад. В Небраску.

Ник выехал из города на велосипеде примерно в четверть второго третьего июля. Утром он собрал себе рюкзак, положив туда на всякий случай несколько упаковок пенициллина и кое-какие консервы. Он также захватил несколько коробок с патронами и флягу.

Он шел по улице, заглядывая в гаражи, и наконец нашел то, что ему было нужно: гоночный велосипед, который как раз подходил к его росту. Он медленно поехал вниз по Главной улице, и его раненая нога начала медленно разогреваться от работы. Он ехал на запад, и его тень следовала за ним. Он миновал изящные, прохладные коттеджи в

предмestьях города, занавески которых были задернуты на вечные времена.

Эту ночь он провел на ферме в десяти милях к западу от Шойо. К вечеру четвертого июля он был почти уже в Оклахоме. В тот вечер, перед тем как лечь спать, он стоял во дворе другой фермы и смотрел на метеоритный дождь, царавший черное небо холодным, белым огнем. Он подумал, что никогда не видел такой красоты. Что бы ни ждало его впереди, он был рад тому, что остался в живых.

ГЛАВА 38

Ларри проснулся в половину девятого от яркого солнечного света и пения птиц. Он лежал в одном из отделений двойного спального мешка под низкой холщовой крышей двухместной палатки, которую они добавили к своему дорожному багажу в Пассаике утром второго июля.

Это утро в Беннингтоне, штат Вермонт, было особенным. Четвертое июля, День Независимости.

Он сел в своем мешке и посмотрел на Риту. Она по-прежнему спала: ему были видны лишь очертания ее тела под стеганной материей мешка и пух ее волос. Что ж, этим утром он разбудит ее красиво.

Ларри расстегнул молнию и вылез из мешка, сверкая голый задницей. В первый момент по коже пошли мурашки, но вскоре он ощутил тепло летнего утра — было уже около семидесяти по Фаренгейту. Жаркий будет денек. Он выполз из палатки, встал и огляделся.

Рядом с палаткой стоял «Харлей-Дэвидсон» с объемом двигателя 1200 см². Вместе с мешком и палаткой они раздобыли его в Пассаике. Рите он не нравился — во время езды она отчаянно обхватывала Ларри — но она согласилась с тем, что это самой удобное транспортное средство на дорогах, забитых брошенными и потерпевшими аварию машинами.

Помочившись, Ларри прочистил горло, сплюнул и, настраиваясь, пропел несколько нот. Потом он набрал в легкие побольше воздуха и, чувствуя, как легкий утренний ветерок обвеивает его грудь и ягодицы, громко запел:

*«Эй, дружок, посмотри,
Что осталось при свете зари
От того, чему был ты так рад
В час, когда догорает закат...»*

Он пропел всю песню до конца, обратившись лицом к простиравшемуся Беннингтону, комически подвывая на последнем куплете, так как Рита уже, наверное, откинула тент и смотрела на него с улыбкой.

Кончив петь, он обернулся, размышляя о том, что лучший способ начать новый год независимости в добрых старых Соединенных Штатах Америки — это устроить добрый старый американский трах.

Но перед палаткой никого не было, и он вновь почувствовал мгновенное раздражение, но тут же решительно подавил его в себе. Надо просто поставить себя на ее место, вот и все. Надо помнить о том, что она гораздо старше тебя, привыкла к другой жизни, и ей гораздо труднее, чем тебе, приспособиться к миру, перевернувшемуся с ног на голову. К примеру, эти таблетки. Он не очень-то обрадовался, когда узнал, что она взяла с собой всю свою чертову аптечку. С чего бы это ей нервничать? Почему это ей не спится по ночам? Разве он не заботится о ней?

Он подошел к палатке и на мгновение заколебался. Может быть, дать ей еще поспать? Может быть, она вымоталась? Но...

Он посмотрел вниз на своего вождя краснокожих и убедился в том, что вождь краснокожих вовсе не хочет, чтобы она спала. Исполнение «Звездного банана» привело его в состояние полной боевой готовности. Ларри откинул тент и заполз внутрь.

«Рита?»

После свежести раннего утра запах внутри палатки ошеломил его. Он был не таким уж сильным, потому что палатка достаточно хорошо вентилировалась, но все же достаточно сильным, чтобы желудок его завязался узлом. Это был сладко-кислый запах рвоты.

«Рита?» Она лежала неподвижно, и лишь пух ее волос торчал из мешка. Его тревога нарастала. Он пополз к ней на четвереньках, и запах стал еще сильнее. «Рита, с тобой все в порядке? Проснись, Рита!»

Рита не шелохнулась.

Он потянул на себя ее тело, оно перекатилось на спину, и из ее руки выпал один из ее пузырьков с таблетками. Ее глаза под полуприкрытыми веками были словно высечены из тусклого мрамора. Рот ее был полон зелеными рвотными массами, в которых она задохнулась.

Он смотрел на ее мертвое лицо, как ему показалось, очень долго. Казалось, голова его распухла. Ее рот был полон этого дерьма. Он не мог отвести глаза. В его мозгу, как заводной заяц на игрушечной железной дороге, крутился один и тот же вопрос: *Сколько я проспал после того, как она умерла?* Ой как гнусно, парень. Как *гнууууууу*сно.

Наконец он вышел из оцепенения и выполз из палатки, оцарапав о землю обе коленки. Он подумал, что сейчас его вырвет, и попытался подавить в себе этот позыв. Больше всего на свете он ненавидел рвоту. Потом подумал: *Ведь ты лез туда, чтобы трахнуть ее, парень!* и содержимое его желудка свободным потоком хлынуло наружу. Он отполз от дымящейся кучи, плача и испытывая омерзение от отвратительного привкуса во рту и в ноздрах.

Он думал о ней все утро. Он чувствовал большое облегчение от того, что она умерла. Он никому об этом не скажет, конечно. Но это подтверждало все слова о нем его матери, Уэйна Стаки и даже специалиста по оральной гигиене.

«Никакой я не симпатичный парень». — сказал он громко и после этого почувствовал себя лучше. Говорить правду было легко.

Ларри сидел на мощеной живописной площадке рядом с шоссе. Оттуда открывался захватывающий вид на Вермонт, тянувшийся к Нью-Йорку в золотом свете утра. На табличке было написано, что расстояние до Нью-Йорка составляет двадцать миль. Дальний конец площадки был огорожен стеной из сцементированных камней. Рядом лежало несколько разбитых бутылок. И использованный кондом. Он предположил, что сюда приходили учащиеся средней школы и в сумерках наблюдали, как внизу один за другим загораются огни. Сначала они приходили в возбуждение, а потом ложились вместе. БГТ — вот как они это называли. Большой групповой трах.

Так почему же ему так хреново? Он ведь сказал себе правду, так ведь? Да. А ведь самое трудное было признать, что ты чувствуешь облегчение, разве нет? Что у тебя наконец сняли камень с шеи?

Нет, самое трудное — это примириться с тем, что ты один. Что ты одинок.

Ларри положил голову на колени и закрыл глаза. Он велел себе не плакать. Он ненавидел плач почти так же сильно, как рвоту.

Ларри вернулся к палатке и откинул полог. Неподалеку он отыскал длинную палку. Он глубоко вдохнул, задержал дыхание и с помощью палки вытащил свою одежду наружу. Потом он отошел и оделся. Вдохнув еще раз, он выудил свои ботинки. Присев на ствол упавшего дерева, он обулся.

Его одежда источала запах.

«Проклятье», — прошептал он.

Отыскав в Беннингтоне магазин мужской одежды, он разделся и надел на себя все новое. Выйдя из магазина, он завел «Харли». Он подумал, что стоит остановиться у магазина туристского снаряжения и посмотреть, нет ли у них палатки и спального мешка, но больше всего ему хотелось поскорее выбраться из Беннингтона.

Выезжая из города, он оглянулся назад. Все, что случилось, — к лучшему, это действительно...

Ларри вновь взглянул на дорогу, и ужас сжал ему горло. Прямо перед ним возник перевернутый пикап с прицепом. Он резко повернул направо и почти объехал его, но левый ботинок зацепился за задний бампер, и мотоцикл вырвался из-под Ларри.

«С тобой все в порядке?» — спросил он вслух. Слава Богу, что скорость была не больше двадцати. Слава Богу, что с ним не было Риты. Она наверняка бы впала в истерику. Хотя, конечно, если бы Рита была с ним, он не стал бы оглядываться.

«Со мной все в порядке», — ответил он самому себе, но без особой уверенности. Он сел. Тишина вокруг сдавила его. Было так тихо, что если думать об этом, то можно сойти с ума. В настоящий момент он был бы рад даже нитью Риты. Вокруг заплясали блестящие точки, и со

внезапным ужасом он подумал, что сейчас потеряет сознание. *Я сильно ранен, через минуту, когда пройдет шок, я почувствую это, у меня глубокий порез или что-нибудь в этом роде, и кто, интересно, наложит мне жгут?*

Но когда угроза обморока миновала, он оглядел себя и решил, что с ним, пожалуй, действительно все в порядке. Он содрал ладони и правое колено, но это были обычные царапины, и нечего о них беспокоиться, всякий может свалиться с мотоцикла, с кем не бывает?

Но он знал, что могло быть и хуже. Он мог удариться головой и проломить себе череп, а теперь он лежал бы под горячим солнцем в ожидании неминуемой смерти. Или он мог бы захлебнуться в собственной рвоте, как одна из недавно почивших его знакомых.

Неверной походкой он подошел к «Харли» и поднял его. Он, похоже, никак не пострадал, но выглядеть стал иначе. Раньше это была просто машина, довольно симпатичная машина, которая могла выполнять две функции — перевозить его с места на место и давать ему возможность ощущать себя Джеймсом Дином или Джеком Николсоном в «Ангелах Ада на колесах». Но теперь его хромированные детали словно бы усмехались над Ларри, как балаганный зазывала, и приглашали его сесть и проверить, способен ли он укротить двухколесное чудовище.

С третьего раза мотоцикл завелся, и Ларри поехал со скоростью не более четырех миль в час. На руках у него были надеты браслеты холодного пота, и никогда, никогда за всю его жизнь, ему не хотелось так сильно увидеть другое человеческое лицо.

В тот день он никого не встретил.

После полудня он позволил себе немного увеличить скорость, но когда стрелка спидометра дошла до двадцати, он не мог заставить себя сильнее надавить на газ, даже если дорога впереди была свободна. На окраине Уилмингтона был магазин спортивных товаров, и он нашел там спальный мешок, мотоциклетные перчатки и шлем. Но даже со шлемом он не мог заставить себя двигаться быстрее двадцати пяти. Перед слепыми поворотами он сбрасывал скорость, слезал с мотоцикла и вел его по обочине. Его не

оставляли видения, в которых он, лежа на дороге, терял всю свою кровь, и никто не мог ему помочь.

В пять часов вечера перед Брэттлборо на мотоцикле зажглась лампочка перегрева. Он оставил мотоцикл на дороге и пошел в город, не уверенный, что вернется за ним.

Этой ночью он спал в здании местной ратуши. В сон он погрузился немедленно. Через некоторое время его разбудил какой-то звук. Он посмотрел на часы. Было одиннадцать двадцать. Он приподнялся на одном локте и уставился в темноту. Если и был какой-то звук, то теперь он исчез. Замолкли даже сверчки.

«Есть здесь кто-нибудь?» — позвал Ларри, и звук собственного голоса испугал его. Он пошарил в поисках двустолки и в течение долгой и все более тревожной секунды не мог ее найти. Потом он наконец нашел ее и, ни о чем не думая, нажал на курок. Если бы двустолка не была на предохранителе, она бы выстрелила. Возможно, в него самого.

В тишине кто-то прятался, он был в этом уверен. Возможно, человек, возможно, какое-то крупное и опасное животное. Разумеется, человек тоже может оказаться опасным. Как, например, тот, кто несколько раз пронзил ножом человека из парка, или как Джон Берсфорд Типтон, который предложил ему миллион наличными за право попользоваться женщиной.

«Кто там?»

В рюкзаке у него был фонарь, но для того, чтобы найти его, ему пришлось бы отложить лежавшую у него на коленях винтовку. И кроме того... так ли уж он хочет увидеть незнакомца?

Он сидел неподвижно, ожидая повторения звука, который разбудил его, и постепенно задремал.

Неожиданно голова его вскинулась, глаза широко раскрылись, а кожа прилипла к костям. *Теперь* он был уверен, что слышал звук, и если бы ночь не была такой облачной, свет почти полной луны осветил бы ему...

Но он не хотел видеть. И тем не менее он подался вперед, склонив голову на бок, прислушиваясь к тому, как пыльные каблучки стучат по тротуару Главной улицы Брэт-

тлборо, штат Вермонт, двигаясь на запад, постепенно удаляясь до тех пор, пока звук их не растворился в общем гудении жизни.

ГЛАВА 39

Стьюарт Редман сидел на обочине дороги и ел свой ленч. До него доносился нарастающий шум моторов. Он допил последний глоток пива и аккуратно завернул пачку с оставшимися крекерами. Он взял свою винтовку, снял ее с предохранителя и положил рядом. Судя по звуку, приближались небольшие мотоциклы. В этой всеобъемлющей тишине было невозможно определить, как далеко они находятся. Может быть, милях в десяти. Времени достаточно, чтобы поест еще, но ему не хотелось есть. Солнце ярко светило, и мысль о встрече с живыми существами была приятной. Он не видел ни одного человека с тех пор, как покинул дом Глена Бэйтмена в Вудсвилле. Он снова бросил взгляд на винтовку. Снять ее с предохранителя было необходимо, так как живые существа могли оказаться кем-то вроде Элдера. Но он не взял винтовку в руки, так как надеялся, что они окажутся кем-то вроде Бэйтмена — разве что не с таким мрачным взглядом на будущее.

Он подобрался, когда мотоциклы наконец-то вынырнули из-за поворота. Это были две «Хонды» с объемом двигателей 250 см², управляемые мальчиком лет восемнадцати и девушкой, которая, возможно, была старше, чем ее спутник. На девушке были светло-голубые «Левис» и желтая блузка.

Они заметили его, и оба мотоцикла слегка отклонились от курса, так как их обладатели с трудом справились с удивлением. Рот мальчика открылся. На мгновение стало неясно, остановятся ли они или проедут мимо, направляясь на запад.

Стью поднял руку и приветливо сказал им : «Хелло!» Сердце его исступленно билось. Ему очень хотелось, чтобы они остановились. Так и произошло.

На мгновение он был поражен напряженностью их поз. В особенности, это относилось к мальчику: он выглядел так, словно ему в кровь вогнали галлон адреналина.

Конечно, у Стью была винтовка, но она лежала рядом, а они сами были вооружены. У мальчика был револьвер, а у девушки за спиной болталось небольшое охотничье ружье.

«По-моему, он нормальный парень, Гарольд», — сказала девушка, но мальчик, которого она назвала Гарольдом, напряженно застыл верхом на своем мотоцикле и смотрел на Стью с удивлением, прикидывая в уме течение возможного конфликта.

«Я сказала, что по-моему...»

«Как мы можем в этом убедиться?» — отрезал Гарольд, не спуская со Стью глаз.

«Ну, я очень рад вас видеть, если это способно вас убедить», — сказал Стью.

«А что если я вам не поверю?» — с вызовом сказал Гарольд, и Стью заметил, что мальчиком снова овладел страх. Страх перед ним и перед ответственностью за девушку.

«Ну, тогда я не знаю». Стью поднялся. Рука Гарольда дернулась к кобуре.

«Гарольд, оставь», — сказала девушка. Она умолкла, и какое-то время все они не знали, что делать дальше — совокупность трех точек, которые могут сформировать треугольник, форму которого пока невозможно предугадать.

«Ууууууу», — сказала Фрэнни, усаживаясь на островок моха у подножия придорожного вяза. «Похоже, мозоли на заднице у меня никогда не пройдут, Гарольд».

Гарольд сердито хихикнул.

Она повернулась к Стью. «Вы когда-нибудь пробовали проехать сто семьдесят миль на «Хонде», мистер Редман? Не рекомендую».

Стью улыбнулся. «Куда вы направляетесь?».

«Какое вам до этого дело?» — грубо спросил Гарольд.

«Что это за отношение к людям?» — спросила Фрэн. «Мистер Редман — первый человек, которого мы видели со дня смерти Гуса Динсмора! Я хочу сказать, что если мы отправились в путь не для того, чтобы найти других людей, то для чего же тогда?»

«Он просто заботится о твоей безопасности», — спокойно сказал Стью. Он сорвал травинку и стал жевать ее.

«Правильно, забочусь», — сказал Гарольд, не смягчив тона.

«Я думаю, мы искали друг друга», — сказала она, и лицо Гарольда потемнело.

«Да что ты говоришь», — пробормотал Гарольд. Он посмотрел на Стью исподлобья и вытащил пачку «Мальборо» из кармана куртки. Потом он вытащил одну сигарету и закурил ее как человек, лишь недавно пристрастившийся к этой привычке. Примерно позавчера.

«Мы едем в Стовингтон, штат Вермонт», — сказала Фрэнни. «В центр по изучению чумы. Мы... что случилось, мистер Редман?» Стью побледнел. Травинка выпала у него из рта на колени.

«Почему туда?» — спросил Стью.

«Потому что там находится центр по изучению заразных болезней», — сказал Гарольд высокомерно. «Мне пришлось в голову, что если в Америке еще остались какие-нибудь важные лица, пережившие катастрофу, то весьма вероятно, что они окажутся в Стовингтоне или Атланте, где находится подобный центр».

«Это правильно», — сказала Фрэнни.

«Вы теряете время зря», — сказал Стью.

Фрэнни выглядела удивленной. Гарольд негодовал. Краска вновь начала подниматься у него по шее. «Вряд ли вы способны об этом судить, милостивый государь».

«Вполне способен. Я пришел оттуда».

Теперь оба они выглядели удивленными.

«Вы знали об этих местах?» — потрясенно спросила Фрэнни. «Вы проверяли их?»

«Не совсем так. Я...»

«Ты лжешь!» — вскричал Гарольд птичьим, пронзительным голосом.

Фрэн заметила тревожную холодную вспышку гнева в глазах Редмана, потом они вновь смягчились. «Нет, я не лгу».

«А я тебе говорю, что ты лжешь! Ты просто...»

«Гарольд, немедленно заткнись!»

Гарольд посмотрел на нее с болью. «Но Фрэнни, как ты можешь верить...»

«А как ты можешь быть таким грубым и невыносимым?» — горячо спросила она. «Ты можешь для начала хотя бы выслушать, что он нам скажет?»

«Я не доверяю ему».

«Как можно судить о человеке, которого только что встретил? Гарольд, ты ведешь себя просто отвратительно!»

«Позвольте, я вас все объясню», — сказал Стью спокойно. Он рассказал краткую версию истории, начавшейся с того, как Кэмпиион врезался в колонки Хэпа. Вкратце он рассказал о своем побеге из Стовингтона неделю назад. Гарольд тупо смотрел на свои руки, выдирая ими куски моха и разрывая их на части. Но лицо девушки было похоже на развернутую карту несчастной страны, и Стью стало ее очень жалко. Она отправилась с этим мальчишкой (у которого, надо отдать ему должное, возникла отличная идея), надеясь вопреки очевидности, что в мире остались еще какие-то островки раз и навсегда заведенного порядка. Что ж, ее постигло сильное разочарование. Это было видно по ее глазам.

«И Атланта тоже? Оба уничтожены эпидемией?» — спросила она.

«Да», — сказал он, и она разрыдалась.

Он хотел бы успокоить ее, но мальчишка бы этого не позволил. Гарольд с сомнением взглянул на Фрэн, а потом на крошки моха у себя на руках. Стью протянул Фрэн платок. Она рассеянно поблагодарила его, даже не подняв глаза. Гарольд вновь сумрачно уставился на Стью глазами жадного мальчика, который сам хочет съесть коробку печенья. Как он будет удивлен, подумал Стью, — когда узнает, что девушка — это не коробка печенья.

Когда ее рыдания перешли в прерывистые вздохи, она сказала: «Думаю, мне и Гарольду надо вас поблагодарить. По крайней мере, вы избавили нас от долгого путешествия с разочарованием в конце».

«Ты хочешь сказать, что веришь ему? Просто так, на слово? Он тебе вешает лапшу на уши, а ты... ты просто принимаешь это с благодарностью?»

«Гарольд, с чего бы ему врать? Какая ему от этого выгода?»

«Как я могу знать, что у него на уме?» — спросил Гарольд свирепо. «Может быть, убийство. Или изнасилование».

«Гарольд, попытайся не быть таким ужасным», — попросила Фрэн.

«Ужасным?» — заорал Гарольд. «Я забочусь о тебе — о нас — разве это так ужасно?»

«Смотри», — сказал Стью, закатывая рукав. На руке у него было несколько заживающих следов укулов и след от кровоподтека. «Они кололи меня всякими лекарствами».

«Может быть, ты наркоман», — сказал Гарольд.

Не ответив, Стью опустил рукав. Разумеется, дело было в девушке. Он привык к мысли о том, что она его собственность. Ну что ж, некоторыми девушками можно владеть, а некоторыми — нет. Эта, скорее всего, относилась к последнему типу. Она была высокого роста и выглядела хорошенькой и очень свежей. Ее темные глаза и волосы придавали ей вид, который ошибочно можно было принять за нежную беспомощность. Легко можно было не увидеть ту еле заметную морщинку между бровями, которая делалась такой отчетливой, когда она сердилась.

«Ну и что же нам теперь делать?» — спросила она, полностью проигнорировав последнюю реплику Гарольда.

«Все равно надо ехать», — сказал Гарольд, и когда она посмотрела на него, он добавил поспешно: «Ну, надо же нам ехать *куда-нибудь*. Конечно, может быть, он и говорит правду, но нам надо проверить второй раз. А потом мы решим, что делать дальше».

Фрэн взглянула на Стью с выражением я-не-хотела-бы-вас-обижать-но. Стью пожал плечами.

«Согласна?» — настаивал Гарольд.

«По-моему, это не имеет значения», — сказала Фрэнни. Она сорвала пушистый одуванчик и сдула с него семена.

«Вам кто-нибудь встретился на дороге?» — спросил Стью.

«Попалась одна собака, похоже, здоровая. Людей мы не видели».

«Я тоже видел собаку». Он рассказал им о Бэйтмене и Коджаке. После этого он произнес: «Я направлялся в

сторону побережья, но раз вы говорите, что там никого нет, то мое желание угасло».

«Очень жаль», — сказал Гарольд голосом, в котором можно было слышать что угодно, кроме жалости. Он поднялся. «Готова, Фрэн?»

Она неуверенно посмотрела на Стюю, а потом встала. «Спасибо вам за то, что вы рассказали нам, пусть даже новости и оказались не слишком веселыми».

«Секунду», — сказал Стюю, также поднимаясь на ноги. Он снова засомневался, думая о том, стоит ли с ними связываться. С девушкой все было в порядке, но мальчишке явно было лет семнадцать, и он был поражен тяжелым случаем ненависти ко всему человечеству. Но так ли много осталось людей, чтобы можно было позволить себе выбирать? Стюю думал, что нет.

«Мне кажется, мы оба ищем людей», — сказал он. «Если вы примите меня, мне хотелось бы стать вашим попутчиком».

«Нет», — немедленно откликнулся Гарольд.

Фрэн обеспокоено перевела взгляд с Гарольда на Стюю. «Может быть, мы...»

«Не возражай. Я сказал нет».

«У меня что, нет права голоса?»

«Да что с тобой? Разве ты не видишь, что ему надо только одного? Боже мой, Фрэн!»

«Трое лучше, чем двое, если случится беда», — сказал Стюю, — «и я-то уж точно знаю, что это лучше, чем один».

«Нет», — повторил Гарольд. Руку он опустил на рукоять револьвера.

«Да», — сказала Фрэн. «Мы рады принять вас, мистер Редман».

Гарольд резко обернулся, посмотрел на нее с болью и обитой. Стюю на секунду напрягся, опасаясь, что Гарольд ударит ее, но потом снова расслабился. «Так вот ты как? Ты просто ждала удобного момента, чтобы избавиться от меня, теперь я понимаю». Он так рассердился, что на глаза ему навернулись слезы, и от этого он стал сердиться еще сильнее. «Раз ты так хочешь, пожалуйста. Ты поедешь с ним. А мне с тобой делать нечего». И он пошел к тому месту, где стояли «Хонды».

Фрэнни посмотрела на Стью с убитым видом, а потом повернулась к Гарольду.

«Минуточку», — сказал Стью. «Постойте здесь, пожалуйста».

«Пожалуйста, не обижайте его», — сказала Фрэн.

Стью побежал к Гарольду, который уже успел оседлать свою «Хонду» и пытался ее завести.

«Держись подальше!» — гневно крикнул Гарольд и снова взялся за рукоять револьвера. Глаза расширились, и Стью подумал о том, что еще чуть-чуть — и он может стать опасным. Он не просто ревновал девушку — это было неоправданное упрощение со стороны Стью. В этом было замешано его чувство собственного достоинства, его новый имидж защитника.

«Гарольд», — сказал Стью ему почти что в самое ухо, положив руку на его плечо.

«Пустите меня».

«Гарольд, ты спишь с ней?»

Гарольд вздрогнул, и Стью понял, что нет.

«Не твое дело!»

«Нет, не мое. Но нам надо разобраться в ситуации. Она не принадлежит мне, Гарольд. Она принадлежит самой себе. Я не собираюсь пытаться отбить ее у тебя. Извини, что приходится говорить так грубо, но так надо для того, чтобы понять, в каком положении мы находимся. Сейчас вас двое, а я один. Если ты уедешь, то нас будет двое, а ты один. Какой смысл?»

Гарольд ничего не ответил.

«Я буду откровенен», — продолжал Стью, по-прежнему говоря Гарольду в самое ухо (забитое коричневой серой) и стараясь, чтобы голос его звучал как можно спокойнее. «Мы с тобой знаем, что мужчине незачем насиловать женщин. Если, конечно, он умеет управляться со своей рукой».

«Это...» Гарольд облизал губы и посмотрел через дорогу туда, где стояла Фрэн, скрестив руки и беспокойно глядя на них. «Это звучит отвратительно».

«Может быть, так, а может быть, и нет, но когда мужчина находится рядом с женщиной, которая не пускает его в постель, то у него нет выбора. Я часто прибегаю к

ручному способу. Я думаю, и ты тоже. Я хочу быть откровенным, один на один. Я здесь не для того, чтобы выставять тебя, как какого-нибудь хулигана с деревенских ярмарочных танцулек».

Гарольд снял руку с кобуры и посмотрел на Стью. «Вы хотите сказать? Я... вы обещаете, что ничего не скажете?»

Стью кивнул.

«Я люблю ее», — сказал Гарольд хрипло. «Она не любит меня, я знаю это, но говорю откровенно, как и вы».

«Так-то лучше. Я не собираюсь вступать между вами. Я просто хочу идти рядом».

«Вы обещаете?» — настойчиво повторил Гарольд.

«Да, обещаю».

«Хорошо».

Он медленно слез с «Хонды». Вдвоем они вернулись к Фрэн.

«Он может ехать с нами», — сказал Гарольд. «А я...» Он посмотрел на Стью и сказал с усилием. «Я приношу свои извинения, за то что вел себя, как кретин».

«Ура!» — закричала Фрэн и захлопала в ладоши. «Ну а теперь, когда все улажено, куда же мы поедem?»

В конце концов они решили отправиться в том направлении, куда двигались Гарольд и Фрэн, на запад. Стью сказал, что, по его мнению, Глен Бэйтмен будет рад, если они переночуют у него. Стью поехал на «Хонде» Фрэн, а она устроилась позади Гарольда. В Твин Маунтин они остановились на ленч и приступили к трудному и осторожному делу — знакомству друг с другом.

Они поели в пустынном кафе, и Стью заметил, что его взгляд снова и снова останавливается на лице Фрэн — на ее живых глазах, на маленьком, но твердом подбородке, на морщинке между бровей, служившей показателем ее эмоций. Ему нравилось как она смотрела и как разговаривала. Ему нравилось даже то, как ее темные волосы убраны за уши. И в тот момент он начал понимать, что хочет ее, несмотря ни на что.

Часть вторая
НА ГРАНИ
5 июля — 6 сентября 1990 года

ГЛАВА 40

На Главной улице городка Мэй, штат Оклахома, лежал мертвый человек. Ника это не удивило. С того момента, как он оставил Шойо, ему пришлось повидать немало трупов. Одним трупом больше, одним меньше — какая разница?

Но когда труп сел на мостовой, Ником овладел такой ужас, что он не справился с велосипедом и упал. Он содрал ладони и поранил лоб.

«Господи, мистер, ну и грохнулись же вы», — сказал труп, приближаясь к Нику походкой, которую точнее всего можно определить, как благодушное пошатывание.

Ник не уловил ни одного слова. Он смотрел на мостовую в то место, куда капала кровь из его рассеченного лба, и думал о том, насколько серьезна рана. Когда рука дотронулась до его плеча, он вспомнил про труп и вскочил на ноги.

«Не принимайте близко к сердцу», — сказал труп, и Ник заметил, что это вовсе не труп, а молодой человек, весело глядящий на него, В одной руке у него была початая бутылка виски, и Ник все понял. Не труп, а пьяный человек, который так напился, что вырубился посреди дороги.

Ник кивнул и показал кружок из большого и указательного пальца — о'кей. Капля крови скатилась у него со лба и попала в глаз, над которым поработал Рэй Бут. Он приподнял повязку и вытер глаз тыльной стороной кисти. Сегодня глаз видел немного лучше.

Человек с бутылкой виски наблюдал за Ником безо всякого выражения. Когда Ник сел на бордюр и стал выковыривать крошки гравия из ладони, все признаки оживления исчезли с его лица. Оно стало пустым и плоским. На человеке был надет чистый, но поношенный комбинезон и тяжелые, грубые ботинки. Рост его был около шести футов, а волосы были такими светлыми, что казались почти

белыми. Глаза его были ярко-голубыми и абсолютно пустыми. Вкупе с шелковистыми волосами они безошибочно указывали на его шведское или норвежское происхождение. Выглядел он не больше, чем на двадцать три, но как Ник обнаружил позднее, ему должно было быть около сорока пяти, так как он помнил окончание войны в Корее и возвращение своего папочки в военной форме месяц спустя. Его нельзя было заподозрить в том, что он мог это придумать. Вымысел не был коньком Тома Каллена.

Он стоял над Ником с пустым лицом, словно отключенный робот. Потом постепенно его лицо вновь оживилось. Покрасневшие от виски глаза заморгали. Он заулыбался. Он вновь вспомнил ситуацию.

«Господи, мистер, ну и грохнулись же вы. Разве не так? Ей-Богу!» Он отвел глаза от раны на лбу у Ника.

В кармане у Ника был блокнот и ручка. Он написал: «Вы меня немного испугали. Думал, что вы труп, пока вы не сели. Со мной все в порядке. Есть ли в городе аптека?»

Он вручил блокнот человеку в комбинезоне. Человек взял блокнот. Посмотрел на то, что там было написано. Вернул его обратно. Улыбаясь, он сказал: «Меня зовут Том Каллен. Но читать я не умею. Я добрался только до третьего класса, но к тому времени мне уже исполнилось шестнадцать, и папочка заставил меня уйти из школы. Он сказал, что я уже слишком велик».

Умственно отсталый, — подумал Ник. Я не могу говорить, а он не умеет читать. На мгновение он почувствовал себя в абсолютном тупике.

«Господи, мистер, но и грохнулись же вы!» — воскликнул Том Каллен, и в каком-то смысле эта фраза прозвучала впервые для них обоих. «Ей-Богу, разве не так?»

Ник кивнул. Потом убрал блокнот и ручку. Приложил ладонь ко рту и покачал головой. Приложил руки к ушам и снова покачал головой. Левую руку положил на горло, и еще раз покачал головой.

Каллен удивленно ухмыльнулся. «Болят зубы? У меня как-то раз тоже болели. Господи, как больно. Разве не так? Ей-Богу!»

Ник покачал головой и вновь проделал свою пантомиму. На этот раз Каллен решил, что у Ника болят уши. Ник

вскинул руки вверх и пошел к своему велосипеду. Краска кое-где была содрана, но в целом велосипед был, похоже, цел. Он сел на него и поехал по улице. Да, все в порядке. Каллен бежал за ним, радостно улыбаясь. Он не отрывал глаз от Ника. Почти неделю он никого не видел.

«Не хочешь поговорить?» — спросил он, но Ник не оглянулся и ничем не показал, что слышал вопрос. Тогда Том потянул его за рукав и спросил снова.

Человек на велосипеде приложил руку ко рту и покачал головой. Том нахмурился. Теперь человек поставил велосипед на подножку и стал оглядывать витрину магазинов. Похоже, он нашел то, что ему было нужно, так как он ступил на тротуар и направился к аптеке мистера Нортон. Если он собирается попасть туда, то ему чертовски не повезло, так как аптека заперта. Мистер Нортон уехал из города. Похоже, почти все заперли свои жилища и уехали из города, кроме его мамочки и ее подруги миссис Блэкли, а они были мертвы.

Теперь молчаливый человек дергал за дверь. Том мог бы объяснить ему, что это бессмысленно, несмотря на табличку ОТКРЫТО на двери. Табличка врал. Чертовски не повезло, так как Том с удовольствием выпил бы газировки. Газировка была лучше виски, от которого ему сначала делалось хорошо, потом хотелось спать, а потом его голова начинала раскалываться от боли. Чтобы избавиться от головной боли, он ложился спать, но ему снилось много всяких идиотских снов о человеке в черном одеянии типа того, которое всегда носил преподобный отец Дейфенбейкер. Черный человек преследовал его во сне. Похоже, он очень плохо относился к Тому.

Но чем там теперь занимается молчаливый человек? Взял урну с тротуара и собирается... что? Разбить окно мистера Нортон? Ей-Богу, он так и сделал! А теперь он лезет внутрь, отпирает дверь...

«Эй, мистер, так нельзя!» — закричал Том голосом, дрожащим от волнения и негодования. «Это незаконно. Незакон-но, с двумя «н». Разве вы не знаете...»

Но человек был уже внутри и ни разу не обернулся.

«Вы что, глухой?» — возмущенно вскричал Том. «Ей-Богу, вы что...»

Он запнулся. Волнение и оживление сползли с его лица. Он снова превратился в выключенного робота. Для жителей Мэя это зрелище было привычным. Большинство из них думало, что эти внезапные приступы являются признаками прогрессирующего слабоумия Тома, но на самом деле они представляли собой мгновения почти нормального мышления. Процесс мышления основывается (во всяком случае, так утверждают психологи) на дедукции и индукции, а умственно огсталый человек не может совершить этих дедуктивных или индуктивных скачков. Где-то внутри порваны провода, произошли короткие замыкания и неправильно работают переключатели. Том Каллен страдал не самым тяжелым случаем слабоумия и мог делать простые умозаключения. Он чувствовал возможность такого умозаключения подобно тому, как человек чувствует, что имя вертится у него «на самом кончике языка». Когда же это происходило, Том выпадал из реального мира и погружался внутрь себя. Он становился чем-то похож на человека в темной незнакомой комнате, который со штепселем от лампы в руке и, натыкаясь на разные предметы, другой рукой напаривает розетку. А если он найдет ее (это случалось не всегда), то вспыхнет яркий свет, и он увидит комнату (мысль), как на ладони. Но на этот раз свет не вспыхнул.

Он сказал: «Ты что, глухой что ли?»

Человек вел себя так, как будто он не слышал слов Тома, за исключением случаев, когда смотрел прямо на него. И этот человек не произнес ни слова. Даже не сказал привет.

Положил руки на уши и покачал головой.

Положил руки на рот и сделал то же самое.

Положил руки на шею и сделал то же самое опять.

Комната осветилась: умозаключение было сделано.

«Ей-Богу!» — воскликнул Том, и лицо его вновь оживилось. Глаза его засияли. Он ринулся в аптеку Нортон, забыв о том, что это незаконно. Молчаливый человек тер мокрой ваткой по лбу.

«Эй, мистер!» — закричал Том, подбегая к нему. Молчаливый человек не обернулся. Том на мгновение был озадачен, но потом вспомнил. Он постучал Ника по плечу,

и тот обернулся. «Вы глухонемой, так? Не слышите! Не разговариваете! Так?»

Ник кивнул. Реакция Тома его удивила. Том подскочил в воздух и бешено захлопал в ладони.

«Я так и подумал! Ура мне! Я подумал об этом сам! Ура Тому Каллену!»

Ник был вынужден усмехнуться. Он не мог припомнить, когда его глухонемого доставляла кому-нибудь столько удовольствия.

Том и Ник завтракали на лужайке перед зданием городского суда. Том не закрывал рот ни на секунду. Ник уже прослушал рассказ о том, как папочка Тома убежал пару лет назад с официанткой, и о том, как Том работал подручным на ферме у мистера Норбатта, и как два года назад мистер Норбатт решил, что он «достаточно хорошо справляется», чтобы ему можно было доверить топор, и о том, как однажды ночью на Тома набросились «большие мальчишки», и как Том «сражался с ними, пока они все не оказались на волосок от смерти, а один из них попал в больницу с переломом костей, вот что сделал Том Каллен». Услышал он и о том, как Том обнаружил свою мать дома у миссис Блэкли, и они лежали мертвыми в гостиной, и Том решил убраться подальше. Том сказал, что Иисус не придет забрать мертвецов на небо, если кто-нибудь будет подглядывать (Ник подумал, что в представлении Тома Иисус является кем-то вроде Санта-Клауса наоборот: он уносит трупы через каминную трубу, вместо того, чтобы опускать туда подарки). Но он ничего не сказал о том, что Мэй абсолютно опустел и что движение на шоссе полностью прекратилось.

Ник положил руку Тому на грудь, останавливая поток слов.

«Что?» — спросил Том.

Ник широким жестом обвел пространство вокруг себя. Потом он придал своему лицу бурлескное выражение удивления, нахмурил брови, склонил голову набок и почесал затылок. Потом он прошел двумя пальцами по траве и вопросительно поднял глаза на Тома.

То, что он увидел, его сильно встревожило. Глаза Тома, секунду назад сверкавшие от переполнявших его известий, теперь казались высеченными из тусклого синего мрамора. Рот его раскрылся, так что Ник мог заметить размокшие крошки картофельных чипсов, прилипшие к его языку. Руки Тома безвольно лежали на коленях.

Ник обеспокоено протянул руку, чтобы коснуться его. Но прежде чем он успел это сделать, тело Тома дернулось. Глаза его широко раскрылись, и оживление вновь наполнило его взгляд, словно вода — ведро.

«Вы хотите знать, куда все ушли!» — воскликнул Том.

Ник энергично кивнул.

«Ну, я думаю, они отправились в Канзас Сити», — сказал Том. «Ей-Богу, так оно и есть. Они все время говорят о том, какой это маленький город. Ничего не происходит. Никаких развлечений. Даже роликовый каток закрыли. Моя мамочка всегда говорит, что люди уезжают и никогда не возвращаются. Совсем как мой папочка, который убежал с официанткой по имени Ди-Ди Пакалотт. Так что я думаю, что всем надоела эта жизнь, и они уехали. В Канзас Сити, должно быть, ей-Богу, разве не так? Туда-то они все и отправились. Кроме миссис Блэкли и моей мамочки. Иисус заберет их с собой на небо».

Том вновь углубился в свой монолог.

Ник откинулся на спину, и веки его стали слипаться, так что слова Тома превратились в визуальный эквивалент современного стихотворения, в котором каждая новая строчка начинается с маленькой буквы, в чем-то похожий на произведение е.е.каммингса:

мама сказала

нет никакого

но я сказал им я сказал шли бы вы

не связываться с

Прошлой ночью ему снились плохие сны, и теперь, после того как он наелся, его единственным желанием было...

ей-Богу

с двумя «н»

конечно хочу

Ник заснул. Проснувшись, он смутно удивился тому, что он весь в поту. Поднявшись с лужайки, он все понял. Было четверть пятого дня, он проспал больше двух с половиной часов, и теперь на него ярко светило солнце. Но не только в этом было дело. Том Каллен, в пароксизме заботливости, укрыл его двумя одеялами и стеганым покрывалом, чтобы он не простудился.

Он огляделся вокруг. Тома рядом не было. Ник медленно направился через площадь, размышляя о том, как ему быть с Томом. Том питался консервами из магазина на противоположном конце площади. Заходя туда и подбирая себе консервные банки исходя из картинок на этикетках, он не чувствовал никаких угрызений совести, так как — объяснил он Нику — дверь была открыта.

Ник лениво подумал, что было бы, если бы дверь оказалась заперта. Возможно, когда Том проголодался бы, он забыл бы о своих строгих правилах или временно отменил бы их. Но что будет с ним, когда еда кончится?

Но не это беспокоило его больше всего в связи с Томом. Больше всего он обратил внимание на то возвышенное рвение, с которым его приветствовал этот человек. Возможно, он и умственно отсталый, — подумал Ник, — но не настолько, чтобы не чувствовать одиночества. И мать, и женщина, бывшая ему вместо тетки, были мертвы. Папочка сбежал давным-давно. Мистер Норбатт и другие жители Мая однажды ночью убрались в Канзас Сити, пока он спал, оставив его бродить взад и вперед по Главной улице, как слегка сумасшедшее привидение. И ему в руки попадали такие вещи, с которыми ему не следовало бы иметь дело — виски, например. Если он снова напьется. Он может как-нибудь пораниться. А если он поранится, и рядом некому будет о нем позаботиться, то ему может наступить конец.

Но... глухонемой и умственно отсталый? Как они могут помочь друг другу? Ник остановился на тротуаре прямо перед входом в парк. Ну что ж, — решил он, — одну ночь я могу переночевать здесь. Одна ночь ничего не меняет. По крайней мере, хоть приготовлю ему нормальный ужин.

Слегка подбодренный этой мыслью, он отправился на поиски Тома.

«Теперь это мое. Мое, раз я хочу. Если ты мог пойти в аптеку и взять там кое-что, то и я могу пойти в магазин и взять там кое-что. Ей-Богу, разве это не так? Я ведь не должен положить это на место, правда?»

Ник покачал головой.

«Мое», — радостно сказал Том и вновь занялся гаражом. Ник снова похлопал его по плечу, и Том обернулся назад: «Что?»

Ник потянул его за рукав, и Том охотно поднялся. Ник провел его по улице к тому месту, где на подножке стоял его велосипед. Он указал на себя. Потом на велосипед. Том кивнул.

«Конечно. Велик ваш. Гараж мой. Я не трону ваш велик, а вы не тронете мой гараж. Ей-Богу так!»

Ник покачал головой. Он указал на себя. Потом на велосипед. Потом на Главную улицу. Помахал рукой: покапока.

Том замер. Ник ждал. «Вы уезжаете, мистер?» — сказал Том неуверенно.

Ник кивнул.

«Я не хочу, чтобы вы уезжали!» — крикнул Том. Глаза его расширились и стали еще синее, чем обычно. На них засверкали слезы. «Вы мне нравитесь! Я не хочу, чтобы вы тоже уехали в Канзас Сити!»

Ник притянул Тома к себе и положил руку ему на плечо. Указал на себя. На Тома. На велосипед. За пределы города.

«Не понимаю», — сказал Том.

Ник терпеливо повторил эту процедуру. На этот раз он добавил прощальный жест покапока и, подчиняясь внезапному вдохновенному озарению, поднял руку Тома и тоже махнул ей.

«Хотите, чтобы я поехал с вами?» — спросил Том. На лице у него заиграла улыбка недоверчивого восторга.

Ник с облегчением кивнул.

«Ура!» — закричал Том. «Том Каллен уезжает! Том...» Он загнулся, и радостное выражение частично сползло с его лица.

Он посмотрел на Ника настороженно. «Могу я взять свой гараж?» Ник на мгновение задумался, а потом кивнул.

«О'кей!» Улыбка вновь заиграла на лице Тома, словно солнце выглянувшее из-за тучи. «Том Каллен уезжает!»

Ник подвел его к велосипеду. Указал на Тома, потом на велосипед.

«Я на таком никогда не ездил», — сказал Том с сомнением, глядя на гоночный привод и высоко поднятое, узкое седло.

«По-моему, лучше мне и не пробовать. С такого странного велосипеда Том Каллен обязательно свалится».

Но Ник не был обескуражен. *Я на таком никогда не ездил* означало, что он ездил на каком-то другом. Надо просто найти велосипед попроще. Конечно, с Томом ему придется двигаться медленнее, но, возможно, и не настолько. Да и куда спешить? Сны это только сны. Но он чувствовал внутреннее побуждение двигаться как можно быстрее. Оно было таким сильным и в то же время таким неопределенным, что в основе его, по-видимому, лежал подсознательный импульс.

Он подвел Тома обратно к его заправке. Он указал на игрушку, а потом улыбнулся и кивнул. Том вожделенно присел на корточки, но руки его застыли, не успев ухватить пару машинок. Он поднял на Ника подозрительный и тревожный взгляд. «Вы ведь не уедете без Тома Каллена, правда?»

Ник твердо покачал головой.

«О'кей», — сказал Том и уверенно повернулся к своим игрушкам. Ник не удержался и погладил его по голове. Том поднял взгляд и робко улыбнулся. Ник улыбнулся в ответ. Нет, он не может оставить его. В этом нет сомнений.

Велосипед, который, по его мнению, мог подойти Тому, он отыскал только к полудню. Он нашел его в маленьком гараже на южном конце города. Накачав шины, он сел на велосипед и убедился в том, что он исправен.

По дороге на площадь он заехал в универсальный магазин и отыскал там проволочную корзинку приличных размеров. Он уже собирался уходить, когда кое-что еще привлекло его внимание: клаксон с хромированным звонком и большой резиновой грушей. Усмехаясь, Ник поло-

жил клаксон в корзинку и отправился в скобяную секцию за отверткой и разводным гаечным ключом.

Потом он пошел в продовольственный магазин и набил объемистую сумку консервами. Когда он вышел из супермаркета, перед ним открылось величественное зрелище. Том гордо ехал по Главной улице, изо всех сил сжимая грушу клаксона. На лице его была широкая, ликующая улыбка. В проволочной корзинке лежала коробка с гаражным набором. Его карманы распухли от моделей машин. С некоторой тоской Ник подумал о том, что не плохо было бы услышать звук клаксона, хотя бы для того, чтобы проверить, доставит ли он ему такое же удовольствие, как Тому.

Том подкатил к Нику и остановился. Крупные капли пота выступили у него на лице. Том тяжело дышал и улыбался.

Ник указал на город и помахал рукой.

«Я по-прежнему могу взять гараж?»

Ник кивнул и повесил сумку с консервами на бычью шею Тома.

«Мы уезжаем прямо сейчас?»

Ник снова кивнул и сделал кружок из большого и указательного пальцев.

«В Канзас Сити?»

Ник покачал головой.

«Куда захотим?»

Ник кивнул. Да. Куда они захотят, — подумал он — но скорее всего это место окажется где-нибудь в Небраске.

«Ура!» — радостно воскликнул Том. «О'кей! Да! Ура!»

Они поехали на север по шоссе №283, но через два с половиной часа впереди начали собираться грозовые тучи. Скоро разразилась гроза. Ник не слышал ударов грома, но он видел ударяющие в землю молнии. Когда они достигли предместий Росстона, где Ник собирался повернуть на восток по шоссе №64, пелена дождя под облаками исчезла, и все небо приобрело зловещий желтоватый оттенок. Ветер замер. Он ощутил острую тревогу и какую-то странную неловкость во всем теле. Никто никогда не говорил ему, что один из инстинктов, который

человек разделяет с другими животными, заключается как раз в такой реакции на внезапное и сильное падение атмосферного давления.

Потом он почувствовал, как Том неистово дергает его за рукав. Ник посмотрел на него и был поражен бледностью его лица. Глаза его превратились в огромные блуждающие блюдца.

«Смерч!» — закричал Том. *«Смерч приближается!»*

Ник поискал глазами воронку смерча, но ничего не увидел. Он снова повернулся к Тому, думая о том, как бы успокоить его. Но Тома рядом не было. Он свернул с дороги направо и ехал по полю, оставляя извилистый примятый след в высокой траве.

Чертов болван, — подумал Ник сердито. Сейчас ты сломаешь свою чертову ось.

Том ехал по направлению к амбару с пристроенной к нему силосной башней, который стоял в конце покрытой грязью дороги длиной примерно в четверть мили. По-прежнему ощущая тревогу, Ник поехал к амбару. Велосипед Тома валялся в грязи. Он даже не поставил его на подножку. Ник приписал бы это простой забывчивости, если бы не видел, как несколько раз до этого случая Том подножкой воспользовался. Страх выбил из него последний запас мозгов, — подумал Ник.

Повинуясь своей собственной тревоге, он оглянулся через плечо, и то, что он увидел, заставило его съежиться от ужаса.

С запада надвигалась ужасная чернота. Это даже не было облаком, просто какое-то полное отсутствие света. Чернота имела форму воронки и, на первый взгляд, была высотой в тысячу футов. Воронка расширялась кверху. Узкий низ ее немного не доставал до земли. Казалось, что облака разбегаются при ее приближении, словно одержимые какой-то таинственной силой отторжения.

Ник увидел, как в трех четвертях мили от него воронка коснулась земли, и продолговатое синее здание с крышей из проржавевшего железа — возможно, это был склад автомобильных запчастей или дровяной сарай — разлетелось на куски с громким взрывом. Он, конечно, не мог слышать этого, но он почувствовал такое сильное сотря-

сение почвы, что покачнулся. И здание, похоже, взорвалось *вовнутрь*, как будто воронка высосала из него весь воздух. В следующую секунду металлическая крыша разломилась пополам. Половинки понеслись вверх, бешено вращаясь, словно сумасшедший волчок. Ник зачарованно задрал голову, чтобы проследить их полет.

Я смотрю на нечто из моих худших снов, — подумал Ник, — и это совсем не человек, хотя иногда он и может выглядеть как человек. Но в действительности это смерч. Один всемогущий огромный черный ураган, несущийся с запада и поглощающий все, что на свое несчастье окажется у него на пути. Это...

И тут его охватили две руки и в буквальном смысле слова сбили его с ног, увлекая в амбар. Он оглянулся на Тома Каллена и в первую секунду удивился его присутствию. Зачарованный штормом, он совершенно забыл о существовании Тома.

«Вниз!» — задыхаясь, проговорил Том. «Быстрее! Быстрее! Ой, ей-Богу, да! Смерч! Смерч!»

Наконец-то Ник по-настоящему испугался. Он выпал из того полуобморочного состояния, в котором он находился, и вновь вспомнил о том, где и с кем он находится. Пока Том вел его к лестнице в подвал, Ник ощутил странную звенящую вибрацию. Из всех ощущений, которые он когда-либо испытывал, это больше всего было похоже на звук. Что-то вроде ноющей боли в центре мозга. Спускаясь по лестнице вслед за Томом, он увидел зрелище, которое запомнил навсегда: обшивочные доски хлева отрывались одна за другой и уносились в облачное небо, подобно гнилым коричневым зубам, которые выдирают невидимые щипцы. Рассыпанное по полу сено закружилось в дюжине миниатюрных смерчевых воронок. Вибрация стала еще более настойчивой.

Потом Том открыл тяжелую дверь и втолкнул его внутрь. Ник ощутил запах влажной плесени и разложения. В последнюю секунду перед полной темнотой он успел заметить, что они делят этот подвал с целой семьей изъеденных крысами трупов. Потом Том захлопнул дверь, и они погрузились в абсолютную черноту. Вибрация стала слабее, но даже тогда не прекратилась полностью.

Паника окутала его своим плащом. Чернота ограничила его восприятие до осязания и обоняния, и ни то ни другое чувство не посылало ему утешительных известий. Он чувствовал, как доски непрерывно вибрируют у него под ногами, а пахло вокруг смертью.

Том слепо ухватился за его руку, и Ник притянул слабоумного поближе к себе. Он чувствовал, как Том дрожит, и подумал о том, не плачет ли он или не пытается ли сказать ему что-нибудь. Эта мысль избавила его от части собственного страх, и он положил руку Тому на плечи. Том ответил ему тем же. Вытянувшись в струнку, они стояли в темноте, прижимаясь друг к другу.

Вибрация под ногами у Ника стала еще сильнее. Казалось, даже воздух слегка трепещет вокруг его лица. Том сжал его еще крепче. Слепой и глухой, Ник ждал, что же произойдет, и размышлял о том, что если бы Рэй Бут дотянулся бы и до второго глаза, то вся жизнь была бы такой же, как сейчас. Если бы это случилось, он, наверное, давным-давно бы выстрелил себе в голову и покончил бы с этим.

Позже он был почти не в состоянии поверить своим часам, которые настаивали на том, что они провели в темноте подвала только пятнадцать минут, хотя логика и убеждала его в том, что раз часы идут, то это действительно так. Никогда за всю свою жизнь он не понимал, насколько субъективно, насколько растяжимо на самом деле время. Казалось, что они провели там по крайней мере час, а, возможно, два или три. По мере того, как время шло, он все более уверялся в том, что он с Томом в подвале не одни. Конечно. Там были тела — какой-то бедолага перед концом притащил сюда всю свою семью, очевидно, исходя из рожденного бредом предположения, что раз они пережидали в этом убежище все природные катаклизмы, то и этот они могут переждать здесь же — но не их он имел ввиду. С точки зрения Ника, труп был обычной вещью, ничем не отличающейся от стула, пишущей машинки или коврика. Труп был обычной неодушевленной вещью, заполняющей пространство. Но он чувствовал присутствие другого существа, и он становился все более уверенным в том, кто — или что — это.

Это был темный человек, человек, который оживал в его снах, существо, чей дух он учуял в черном сердце циклона.

Где-то... в углу или возможно, позади них... *он* наблюдал за ними. И ждал. В подходящий момент он дотронется до них, и оба они... что? Сойдут с ума от страха, конечно. Именно так. Он может видеть их. Ник был уверен в том, что он может видеть их. У него были глаза, способные видеть в темноте, как глаза кошки или какой-нибудь жуткой твари. Как в том фильме, «Хищник». Темный человек мог видеть тона спектра, недоступные человеческому глазу, и для него все выглядело медленным и красным, словно весь мир был опущен в красильный чан с кровью.

Поначалу Ник был в состоянии отделять фантазию от реальности, но со временем он все более и более убеждался в том, что фантазия и *есть* реальность. Он вообразил, что ощущает дыхание черного человека у себя на затылке.

Он уже был готов подскочить к двери, открыть ее и взлететь вверх по лестнице, что бы ни ожидало его наверху, но Том опередил его. Его рука на плече у Ника неожиданно исчезла. В следующее мгновение дверь подвала со стуком открылась, пропустив поток ослепительно белого света, который заставил Ника заслонить рукой свой здоровый глаз. Он успел различить лишь призрачный, извивающийся силуэт Тома Каллена, который шатаясь и спотыкаясь, ринулся вверх по лестнице. Ник последовал за ним, нащупывая свой путь в ослепительной белизне. Когда он поднялся наверх, глаза уже привыкли.

Он подумал о том, что в амбаре не было так светло, когда они опускались вниз, и немедленно понял почему. С амбара снесло крышу. Казалось, она была удалена почти что хирургическим способом. Работа была проделана так чисто, что на полу, который она когда-то покрывала, не было ни щепок, ни другого мусора. С сеновала свисали три балки, а со стен сорвало почти все обшивочные доски. Находиться в этом амбаре это было все равно что стоять внутри собранного скелета доисторического чудовища.

Том не остановился для того, чтобы осмотреть разрушения. Он носился по амбару так, словно сам дьявол гнался

за ним по пятам. Один раз он глянул вниз своими широко раскрытыми и почти комически испуганными глазами. Ник не смог побороть соблазна посмотреть через плечо в подвал. Внизу на полу он различил разбросанную солому и две пары протянувшихся из темноты рук. Пальцы были обгрызены крысами до костей.

Если там и был кто-то еще, то Ник его не заметил.

И нельзя сказать, чтобы он хотел этого.

Вслед за Томом он вышел наружу.

Поеживаясь, Том стоял рядом со своим велосипедом. Ник на мгновение удивился капризной избирательности смерча, который унес с собой большую часть амбара, но пренебрег их велосипедами, но тут он заметил, что Том плачет. Ник подошел и положил руку ему на плечи. Широко раскрытыми глазами Том уставился на покосившиеся двери амбара. Ник сделал кружок из большого и указательного пальца. Том скользнул по нему взглядом, но улыбка, которую Ник надеялся вызвать, не появилась на его лице. Он просто снова уставился на амбар. Взгляд его был пустым и оцепеневшим, что Нику совсем не понравилось.

«Кто-то был там», — внезапно сказал Том.

Ник улыбнулся, но улыбка вышла вымученной. Он не представлял себе, как она выглядела со стороны, чувство было препаршивое. Он указал на Тома, на себя, а потом резко разрубил воздух ребром ладони.

«Нет», — сказал Том. «*Не* только мы. Кто-то еще. Кто-то вышедший из смерча».

Ник пожал плечами.

«Мы можем отправиться прямо сейчас? Пожалуйста?»

Ник кивнул.

Они повели велосипеды обратно на шоссе. Этот парень спас мою жизнь, — подумал Ник, глядя на Тома. До сегодняшнего дня я никогда не видел смерча. Если бы я оставил его в Мэе, как я собирался сделать, то теперь я был бы мертв, как дверной гвоздь.

Он похлопал Тома по спине и улыбнулся ему. Нам надо найти кого-нибудь еще, — подумал Ник. *Мы должны* это сделать, хотя бы для того, чтобы я мог сказать ему спасибо.

И как меня зовут. Он ведь даже не знает моего имени, так как не умеет читать.

Он остановился на мгновение, удивленный этой мыслью, а потом они оседлали свои велосипеды и отправились в путь.

В тот вечер они разбили лагерь на левой половине футбольного поля в Росстоне. Небо было безоблачным и звездным. Ник уснул быстро и спал без сновидений. Он проснулся на заре следующим утром, думая о том, как хорошо снова быть с кем-то, как это все меняет.

В Небраске действительно был округ Полк. Сначала это ошеломило его, но ведь он путешествовал последние несколько лет. Наверное, кто-нибудь в разговоре с ним упомянул округ Полк, а он просто забыл об этом. Но во что он не мог поверить, во всяком случае, при ярком солнечном свете утра, так это в то, что они действительно найдут среди кукурузного поля старую негритянку, сидящую на крыльце и поющую гимны под аккомпанемент гитары. Он не верил в предчувствия и видения. Но было необходимо двигаться куда-то, искать людей. В каком-то смысле он разделял стремление Фрэн Голдсмит и Стью Редмана к образованию новых групп людей. Пока этого не произойдет, все вокруг будет оставаться чуждым и вывихнутым. Повсюду была опасность. Ее нельзя было увидеть, но ее можно было почувствовать, тем же способом, которым он почувствовал вчера присутствие темного человека в подвале. Вы ощущали опасность повсюду: в домах, за следующим поворотом дороги, может быть, даже под легковыми автомобилями и грузовиками, сгрудившимися на всех крупных дорогах. А если там ее не было, то она гнездилась в отрывном календаре, через один или два листочка. Опасность, — казалось, шептала ему каждая частичка его организма.

Ник склонился над атласом. Если они продолжат путь, то может быть, со временем их станет больше. По пути к Небраске они обязательно подберут с собой несколько человек (или подберут их самих, если они встретят группу большей численности). После Небраски они отправятся куда-нибудь еще. Это были поиски неизвестно чего — в конце не было ни святого Грааля, ни меча на наковальне.

Мы срежем путь в северо-восточном направлении, — подумал он, — поднимемся в Канзас. Шоссе №35 выведет их к №81, а №81 приведет их в Сведехольм, штат Небраска, к тому месту, где оно пересекается с шоссе штата №92 под абсолютно прямым углом. Еще одно шоссе, №30, соединяло их между собой, являясь гипотенузой прямоугольного треугольника. И где-то в этом треугольнике лежала страна его сна.

Мысль об этом вселила в него странное предвкушающее волнение.

Движение в верхнем поле его зрения заставило его поднять глаза. Том сидел, потирая кулаками глаза. Кажется, зияющий зевоч уничтожил всю нижнюю половину его лица. Ник улыбнулся ему, и Том улыбнулся в ответ.

«Мы сегодня поедem дальше?» — спросил Том, и Ник кивнул. «Господи, это хорошо. Мне нравится ехать на своем велосипеде. Ей-Богу, да. Надеюсь, мы никогда не остановимся!»

Убирая атлас, Ник подумал: Кто знает? Может быть, твое желание и исполнится.

Этим утром они повернули на восток, и ленч они съели не очень далеко от границы между Оклахомой и Канзасом. Это было седьмого июля. Стояла жаркая погода.

Незадолго до того, как они остановились поесть, Том в очередной раз резко затормозил. Он уставился на табличку, стойка которой была утоплена в цементном фундаменте, наполовину погрузившемся в мягкий грунт на обочине дороги. Табличка гласила: **ВЫ ВЫЕЗЖАЕТЕ ИЗ ОКРУГА ХАРПЕР, ШТАТ ОКЛАХОМА — ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В ОКРУГ ВУДС, ШТАТ ОКЛАХОМА.**

«Я могу прочесть это», — сказал Том, и если бы Ник мог слышать, он был бы отчасти позабавлен, а отчасти тронут тем, как голос Тома переключился на громкую и пронзительную декламацию: *«Сейчас вы выезжаете из округа Харпер. Сейчас вы въезжаете в округ Вудс»*. Он обернулся к Нику. «Знаете что, мистер?»

Ник покачал головой.

«Ни разу за всю свою жизнь я не выезжал из округа Харпер, ей-Богу, нет, но однажды папочка привез меня

сюда и показал мне эту табличку. Он сказал мне, что если когда-нибудь поймают меня по другую сторону, то покажет мне, где раки зимуют. Я надеюсь, он не поймет нас в округе Вудс. Как вы думаете?»

Ник усиленно затряс головой.

«Канзас Сити случайно не в округе Вудс?»

Ник снова сделал отрицательный жест.

«Но первым делом мы едем в округ Вудс, так ведь?»

Ник кивнул.

Глаза Тома засияли: «Это мир?»

Ник не понял. Он нахмурился... приподнял брови... пожал плечами.

«*Мир* — я имею ввиду такое место», — сказал Том. «Мы едем в *мир*, мистер?» Том помедлил, а потом спросил торжественно: «Можно ли Вудс назвать миром?»

Ник медленно кивнул.

«О'кей», — сказал Том. Он посмотрел еще немного на табличку, утер правый глаз, из которого выкатилась одна единственная слеза, и вскочил на свой велосипед. «О'кей, поехали». Он переехал границу между округами, не произнес больше ни одного слова, и Ник последовал за ним.

Они въехали в Канзас перед самым наступлением темноты. После ужина Том выглядел надутым и усталым. Он хотел поиграть в гараж. Он хотел посмотреть телевизор. Он не хотел больше ездить, так как седло натерло ему задницу. У него не было ни малейшего представления о границах между штатами, и поэтому он не почувствовал и доли того подъема, который ощутил Ник, когда они проехали мимо еще одной таблички, на этот раз с надписью **ВЫ ВЪЕЗЖАЕТЕ В КАНЗАС**.

Они разбили лагерь в четверти мили от границы под водонапорной башней, стоявшей на высоких стальных ногах, как марсианин Г.Дж.Уэллса. Том заснул сразу же, как только заполз в свой спальный мешок. Ник немного посидел, наблюдая за появлением звезд.

Ночью ему снился человек без лица, стоявший на высокой крыше, с руками, протянутыми на восток. А потом ему снилась кукуруза, которая была выше его роста, и звуки музыки. Но на этот раз он знал, что это *музыка*, и

знал, что это *гитара*. Он проснулся незадолго до восхода с болезненно переполненным мочевым пузырем и звоном ее слов в ушах: *Они называют меня матерью Абагейл... приходи повидать меня в любое время.*

В тот день после полудня, двигаясь на восток сквозь округ Команчи по шоссе №160, они в изумлении застыли на своих велосипедах, наблюдая за небольшим стадом бизонов — возможно, около дюжины — спокойно переходивших с одной стороны дороги на другую в поисках более сочной травы. К северу от дороги виднелась изгородь из колючей проволоки, но похоже, бизоны повалили ее.

«Кто это такие?» — спросил Том испуганно. «Это не коровы!»

Но так как Ник не мог говорить, а Том не умел читать, Ник не смог ему объяснить. Это было восьмого июля 1990 года, и в ту ночь они спали прямо на земле в сорока милях к западу от Дирхеда.

Девятого июля они поглощали свой ленч в тени старого, изысканного вяза на внешнем дворе фермерского дома, который наполовину сгорел. Том одной рукой ел сосиски из консервной банки, а второй заводил машину на станцию техобслуживания и выводил ее обратно. Снова и снова он напевал припев какой-то популярной песенки. Ник уже выучил наизусть меняющиеся очертания губ Тома: «Крошка, поймешь ли ты своего парня — он парень что надо — он парень шикааарный — крошка, поймешь ли ты своего парня?»

Ник был расстроен и немного испуган размерами простиравшейся вокруг них страны. Никогда раньше он не задумывался о том, как, оказывается, легко было выставить большой палец, зная, что рано или поздно закон статистической вероятности сработает на тебя. Останавливалась машина, за рулем которой оказывался обычно мужчина. Частенько между колен у него удобно размещалась баночка пива. Он спрашивал, куда ты едешь, а ты протягивал ему клочок бумаги, который был всегда под рукой в нагрудном кармане. На нем было написано: «Здравствуйте, меня зовут Ник Андрос. Я глухонемой.

Извините. Я направляюсь в... Спасибо большое за то, что подобрали меня. Я могу читать по губам». И все шло, как по маслу. Если парень не имел ничего против глухонемых (а были и такие, хотя они и составляли меньшинство), ты запрыгивал в машину, и она везла тебя туда, куда тебе было надо, или по крайней мере в этом направлении на приличное расстояние. Машина пожирала дорогу и извергала мили из выхлопной трубы. Это была форма телепортации. Машина побеждала карту. Но теперь машина не появлялась, хотя на многих дорогах вполне можно было проехать семьдесят или восемьдесят миль, соблюдая осторожность. А когда путь окажется окончательно заблокированным, ты просто оставишь свою машину, пройдешь немного вперед и сядешь в следующую. Без машины они были похожи на муравьев, ползущих по груди упавшего великана. И Ник мечтал наяву, что когда они все-таки встретят кого-нибудь (он не сомневался, что это произойдет), встреча произойдет так же, как и в самые беззаботные дни автостопа: на вершине ближайшего холм появится это знакомое сияние, одновременно ослепляющее глаза и доставляющее им радость. Это будет какая-нибудь самая обычная американская машина— «Шевроле Бискейн» или «Понтиак Темпест», старое доброе дейтройтское железо на колесах. В своих мечтах он никогда не думал ни о «Хонде», ни о «Мазде», ни о «Юго». И вот эта американская красавица перевалит через холм, и он увидит за рулем человека, дерзко выставившего наружу свой загорелый локоть. Человек будет улыбаться и скажет: «Святой Иосиф, пареньки! Ну не рад ли я вас встретить! Прыгайте сюда! Прыгайте, давайте и разберемся, куда мы едем!»

Но в тот день они никого не встретили, а на следующий день им встретила Джули Лори.

День снова выдался жарким. Они ехали почти весь день, но продвигались вперед не очень быстро из-за зеленых яблок.

Яблоки они отыскивали на старой яблоне во дворе фермы. Они были зелеными, маленькими и кислыми, но и Ник и Том долгое время не ели свежих фруктов, и вкус яблок показался им божественным. Ник заставил себя остано-

виться после второго, но Том съел шесть, несмотря на протестующие жесты Ника. Когда Том Каллен вбивал себе что-нибудь в голову, он приобретал все очарование четырехлетнего капризного ребенка.

С одиннадцати утра и до наступления вечера Тома мучил понос. Пот стекал с него небольшими ручейками. Он стонал. Ему приходилось слезать с велосипеда, чтобы ввезти его на низкие пологие горки. Несмотря на раздражение из-за того, что они так медленно двигаются, Ник не мог удержаться от печальной улыбки.

Когда около четырех часов пополудни они доехали до Пратта, Ник решил, что на сегодня хватит. Том благодарно рухнул на скамейку в тени на автобусной остановке и сразу же задремал. Ник оставил его там и пошел по торговому кварталу в поисках аптеки. Он раздобудет «Пепто-Бисмол» и заставит Тома принять лекарство, захочет он этого или нет. Если для того, чтобы закупорить Тома понадобится целая бутылка, то ему придется ее выпить. Завтра Ник хотел хотя бы частично наверстать упущенное время.

Он обнаружил аптеку неподалеку от местного театра. Проскользнув внутрь сквозь открытую дверь, он на мгновение остановился вдыхая знакомый жаркий, застоявшийся запах. К нему примешивались и другие сильные, насыщенные запахи. Самым сильным из них был запах духов. Возможно, от жару несколько пузырьков взорвалось.

Ник огляделся в поисках желудочных лекарств, пытаясь вспомнить, сохраняется ли «Пепто-Бисмол» в жаре. Ладно, на этикетке будет указано. Глаза его скользнули по манекену, и через два ряда он увидел то, что искал. Он сделал два шага вперед и лишь тогда понял, что никогда раньше не видел манекенов в аптеке.

Он посмотрел обратно и увидел Джули Лори.

Она стояла в полной неподвижности. В одной руке у нее был пузырек с духами, в другой — стеклянная палочка, с помощью которой наносят их на кожу. Ее фарфорово-голубые глаза раскрылись в ошеломленном, недоверчивом удивлении. Ее коричневые волосы были стянуты назад и перехвачены блестящим шелковым шарфом. Она была одета в розовый свитер и джинсовые шорты, которые были укорочены до такой степени, что их скорее можно

было принять за трусики. На лбу у нее была целая россыпь прыщей, а прямо в центре подбородка вскочил гигантский чирей.

Застыв от удивления, они смотрели друг на друга. Потом пузырек духов выскользнул у нее из рук и разлетелся на мелкие кусочки, наполнив всю аптеку острым зловонием.

«Боже мой, ты и вправду существуешь?» — спросила она дрожащим голосом.

Сердце Ника бешено забилося, и он почувствовал, как кровь пульсирует у него в висках.

Он кивнул.

«Ты не привидение?»

Он покачал головой.

«Тогда скажи что-нибудь. Скажи что-нибудь, если ты не привидение».

Ник положил руку на рот, а потом на горло.

«Что *это* должно означать?» В ее голосе появились истерические нотки. Ник не мог их расслышать... но он ощущал это, видел это у нее на лице. Он боялся сделать шаг по направлению к ней, так как если бы он все-таки шагнул, она бросилась бы бежать. Он подумал, что она боится не встречи с другим человеком. В действительности она боится того, что она увидела галлюцинацию и начинает сходить с ума. Снова он почувствовал волну досады и неудовлетворенности. Если б он только мог *говорить*...

Ник проделал пантомиму сначала. В сущности, это было единственное, что ему оставалось. На этот раз забрезжило понимание.

«Ты не можешь говорить? Ты немой?»

Ник кивнул.

Она резко рассмеялась. «Ты хочешь сказать, что наконец-то я встретила живого человека, и он оказался *немым*?»

Ник пожал плечами и неуверенно улыбнулся.

«Ну что ж, — сказала она, направляясь к нему, — во всяком случае у тебя приличный вид. Это уже кое-что». Она положила руку ему на плечо, почти коснувшись его грудью. Он мог различить запах по крайней мере трех разных духов, а сквозь них пробивался неприятный аромат ее пота.

«Меня зовут Джули», — сказала она. «Джули Лори. А тебя как?» Она хихикнула. «Не можешь сказать, так? Бедняга ты». Она пододвинулась немного ближе и слегка потерлась о него грудью. Он почувствовал жар. Какого черта, — подумал он досадливо, — она ведь совсем еще ребенок.

Он отодвинулся от нее, достал блокнот из кармана и начал писать. После первой же строчки она наклонилась и заглянула ему через плечо, чтобы посмотреть, что он пишет. Лифчика на ней не было. Господи. Да уж, быстро она преодолела свой испуг. Почерк его стал слегка неровным.

«Ну и ну», — сказала она, увидев, как он пишет. Словно он был обезьяной, выполняющей какой-нибудь особенно сложный фокус.

«Я Ник Андрос. Я глухонемой. Я путешествую вместе с человеком по имени Том Каллен, немного умственно отсталым. Он не умеет читать и не понимает моих жестов, кроме самых простых случаев. Мы направляемся в Небраску, так как мне кажется, что там могут быть другие люди. Отправляйся с нами, если захочешь».

«Конечно», — сказала она немедленно, а потом, вспомнив о его глухоте и очень тщательно произнося слова, спросила: «Ты можешь читать по губам?»

Ник кивнул.

«О'кей», — сказала она. «Я рада встретить других людей, и кому какое дело до того, что это глухонемой и умственно отсталый. Мрачное здесь место. Я почти не сплю по ночам с тех пор, как вырубилось электричество». На лице ее появилась мученическая маска горя, более подходящая для героини мыльной оперы, чем для нормального человека. «Видишь ли, мои мама и папа умерли две недели назад. Умерли все, кроме меня. Мне было так одиноко». С рыданием она упала в объятия Ника и начала тереться об него в непристойной пародии на приступ скорби.

Когда она отстранилась от него, глаза ее оказались сухими и блестящими.

«Эй, давай-ка займемся этим», — сказала она. «Ты мне нравишься».

Ник вытаращил на нее глаза. Это невозможно, — подумал он.

Но это оказалось вполне возможно. Она подергала его ремень. «Давай. Я принимаю таблетки. Это безопасно». Она помедлила. «Ты ведь можешь, правда? Я хочу сказать, ведь то, что ты не можешь говорить, не означает, что ты не можешь...»

Он протянул вперед руки, возможно, для того, чтобы взять ее за плечи, но они наткнулись на ее груди. Это положило конец его возможным колебаниям. Он утратил способность размышлять. Они опустились на пол, и он овладел ей.

Когда все кончилось, он подошел к двери и, застегивая ремень, проверил, на месте ли Том. Том по-прежнему лежал на скамейке и спал. Джули, вертя в руках новый пузырек духов, присоединилась к нему.

«Это умственно отсталый?» — спросила она.

Ник кивнул. Она начала рассказывать о себе, и Ник с облегчением выяснил, что ей было семнадцать лет, не намного меньше, чем ему самому. Ее мама и друзья всегда называли ее Ангельское Личико или просто Ангел, — сказала она, — потому что она выглядит значительно моложе своих лет. В течение следующего часа она рассказала ему еще много всякой всячины, и Ник в конце концов понял, что не может отличить правду от лжи... или от выдавания желаемого за действительное. Наверное, она всегда ждала человека вроде него, который никогда не сможет прервать ее бесконечный монолог. Глаза Ника устали смотреть на то, как ее розовые губы складываются в слова. Но как только глаза его уходили в сторону, для того чтобы проверить Тома или вдумчиво взглянуть на разбитую витрину магазина одежды через дорогу, ее рука дотрагивалась до его щеки, заставляя его снова смотреть на ее рот. Она хотела, чтобы он «услышал» все до последнего. Сначала она раздражала его, потом ему стало с ней скучно. Невероятно, но через час он уже поймал себя на мысли, что лучше бы ему вообще не встречать ее и хорошо бы, чтобы она передумала и не поехала бы с ними.

Она увлекалась рок-музыкой и марихуаной и была склонна к тому, что она называла колумбийскими скачками. У нее был мальчик, но его так невзлюбила администрация местной школы, что ему пришлось в прошлом апреле перейти в мореходное училище. С тех пор она его не видела, но каждую неделю писала ему по письму. С двумя своими подругами — Руфью Хонингер и Мери Бет Гуч — она ездила на все рок-концерты в Вичите, в прошлом сентябре она стопом добралась до Канзас Сити, чтобы увидеть Ван Халена и Монстров Тяжелого Металла. Она утверждала, что занималась «этим» с басистом группы «Доккен», и сказала что «так меня не дрючили за всю мою жизнь». Когда за двадцать четыре часа умерли ее мать и отец, она «плакала и плакала», хотя мама и была «сучьей ханжой», а папа «точил зуб» на Ронни, ее друга, уехавшего из города и поступившего в мореходное училище. После школы у нее были планы либо стать косметологом в Вичите, либо «добраться на попутках до Голливуда и найти работу в одной из фирм, которые создают интерьеры в домах звезд, а я ведь классно разбираюсь в дизайне, да и Мери Бет сказала, что поедет со мной».

В этот момент она внезапно вспомнила о том, что Мери Бет Гуч мертва, и что у нее теперь едва ли есть возможность стать косметологом или дизайнером для звезд. Эта мысль причинила ей несколько более неподдельное горе. Однако, это был не шторм, а всего лишь быстро схлынувший шквал.

Когда поток слов стал понемногу пересыхать, она захотела «сделать это» снова, Ник покачал головой, и она надулась. «Может, я с тобой и не поеду никуда», — сказала она.

Ник пожал плечами.

«Болван-болван-болван», — быстро проговорила она с неожиданной злобой. В глазах у нее засияла ненависть. Потом она улыбнулась. «Я не хотела тебя обижать. Я просто шутила».

Ник безразлично посмотрел на нее. Его обзывали и похуже, но в ней было что-то такое, что ему очень не нравилось. Какая-то неугомонная вертлявость. Если она рассердится, то она не закричит и не ударит вас по лицу,

а просто вопьется в вас когтями. Со внезапной уверенностью он почувствовал, что она солгала про свой возраст. Ей было не семнадцать, и не четырнадцать, и не двадцать один. Ей было столько, сколько вам требовалось... когда вы нуждались в ней сильнее, чем она в вас. Она была сексуальной, но Ник подумал, что ее похотливость является лишь внешним проявлением какого-то другого свойства ее личности... лишь симптомом. *Симптом*. Это слово употребляют, когда говорят о больном человеке, так ведь? Больна ли она. В каком-то смысле да, и он внезапно испугался, что это может плохо повлиять на Тома.

«Эй, твой друг просыпается!» — сказала Джули.

Ник оглянулся. Действительно, Том сидел на скамейке и недоуменно озирался по сторонам. Ник внезапно вспомнил о «Пепто-Бисмоле».

«Привет!» — завопила Джули и побежала вниз по улице к Тому. Грудь ее упруго подпрыгивала под свитером. Том приобрел еще более изумленный вид.

«Привет?» — вопросительно проговорил он и поднял глаза на Ника, ожидая подтверждения и/или объяснения.

Скрывая свое беспокойство, Ник пожал плечами и кивнул.

«Меня зовут Джули», — сказала она. «Как твои дела, красавчик?»

Глубоко задумавшись и ощущая неясную тревогу, Ник вернулся в аптеку за лекарством для Тома.

«Ой-ой», — сказал Том, трясая головой и отступая назад. «Ой-ой, я не хочу. Том Каллен не любит лекарства, ей-Богу, нет, очень горько».

Держа в одной руке трехгранный пузырек с «Пепто-Бисмолем», Ник посмотрел на Тома с досадой и неприязнью. Он взглянул на Джули, и она перехватила его взгляд, но в глазах у нее он увидел тот же дразнящий отсвет, что и когда она назвала его болваном. Такие глаза бывают у необладающего чувством юмора человека, когда он собирается дразнить кого-нибудь.

«Правильно, Том», — сказала она. «Не пей, это яд».

Ник изумленно посмотрел на нее. Она усмехнулась в ответ, словно предлагая ему попробовать убедить Тома в

обратном. Возможно, это была ее маленькая месть за то, что ее второе предложение заняться сексом было отклонено.

Он снова посмотрел на Тома и сам отхлебнул из бутылочки. Он чувствовал тупое давление гнева в висках. Он протянул бутылочку Тому, но Том не выглядел убежденным.

«Нет, ой-ой, Том Каллен не пьет яд», — сказал он, и с растущей яростью Ник увидел, что Том испугался. «Папочка говорил мне: нельзя. Папочка сказал, что раз он убивает крыс в амбаре, то он убьет и Тома! Никакого яда!»

Не в силах больше выносить ее самодовольную усмешку, Ник внезапно полуобернулся к Джули. Он ударил ее ладонью и ударил сильно. Том испуганно наблюдал за всем этим широко распахнутыми глазами.

«Ты...» — начала она и на мгновение не могла найти нужных слов. Кровь прилила к ее лицу. *«Ах ты чертов мудака! Это была просто шутка, дерьмо! Ты не смеешь бить меня! Ты не смеешь бить меня, болван!»*

Она набросилась на него, и он оттолкнул ее. Она упала на задницу и оскалилась. «Я оторву тебе яйца», — выдохнула она. «Ты не смеешь так поступать».

Дрожащими руками Ник вытащил ручку и большими неровными буквами нацарапал несколько слов. Он вырвал страничку из блокнота и протянул ей. Она выбила записку у него из руки.

Он подобрал листок, схватил ее за шкирку и ткнул записку ей в лицо. Том захныкал и отпрянул от них.

Она закричала: «Хорошо! Я прочту! Я прочту твою сраную записку!»

Записка состояла из четырех слов: «Ты нам не нужна».

«Пошел ты!» — закричала она, вырываясь из его рук. Глаза ее стали такими же огромными и синими, какими они были, когда он наткнулся на нее в аптеке. Но теперь из них лучилась ненависть. Ник почувствовал себя усталым. Почему из всех людей им попалась именно она?»

«Я здесь не останусь», — сказала Джули Лори. «Я пойду. И ты не можешь остановить меня».

Но он мог. Неужели она до сих пор этого не поняла? Наверное, нет, — подумал Ник. Для нее все это было чем-то вроде голливудского сценария, настоящий фильм-катастро-

фа, в котором она играет главную роль. Это был фильм, в котором Джули Лори, также известная под прозвищем Ангельское Личико, всегда получала все, что хотела.

Он вытащил из кобуры револьвер и направил его ей на ноги. Она замерла, и краска испарилась с ее лица. Выражение глаз изменилось, и вся она стала выглядеть совершенно иначе, впервые — как живой человек. В ее мир вторглось нечто такое, что она не могла использовать в своих интересах. Оружие. Ник неожиданно почувствовал не только усталость, но и тошноту.

«Я пошутила», — сказала она быстро. «Я сделаю все, что ты хочешь. Честное слово».

Он помахал рукой с револьвером, показывая ей, чтобы она уходила.

Она повернулась и пошла по улице, оглядываясь через плечо. Она шла все быстрее и быстрее и наконец бросилась бежать. Завернув за угол квартала, он исчезла. Ник убрал револьвер обратно в кобуру. Он дрожал. Он чувствовал себя испачкавшимся и вымотанным, словно Джули Лори была похожа не на человека, а на одного из тех жучков с холодной кровью, которых находишь под мертвыми деревьями.

Он обернулся в поисках Тома, но того нигде не было видно. Он пошел по солнечной улице. В голове у него гудел мотор, а в больном глазу чувствовалась острая, пульсирующая боль. Тома он нашел только через двадцать минут. Он сидел на крыльце дома, находившегося в двух улицах от торгового квартала, прижимая к груди коробку с гаражом. Увидев Ника, он заплакал.

«Пожалуйста, не заставляйте меня пить это, пожалуйста, не заставляйте Тома Каллена пить яд, ей-Богу, нет. Папочка говорил, что раз он убивает крыс, то убьет и меня... *пожаааалуиста!*»

Ник заметил, что до сих пор держит в руках бутылочку «Пепто-Бисмола». Он отбросил ее в сторону и показал Тому свои пустые ладони. Понос будет просто идти своим чередом. Спасибо тебе, Джули.

Громко плача, Том сошел по ступенькам с крыльца. «Простите меня», — повторял он снова и снова. «Простите меня, Том Каллен просит прощения».

Вдвоем они вернулись на Главную улицу... и застыли от удивления. Оба велосипеда были перевернуты. Шины были изрезаны. Содержимое их рюкзаков было разбросано от одной стороны улицы до другой.

И в тот момент что-то на огромной скорости пронеслось мимо лица Ника. Том взвизгнул и пустился в бегство. На мгновение Ник был озадачен. Он стал оглядываться и случайно посмотрел как раз в том направлении, где сверкнула вспышка второго выстрела. Стреляли из окна второго этажа местного отеля. Нечто похожее на быструю швейную иглу, дернуло ткань воротника его рубашки.

Он повернулся и побежал вслед за Томом.

Он не мог знать, стреляла ли Джули еще. Но он точно знал, что когда он догнал Тома, никто из них не был ранен. По крайней мере, мы отделались от этого бесенка, — подумал он, но это оказалось верно лишь отчасти.

Ночь они провели в амбаре в трех милях к северу от Пратта. Том постоянно просыпался от кошмарных снов, а потом будил Ника, чтобы тот успокоил его. Около одиннадцати часов следующего утра они добрались до Юки, и раздобыли два хороших велосипеда в магазине под названием «Спортивный и велосипедный мир».

Ник, наконец-то начавший оправляться от встречи с Джули, подумал, что они могут закончить свою экипировку в Грейт Бенде, где они должны оказаться никак не позднее четырнадцатого.

Но в четверть третьего дня, двенадцатого июля, в зеркале заднего обзора, укрепленном на левой стороне руля, он заметил какое-то сверкание. Он остановился (Том, который ехал вслед за ним, считая ворон, врезался ему в ногу, но Ник едва ли почувствовал это) и оглянулся через плечо.

Сверкание, которое появилось над холмом прямо у них за спиной, словно дневная звезда, ослепило и обрадовало его глаз — он с трудом верил себе. Это был «Шевроле»-пикап древней модели, старое доброе дейтройтское железо на колесах. Он медленно ехал, закладывая виражи с одной линии шоссе №281 на другую, пробираясь сквозь россыпь неподвижных автомобилей.

«Шевроле» выехал на обочину (Том бешено махал руками, в то время как Ник замер на велосипеде, уперев ноги в землю) и остановился рядом с ними. Последнее, что успел подумать Ник перед тем, как появилась голова водителя, была мысль о том, что за рулем окажется Джули Лори, улыбающаяся своей злобной, ликующей улыбкой. В руке у нее будет оружие, из которого она уже пыталась убить их раньше, и нет никаких шансов, что она промахнется с такого близкого расстояния. Вся злоба ада не сравнится с ненавистью женщины.

Но появившееся лицо принадлежало человеку лет сорока, на котором была надета соломенная шляпа с лихо воткнутым за бархатную синюю ленту пером. Когда он улыбнулся, лицо его покрылось сетью добродушных морщинок.

А сказал он следующее: «Иисус Христос на пирушке, рад ли я встретить вас, ребята? Думаю, что рад. Залезайте сюда, и давайте разберемся, куда мы направляемся.

Так Ник и Том повстречались с Ральфом Брентнером.

ГЛАВА 41

Он упал и ударился головой.

Мир нырнул в черноту и появился вновь, разбитый на яркие фрагменты. Он ощупал висок, и рука оказалась покрыта тонкой пленкой крови. Не имеет значения. Что такое упасть и удариться головой, когда последнюю неделю ни одна ночь не прошла без кошмаров, и удачными ночами можно было считать те, когда крик застревал у него посередине глотки? Если в голос закричишь во сне и проснешься от *этого*, то испугаешь себя еще сильнее.

Ему снилось, что он опять в туннеле Линкольна. Кто-то шел позади него, но во сне это была не Рита. Это был дьявол, и он подкрадывался к Ларри с застывшей на лице темной усмешкой. Черный человек не был ожившим мертвецом; он был хуже, чем оживший мертвец. Ларри бежал, объятый медленной, тинистой паникой, свойственной кошмарам. Он спотыкался о невидимые трупы, смотревшие на него стеклянными глазами чучел из склепов своих машин.

Он бежал, но какой был в этом толк, когда черный человек мог видеть в темноте? А спустя какое-то время темный человек начинал напевать: *Пошли, Ларри, пошли, мы будем вмеээээээсте, Ларри...*

Он начинал ощущать дыхание черного человека у себя на плече, и в этот момент он с усилием выбирался из сна, а крик либо застревал у него в глотке, как горячая кость, либо вырывался у него изо рта так, что можно было разбудить мертвых.

В дневное время видение темного человека исчезало. Он работал исключительно в ночную смену. А днями над ним приходило работать Одиночество, вгрызаясь в его мозг острыми зубами какого-то неутомимого грызуна — крысы, а может быть, ласки. Днями он думал о Рите. Снова и снова в своем сознании он снова и снова переворачивал ее и видел эти глаза-щелки, похожие на глаза животного, умершего от удивления и боли, и этот рот, который он когда-то целовал, забитый теперь застоявшейся зеленой рвотой. Она умерла с такой легкостью, ночью, *в том же самом поганом спальном мешке*, а теперь он...

Ну что сказать, сходил с ума. Именно так и было, разве не так? Именно это с ним и происходило. Он сходил с ума.

«Сумасшедший», — простснал он. «Господи, я становлюсь сумасшедшим».

Уцелевшая рациональная часть его сознания подтверждала, что, возможно, это так и есть, но в данный момент страдал он не от этого, а от теплового удара. После того, что произошло с Ритой, он уже был не в состоянии ехать на мотоцикле. Перед ним постоянно маячило видение собственной плоти, размазанной по всему шоссе. В конце концов он отправил мотоцикл в канаву. С тех пор он шел пешком — как долго? четыре дня? восемь? девять? Он не знал. После десяти часов утра температура поднялась выше девяносто градусов по Фаренгейту, сейчас было почти четыре, солнце било ему прямо в спину, а шляпы на нем не было.

Ларри потерял много веса и сейчас балансировал на тонкой метафорической (или метаболической?) грани между худобой и истощением. У него отросла борода. Глаза его глубоко запали и сверкали в глазницах, словно

маленькие затравленные зверьки, попавшиеся в рядом расставленные ловушки.

«Сумасшедший», — простонал он снова. Безнадежное отчаяние своего собственного скулящего стона испугало его. Неужели дела зашли так далеко? Когда-то существовал Ларри Андервуд, записавший пластинку, имевшую неплохой успех, человек, у которого были фантазии о том, что он станет Элтоном Джоном своего времени... а теперь этот парень превратился в разбитое создание, ползущее по черному покрытию шоссе №9 где-то на юго-востоке Нью-Хемпшира. Тот другой Ларри Андервуд не мог иметь никакого отношения к этому ползучему скату... к этому...

Он попытался подняться и не смог.

«Ой, это так смешно», — сказал он вслух, наполовину смеясь, наполовину плача.

Через дорогу на холме в двух сотнях ярдов, сверкая словно прекрасный мираж, стояла на отшибе белая ново-английская ферма. Ее обшивка и отделка были зеленого цвета, крыша была покрыта зеленой дранкой. С холма сбегала зеленая лужайка, которая только-только начала зарастать травой. У подножия холма тек небольшой ручей. Ларри мог слышать завораживающий звук его веселого журчания. Вдоль него извивалась каменная стена, возможно, служившая границей частного владения, а над ней на приличном расстоянии друг от друга нависали огромные, тенистые вязы. Он доползет дотуда и просто посидит немного в тени — вот что он сделает. А когда он более спокойно сможет взглянуть на... на положение дел вообще... он встанет на ноги, спустится к ручью, попьет воды и умоется. Может быть, от него плохо пахнет. Однако, кому какое дело? Кто будет нюхать его теперь, когда Риты нет на свете?

Интересно, она до сих пор лежит в палатке? Тело ее распухает? Привлекает мух? Ну а где ей еще быть? Играть в гольф в Палм Спрингс вместе с Бобом Хоупом?

Боже мой, это ужасно, — прошептал он и пополз через дорогу.

В тени было градусов на пятнадцать прохладнее, и Ларри испустил длинный вздох удовольствия и облегчения.

Он потрогал рукой обожженный солнцем затылок и отдернул ее, зашипев от боли.

«Парень, ты болен», — сказал он себе и прислонился головой к шероховатому стволу вяза. Он закрыл глаза. Испещренная солнечными бликами тень образовала на внутренней стороне его век движущиеся красно-черные узоры. Веселое журчание воды было приятным и успокаивающим. Через минутку он пойдет к ручью, попьет воды и умоется. Через одну минутку.

Он задремал.

Густые кусты, растущие вдоль ручья, зашуршали. Из листвы вынырнул мальчик. Ему было лет тринадцать, а возможно, и десять. Для своего возраста он был довольно высоким. На нем были только шорты. Тело его было очень загорелым, почти черным, и лишь повыше талии шла странная белая полоска. В правой руке он держал нож для разделки мяса. Лезвие было длиною в фут, и кончик его был зазубрен. Оно жарко сияло на солнце.

Мягко, слегка пригнувшись, он подкрался к Ларри. Глаза его были зеленовато-голубого цвета, цвета морской воды. Уголки их слегка поднимались вверх, придавая ему что-то китайское. Смотрели они свирепо, безо всякого выражения. Он поднял нож.

Мягкий, но твердый женский голос сказал: «Нет».

Он обернулся, склонив голову набок и прислушиваясь. Во взгляде его одновременно сквозили вопрос и разочарование.

«Мы будем наблюдать за ним», — сказал женский голос.

Мальчик помедлил переводя взгляд с ножа на Ларри и опять на нож с откровенно кровожадным выражением, а потом вернулся тем же путем, что и пришел.

Ларри продолжал спать.

Когда он проснулся, первое, что он ощутил, было хорошее самочувствие. Вторым его ощущением был голод. Третьим стало впечатление, что с солнцем что-то неладно — оно продвинулось по небу в обратном направлении. Четвертым было желание, простите за выражение, поссать, как скаковая лошадь.

Вставая и прислушиваясь к восхитительному потрескиванию сухожилий, он понял, что не просто вздремнул, а

проспал целую ночь. Он взглянул на часы и понял причину солнечной аномалии. Было двадцать минут десятого утра. Голоден. В большом белом доме наверняка окажется какая-нибудь еда. Консервированный суп, а может быть, солонина. В животе у него заурчало.

Прежде чем отправиться в дом, он разделся, встал на колени перед ручьем и стал брызгать на себя водой. Он заметил, насколько костлявым стало его тело. Потом он встал, вытерся рубашкой и снова натянул брюки. Пара камней поднимала свои влажные черные спины над ручьем, и он перешел по ним на другой берег.

На полпути к дому в голове у него всплыла мысль, словно пузырь, который поднялся на поверхность и лопнул. Произошло это непреднамеренно, но следствия этой мысли заставили его замереть на месте.

А мысль была следующая: *Почему ты не ехал на велосипеде?*

Он стоял посередине лужайки, пораженный ее простотой. Он шел пешком с тех пор, как отправил «Харли» в канаву. А ведь он мог крутить педали и, возможно, уже оказаться на побережье, выбирая себе подходящий коттедж и заготавливая запасы продовольствия.

Он засмеялся.

Позади, там где кусты были гуще всего, за ним наблюдали зеленовато-голубые глаза. Они видели, как он поднялся по крыльцу и открыл парадную дверь. Они видели, как он вошел в дом. Потом кусты зашуршали. Сквозь них продирался мальчик с зажатым в руке ножом.

Рука погладила его по плечу. Мальчик немедленно остановился. Появилась женщина. Фигура ее была высокой и крупной, но казалось, что кусты вокруг нее даже не шелохнулись. У нее были густые, роскошные черные волосы, в которых попадались отдельные пряди чистейшего белого цвета. Они были заплетены в косу, перекинутую вперед и доходившую ей до груди. Когда вы смотрели на эту женщину, вы сначала замечали, насколько она высокая, а потом ваш взгляд привлекали ее волосы, и вы почти осызали глазами их грубоватую, но словно смазанную маслом фактуру. И если вы были мужчиной, то вы начинали думать о том, как она будет выглядеть с распущен-

ными волосами, когда они разметаются по подушке при свете луны. Вы начинали думать о том, какой она будет в постели. Но она еще не знала мужчин. Она была девственницей. Она ждала. У нее были сны. И снова она задумалась о том, не будет ли этот мужчина первым.

«Подожди», — сказала она мальчику.

Она повернула к себе его искаженное лицо. Она знала, в чем было дело.

«С домом будет все в порядке. Он не станет вредить дому, Джо».

Он отвернулся от нее и посмотрел на дом обеспокоенным, страстным взглядом.

«Когда он выйдет, мы последуем за ним».

Он злобно затряс головой.

«Да, мы должны так поступить. Я должна». Она ощутила это с необычайной силой. Возможно, он не окажется тем самым, но он будет звеном в той цепи, за которую она держалась все эти годы. Цепи, которая в настоящий момент приближалась к концу.

Джо — это было его ненастоящее имя — яростно вскинул нож, словно желая пронзить ее. Она не стала ни защищаться, ни спастись бегством, и он медленно опустил его. Потом он повернулся к дому и ткнул ножом в его направлении.

«Нет, ты этого не сделаешь», — сказала она. «Потому что он живой человек, и он приведет нас к...» Она замолчала. *К другим живым людям*, — хотела она сказать. *Он живой человек, и он приведет нас к другим живым людям*. Но она не была уверена, что хотела сказать именно это, но даже если и так — то это было *все*, что она хотела сказать. Два противоположных желания уже начали разрываться на части и она пожалела о том, что они встретили Ларри. Она снова попыталась погладить мальчика, но он злобно отскочил в сторону и уставился на дом горящими, исполненными ревности глазами. Через какое-то время он снова скользнул в кусты и метнул в нее обиженный взгляд. Она последовала за ним, чтобы убедиться, что с ним все будет в порядке. Он лег и свернулся калачиком, прижав нож к груди. Он вложил большой палец в рот и закрыл глаза.

Надин вернулась к тому месту, где ручей образовывал небольшое озерцо, и опустилась на колени. Зачерпнув воду руками, она утолила жажду и устроилась наблюдать за домом. В глазах ее светился покой, а лицо ее очень напоминало Мадонну Рафаэля.

Позже в тот день Ларри ехал на велосипеде по трехрядной полосе шоссе №9. Впереди возник зеленый люминесцентный дорожный знак, и Ларри остановился, чтобы рассмотреть его. С некоторым удивлением он прочел: МЭН, ЗОНА ОТДЫХА. Он не верил своим глазам: сколько же он прошел пешком, обезумев от страха? Он уже собирался вновь отправиться в путь, но в этот момент нечто — какой-то звук, раздавшийся в лесу или у него в голове — заставило его резко оглянуться. За спиной у него не оказалось ничего, кроме уходящего назад в Нью-Хемпшир шоссе №9.

С тех пор, как он оставил большой белый дом, позавтракав там только сушеными отрубями и консервированным сыром, который он намазал на слегка лежалые крекеры, у него несколько раз возникало чувство, что за ним кто-то следит. Он слышал нечто, а возможно, даже видел нечто краем глаза. Но это не пугало его. Чувство того, что за ним наблюдают, не было связано ни с галлюцинациями, ни с бредом. Если кто-то наблюдает за ним, но предпочитает держаться подальше, то, может быть, его просто боятся. А если они боятся бедного исхудалого старину Ларри Андервуда, который настолько перетрусил, что даже не может ехать на мотоцикле со скоростью двадцать пять миль в час, то, по всей видимости, их нечего опасаться.

Привстав на велосипеде, который он раздобыл в спортивном магазине в четырех милях к востоку от большого белого дома, он громко крикнул: «Эй, если вы там, то почему бы вам не показаться? Я не причиню вам никакого вреда».

Ответа не последовало. Птица защebetала, а потом пронеслась у него над головой. Все остальное пребывало в полном покое. Спустя некоторое время он снова отправился в путь.

К шести часам вечера он доехал до маленького городка под названием Норт Бервик, стоявшего на пересечении шоссе №9 и шоссе №4. Здесь он решил остановиться на ночь, чтобы с утра отправиться в сторону побережья.

В небольшом магазинчике на перекрестке он взял из мертвого холодильника упаковку с шестью банками пива. Сорт назывался «Блек Лейбл» — такой он никогда не пробовал. Также он захватил с собой большой пакет картофельных чипсов и две банки тушенки. Все это он положил в рюкзак и вышел из магазина.

На другой стороне улицы был ресторан, и на секунду ему показалось, что он видел, как две тени скрылись за ним. Может быть, это и была игра воображения, но он так не думал. Он поразмыслил о том, не стоит ли перебежать через дорогу и одержать победу в этой игре в прятки. В конце концов он решил, что не стоит. Он знал, что такое страх.

Вместо этого он прошел еще немного по шоссе, толкая вперед велосипед с висевшим на руле отяжелевшим рюкзаком. Он заметил большое кирпичное здание школы, за которым была небольшая рощица. Он набрал достаточно довольно больших веток для костра и развел его в самом центре заасфальтированной игровой площадки. Рядом протекал небольшой ручеек. Он охладил пиво в воде и разогрел на огне одну из банок тушенки.

После еды он задумался о том, почему он почти не боится следующих за ним людей — так как теперь он был уверен, что за ним на самом деле следуют люди, по крайней мере двое, а может быть, и больше. Как следствие, он подумал о том, почему ему было так хорошо весь день, словно какой-то черный яд вытек из него во время вчерашнего долгого сна. Только ли в отдыхе было дело? Такой ответ казался слишком простым.

Смотря на дело логически, он предположил, что если бы его преследователи собирались причинить ему какой-нибудь вред, то они уже попытались бы это сделать. Да и что им могло от него понадобиться? Зачем нападать на кого-то, рискуя своей жизнью, если все, о чем ты когда-либо мечтал, сидя на унитазах с каталогом «Сиерс» на коленях, ты мог получить за витриной любого американ-

ского магазина? Просто разбей стекло, войди и возьми все, что угодно.

Все, что угодно, за исключением общества друзей. А *это* было самым главным, и Ларри прекрасно об этом знал. И подлинной причиной того, что он не чувствовал страха, как раз и была уверенность в том, что именно это и нужно незнакомцам. Рано или поздно их желание одолеет страх. Он подождет, пока это случится. Он не собирался спугнуть их, как стаю перепелов. Это могло только ухудшить ситуацию. Два дня назад он и сам, возможно, хлопнулся бы в обморок при виде другого человека. Так что он может подождать. Но ей-Богу, ему действительно хотелось снова увидеть кого-нибудь. Очень хотелось.

Он снова подошел к ручью и помыл посуду. Потом он выудил из воды упаковку пива и вернулся к костру. Он вскрыл первую банку и протянул ее в сторону ресторана, где он заметил две тени.

«За ваше здоровье», — сказал Ларри и одним глотком осушил полбанки.

Когда он выпил все шесть банок, шел уже восьмой час вечера, и солнце клонилось к закату. Он расшвырял последние тлеющие угли и собрал все свое снаряжение. Потом в полупьяном и очень приятном состоянии он проехал четверть мили по шоссе №9 и наткнулся на дом с застекленной верандой. Он поставил велосипед на лужайке, взял с собой свой спальный мешок и взломал дверь с помощью отвертки.

В последний раз он оглянулся, надеясь увидеть его, ее или их — они следовали за ним, он чувствовал это, — но улица оказалась пустынной. Пожав плечами, он вошел внутрь.

Через пятнадцать минут он уже спал. Дыхание его было ровным и размеренным. Винтовка лежала рядом с его правой рукой.

Надин чувствовала себя очень усталой. Похоже, это был самый длинный день в ее жизни. Дважды она была уверена, что он их заметил: один раз под Стаффордом, а второй раз на границе между Нью-Хемпширом и Мэном, когда он обернулся и позвал их. Лично ее это не

беспокоило. Этот человек не был сумасшедшим, как тот, кто проходил мимо большого белого дома десять дней назад. Это был солдат, сгибавшийся под тяжестью пулеметов и гранат и лент с патронами. Он смеялся, плакал и угрожал оторвать яйца человеку по имени лейтенант Мортон. Лейтенанта Мортоня поблизости видно не было, за что он мог благодарить Бога, если, конечно, еще был к тому времени в живых.

«Джо?»

Она огляделась.

Джо рядом не было.

Она откинула одеяла и встала, морщась от тысячи маленьких болей, пронзивших ее тело. Когда она в последний раз столько времени проводила верхом на велосипеде? Возможно, никогда. А потом эти постоянные, выматывающие усилия сохранить золотую середину. Если они подъедут к нему слишком близко, то он заметит их, и это плохо повлияет на Джо. А если они отстанут слишком далеко, он может свернуть с шоссе №9 на другую дорогу, и они потеряют его. А это плохо повлияет на *нее*.

Она повторяла себе, что рано или поздно Джо привыкнет к мысли о том, что они нуждаются в нем... и не только в нем. Они не могут жить одни. В одиночку они умрут. Постепенно Джо поймет это. Общество людей сделается у него привычкой.

«Джо», — снова позвала она мягко.

Пробираясь сквозь кусты, он мог двигаться тихо, как вьетконговский партизан, но за последние три недели она научилась улавливать издаваемые им звуки. А этой ночью к тому же светила луна. Она услышала слабый шорох и скрип гравия и поняла, куда он идет. Не обращая внимания на ломоту в теле, она последовала за ним. Было четверть одиннадцатого.

Они разбили лагерь (если только можно назвать два одеяла на траве «лагерем») и спрятали свои велосипеды в сарайчике позади ресторана. Человек, за которым они следовали, поужинал на игровой площадке перед школой через дорогу, а потом пошел по направлению к дому с верандой. Ей показалось, что он был немного пьян. Теперь он спал на веранде избранного им дома.

Она пошла быстрее, морщась от впивавшихся в ступни острых камешков. На левой стороне улицы стояли дома, и она пошла по парадным лужайкам, которые теперь превращались в поля. Отяжелевшая от росы и сладко пахнувшая трава доходила ей до обнаженных голеней. Это навело на мысли о том времени, когда она бежала вместе с мальчиком по такой же траве при свете полной луны. В нижней части ее живота перекатылся тяжелый шар возбуждения. Она чувствовала, как становились упругими ее груди. Она знала, что если мальчик схватит ее, то она позволит ему лишиться себя девственности. Лунный свет и влажная трава пьянили ее. Она бежала, как индеец по зарослям кукурузы. Схватил ли он ее? Какое это теперь имело значение?

Она побежала еще быстрее. Джо стоял перед верандой, на которой спал человек. Его белые трусы выделялись из темноты. В сущности, у мальчика была такая темная кожа, что на первый взгляд могло показаться, что трусы просто висели в пространстве или были надеты на невидимку из романа Г.Дж.Уэллса.

Она знала, что Джо был родом из Эпсома, потому что именно там она его и нашла. Сама Надин была из Саут Барнстеда, городка в пятнадцати милях к северу от Эпсома. Она методично искала других оставшихся в живых, но не хотела при этом покидать свой дом. Она вела поиски по все более расширяющимся концентрическим кругам. Нашла она только Джо, у которого был жар и бред после укуса какого-то животного... судя по размеру, крысы или белки. Он сидел на лужайке перед домом в Эпсоне в одних трусах, сжимая в руке нож для разделки мяса, словно дикарь из каменного века или умирающий, но по-прежнему злобный пигмей. У нее был опыт лечения инфекций. Она внесла его в дом. Был ли это его собственный дом? Похоже на то, но пока Джо ей не скажет, она не будет в этом уверена. В доме было много трупов; мать, отец, трое других детей, самому старшему из которых было около пятнадцати. Она нашла кабинет местного доктора, где были дезинфицирующие средства, антибиотики и бинты. Она не знала точно, какой из антибиотиков нужно применить, и ей было известно, что в случае ошибки он может умереть,

но если она будет бездействовать, то он умрет так и так. Укус был на лодыжке, которая распухла до размеров автомобильной шины. Удача не оставила ее. Через три дня лодыжка приобрела прежние размеры, а температура спала. Мальчик стал доверять ей. Когда она просыпалась по утрам, то обнаруживала его рядом с собой. Они поселились в большом белом доме. Она стала называть его Джо. Это не было его настоящим именем, но в те времена, когда она работала учительницей, любая девочка, имени которой она не знала, была для нее Джейн, а любой мальчик — Джо. Мимо прошел солдат, смеясь, плача и проклиная лейтенанта Мортонa. Джо хотел броситься на него из засады и заколоть ножом. А теперь этот человек. Она боялась отобрать у Джо нож, так как это был его талисман. Если она попытается это сделать, он может броситься на нее. Он спал, зажав нож в руке, и когда однажды она попыталась разжать его пальцы не столько для того, чтобы действительно отнять нож, сколько для того, чтобы посмотреть, возможно ли это в принципе, он мгновенно проснулся. Секунду назад он крепко спал. И вот эти жесткие серо-голубые китайские глаза уже уставились на нее со сдержанной свирепостью. Он прижал к себе нож с тихим рычанием. Слов он не произносил.

Он заносил нож, потом опускал его и снова заносил. Потом тихонько рычал и тыкал ножом в направлении веранды. Возможно, подогревал себя для решающей атаки.

Она приблизилась к нему сзади, не таясь, но он не услышал ее. Джо был затерян в своем собственном мире. Подчиняясь внезапному импульсу, она схватила его за кисть и резко повернула ее против часовой стрелки.

Джо зашипел, и Ларри Андервуд слегка шевельнулся во сне, перевернулся на другой бок и вновь затих. Нож упал на траву между ними, и серебряные лунные блики засверкали на его зазубренном лезвии. Они напоминали светящиеся снежинки.

Он уставился на нее с выражением злобы, упрека и недоверия. Надин смело встретила его взгляд. Она указала рукой в том направлении, откуда они пришли. Джо злобно потряс головой. Он указал на веранду и сделал ужасающе откровенный жест, проводя большим пальцем себе по

горлу на уровне адамова яблока. Потом он усмехнулся. Надин никогда раньше не видела, как он улыбается, и мороз пошел у нее по коже. Даже если бы его сияющие белые зубы превратились в остро отточенные клыки, улыбка не стала бы более свирепой.

«Нет», — сказала она мягко. «Или я разбуджу его прямо сейчас».

Джо встревожился. Он быстро покачал головой.

«Тогда пошли назад. Спать».

Он бросил взгляд вниз на нож, а потом снова посмотрел на нее. Свирепое выражение исчезло с его лица. Он был теперь всего лишь потерявшимся маленьким мальчиком, который требовал своего мишку и хотел укрыться колючим одеялом, сопровождавшим его всю жизнь, начиная с колыбели. Надин смутно почувствовала, что, возможно, наступило время отобрать у него нож, просто твердо покачать головой. Но что тогда? Закричит ли он? Он кричал после того, как безумный солдат исчез из виду. Кричал не переставая, исторгая из себя оглушительные и невнятные звуки ужаса и ярости. Хотелось ли ей встретиться со спящим человеком ночью, когда эти крики будут звенеть у них в ушах?

«Ты идешь?»

Джо кивнул.

«Хорошо», — сказала она спокойно. Он быстро нагнулся и поднял нож.

Вдвоем они пошли обратно, и он доверчиво жался к ней, забыв, по крайней мере, на время, о человеке, невольно вторгшемся в их жизнь. Он обнял ее и заснул. Она почувствовала старую знакомую боль в животе, гораздо более острую и всеобъемлющую, чем боли, вызванные усталостью. Причиной ее была женская болезнь, и здесь нельзя было ничем помочь. Вскоре она уснула.

Она проснулась ранним утром — часов у нее не было. Тело ее замерзло и застыло. Она почувствовала внезапный страх, подумав о том, что Джо хитро дождался того момента, когда она уснет, снова подкрался к дому и перерезал глотку спящему. Руки Джо уже не обвивали ее. Она чувствовала себя ответственной за детей, которых не

спросили, прежде чем произвести их на свет, но если он сделал это, то она прогонит его. Отнимать чью-то жизнь, когда и так столько жизней было отнято, — это непрости-тельный грех. И кроме того без чьей-нибудь помощи ей не продержаться наедине с Джо. Это все равно что быть в одной клетке с легко возбудимым львом. Как и лев, Джо не мог (или не хотел) говорить. Он лишь рычал своим голосом потерявшегося маленького мальчика.

Она села и увидела, что мальчик по-прежнему рядом с ней. Во сне он просто слегка отодвинулся от нее. Он лежал, свернувшись калачиком, как зародыш, с большим пальцем во рту, с ножом в руке.

Снова одолеваемая сном, она пошла к траве, помочилась и вернулась обратно к своему одеялу. На следующее утро она уже не знала, действительно ли она просыпалась ночью, или это был только сон.

Если мне и снились сны, — подумал Ларри, — должно быть, хорошие. Но ни один из них не всплывал у него в памяти. Он чувствовал себя, как в прежние времена, и подумал, что сегодня будет хороший денек. Сегодня он увидит океан. Он скатал свой спальный мешок, укрепил его на багажнике, пошел обратно за своим рюкзаком... и остановился.

Справа от цементной дорожки, неподалеку от крыльца, росистая трава была прибита. Когда роса испарится, трава снова поднимется, но сейчас она удерживала следы ног. Он был городским мальчиком и уж никак не следопытом, но надо быть слепцом, — подумал он, — чтобы не увидеть на лужайке два типа следов: большие и маленькие. В какой-то момент ночью они подходили к веранде и смотрели на него. Мороз пошел у него по коже. Такая скрытность ему не понравилась, а первый укол возвращающегося страха понравился ему еще меньше.

Если они не объявятся сами в ближайшее время, — подумал он, — я попытаюсь застигнуть их врасплох. Одна мысль о том, что он может сделать это, вернула ему большую часть уверенности. Он надел рюкзак и отправился в путь.

К полудню он добрался до Уэллса, где проходило шоссе №1. Он подкинул монетку, и она упала решеткой вверх. Он повернул на юг по шоссе №1, оставив монетку равнодушно блестеть в пыли. Двадцать минут спустя ее нашел Джо и уставился на нее так, словно это был кристалл гипнотизера. Он положил монетку себе в рот, но Надин заставила ее выплюнуть.

Через две мили Ларри впервые увидел океан — огромное синее животное, которое сегодня отличалось медлительностью и ленью. Он был совершенно не похож на Тихий океан или на тот вид Атлантики, который открывается с Лонг-Айленда. Та часть океана выглядела какой-то благодушной, почти ручной. Здесь вода была темнее, почти кобальтового цвета. Волны накатывали одна за другой и бились о камни. Пенная накипь, густая, как яичный белок, взлетала в воздух, а потом падала обратно. Стоял постоянный ворчливый гул прибора.

Ларри оставил велосипед и пошел к океану пешком, ощущая глубокое волнение, которое он не мог объяснить. Он был *здесь*. Здесь был конец востока. Здесь был край земли.

Он пересек заболоченное поле, хлюпая по воде, заполнившей пространство между кочками и рошицами камыша. Вокруг стоял густой, плодородный запах прилива. По мере того, как он все ближе и ближе подходил к краю земли, кожа земли шелушилась, а под ней обнаруживалась голая гранитная кость. В синем небе кружились белые чайки, крича и причитая. Никогда ему не доводилось видеть сразу столько птиц. Ему пришло в голову, что, несмотря на всю свою красоту, чайки питаются падалью. Вслед за этим в голове у него появилась одна из тех мыслей, которые лучше не высказывать вслух, но она не успела сформироваться в его сознании, прежде чем он успел ее подавить: *Позже эти мусорики сослужат мне хорошую службу.*

Он снова пошел, и теперь его туфли шаркали по высушенным солнцем камням. Морской ветер изо всей силы ударил ему в лицо, откинув тяжелую копну волос со лба. Он поднял лицо навстречу ветру, навстречу чистому, терпкому соленому запаху синего животного.

Он был на краю земли.

Он присел на краю небольшого утеса, чувствуя себя немного вымотанным. Так он просидел полчаса или даже больше. Морской ветер разбудил его аппетит, и он порывлся в рюкзаке в поисках лэнча. Он хорошо поел. От брызг его синие джинсы стали внизу черными. Он чувствовал себя чистым и освеженным.

Он пошел назад по болоту. Он был так погружен в свои мысли, что принял нарастающий крик за возгласы чаек. Он даже посмотрел вверх, и лишь тогда в омерзительной судороге страха понял, что этот крик принадлежит человеку. Это был боевой клич.

Взгляд его снова метнулся вниз, и он увидел, как через дорогу ему навстречу бежит маленький мальчик, громко топая мускулистыми ногами. В одной руке у него был зажат нож для разделки мяса. На нем не было ничего, кроме трусов, и ноги его были исполосованы колючками ежевики. За ним, только что выбравшись из зарослей низкого кустарника и крапивы, возникла женщина. Она была очень бледной, и вокруг глаз у нее шли темные круги усталости.

«Джо!» — закричала она, а потом побежала так, словно ей это причиняло сильную боль.

Джо продолжал бежать, не глядя себе под ноги, шлепая босыми ногами по мелким лужицам болотной воды. Все его лицо было стянуто убийственной ухмылкой. Нож для разделки мяса был высоко занесен в его руке и сверкал в солнечных лучах.

Он бежит, чтобы убить меня, — подумал Ларри, абсолютно сраженный этой мыслью. Этот мальчик... что я ему сделал?

«Джо!» — закричала женщина. На этот раз ее голос был пронзительным, измученным и отчаявшимся. Джо продолжал бежать, сокращая дистанцию.

Ларри как раз успел вспомнить, что оставил винтовку рядом с велосипедом, и кричащий мальчик налетел на него.

Когда он начал опускать свой нож по длинной, размашистой дуге, оцепенение Ларри прошло. Он отступил в сторону и, даже не думая, ударил своим тяжелым ботинком мальчику прямо в солнечное сплетение. Он почувствовал жалость — мальчик рухнул, как сбитая кегля. Выглядел он свирепо, но веса в нем было мало.

«Джо!» — позвала Надин. Она споткнулась о кочку и упала на колени, забрызгав коричневой грязью свою белую кофту. «Пожалуйста, не бейте его!» Она поднялась на ноги и снова рванулась вперед.

Джо упал на спину. Ларри наступил на его правое запястье, втоптав руку с ножом в грязь.

«Брось нож, парень».

Мальчик зашипел, как рассерженный гусь. Его верхняя губа приподнялась, обнажая оскаленные зубы. Его китайские глаза горели яростью. Держать ногу на запястье мальчика было все равно что стоять на раненой, но по-прежнему опасной змее. Ларри чувствовал, как мальчик пытается выдернуть руку, не боясь содрать кожу и плоть или даже сломать кость. Он рывком приподнялся в полусидячее положение и попытался укусить Ларри за ногу сквозь грубую хлопчатобумажную ткань его джинсов. Ларри наступил на запястье еще сильнее, и Джо закричал, но это не был крик боли — это был крик неповиновения.

«Брось, я тебе говорю».

Джо продолжал борьбу.

Статус кво сохранялось бы до тех пор, пока Джо не удалось бы высвободить руку или пока Ларри не сломал бы ему запястье, если бы шатаясь от усталости, наконец, не появилась бы задыхающаяся и грязная Надин.

Не глядя на Ларри, она опустилась на колени.

«Брось!» — сказала она спокойно, но твердо. Он огрызнулся на нее по-собачьи, и продолжал борьбу. Ларри с трудом пытался удержать равновесие. Если мальчишка высвободится, то, вполне возможно, первой он ударит женщину.

«От-пус-ти!» — сказала Надин.

Мальчик зарычал. Слюна струилась между его сжатыми зубами. На правой щеке у него было грязное пятно в форме вопросительного знака.

«Мы бросим тебя, Джо. Я брошу тебя. Я уйду с ним, если ты не будешь хорошо себя вести».

Ларри почувствовал, как рука под его ногой снова напряглась, а потом расслабилась. Но мальчик смотрел на нее с болью, гневом и негодованием. Когда он переводил взгляд на Ларри, тот мог прочитать в его глазах испуг-

ленную ревность. Несмотря на то, что пот лил с него ручьями, Ларри похолодел от этого взгляда.

Она продолжала свою спокойную речь. Никто не обидит его. Никто не оставит его. Если он бросит нож, то всем будет хорошо.

Постепенно Ларри почувствовал, что рука под его ботинком разжалась. Мальчик оцепенело лежал и смотрел в небо. Ларри снял ногу с запястья Джо, быстро наклонился и подобрал нож. Он повернулся и запустил его в направлении мыса. Лезвие долго-долго кружилось, разбрасывая копы солнечных бликов. Джо проследил его полет и издал протяжный, жалобный крик боли. Нож подпрыгнул на камнях с тихим звоном и упал в море.

Ларри обернулся и посмотрел на них. Женщина смотрела на правую руку Джо, на которой глубоко отпечаталась ребристая подошва ботинка Ларри. Потом ее темные глаза взглянули на Ларри. В них была скорбь.

Ларри почувствовал, как внутри него закипают старые оправдательные слова — *Я был вынужден это сделать, это не моя вина, послушайте, леди, он ведь хотел убить меня*, — потому что ему показалось, что в ее скорбных глазах было осуждение: *Никакой ты не симпатичный парень*.

Но он не сказал ни слова. Произошло то, что произошло. Его действия носили вынужденный характер. А ведь могло кончиться и хуже: один из них мог быть ранен или даже убит.

Итак, он не сказал ни слова, встретил мягкий взгляд женщины и подумал: *Мне кажется, я изменился. В чем-то. Не знаю, насколько сильно*.

Она сказала: «Меня зовут Надин Кросс. А это Джо. Счастлива с вами познакомиться».

«Ларри Андервуд».

Они пожали друг другу руки, слегка улыбнувшись над абсурдностью ситуации.

«Идемте назад к дороге», — предложила Надин.

Они шли бок о бок, и через несколько шагов Ларри обернулся через плечо по направлению к Джо, который скрючился на коленях и сосал свой большой палец, по-видимому, не подозревая о том, что они ушли.

«Он придет», — сказала она спокойно.

«Вы уверены?»

«Абсолютно».

Когда они поднимались на шоссе, она споткнулась, и Ларри поддержал ее под руку. Она посмотрела на него с благодарностью.

«Можно мы посидим?» — спросила она.

«Конечно».

Они сели на асфальт друг против друга. Через некоторое время Джо встал и заковылял по направлению к ним, глядя на свои босые ноги. Он сел неподалеку от них. Ларри настороженно поглядел на него, а потом вновь перевел глаза на Надин Кросс.

«Вы следовали за мной».

«Вы догадались? Да. Я так и думала, что вы догадаетесь».

«И давно?»

«Вот уже два дня», — сказала Надин. «Мы жили в большом доме в Эпсоме». Заметив его удивленное выражение, она добавила: «Рядом с ручьем. Там, где вы спали около каменной стены».

Он кивнул. «А прошлой ночью вы вдвоем приходили посмотреть, как я сплю на веранде. Может быть, хотели проверить, нет ли у меня рогов и длинного красного хвоста».

«Это все Джо», — сказала она спокойно. «Я пошла за ним, когда увидела, что его нет. А как вы узнали?»

«Вы оставили следы на росе».

«Ааа». Она посмотрела на него изучающе, и хотя ему и очень хотелось, он не отвел глаза. «Я не хочу, чтобы вы на нас сердились. Наверное, это звучит смешно после того, как Джо пытался вас убить, но Джо не отвечает за свои поступки».

«Это его настоящее имя?»

«Нет, я просто называю его так».

«Он похож на дикаря из телепередачи *Нешнл Джоогрефик*».

«Да, он именно такой. Я нашла его на лужайке перед домом — возможно, это был его дом, имя владельцев было Роквей, — и он умирал от укуса. Может быть, его укусила крыса. Он не говорит. Только рычит и хрюкает. До этого

утра мне удавалось контролировать его поведение. Но я... я устала, понимаете... и...» Она пожала плечами. Болотная грязь высыхала на ее блузке, образуя узор, похожий на китайские иероглифы. «Сначала я его одевала. Он снимал все, кроме трусов. Наконец я устала пытаться. Похоже, мошकारа его не беспокоит». Она сделала паузу. «Я хочу, чтобы мы пошли с вами. Мне кажется, в таких обстоятельствах мне незачем стесняться моих слов».

Ларри подумал о том, как бы она себя вела, если бы знала о судьбе последней женщины, которая хотела пойти вместе с ним. Но она этого не узнает. Этот случай похоронен глубоко-глубоко, хотя этого и нельзя сказать о связанной с ним женщине. Он боялся упомянуть о Рите еще сильнее, чем преступник боится назвать имя своей жертвы в светской беседе.

«Я не знаю, куда я направляюсь», — сказал он. «Я пришел сюда из Нью-Йорка. План мой состоял в том, чтобы найти симпатичный домик на побережье и просто залечь здесь примерно до октября. Но чем дальше я иду, тем сильнее мне нужны другие люди. Чем дальше я иду, тем сильнее все это потрясает меня».

Он выражал свои чувства с трудом, и, похоже, не мог говорить яснее, не упоминая о Рите и о кошмарных снах с темным человеком.

«Я всего боялся», — сказал он осторожно, — «так как был предоставлен самому себе. Какая-то паранойя. Словно я ожидал, что на меня нападут индейцы и снимут мой скальп».

«Иными словами, вы перестали искать дома и начали искать людей».

«Возможно, вы правы».

«Вы нашли нас. Это только начало».

«Скорее уж вы нашли меня. И меня беспокоит этот мальчик, Надин. Я должен быть постоянно начеку. Ножа его больше нет, но мир до отказа набит ножами, которые только и ждут того, чтобы их подобрали».

«Да».

«Я не хотел бы, чтобы это прозвучало жестоко...» Он запнулся, надеясь, что она договорит за него, но она не сказала ни слова и только посмотрела на него своими темными глазами.

«Вы не думали о том, что надо его бросить?» Вот наконец он выплюнул эту фразу, словно кусок камня, и звучала она так, словно он был не слишком-то симпатичным парнем... но справедливо ли это, должны ли они превращать плохую ситуацию в еще более худшую, взваливая себе на плечи десятилетнего психопата. Он сказал ей, что слова его могут прозвучать жестоко, и, наверное, так оно и было. Но теперь вокруг них был жестокий мир.

А тем временем странные глаза Джо цвета морской волны сверлили Ларри.

«Я не могу так поступить», — сказала Надин спокойно. «Я понимаю опасность и понимаю также то, что она будет угрожать в первую очередь вам. Он ревнует. Он боится, что вы станете для меня важнее, чем он. Вполне возможно, что он снова попытается... попытается добраться до вас, если, конечно, вам не удастся с ним подружиться или, по крайней мере, убедить его в том, что вы не собираетесь...» Она запнулась, оставив эту мысль непроясненной. «Но если я оставляю его, то это будет убийство. А я не хочу принимать участие в убийстве. Слишком много людей уже умерло, чтобы убивать еще».

«Если он ночью перережет мне глотку, то вам волей-неволей придется принять в этом участие».

Она наклонила голову.

Говоря так тихо, что только она могла его слышать (он не знал, понимает ли наблюдавший за ними Джо, что они говорят), Ларри произнес: «Он мог бы сделать это уже прошлой ночью, если бы вы не пошли за ним. Разве это не так?»

«Все это могло бы случиться, но ведь не случилось», — ответила она мягко.

Ларри засмеялся. «Дух Рождества вот-вот придет?»

Она подняла на него глаза. «Я хочу пойти с вами, Ларри, но я не могу оставить Джо. Вам решать».

«Это не так-то просто».

«Жизнь в наши дни не очень простая вещь».

Он задумался. Джо сидел на обочине, наблюдая за ними глазами цвета морской воды. Позади них настоящая морская вода омывала скалы, с шумом прорываясь в секретные ходы, проделанные ею в камне.

«Хорошо», — сказал он. «Мне кажется, что вы проявляете к нему опасную снисходительность, но... хорошо».

«Спасибо вам», — сказала Надин. «Я буду отвечать за его поступки».

«Это будет большим утешением, когда он убьет меня».

«Это будет на моей совести до последнего дня жизни», — сказала Надин, и внезапно уверенность в том, что в не слишком отдаленном будущем все ее слова о святости жизни обернутся против нее, чтобы посмеяться над ней, захлестнула ее, как порыв холодного ветра. Она поежилась. Нет, — сказала она себе. Я не могу стать убийцей. Только не это. Никогда.

В тот вечер они разбили лагерь на мягком белом песке публичного пляжа в Уэллсе. Рядом с комком водорослей, отмечавшим самую высокую линию прилива, Ларри развел большой костер. Джо сел с другой стороны костра, подальше от него и от Надин, и бросал в огонь небольшие палочки. Иногда он поджигал палку побольше и начинал носиться с ней по пляжу, держа ее перед собой, словно единственную свечу, зажженную в честь его дня рождения.

«Вы играете?»

Он слегка подпрыгнул при звуке ее голоса и посмотрел на футляр, лежавший перед ним на песке. Раньше он стояла, прислонившись к «Стейнвею» в музыкальной комнате большого дома, куда они проникли, чтобы добыть себе ужин. Он нагрузил свой рюкзак консервными банками и, подчиняясь внезапному импульсу, взял с собой гитару, даже не заглянув в футляр. Последний раз он играл на гитаре во время той сумасшедшей вечеринки, а было это шесть недель назад. Совсем в другой жизни.

«Да, играю», — сказал он и обнаружил, что *хочет* играть, но не для нее, а просто потому, что иногда это приятно, это прочищает мозги. А когда разводят костер на пляже, то кто-нибудь обязательно берется за гитару.

«Давайте-ка посмотрим, что у нас там», — сказал он, расстегивая замки.

Он ожидал, что гитара окажется хорошей, но то, что лежало внутри, все-таки оказалось для него приятным сюрпризом. Это была двенадцатиструнная гитара фирмы

«Гибсон». Прекрасный инструмент, возможно, даже ручной работы.

«Красивая», — сказала она.

«Это точно».

Он взял несколько аккордов, и ему понравилось звучание, хотя струны и были немного расстроены. Звук был насыщеннее и богаче, чем у шестиструнки. Гармоничный, но жесткий.

Он стал настраивать гитару на слух, вспоминая о Барри Григе, Джонни МакКолле и Уэйне Стаки. Когда он уже почти закончил, Надин дотронулась до его плеча, и он поднял взгляд.

Джо стоял рядом с костром, позабыв о потухшей палке в руке. Станные глаза его смотрели на Ларри с откровенной зачарованностью, а рот его был раскрыт.

Очень тихо, так тихо, что это могла быть всего лишь мысль у него в голове, Надин сказала: *«У музыки есть волшебная сила...»*

Ларри начал наигрывать старые блюзы, которые он выучил с пластинки «Электры», когда был еще подростком. Потом, убедившись в том, что гитара хорошо настроена, он запел... пел он всегда лучше, чем играл.

«Крошка, я вернулся из далеких мест

Ночь в день превратит мой приезд

Потому что я здесь

Далеко от дома

Но ты слышишь, как я еду сюда

На хребте у черного кота».

Джо улыбался, как человек, который только что узнал какой-то приятный секрет. Ларри подумал, что он стал похож на кого-то, кто долгое время страдал от зуда между лопатками в том месте, куда не достают руки, а потом наконец встретил человека, который точно знал, где надо почесать, чтобы зуд прошел. Он порывлся в запыхавшихся архивах своей памяти в поисках второго куплета и нашел то, что искал.

«Я кое-что умею, мама, это факт

Они не слышат ритма, не попадают в такт

Я слышу ритм

Далеко от дома

*И ты услышишь, как я еду сюда
На хребте у черного кота».*

Открытая, восхищенная улыбка Джо озаорила его глаза, и в них появилось выражение, которое, как показалось Ларри, вполне могло бы заставить любую молодую девушку повилять бедрами. Он дошел до инструментального куска и сыграл его не так уж плохо. Его пальцы извлекали из гитары правильные звуки: жесткие, яркие, немного кричащие, словно набор фальшивых драгоценностей, возможно, краденых, выставленных на продажу в бумажном пакетике на углу улицы. Третий куплет он вспомнить не смог — там было что-то о железнодорожной колее. Тогда он повторил первый куплет и умолк.

Когда он кончил петь, Надин засмеялась и захлопала в ладоши. Джо отбросил свою палку и стал скакать по песку, испуская приветственные крики бешеной радости. Ларри с трудом мог поверить в свершившуюся с ребенком перемену и велел себе не обольщаться на этот счет. Иначе можно было потерпеть крупное разочарование.

У музыки есть волшебная сила, способная укротить дикого зверя.

С невольным недоверием он задумался о том, неужели все могло быть так просто. Джо подавал ему какие-то знаки, и Надин сказала: «Он хочет, чтобы вы сыграли еще что-нибудь. Вы не могли бы? Это было прекрасно. Когда вы поете, я чувствую себя лучше. Гораздо лучше».

Он сыграл «Поездку за город» Джеффа Малдора и свой собственный «Блюз Салли». Потом он сыграл «Катастрофу на шахте в Спрингхилле» и «Все в порядке, мама» Артура Крудупа. Потом он переключился на примитивный рок-н-ролл, а напоследок сыграл песню, которая ему всегда нравилась, — «Бесконечный сон» Джоди Рейнольдса.

«Больше я не могу играть», — сказал он Джо, который за весь концерт ни разу не пошевелился. «Мои пальцы». Он вытянул руки, показывая им глубокие следы, которые струны оставили на пальцах, и заусенцы на ногтях.

Мальчик протянул вперед свои руки.

Ларри мгновение помедлил, а потом внутренне пожал плечами. Он повесил гитару мальчику на шею. «Нужно много практиковаться», — сказал он.

Но то, что произошло дальше, было одним из самых удивительных впечатлений в его жизни. Мальчик почти безошибочно сыграл «Джима Денди», испуская вместо слов ухающие крики, словно язык его прилип к небу. В то же время было совершенно очевидно, что раньше он никогда не играл на гитаре. Он не мог ударить по струнам достаточно сильно, чтобы они зазвенели, и перемены аккордов были у него неточными и неряшливыми. Звук получался приглушенным и призрачным, словно Джо играл на гитаре, внутри набитой ватой, но в остальном это была абсолютная копия сыгранной Ларри мелодии.

Закончив, Джо с любопытством посмотрел на свои пальцы, словно пытаясь понять, почему они могут воспроизвести лишь мотив музыки Ларри, но не сами звенящие звуки.

Ларри услышал свой собственный голос, приходящий как будто со стороны: «Ты слишком слабо бьешь по струнам, вот и все. У тебя должны появиться мозоли — твердые бугорки — на кончиках пальцев. И еще должны развиться мускулы на левой руке».

Пока он говорил, Джо смотрел на него очень внимательно, но Ларри не был полностью уверен в том, что мальчик его понимает. Он повернулся к Надин. «Вы знали, что он может играть?»

«Нет. Я удивлена так же, как и вы. Это что-то вроде чуда, не так ли?»

Ларри кивнул. Мальчик играл «Все в порядке, мама», снова воспроизводя почти каждый нюанс игры Ларри. Но порой струны лишь тупо стучали, как деревяшки, когда пальцы Джо перекрывали вибрацию, не давая ей зазвучать.

«Позволь я покажу тебе», — сказал Ларри и протянул руки за гитарой. Джо немедленно бросил на него недоверчивый взгляд. Ларри пришло в голову, что он вспоминает о том, как исчез в море его нож. Джо попятился, крепко сжимая гитару. «Хорошо», — сказал Ларри. «Она твоя. Когда тебе нужен будет урок, приходи ко мне».

Мальчик испустил ликующий крик и побежал по пляжу, держа гитару над головой, словно священную жертву.

«Он разнесет ее в щепки», — сказал Ларри.

«Нет», — ответила Надин. «Я так не думаю».

Ларри проснулся посреди ночи и приподнялся на одном локте. От Надин остался лишь смутный силуэт, упакованный в три одеяла. Напротив Ларри лежал Джо. Он также лежал под несколькими одеялами, но голова его торчала наружу. Во рту он держал большой палец. Ноги его были подтянуты к животу, а между ними лежало тело двенадцатиструнной гитары фирмы «Гибсон». Свободной рукой Джо обнимал гитару за деку. Ларри зачарованно смотрел на него. Он отнял у мальчика нож и выбросил его в море, а мальчик взял в руки гитару. Прекрасно. Пусть играет. Гитарой никого не заколешь, хотя, — предположил Ларри, — ударить ей можно довольно сильно. Он снова заснул.

Когда он проснулся на следующее утро, то Джо сидел на камне с гитарой на коленях и играл «Блюз Салли». Он делал успехи. Надин проснулась двадцать минут спустя и сияюще улыбнулась Ларри. Ларри пришло в голову, что Надин, в сущности, очень красива. В памяти всплыла строчка из какой-то песенки Чака Берри: Надин, радость моя, ты ли это?

Вслух он сказал: «Посмотрим, что у нас есть на завтрак».

Он развел костер, и они уселись вокруг него втроем, выгоняя из костей ночной холод. На сухом молоке Надин сварила овсяную кашу, а потом они пили заваренный в жестянке крепкий чай. Джо ел, держа гитару на коленях. Дважды Ларри поймал себя на том, что улыбается мальчику и думает о том, что невозможно не полюбить человека, который любит гитару.

Они поехали на юг по шоссе №1. Джо ехал на своем велосипеде строго по белой линии, иногда вырываясь вперед на милю или около того. Однажды они нагнали его в тот момент, когда он вел свой велосипед по обочине и ел ежевику довольно забавным способом: он подкидывал каждую ягоду в воздух и на излете безошибочно ловил ее ртом. Через час они обнаружили его сидящим на мемориальной доске в честь войны за независимость и играющим на гитаре «Джима Денди».

После одиннадцати часов они наткнулись на странную дорожную пробку перед въездом в небольшой городок под названием Оганквит. Три ярко-оранжевых городских мусороуборочных машины стояли в ряд поперек дороги, заблокировав ее от одной обочины до другой. На одном из мусорных контейнеров лежало истерзанное воронами тело существа, которое когда-то было человеком. Десять жарких дней сделали свое дело. Там, где тело не прикрывала одежда, было заметно, как кипят личинки.

Надин отвернулась. «Где Джо?» — спросила она.

«Не знаю. Где-нибудь впереди».

«Лучше бы он не видел этого. Как вы думаете, он заметил?»

«Возможно», — сказал Ларри. Он уже задумывался над тем, что для главной дороги шоссе №1 было удивительно пустынным. С тех пор как они покинули Уэллс, им встретилось не более дюжины застывших машин. Теперь он понимал, почему. Они перегородили дорогу. Возможно, перед въездом в другой конец городка окажутся сотни, если не тысячи скопившихся машин. Он знал, как Надин заботится о Джо. Лучше бы избавить мальчика от этого зрелища.

«Почему они блокировали дорогу?» — спросила она у него. «Зачем им было это нужно?»

«Наверное, они пытались ввести у себя в городе карантин. Думаю, на другом конце города мы найдем еще одну баррикаду».

«Там есть еще трупы?»

Ларри поставил велосипед на подножку и подошел к баррикаде. «Трое», — сказал он.

«Ладно. Я на них смотреть не буду».

Он кивнул. Они провели свои велосипеды в стороне от грузовиков, а потом снова поехали. Дорога повернула в сторону моря, и стало прохладнее. Летние коттеджи сбились в длинные убогие ряды. И в таких жилищах люди проводили отпуск? — удивился Ларри. Почему бы просто не отправиться в Гарлем и не пустить детей поиграть под струями гидранта?

«Не слишком-то симпатичные, правда?» — спросила Надин.

«Нет конечно, — сказал он, — «но когда-то они были нашими, Надин. Когда-то они были нашими, пусть даже мы никогда здесь и не были. Теперь все это в прошлом».

«Но не навсегда», — сказала она спокойно, и он взглянул на ее чистое, сияющее лицо. На ее лоб, светящийся, как электрическая лампочка. «Я не религиозна. В противном случае я сказала бы, что состоялся Божий суд. Через сто лет, а может быть, и через двести, все это опять будет нашим».

«Эти грузовики не исчезнут и через двести лет».

«Грузовики не исчезнут, но исчезнет дорога. Грузовики будут стоять посреди поля или леса. Они перестанут быть грузовиками и превратятся в артефакты».

«По-моему, ты не права».

«Как я могу ошибаться?»

«Ты ошибаешься, потому что мы ищем других людей», — сказал Ларри. «А теперь скажи, почему мы этим занимаемся?»

Она обеспокоенно посмотрела на него. «Ну... потому что так надо», — сказала она. «Людям нужны другие люди. Разве ты не почувствовал это? Когда был один?»

«Да», — сказал Ларри. «Когда мы остаемся одни, мы сходим с ума от одиночества. Когда нас много, мы строим мили и мили летних коттеджей и убиваем друг друга в барах субботними вечерами». Он рассмеялся. Смех был холодным и несчастным, без искры юмора. Он долго звучал в пустом пространстве. «Выхода нет. Это все равно что застрять внутри яйца. Пошли, а то Джо уже, наверное, намного нас обогнал».

На мгновение она застыла на велосипеде, встревоженно глядя в удаляющуюся спину Ларри. Потом она поехала вслед за ним. Он не мог оказаться правым. *Не мог*. Если такая ужасная катастрофа, как эта, произошла без всякой причины, то какой смысл в жизни вообще? Зачем тогда жить?

На самом деле Джо обогнал их не так уж сильно. Они наткнулись на него в тот момент, когда он сидел на заднем бампере синего «Форда» и рассматривал порнографический журнал. Ларри с неудовольствием отметил, что у

мальчика наступила эрекция. Он бросил взгляд на Надин, но она смотрела в другую сторону — возможно, намеренно.

Когда они подошли к стоянке, где был запаркован синий «Форд», Ларри спросил у Джо: «Пошли?»

Джо отложил в сторону журнал и вместо того, чтобы встать, издал гортанный вопросительный звук и указал вверх. Ларри нелепо запрокинул голову, на мгновение предположив, что мальчик увидел в небе самолет. И тогда закричала Надин: «Да не на небо, смотри на амбар!» Голос ее дрожал от волнения. «На амбар! Спаси тебя Бог, Джо! Если бы не ты, мы бы ничего не заметили!»

Она подошла к Джо, обвила его руками и крепко обняла. Ларри повернулся к амбару, на вылинявшей кровле которого ярко выделялись белые буквы:

УЕХАЛИ В СТОВИНТОН, В ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ
ЧУМЫ ПО ШОССЕ №1 ДО УЭЛЛСА ПО МЕСТНОМУ
ШОССЕ №95 ДО ПОРТЛЕНДА ПО ШОССЕ №302 ДО
БАРРА ПО МЕСТНОМУ ШОССЕ №89 ДО СТОВИНТО-
НА ВЫЕХАЛИ ИЗ ОГАНКВИТА 2 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР
ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ

«Господи Боже Мой, его задница, должно быть, болталась в воздухе, когда он выводил последнюю строчку», — сказал Ларри.

«Центр по изучению чумы!» — сказала Надин, не обращая внимания на его слова. «Как я могла забыть о нем? Я ведь читала о нем статью в воскресном приложении к журналу не более трех месяцев назад! Они поехали туда!»

«Если остались в живых».

«Остались в живых? Ну конечно. Ко второму июля эпидемия уже закончилась. А если они могли влезть на крышу амбара, то уж, наверное, они не чувствовали себя больными».

«Один из них точно чувствовал себя довольно резво», — согласился Ларри. «И подумать только, что я проезжал как раз через Вермонт».

«От шоссе №9 до Стовингтона довольно далеко», — рассеянно сказала Надин, по-прежнему глядя на амбар. «И все же они должны быть уже там. Второе июля было две

недели назад». Глаза ее засветились. «Как ты думаешь, Ларри, могут ли оказаться в центре другие люди? Вполне возможно, тебе не кажется? Раз уж они разбираются в средствах защиты? И они, наверное, работают над вакциной, как ты думаешь?»

«Я не знаю», — осторожно сказал Ларри.

«В этом нет сомнения», — сказала она нетерпеливо и слегка сердито. Ларри никогда не видел ее в таком возбуждении, даже в тот момент, когда Джо демонстрировал свои удивительные способности к музыкальной мимикрии. «Держу пари, что Гарольд и Фрэнсис нашли *десятки*, а может быть, и *сотни* людей. Мы поедем за ними прямо сейчас. Кратчайший маршрут...»

«Подожди минутку», — сказал Ларри, взяв ее за плечо.

«Что ты хочешь этим сказать — подожди? Ты понимаешь...»

«Я понимаю, что надпись ждала нас две недели и может подождать еще немного, а пока мы устроим ленч. Да и старина Джо уже спит на ходу».

Она оглянулась. Джо снова листал порнографический журнал, но голова его клонилась книзу, а глаза его начали слипаться. Под глазами у него были синяки.

«Ты говорила, что он недавно перенес инфекцию», — сказал Ларри. «Да и сама ты проделала тяжелый путь... не говоря уже о преследовании Голубоглазого Гитариста».

«Ты прав... мне не пришло в голову».

«Джо нуждается в сытной еде и отдыхе».

«Ну конечно. Извини меня, Джо. Я просто не подумала».

Джо издал сонное незаинтересованное похрюкивание.

Ларри почувствовал, как прежние страхи овладевают им перед следующей фразой, но она должна была быть произнесена. Если он этого не скажет, то Надин, как только у нее окажется свободная минутка для раздумий... и кроме того, возможно, наступило время проверить, так ли уж сильно он изменился.

«Надин, ты умеешь водить?»

«Водить? Ты хочешь спросить, есть ли у меня лицензия? Да, но со всеми этими заторами на дорогах машина не так уж удобна, тебе не кажется? Я хочу сказать...»

«Я не о машине говорю», — сказал он, и образ Риты, едущей на мотоцикле позади загадочного черного человека (по-видимому, он стал для его сознания символическим воплощением смерти), неожиданно возник у него перед глазами. Во рту у него пересохло, а в висках застучало, но когда он вновь заговорил, то голос его звучал ровно. Если он и осекся, то Надин, похоже, ничего не заметила. Но Джо, как ни странно, внимательно посмотрел на него из своей полусонной дремы, похоже, заметив какую-то перемену.

«Я имел ввиду мопеды или что-то вроде этого. На них мы сможем двигаться быстрее и с меньшими усилиями, огибая все... препятствия на дорогах. Точно так же, как мы обошли с велосипедами те грузовики».

В глазах ее загорелось растущее возбуждение. «Да, мы так и сделаем. Я никогда не водила мопед, но ты ведь можешь показать мне, как это делается?»

При словах *Я никогда не водила мопед* ужас Ларри усилился.

«Да», — сказал он. «Но ты должна будешь ехать медленно. Очень медленно. Мотоцикл — и даже мопед — не прощает людских ошибок, а я не смогу показать тебя доктору, если ты покалечишься на дороге».

«Я буду очень осторожна. Мы... Ларри, а ты ехал на мотоцикле до того, как мы тебя увидели? Иначе ты ведь просто не мог бы добраться сюда из Нью-Йорка так быстро».

«Я сбросил его в канаву», — сказал он ровно. «Я не мог ехать в одиночку».

«Ну, ты ведь больше уже не будешь один», — сказала Надин почти весело. Она повернулась к Джо. «Мы поедем в Вермонт, Джо! Мы увидим других людей! Разве это не здорово?»

Джо зевнул.

Надин сказала, что она слишком взволнована для того, чтобы спать, но что она полежит с Джо, пока тот не уснет. Ларри поехал на велосипеде в Оганквит в поисках магазина мотоциклов. Такого в городке не оказалось, но он вспомнил, что видел подходящий магазин на выезде из Уэллса.

Он вернулся, чтобы сказать об этом Надин, и обнаружил, что она уснула вместе с Джо.

Он лег неподалеку от них, но заснуть не смог. Наконец он пересек дорогу и по колено в зарослях тимофеевки пошел по направлению к амбару, на крыше которого была надпись. Тысячи кузнечиков выскакивали у него из-под ног, и Ларри подумал: *Я их чума. Я их темный человек.*

Неподалеку от широко раскрытых дверей амбара он заметил две пустые банки из-под пепси и засохшую корку от сэндвича. В обычные времена чайки давно бы уже съели остатки сэндвича, но времена изменились, и чайки, без сомнения, привыкли к более сытной пище. Он пнул носком корку, а затем одну из банок.

Отнесите это в лабораторию криминалистики, сержант Бриггс. Думаю, наш убийца все-таки совершил ошибку.

Вы правы, инспектор Андервуд. Будь благословен тот день, когда Скотленд-Ярд решил направить вас к нам.

Не стоит, сержант. Это часть моей работы.

Ларри зашел внутрь. Там было темно, жарко. Повсюду сновали ласточки. Стоял сладкий запах сена. В стойлах не было скота. Владелец, должно быть, предпочел отпустить его на свободу, сулящую жизнь или смерть от супергриппа, чтобы не обрекать его на неизбежный голод.

Отметьте это для коронера, сержант.

Обязательно, инспектор Андервуд.

Ведущие на сеновал ступеньки были прибиты к одной из опорных балок. С уже залоснившейся от пота кожей и толком не зная, зачем он это делает, Ларри полез наверх. В центре сеновала возвышалась более удобная лестница, ведущая к чердачному окну. Ступеньки были забрызганы белой краской.

Похоже, еще одна находка, сержант.

Инспектор, я потрясен — ваши дедуктивные способности могут сравниться лишь с остротой вашего зрения и длиной детородного органа.

Не стоит, сержант.

Он поднялся к чердачному окну. Там было еще жарче, и Ларри подумал о том, что если бы Фрэнсис и Гарольд оставили бы здесь ведро с краской после окончания работы, то амбар весело сгорел бы дотла еще неделю назад.

Стекла были покрыты пылью и украшены древней паутиной, которая была соткана, без сомнения, еще в те времена, когда Джеральд Форд был президентом. Одно из стекол было выбито, и когда Ларри высунулся наружу, ему открылся впечатляющий вид, похожий на написанную маслом картину в зеленых и золотых тонах, на которой изображена самая середина лета, купающаяся в слепопуденной дымке. Надпись Гарольда была видна ему вверх ногами.

Одна лишь мысль о том, чтобы вылезти на эту крышу, находившуюся на таком расстоянии от земли, заставила перевернуться все его внутренности. И парню ведь непременно пришлось спустить ноги вниз, чтобы написать имя девушки.

Зачем ему это было нужно, сержант? Я думаю, в этом и заключается вопрос, на который мы должны найти ответ.

Ну, раз вы так считаете, инспектор Андервуд.

Он спустился вниз по лестнице, внимательно глядя себе под ноги. Сейчас не самое подходящее время, чтобы ломать ноги. Кое-что внизу привлекло его внимание, что-то, вырезанное на одной из опорных балок и своей свежей белизной контрастирующее с окружающим темным колоритом. Он подошел к балке и внимательно осмотрел вырезанный рисунок. Это было пробитое стрелой сердце, внутри которого было написано: «Г.Л. любит Ф.Г.»

Мне кажется, сержант, что парень влюблен.

«Удачи тебе, Гарольд», — сказал Ларри и вышел из амбара.

Магазин в Уэллсе оказался представительством фирмы «Хонда». Посмотрев на расположение образцов продукции на витрине, Ларри сделал вывод, что двух мопедов не хватает. Еще более он был горд своей второй находкой — скомканным фантиком от шоколадной карамели рядом с мусорной корзиной. Было похоже на то, что кто-то — возможно, изнывающий от любви Гарольд Лаудер — ел карамель, размышляя о том, какая модель принесет больше счастья ему и его возлюбленной. Потом он скомкал фантик и запустил его в мусорную корзину. И не попал.

Надин одобрила его дедуктивные построения, но они заинтересовали ее в меньшей степени, чем самого Ларри. Она разглядывала оставшиеся образцы в лихорадочном стремлении поскорее уехать. Джо сидел на нижней ступеньке у входа в демонстрационный зал, играл на гитаре и довольно мычал.

«Послушай», — сказал Ларри, — «Сейчас пять часов вечера, Надин. Сегодня ехать уже нет смысла».

«Но еще три часа будет светло! Не можем же мы так и сидеть на одном месте! Мы можем не догнать их!»

«Гарольд Лаудер раз уже оставил свои инструкции с подробным описанием дорог, по которым они поедут. Если они продолжат свое путешествие, то весьма вероятно, что он сделает это снова».

«Но...»

«Я знаю, что тебе не терпится», — сказал он, кладя руки ей на плечи. Он почувствовал, как в нем поднимается старое раздражение и заставил себя подавить его. «Ты ведь никогда раньше не ездила на мопеде».

«Но я умею ездить на велосипеде. И я знаю, как обращаться со сцеплением. *Пожалуйста*, Ларри. Если мы не будем терять времени, то разобьем лагерь на ночь уже в Нью-Хемпшире, а к завтрашнему вечеру сделаем уже половину пути. Мы...»

«Но это не велосипед, черт возьми!» — взорвался он, и звуки гитары позади него внезапно прекратились. Ларри увидел, как Джо оглянулся на них через плечо. Глаза его сузились, и внезапно стали недоверчивыми.

«Мне больно», — мягко сказала Надин.

Он увидел, что его пальцы глубоко впились в податливую плоть ее плеч, и его гнев перешел в глухой стыд.

«Извини», — сказал он.

Джо по-прежнему смотрел на него, и Ларри понял, что потерял половину завоеванного доверия мальчика. А может быть и больше. Надин что-то сказала.

«Что?»

«Я говорю, объясни мне, чем это отличается от велосипеда».

Им овладело желание крикнуть ей: «Если ты такая умная, то иди и попробуй. Посмотрим, как тебе понравится

мир, когда ты будешь созерцать его задом наперед, со свернутой шеей. Он сдержался, подумав о том, что теряет не только доверие мальчика, но и собственное доверие к самому себе. Может быть, он и изменился, но что-то от прежнего ребячливого Ларри еще болталось позади него, словно тень, ставшая к полудню короче, но не исчезнувшая совсем.

«Мопед тяжелее», — сказал он. «Если ты потеряешь равновесие, то ты не сможешь восстановить его так же легко, как на велосипеде. Такой мопед с объемом двигателя 360 см³ весит триста пятьдесят фунтов. Ты очень быстро научишься контролировать этот лишний вес, но для этого необходимо какое-то время. В обычной машине ты переключаешь скорости рукой, а на газ давишь ногой. Здесь все наоборот, и к этому надо привыкнуть. Вместо одного тормоза здесь два. Если ты забудешь об этом и случайно нажмешь на ручной тормоз, то ты можешь просто перелететь через руль. А потом тебе надо будет привыкнуть к своему пассажиру».

«Джо? А я думала, он поедет с тобой».

«Я бы с радостью его взял», — сказал Ларри. «Но сейчас он вряд ли на это согласится. Тебе так не кажется?»

Надин посмотрела на Джо долгим, обеспокоенным взглядом. «Да», — сказала она, а потом вздохнула. «Он и со мной-то может не поехать, если испугается».

«Я отвечаю за вас двоих, и я не хочу видеть, как вы перевернетесь».

«С тобой так уже было, Ларри? Ты был не один?»

«Я был не один», — сказал Ларри. «И я действительно перевернулся. Но к тому времени, как это произошло, леди, которая сопровождала меня, была уже мертва».

«Она попала в аварию на мотоцикле?» На лице у Надин застыло напряженное выражение.

«Нет. То, что произошло, было на семьдесят процентов несчастным случаем и на тридцать процентов самоубийством. То, в чем она нуждалась... дружба, понимание, поддержка, не знаю, что еще... она от меня не получала». Ему было не по себе, в висках стучало, горло свело, а к глазам подступили слезы. «Ее звали Рита. Рита Блэкмор. С тобой я хочу вести себя иначе, вот и все. С тобой и с Джо».

«Ларри, почему же ты мне раньше не рассказал?»

«Потому что мне больно об этом говорить», — сказал он просто. «Очень больно». Это было правдой, но не всей правдой. Были еще и сны. Он поймал себя на мысли о том, снятся ли Надин кошмары. Когда он ненадолго проснулся прошлой ночью, она непрерывно ворочалась и что-то бормотала. Но наутро она ничего не сказала. И Джо. Видит ли он плохие сны? Ну, насчет *них* он точно сказать не может, но вот бесстрашный инспектор Андервуд из Скотланд-Ярда явно боится снов... и если Надин попадет в аварию, они могут возобновиться.

«Тогда мы поедем завтра», — сказала она. «Этим вечером ты научишь меня».

Но сначала выбранные Ларри два небольших мопеда надо было заправить. У магазина была своя колонка, но без электричества она не работала. Он обнаружил еще один фантик на крышке подземного резервуара и понял, что ее не так давно поднимал находчивый Гарольд Лаудер. Независимо от того, был ли он влюблен и любил ли он шоколадную карамель, Гарольд Лаудер приобретал в глазах Ларри все большее уважение. У Ларри уже сложился свой образ этого человека. Возраст между тридцатью и сорока, высокий, загорелый, худощавый, может быть, и не очень умный в книжном смысле этого слова, но зато чрезвычайно сообразительный. Ларри усмехнулся. Дурацкое занятие представлять себе внешний облик человека, которого никогда не видел. Он никогда не оказывается таким, как ты думаешь. Все на свете знают о диск-жокее весом в три сотни фунтов, у которого голос был тонким, как кончик хлыста.

Пока Надин готовила холодный ужин, Ларри зашел в магазин и обнаружил там большой металлический бак, лом и резиновый шланг.

Я снова нашел тебя, Гарольд! Взгляните-ка на это, сержант Бриггс. Наш парень откачал себе бензина из подземного резервуара. Странно, что он не взял с собой свой шланг.

Может быть, он отрезал себе кусок, а это — остаток, инспектор Андервуд.

Ей-Богу, сержант, вы правы. Я собираюсь представить вас на повышение.

Он взял лом и резиновый шланг и подошел к крышке резервуара.

«Джо, не мог бы ты подойти на минутку и помочь мне?»

Мальчик оторвался от сыра и крекеров и недоверчиво посмотрел на Ларри.

«Иди, все в порядке», — спокойно сказала Надин.

Джо подошел, слегка приволакивая ногу.

Ларри просунул лом в щель. «Налегай на лом, и посмотрим, сможем ли мы ее поднять», — сказал он.

На секунду ему показалось, что мальчик либо не понял его, либо не захотел понять. Но потом Джо ухватился за лом и налег на него. Руки его были тонкими, но на них проступали жилистые мускулы, какие обычно бывают у рабочих из небогатых семей. Крышка немного подалась, но Ларри пока не удавалось ее подцепить.

«Ложись на лом», — сказал он.

Полудикие узкие глаза холодно скользнули по нему, а потом Джо повис на ломе, оторвав ноги от земли и налегая на него всем своим весом.

Крышка поднялась еще чуть-чуть, и Ларри смог ухватиться за нее руками. Пытаясь найти, за что зацепиться, он вдруг подумал, что если мальчик по-прежнему испытывает к нему неприязнь, то у него возник удобный случай ее проявить. Если Джо отпустит рычаг, крышка с грохотом рухнет вниз, и он лишится всех пальцев на руке, кроме больших. Ларри заметил, что и Надин это поняла. Если раньше она внимательно изучала один из мотоциклов, то теперь она смотрела на них, застыв в напряженной позе.

«Нужна помощь?» — спросила Надин, и ее спокойный голос звучал чуть-чуть выше, чем обычно.

Капля пота опала Ларри в глаз, и он сморгнул. В воздухе стоял запах бензина.

«Я думаю, мы справимся», — сказал Ларри, глядя ей прямо в глаза.

Через мгновение его пальцы нащупали на обратной стороне крышки небольшую впадину. Он рванул изо всех сил, и крышка перевернулась, с глухим звоном ударившись о гудронированное покрытие. Он услышал вздох Надин и

стук упавшего лома. Он вытер испарину и посмотрел на мальчика.

«Хорошая работа, Джо», — сказал он. «Если бы ты не удержал эту штуку, то оставшуюся часть моей жизни мне пришлось бы ловить мух ртом. Спасибо».

Он не ждал никакого ответа, кроме разве что невнятного мычания, но Джо произнес хрипло и с усилением: «Пжалста».

Ларри быстро взглянул на Надин, которая ответила ему удивленным взглядом, а потом на Джо.

«Джо, ты сказал «пожалуйста»?» — спросил он.

Джо энергично кивнул. «Пжалста».

Надин протянула к нему руки, улыбаясь. «Это хорошо, Джо. Очень, очень хорошо». Джо подбежал к ней и позволил себя обнять в течение секунды другой. Потом он снова устался на мотоциклы.

«Он может говорить», — сказал Ларри.

«Я знала, что он не немой», — ответила Надин. «Но удивительно узнать, что он может поправиться. Я думаю, мы оба были нужны ему. Две половинки. Он... ой, я не знаю».

Он увидел, как она покраснела, и подумал, что знает причину. Он начал просовывать резиновый шланг в дыру в цементе, и ему неожиданно пришло в голову, что его действия можно рассматривать как символичную и довольно-таки грубоватую пантомиму. Он резко поднял глаза. Она быстро отвернулась, но он успел заметить, с каким напряженным вниманием она смотрела на его действия и какой яркий румянец выступил у нее на щеках.

В груди его поднялась волна омерзительного страха, и он закричал: «Ради Бога, Надин, смотри, куда ты едешь!» Она была целиком поглощена ручным управлением и не видела, что ее «Хонда» со скоростью пять миль в час едет прямо на сосну.

Она подняла голову, и он услышал ее удивленный возглас. Потом она повернула, но слишком резко, и упала на землю. «Хонда» заглохла.

Он побежал к ней с трепыхающимся в горле сердцем. «С тобой все в порядке, Надин? С тобой все...»

Она с трудом поднялась на ноги, глядя на свои содранные руки. «Да, я в порядке. Какая я дура. Я не разбила мопед?»

«Черт с ним с мопедом, дай мне взглянуть на твои руки».

Она протянула ему ладони, и он попрыскал на них из пластиковой бутылочки с бактином.

«Ты весь дрожишь», — сказала она.

«Это тоже к черту», — ответил Ларри несколько более грубо, чем собирался. «Послушай, может, нам все-таки поехать на велосипедах? Это опасно...»

«Дышать тоже опасно», — ответила она спокойно. «Я думаю, Джо лучше поехать с тобой, по крайней мере, сначала».

«Он не...»

«Я думаю, он согласится», — сказала Надин, глядя ему в глаза. «И ты тоже будешь не против».

«Ну ладно, на сегодня хватит. Уже слишком темно, и почти ничего не видно».

«Еще разок. Я где-то читала, что если лошадь сбрасывает тебя, то надо немедленно снова сесть на нее верхом».

Джо прогуливался неподалеку, поедая ежевику из мотоциклетного шлема. Он нашел множество диких кустов ежевики позади магазина и собирал ягоды, пока Надин брала свой первый урок езды.

«Наверное, ты права», — согласился Ларри покорно. «Но пожалуйста, смотри, куда ты едешь».

«Хорошо, сэр. Слушаюсь, сэр». Она отдала честь и улыбнулась ему. У нее была красивая медлительная улыбка, которая озаряла все ее лицо. Ларри улыбнулся в ответ — больше ему ничего не оставалось. Когда улыбалась Надин, ей в ответ улыбался даже Джо.

На этот раз она сделала два круга по стоянке, а потом выехала на дорогу, повернув слишком резко и вновь заставив сердце Ларри подскочить до уровня горла. Но она проворно опустила ноги вниз, как он учил ее, поднялась на холм и скрылась из виду. Он видел, как она осторожно переключилась на вторую передачу, и услышал, как она перешла на третью за горбом холма. Потом шум мотора перешел в слабое жужжание и постепенно перестал дости-

гать его ушей. Он стоял в сумерках, механически убивая очередного комара и чувствуя сильное беспокойство.

Джо приблизился к нему. Рот его был синим. «Пжал-ста», — сказал он и улыбнулся. Ларри натянуто улыбнулся в ответ. Если она не вернется в ближайшее время, он поедет за ней. Картины того, как она лежит в канаве со сломанной шеей, зловеще плясали у него перед глазами.

Он как раз направлялся к другому мопеду, раздумывая о том, брать ли с собой Джо, когда вновь раздалось слабое жужжание, которое постепенно переросло в гул мотора, ровно работавшего на четвертой передаче. Он расслабился... слегка. С горечью он понял, что никогда не сможет быть спокойным, пока она будет ехать на этой штуке.

Она вновь появилась в его поле зрения и подъехала к нему. Передняя фара была включена.

«Неплохо, да?» Она выключила двигатель.

«А я уже собирался за тобой ехать. Я думал, ты попала в аварию».

«Частично так оно и было». Она заметила, как он напрягся, и быстро добавила. «Я слишком медленно разворачивалась и забыла выжать сцепление. Мотор заглох».

«Ааа. Достаточно на сегодня, ладно?»

«Да», — сказала она, — «а то задница болит».

Он лежал под одеялами и думал, придет ли она к нему, когда Джо уснет, или ему самому пойти к ней. Он хотел ее и думал, что судя по тому, с каким видом она наблюдала за абсурдной пантомимой с резиновым шлангом, она также хочет его. Наконец он заснул.

Ему снилось, что он заблудился на кукурузном поле. Но где-то раздавалась музыка. Звуки гитары. Джо играет на гитаре. Если он найдет Джо, с ним будет все в порядке. И он пошел на звук, время от времени переходя с одного ряда на другой, и наконец вышел на поляну неправильной формы. Там стоял небольшой домик, скорее похожий на хижину, и крыльцо его возвышалось на старых ржавых домкратах. Играл на гитаре не Джо, да это и не мог быть он. Ведь Джо держал его за левую руку, а Надин — за правую. Они шли вместе с ним. На гитаре играла старая женщина. Она исполняла спиричуэл джазового толка.

Слушая ее песню, Джо улыбался. Старая женщина была чернокожей. Сидела она на крыльце. Ларри подумал, что это, наверное, самый старый человек из всех, кого он видел за свою жизнь. Но в ней было что-то, благодаря чему Ларри становилось очень хорошо, как бывало когда-то в раннем детстве, когда его мать обнимала его неожиданно и говорила: *Вот самый лучший на свете сын.*

Старая женщина кончила играть и посмотрела на них.

Ну что ж, вот и гости пришли. Выходите, я вас вижу, мои соглядатаи.

Они приблизились, держа друг друга за руки. Джо протянул руку и качнул лысую старую шину. Они были на крошечной полянке, на островке в море кукурузы. На север уходила покрытая грязью дорога.

Благослови его Господь, он хорошо играет. А я уже слишком старая. Пальцы уже не такие проворные. Все дело в ревматизме. Но в 1902 году я играла в главном концертном зале штата. Я была первым чернокожим человеком, который играл там. Самым первым.

Надин спросила, кто она такая. Они находились в каком-то заколдованном месте, где солнце остановилось за час до захода, а тень от качающейся шины будет вечно ходить из стороны в сторону по поросшей сорняками земле. Ларри хотел бы остаться здесь навсегда, вместе с семьей. Это было хорошее место. Человек без лица никогда не сможет достать их здесь. Ни его, ни Джо, ни Надин.

Меня называют Матерью Абагейл. Думаю, я самая старая женщина в этих местах, и я до сих пор сама готовлю себе печенье. Приходите ко мне, и чем быстрее — тем лучше. Мы должны уйти, прежде чем он нас почует.

Туча закрыла солнце. Тень от шины исчезла. Джо перестал перебирать струны, и Ларри почувствовал, как волоски встали дыбом у него на затылке. Старая женщина словно ничего не замечала.

Прежде чем кто нас почует? — спросила Надин, и Ларри хотел крикнуть ей, чтобы она взяла свой вопрос обратно, прежде чем они услышат ответ.

Этот черный человек, слуга дьявола. Между нами и ним пролегают Скалистые горы, слава Богу, но они не смогут

удержать его. Вот почему нам надо держаться вместе. Бог явился мне во сне и указал мне место. Но все равно нам надо спешить, спешить, насколько это в наших силах. Так что приходите ко мне. Другие тоже придут.

Нет, — сказала Надин испуганно. *Мы едем в Вермонт, и все. Только в Вермонт — совсем небольшая поездка.*

Старая женщина посмотрела на Надин с невыразимой грустью. *Если ты не будешь осторожна, ты отправишься прямо в ад, дочь Евы. А когда ты попадешь туда, то поймешь, что там очень холодно.*

Сон раскололся на множество кусков, и сквозь образовавшиеся трещины хлынула темнота. И в этой темноте что-то подкрадывалось к нему. Оно было холодным и безжалостным, и вскоре он увидит его оскаленные в усмешке зубы.

Но прежде чем это могло случиться, он проснулся. С восхода солнца прошло полчаса, и мир был обернут в густую белую пелену тумана. Магазин выступал из тумана, как нос какого-то странного корабля, изготовленного не из дерева, а из шлакоблоков.

Кто-то лежал рядом с ним, и он понял, что не Надин пришла к нему ночью, а Джо. Джо сосал большой палец и вздрагивал во сне так, словно его мучил какой-то свой кошмар. Ларри задумался о том, так ли уж отличаются сны Джо от его собственных... он лег на спину, уставился в белый туман и думал до тех пор, пока остальные не проснулись час спустя.

К тому времени, когда они закончили завтрак и упаковали свои рюкзаки, туман рассеялся, и можно было начинать путешествие. Как Надин и предсказывала, Джо не возражал против того, чтобы ехать позади Ларри. Собственно говоря, он влез на сиденье позади Ларри без указаний со стороны.

«Медленно», — сказал Ларри в четвертый раз. «Мы не собираемся нестись сломя голову и попасть в аварию».

«Прекрасно», — сказала Надин. «Я очень взволнована. Мы словно рыцари, выступающие в поход!»

Она улыбнулась ему, но Ларри не смог улыбнуться ей в ответ. Рита Блэкмор сказала какую-то очень похожую

фразу, когда они выезжали из Нью-Йорка. Это было за два дня до ее смерти.

На ленч они остановились в Эпсоме. Они ели жареную ветчину и запивали ее фантой как раз под тем деревом, где спал Ларри, а Джо стоял над ним с занесенным ножом. Ларри с облегчением обнаружил, что езда на мотоциклах оказалась не такой ужасной, как он предполагал. Большинство участков трассы они преодолевали в неплохом темпе, и даже в населенных пунктах им удавалось ехать по тротуарам со скоростью ходьбы. Надин чрезвычайно осторожно преодолевала слепые повороты, снижая скорость до минимума, и даже на открытых участках трассы она не понуждала Ларри ехать быстрее тридцати пяти миль в час. Он подумал, что при хорошей погоде они могут оказаться в Стовингтоне к девятнадцатому.

На ужин они остановились к западу от Конкорда, и Надин сказала, что они могут выиграть время у Лаудера и Голдсмит, поехав прямо на запад по дороге 1-89.

«Там будет много заторов», — сказал Ларри с сомнением.

«Мы попробуем», — сказала она уверенно. «В худшем случае нам придется сделать крюк по объездной дороге».

После ужина они два часа проехали по 1-89 и действительно наткнулись на затор. Как раз на выезде из Уорнера дорогу перегораживал автомобиль с жилым прицепом. Водитель и его жена, умершие несколько недель назад, лежали на передних сиденьях своей «Электры», как кули с зерном.

Втроем им с трудом удалось перетащить свои мопеды через погнувшуюся сцепку между машиной и прицепом. После этого они почувствовали себя слишком усталыми, чтобы ехать дальше. В эту ночь Ларри уже не размышлял о том, стоит ли ему пойти к Надин, которая унесла свои одеяла на десять футов от того места, где он расстелил свои (мальчик спал между ними). Единственное, на что он был способен в эту ночь, это быстро и крепко уснуть.

На следующий день они наткнулись на затор, который не смогли преодолеть. Посреди дороги лежал переверну-

тый грузовик с прицепом, в который врезалось полдюжины следовавших за ним машин. К счастью, они были всего лишь в двух милях от объездной дороги в Энфилде. Они вернулись назад, нашли нужный поворот и, чувствуя себя усталыми и обескураженными, остановились на двадцатиминутный отдых в энфилдском городском парке.

«Чем ты занималась раньше, Надин?» — спросил Ларри.

«Я была учительницей».

«В начальных классах?»

«Да, в первом и во втором».

Это кое-что объясняло в ее твердом нежелании бросить Джо. По крайней мере в умственном отношении, мальчик находился на семилетнем уровне.

«Мне нравились маленькие дети», — сказала она немного грустно. «Многие из них вели себя плохо, но ни один не был окончательно испорченным. Маленькие дети — это единственная хорошая разновидность людей».

«Слегка романтическая идея, не так ли?»

Она пожала плечами. «Дети действительно хорошие. И если ты работаешь с ними, то ты поневоле становишься романтиком. Это не так уж плохо».

«А ты была замужем? Раньше?» Снова оно появилось — это просто вездесущее слово. Раньше. Всегда два слога, но в них выражено все.

«Замужем? Нет, никогда. Я самая настоящая школьная старая дева, моложе, чем я выгляжу, но старше, чем я себя ощущаю. Мне тридцать семь». Прежде, чем он успел спохватиться, глаза его скользнули по ее волосам. Она кивнула, словно он высказал свою мысль вслух. «Преждевременная седина», — сказала она объясняющим тоном. «У моей бабушки волосы стали абсолютно белыми в сорок лет. Думаю, что продержусь лет на пять дольше».

«Где ты преподавала?»

«В небольшой частной школе в Питтсфилде. Очень шикарное место. Стены, увитые плющом, и новейшее спортивное оборудование. К черту экономический спад, снова полный вперед. Автомобильный парк состоял из двух «Тандербердов», трех «Мерседесов», парочки «Линкольнов» и «Крайслера Империала».

«Ты, наверное, была очень хорошей учительницей».

«Думаю, да», — сказала она простодушно, а потом улыбнулась. «Сейчас это не имеет особого значения».

Он обнял ее одной рукой. Она слегка вздрогнула, и он почувствовал, как она напряглась. Плечо ее было теплым.

«Не надо», — сказала она стеснительно.

«Ты не хочешь?»

«Нет, не хочу».

Он озадаченно убрал свою руку. Она *хотела*, чтобы он обнял ее. Он чувствовал, мягкие, но вполне отчетливые волны исходящего от нее желаний. Она сильно покраснела и безнадежно смотрела вниз на свои руки, которые суетились у нее на коленях, как пара искалеченных пауков. Глаза ее сверкали так, словно она была готова разрыдаться.

«Надин...»

Она подняла на него глаза, и он увидел, что она справилась с подступавшими слезами. Она как раз собиралась что-то сказать, когда подошел Джо с гитарой в руке. Они посмотрели на него смущенно, словно он застал их за чем-то более личным, чем обыкновенная беседа.

«Леди», — сказал Джо.

«Что?» — удивленно спросил Ларри, не очень хорошо понимая, в чем дело.

«Леди!» — повторил Джо и указал большим пальцем через плечо.

Ларри и Надин переглянулись.

Неожиданно раздался четвертый голос, пронзительный и захлебывающийся от волнения.

«Слава небесам!» — закричал он. «Ооо, слава небесам!»

Они встали и увидели женщину, бегущую по улице по направлению к ним. Она улыбалась и плакала одновременно.

«Как я рада», — сказала она. «Как я рада видеть вас, слава небесам...»

Она пошатнулась и упала бы в обморок, если бы Ларри не поддержал ее. На вид ей было лет двадцать пять. Одета она была в джинсы и простую белую хлопчатобумажную блузку. Лицо ее было бледным, а ее голубые глаза неестественно застыли, уставясь в одну точку. Они смотрели на Ларри, словно пытаясь убедить расположенный за ними мозг, что это не галлюцинация, что эти три человека на самом деле находятся здесь.

«Я Ларри Андервуд», — сказал он. «Леди зовут Надин Кросс. Мальчика зовут Джо. Мы счастливы повстречаться с вами».

Какое-то время женщина продолжала беззвучно поедать его глазами, а потом медленно подошла к Надин.

«Я так рада...» — начала она. «...так рада встретить вас». Она запнулась. «Боже мой, неужели вы действительно люди?»

«Да», — сказала Надин.

Женщина обняла Надин и зарыдала. Джо подошел к Ларри и посмотрел на него. Ларри взял его за руку. Так они и стояли вдвоем и пристально наблюдали за женщинами.

Вот как они повстречались с Люси Сванн.

Когда они сказали ей, куда они направляются и что у них есть надежда найти там по крайней мере двух других людей, а может быть, и больше, она немедленно захотела ехать с ними. В энфилдском магазине спортивных товаров Ларри нашел для нее среднего размера рюкзак, и Надин пошла с ней в ее дом на окраине города, чтобы помочь ей уложить... две смены одежды, кое-какое белье, запасную пару туфель, плащ. И фотографии мужа и дочери.

В тот вечер они разбили лагерь в городке под названием Кечи, расположенном на границе с Вермонтом. Люси Сванн рассказала им историю, которая была не слишком длинной и вряд ли отличалась от других историй, которые им еще предстояло услышать.

Ее муж заболел двадцать пятого июня, а ее дочь — на следующий день. Она ухаживала за ними со всем рвением, на которое была способна, будучи уверенной в том, что вскоре сама свалится с хрипами (так они называли болезнь в этом уголке Новой Англии). К двадцать седьмому числу, когда ее муж впал в состояние комы, Энфилд оказался почти отрезанным от окружающего мира. Люди умирали, как мухи. За предыдущую неделю они насмотрелись на какие-то чрезвычайные перемещения войск вдоль заставы, но никому не было дела до такого маленького местечка, как Энфилд, штат Нью-Хемпшир. Рано утром двадцать восьмого июня умер ее муж. Ее дочери, похоже, стало немного лучше

двадцать девятого, но вечером произошел резкий поворот к худшему. Она умерла около одиннадцати. К третьему июля все жители Энфилда, кроме нее и старика по имени Билл Даддс, умерли. Люси сказала, что Билл был болен, но потом с виду совершенно оправился. Утром в День Независимости она нашла труп Билла на Главной улице, такой же распухший и почерневший, как и все остальные.

«Я похоронила своих, а заодно и Билла», — сказала она, когда они сидели перед потрескивающим костром. «Это заняло целый день, но тела их обрели покой. А потом я подумала, что надо, пожалуй, отправиться в Конкорд, где живут мои родители. Но я... все как-то не могла собраться». Она вопросительно посмотрела на них. «Как вы думаете, я была неправа? Могли они остаться в живых?»

«Нет», — сказал Ларри. «Невосприимчивость к болезни не связана с наследственностью. Моя мать...» Он посмотрел в костер.

«Уэс и я, мы должны были пожениться», — сказала Люси. «Это было тем летом, когда я закончила школу, в 1984 году. Родители не хотели, чтобы я выходила за него замуж. Они хотели, чтобы я уехала из города, родила ребенка и отказалась от него. Но я этого не хотела. Мама сказала, что это кончится разводом. Папа, сказал, что Уэс — ненадежный человек, и он будет постоянно мне изменять. Я просто ответила: «Поживем — увидим». Я хотела испытать судьбу. Вы меня понимаете?»

«Да», — ответила Надин. Она сидела рядом с Люси и смотрела на нее с нежным сочувствием.

«У нас был симпатичный маленький домик, и я никогда не думала, что все это может вот так закончиться», — сказала Люси со вздохом, больше напоминавшим сдавленное рыдание. «Мы так хорошо жили втроем. Уэс остепенился, но не из-за меня, а скорее из-за Марси. Для него просто свет клином на ней сошелся. Для него...»

«Не надо», — сказала Надин. «Все это было рачьше».

Снова это слово, — подумал Ларри. Это короткое, двухсложное слово.

«Да. Теперь это все в прошлом. И я думаю, что могу начать жить заново. Так и было до тех пор, пока я не начала видеть все эти плохие сны».

Ларри вздрогнул. «Сны?»

Надин смотрела на Джо. Еще секунду назад он дремал у костра. Теперь он смотрел на Люси, и глаза его горели.

«Плохие сны, кошмары», — сказала Люси. «Не всегда они повторяются, но обычно меня преследует какой-то человек, и я никогда не могу точно разглядеть его, потому что он с ног до головы завернут в плащ. И он все время находится в тени». Она поежилась. «Мне даже страшно стало засыпать. Но теперь, может быть, я...»

«Челный челаек!» — вскрикнул Джо так яростно, что они буквально подпрыгнули от неожиданности. Он вскочил на ноги и, скрючив пальцы, вытянул вперед руки, словно миниатюрная копия Бела Лугоши. «Челный челаек! Плохие сны! Гонится! Гонится за мной!» Он прижался к Надин и опасливо уставился в темноту.

Наступило молчание.

«Это безумие», — сказал Ларри и запнулся. Все смотрели на него. Внезапно темнота показалась еще более темной, а Люси снова стала выглядеть испуганной.

Ларри заставил себя продолжить. «Люси, тебе никогда не снились сны о... ну, об одном месте в Небраске?»

«Как-то раз мне приснился сон о старой негрityнке», — сказала Люси, — «но он был коротким. Она сказала мне что-то вроде того, чтобы я приходила повидать ее. А потом я снова оказалась в Энфилде, и... этот жуткий парень гнался за мной. Потом я проснулась».

Ларри посмотрел на нее таким долгим взглядом, что она покраснела и опустила глаза.

Он посмотрел на Джо. «Джо, тебе когда-нибудь снился сон о... ну, кукурузе? О старой женщине? О гитаре?» Джо ничего не ответил и только посмотрел на него.

«Оставь его в покое, ты только сильнее его расстроишь», — сказала Надин.

Ларри поразмыслил. «Дом, Джо? Маленький дом с крыльцом на домкратах?»

Ему показалось, что в глазах у Джо он заметил блеск.

«Прекрати, Ларри!» — сказала Надин.

«Качели, Джо? Качели из шины?»

Джо неожиданно рванулся из объятий Надин. Он вынул большой палец изо рта. Надин попыталась удержать его, но он вырвался.

«Качели!» — возбужденно сказал Джо. «Качели! Качели!» Он отбежал от них в сторону и показал сначала на Надин, а потом на Ларри. «Она! Ты! Много!»

«Много?» — переспросил Ларри, но Джо уже успокоился.

У Люси Сванн был удивленный вид. «Качели», — сказала она. «Я тоже их помню». Она посмотрела на Ларри. «Почему у нас одни и те же сны? Кто-то облучает нас волнами?»

«Я не знаю». Он посмотрел на Надин. «Ты тоже все это видела?»

«Мне не снятся сны», — ответила она резко и тут же опустила глаза. Он подумал: «Ты лжешь. Но почему?»

«Надин, если ты...» — начал он.

«Я же сказала тебе, что мне *не снятся сны!*» — закричала она пронзительным, истерическим голосом. «Почему ты не можешь оставить меня в покое? Зачем ты изводишь меня?»

Она встала и отошла от костра.

Люси неуверенно посмотрела ей вслед, а потом тоже поднялась на ноги. «Я пойду к ней».

«Хорошо. Джо, останешься со мной, о'кей?»

«Кей», — сказал Джо и начал расстегивать футляр с гитарой.

Люси вернулась с Надин через десять минут. Обе они были заплаканы, но Ларри заметил, что теперь между ними установились хорошие отношения.

«Извините меня», — сказала Надин Ларри.

«Ничего страшного».

Больше эта тема не поднималась. Они сидели и слушали, как Джо исполняет свой репертуар. Он делал большие успехи, и теперь наряду с мычанием и похрюкиванием изо рта у него вылетали отдельные слова.

Наконец они улеглись спать: Ларри с одного конца, Надин с другого, а Джо и Люси посередине.

Сначала Ларри приснился сон о черном человеке на возвышении, а потом о старой негритянке на крыльце. Но в этом сне он знал, что черный человек идет за ним по кукурузному полю с прилипшей к его лицу ужасной усмешкой.

Ларри проснулся среди ночи, задыхаясь от ужаса. Остальные спали, как убитые. Черный человек шел за ним не с пустыми руками. С собой он нес полуразложившееся и распухшее тело Риты Блэкмор. Он почувствовал непреодолимое желание броситься к его ногам, выкрикнуть свою вину и смиренно признать, что никакой он не симпатичный парень, что он неудачник, что он создан для того, чтобы брать.

Наконец он снова заснул. Других снов в эту ночь ему видеть не пришлось.

«О Господи», — опустошенно сказала Надин. Ларри посмотрел на нее и увидел в ее глазах такое глубокое разочарование, при котором не помогают даже слезы. Лицо ее побледнело, а прекрасные глаза затуманились и стали смотреть в одну точку.

Было четверть восьмого утра девятнадцатого июля, и тени их были еще очень длинными. Они ехали целый день и лишь несколько раз останавливались для короткого пятиминутного отдыха. На ленч в Рэндольфе у них ушло всего полчаса. Никто из них не жаловался, хотя после шести часов непрерывной езды на мопеде тело Ларри онемело, и он чувствовал себя так, словно в него вонзили множество иголок.

Теперь они стояли рядком перед металлическим забором. Внизу под ними расстился город Стовингтон, вид которого не слишком изменился с тех пор, как Стью Редман смотрел на него в последние два дня своего заточения. За забором и лужайкой, которая когда-то выглядела аккуратно, а теперь заросла и была усыпана листьями и ветками, занесенными сюда ветром во время послеполуденных гроз, стояло само здание высотой в три этажа. Ларри предположил, что большая часть его скрыта под землей.

Место было пустынным и тихим.

В центре лужайки была надпись:

СТОВИНГСКИЙ ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧУМЫ
ЭТО ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ!
ПОСЕТИТЕЛИ ДОЛЖНЫ ОТМЕТИТЬСЯ НА ГЛАВ-
НОЙ ПРОХОДНОЙ

Внизу была еще одна надпись, и на нее-то они и смотрели:

ПО ШОССЕ №7 ДО РУТЛАНДА

ПО ШОССЕ №4 ДО ШУЙЛЕРВИЛЛЯ

ПО ШОССЕ 29 ДО 1-87

ПО 1-87 НА ЮГ ДО 1-90

ПО 1-90 НА ЗАПАД

ЗДЕСЬ ВСЕ МЕРТВЫ МЫ ЕДЕМ НА ЗАПАД В
НЕБРАСКУ

СЛЕДУЙТЕ ЗА НАМИ СЛЕДИТЕ ЗА НАДПИСЯМИ
ГАРОЛЬД ЭМЕРИ ЛАУДЕР ФРЭНСИС ГОЛДСМИТ
СТЮАРТ РЕДМАН ГЛЕНДОН ПЕКВОД БЭЙТМЕН
8 ИЮЛЯ 1990 ГОДА

«Гарольд, дружище», — пробормотал Ларри. «Мне не терпится пожать тебе руку и купить тебе пива... или шоколадной карамели».

«Ларри!» — вскрикнула Люси.

Надин потеряла сознание.

ГЛАВА 42

Без двадцати одиннадцать двадцатого июля она вышла на веранду, неся с собой кофе и тосты. Стояла середина лета, самого прекрасного лета, которое Матушка Абагейл могла припомнить с 1955 года, когда ее мать умерла в возрасте девяти лет. Жаль, что нет больше людей, чтобы наслаждаться им, — подумала она, осторожно усаживаясь в качалку без подлокотников. Но наслаждались ли они когда-нибудь летом? Некоторые, конечно, да: молодые влюбленные и старики, чьи кости помнили смертельные объятия зимы. Но теперь почти все они умерли. Бог послал на людей тяжелую кару.

Кто-то, может быть, и стал бы утверждать, что эта кара несправедлива, но не Матушка Абагейл. Когда-то Он сделал это с помощью воды, а когда-нибудь он сделает это с помощью огня. Кто она такая, чтобы судить Бога?

Она размочила тост в кофе, чтобы он стал достаточно мягким. Шестнадцать лет назад она распрощалась со своим последним зубом. Беззубой она вышла из утробы матери, и беззубой она ляжет в могилу.

Она была старой и слабой, но ум ее работал исправно. Абагейл Фримантл, таким было ее имя, родилась в 1882 году. За всю свою жизнь она видела много всякой всячины, но ничто из этого не могло сравниться с событиями последнего месяца. Она была старой. Ей хотелось отдыхать, наслаждаясь сменой времен года до тех пор, пока Бог не устанет смотреть на ее жизнь и решит упокоить ее в вечных селениях. Но что толку просить Его об этом? Когда Его собственный Сын просил отвести чашу сию от Его губ, Бог не ответил. А ведь она была обыкновенной грешницей, но по ночам, когда ветер свистел в рядах кукурузы, ее пугала мысль о том, что в 1882 году Бог посмотрел с небес на новорожденную девочку и сказал самому Себе: *Я сделаю так, что она будет долго жить. У нее будет одно дело в 1990 году, на другой стороне целой горы листов из отрывного календаря.*

Время пребывания ее здесь, в Хемингфорд Хоуме, подходило к концу, а последнее ее дело ждало ее на западе, неподалеку от Скалистых гор. Он заставил Моисея взбираться на горы, а Ноя — строить ковчег, Он видел Своего собственного Сына распятым. Так неужели же он будет обращать внимание на то, как отчаянно боится Эбби Фримантл человека без лица, который крадется за ней в ее снах?

«Ну что ж, леди», — сказала она самой себе и положила в рот последний кусок тоста. Она раскачивалась взад и вперед и попивала кофе. Стоял солнечный, прекрасный денек, у нее ничего не болело, и она прочла краткую благодарственную молитву. Бог велик, Бог добр, — даже самый маленький ребенок может выучить эти слова, а в них сосредоточен весь мир, все добро и все зло.

«Бог велик», — сказала Матушка Абагейл, — «Бог добр. Благодарю тебя за солнечный свет. За кофе. За то,

что вчера у меня прекрасно действовал живот. Бог велик...»

Она почти допила кофе, поставила чашку на пол и стала раскачиваться на качалке, повернув лицо к солнцу. Постепенно она погрузилась в дремоту и уснула. Ее сердце, стенки которого были теперь не толще папиросной бумаги, продолжало биться точно так же, как и в предшествующие 39630 дней.

Губы ее продолжали улыбаться.

С тех пор, когда она была девочкой, времена действительно сильно изменились. Фримантлы поселились в Небраске после того, как перестали быть рабами. Эбби, последний ребенок в семье, родилась прямо здесь, в их новом доме в Хемингфорд Хоуме. Ее отец взял верх и над теми, кто не хотел ничего покупать у негров, и над теми, кто не хотел им ничего продавать. Он купил участок земли немного в стороне, чтобы не встревожить тех, кто твердил о нашествии черномазых ублюдков. Он был первым человеком в округе Полк, который применил севооборот и химические удобрения. В марте 1902 года Гэри Сайдс пришел к ним домой сообщить, что Джона Фримантла приняли в ассоциацию фермеров. Он был первым чернокожим во всей Небраске, принятым в ассоциацию.

И понемногу соседи стали относиться к нему неплохо. Не все, конечно, не такие бешеные, как Бен Конвей со своим единоутробным братом, не Арнольдсы и не Диконы, но остальные стали смотреть на него иначе. В 1903 году они обедали у Гэри Сайдса со всей его семьей, прямо в гостиной, как белые люди.

А в 1902 году Абагейл играла на гитаре в зале фермерской ассоциации, причем не на негритянском концерте, а на настоящем показательном концерте для белых, который устраивался в конце года. Ее мать была категорически против. Это был один из тех немногих случаев, когда она открыто выступила против отца в присутствии детей (правда, дети к тому времени весьма и весьма приблизились к среднему возрасту, да и у самого Джона волосы почти полностью поседел).

«Я знаю, как это было», — сказала она в слезах. «Ты, Сайтс и этот Фрэнк Феннер вместе все это придумали. С них спроса нет, Джон Фримантл, но у тебя-то что в голове творится? Они же белые. Ты можешь говорить с ними о пахоте на заднем дворе. Ты даже можешь попить с ними пива, если Нейт Джексон пустит тебя в свой салун. Прекрасно! Никто лучше меня не знает, что тебе пришлось вынести за последние годы. Я знаю, что тебе приходилось улыбаться, когда внутри тебя все горело. Но сейчас речь идет о другом! Речь идет о твоей собственной дочери! Что ты скажешь, если она поднимется на сцену в своем хорошеньком белом платице, а они станут смеяться над ней? Что ты будешь делать, если они станут швырять в нее гнилые помидоры? И что ты ответишь ей? если она подойдет к тебе, испачканная с ног до головы в этих помидорах, и спросит: «Почему, папочка? Почему они это сделали и почему ты позволил им это сделать?»

«Ну, Ребекка», — ответил Джон, — «мне кажется, мы должны предоставить это ей и Дэвиду».

Дэвид был ее первым мужем. В 1902 году Абагейл Фримантл превратилась в Абагейл Троттс. Дэвид Троттс был чернокожим батраком.

Итак, 27 декабря 1902 года, уже три месяца беременная своим первенцем, она поднялась на сцену зала фермерской ассоциации в окружении мертвой тишины, которая воцарилась вокруг, после того как ведущий объявил ее имя.

Она стояла в этой вязкой тишине, зная, как выглядит ее черное лицо над новым белым платьем, сердце ее бешено стучало, и она думала: Я забыла все слова, все до одного, я обещала папочке, что ни за что не заплачу, но Бен Конвей завопит ЧЕРНОМАЗАЯ, и тогда, наверное, я заплачу, Господи, и зачем я во все это ввязалась? Мама была права, я слишком высоко вознеслась, и я заплачу за это.

Зал был полон белыми пятнами лиц, напряженно уставившихся на нее. Не было ни одного свободного кресла, а в самом конце зала стояло два ряда тех, кому не хватило места. Керосиновые лампы освещали зал неровным пламенем. Красные бархатные занавески были подвязаны золотыми шнурами.

И она подумала: Меня зовут Абагейл Фримантл Троттс, я хорошо играю и хорошо пою; я знаю это не с чужих слов.

И она запела «Старый шершавый крест», тихо наигрывая мелодию на гитаре. Потом она более энергично исполнила «Как я люблю своего Иисуса», а затем уже в полную силу сыграла «Пикник в Джорджии». Люди в зале, раньше сидевшие абсолютно неподвижно, начали раскачиваться почти что против своей воли. Некоторые улыбались и хлопали себя по коленкам.

Она спела подборку песен Гражданской войны: «Когда Джонни марширует домой», «Поход через Джорджию» и «Арахисовые орешки» (во время последней песни в зале заулыбались; многим из зрителей, бывшим ветеранам республиканской армии, не раз приходилось есть на службе один арахис). Она закончила «Возвращением на старую стоянку», и после того, как последний аккорд растворился в тишине, она подумала: Ну а теперь, если вам приспичило бросить в меня ваши помидоры или что там у вас припасено, то прошу вас начинать. Я играла и пела так хорошо, как никогда в жизни, и это на самом деле было прекрасно.

Когда последний аккорд растворился в тишине, в зале на один долгий, почти волшебный миг воцарилось полное молчание, словно люди, сидевшие в креслах и стоявшие в конце зала унеслись куда-то далеко, так далеко, что сразу не найти дороги обратно. Потом разразились аплодисменты и нахлынули на нее продолжительной, непрерывной волной, от которой она покраснела и почувствовала себя смущенной. Ей стало жарко, и мурашки побежали у нее по телу. Она увидела свою мать, которая плакала, не скрывая этого, и своего отца, и Дэвида, который глядел на нее сияющими глазами.

Тогда она попыталась уйти со сцены, но повсюду раздались крики «Бис! Бис!», и с улыбкой она сыграла «Кто-то копал мою картошку». Песенка была совсем чуть-чуть непристойной, но она решила, что может себе это позволить. В конце концов она была замужней женщиной.

*«Кто-то копал мою картошку
И оставил ее у меня в закромах
И в беде оказалась невинная крошка
А приятель ее пропадает в бегах».*

Там было еще шесть подобных куплетов (а некоторые даже еще позабористее), и она пропела их один за другим, и в конце каждого из них раздавался все более оглушительный хохот одобрения. А позднее она подумала о том, что если она и совершила какую-нибудь ошибку в тот вечер, то она заключалась как раз в исполнении этой песни. Это была именно та песня, которую они ожидали услышать от черномазой.

Она закончила под громоподобную овацию и новые крики «Бис!» Она вновь поднялась на сцену, и когда толпа затихла, она сказала: «Большое спасибо всем вам. Я надеюсь, вы не сочтете меня выскочкой, если я попрошу у вас разрешения спеть еще одну, последнюю песню, которую я специально разучивала, но никогда не думала, что буду петь ее здесь. Но это одна из лучших песен, которые я знаю, и в ней говорится о том, что президент Линкольн и эта страна сделали для меня и моих близких, еще когда меня не было на свете».

Они сидели теперь очень тихо и слушали внимательно. Члены ее семьи обратились в камень. Они сидели рядом с левым проходом, словно пятно от ежевичного варенья на белом носовом платке.

«В ней говорится о том, что случилось в самой середине Гражданской войны», — продолжала она ровно, — «о том, что позволило моей семье приехать сюда и жить рядом с чудесными соседями, которых послал нам Бог».

Потом она заиграла и запела «Звездно-полосатый флаг», и все встали со своих мест и слушали. Многие полезли в карман за платками, а когда она кончила, раздались такие аплодисменты, что здание чуть не рухнуло.

Это был лучший день в ее жизни.

В следующие дни у нее было много работы, так как она ждала гостей. Какие бы ужасные сны ей ни снились, какой бы усталой она себя ни чувствовала, она никогда не

пренебрегала гостями и не собиралась делать этого и сейчас. Но ей надо действовать очень медленно, иначе она обо всем позабудет и все перепутает, а кончит тем, что будет гоняться за своим собственным хвостом.

Во-первых, надо будет наведаться в курятник к Эдди Ричардсону, а это приличное расстояние, четыре или пять миль. Она поймала себя на мысли о том, что пошлет ли ей Бог орла, чтобы пролететь эти четыре мили, или же ее подвезет Илья на огненной колеснице.

«Богохульство», — сказала она себе благодушно. «Господь посылает силу, а не такси».

Помыв свою немногочисленную посуду, она надела тяжелые башмаки и взяла с собой трость. До сих пор она пользовалась ей очень редко, но сегодня трость ей понадобится. Четыре мили туда, четыре обратно. В шестнадцать лет туда она могла нестишь сломя голову, а обратно бежать трусцой, но это было очень давно.

Она отправилась в путь в восемь часов утра, надеясь на то, что к полудню она дойдет до фермы Ричардсонов и сможет поспать в самые жаркие часы дня. В конце дня она свернет шею курам и пойдет домой в сумерках. Она не сможет вернуться до темноты. Это соображение заставило ее вспомнить о своем вчерашнем сне. Но черный человек еще далеко. Гости гораздо ближе.

Она шла очень медленно. Даже в половину девятого солнце палило. Когда она дошла до почтового ящика Гуделлов, то почувствовала, что ей надо отдохнуть. Ни орла, ни такси видно не было. Господь помогает тем, кто помогает себе сам. Она чувствовала, как суставы ее настраиваются; ночью они устроят концерт.

Время шло, и ее тень становилась все короче и короче. За это утро она видела столько диких зверей, сколько ей не встречалось за все те годы, которые прошли с начала двадцатых. Если бы она слышала, как Стью Редман и Глен Бэйтмен обсуждают странную — это им она казалась странной — избирательность супергриппа в отношении животных, она бы расхохоталась. Болезнь убила домашних животных и оставила диких — вот и все. Несколько видов домашних животных сохранилось, но как правило, болезнь

уничтожала человека и его лучших друзей. Она уничтожила собак и сохранила волков, потому что волки были дикими, а собаки — нет.

Все тело ее болело. Она шла и разговаривала со своим Богом, иногда про себя, иногда вслух, не ощущая разницы между первым и вторым. И вновь она начала думать о прошлом. Конечно, 1902 год был лучшим. После этого время пошло быстрее, и страницы какого-то огромного и толстого отрывного календаря шелестели и шелестели, почти не задерживаясь на месте. Жизнь тела пролетела так быстро... как это оно умудрилось так устать за такой короткий срок?

От Дэвида Троттса у нее было пять детей. Одна из них, Мэйбелл, подавилась яблоком и задохнулась на заднем дворе Старого Дома. Эбби развешивала одежду, а когда она обернулась, то увидела, как девочка лежала на спине, царапая ногтями горло и наливаясь кровью. Ей удалось наконец извлечь кусок яблока, но к тому времени крошка Мэйбелл уже стала неподвижной и холодной. Из всех детей Эбби она была единственной девочкой и единственным ребенком, погибшим от несчастного случая.

Дэвид умер в 1913 году от гриппа, который не слишком отличался от нынешнего. В 1916 году, когда ей было тридцать четыре, она вышла замуж за Генри Хардсти, чернокожего фермера из округа Уилер на севере. Он специально приезжал ухаживать за ней. Генри был вдовцом с семьей детьми, но пятеро из них уже выросли и уехали из родных мест. Он был на семь лет старше Абагейл. Он успел стать отцом еще двух детей, прежде чем в конце лета 1926 года его придавил перевернувшийся трактор.

Через год она вышла замуж за Нейта Брукса, и люди начали сплетничать — да, люди сплетничают, как они это любят! иногда даже кажется, что это их единственное любимое занятие.

Нейт был наемным работником у Генри Хардсти и оказался ей хорошим мужем. Возможно, не такой милый, как Дэвид, и уж конечно не такой упорный, как Генри, но неплохой человек, который во многом слушался ее советов.

Шестеро ее мальчиков принесли урожай из тридцати двух внуков и внучек. Тридцать два внука и внучки в свою

очередь произвели на свет девяносто одного правнука и правнучку, а к началу эпидемии у нее уже пошли праправнуки и праправнучки.

Теперь ей уже была видна сверкавшая на солнце крыша курятника. Миля, не больше. Было четверть одиннадцатого. Неплохой темп для такой немолодой барышни. Она зайдет внутрь и проспит до конца жары. В этом нет никакого греха. В ее-то возрасте.

Да, потомства на старости лет у нее было достаточно. Были среди них такие, вроде Линды и безымянного коммивояжера, за которого она вышла замуж, кто не заглядывал к ней, но были и такие, как Молли и Джим, Дэвид и Кэти, которые стоили тысяч Линд с их безымянными муженьками, которые ходили от двери к двери, продавая кастрюли-скороварки. Последний из ее братьев, Люк, умер в 1949 году в возрасте восьмидесяти с чем-то лет, а последний из ее детей, Сэмуэл, в 1974 в возрасте пятидесяти четырех. Она пережила всех своих детей, и в этом было что-то неестественное, но, очевидно, у Бога на нее были свои планы.

В 1982 году, когда ей исполнилось сто лет, ее фотографию поместили в омахской газете и прислали к ней телерепортера, чтобы он отснял о ней сюжет. «Чем вы можете объяснить, что дожили до такого преклонного возраста?» — спросил ее молодой человек. Он был очень разочарован ее кратким ответом: «Божьей волей». Им хотелось услышать от нее про то, как она ела пчелиный воск, или воздерживалась от жареной свинины, или клала ноги на возвышение во время сна. Но она ничего подобного не делала, и зачем ей было лгать? Бог дает жизнь и забирает обратно, когда захочет.

Кэти и Дэвид подарили ей телевизор, чтобы она смогла увидеть себя на экране, а президент Рейган написал ей письмо, поздравив ее с «преклонным возрастом» и с тем фактом, что она голосовала за республиканцев всю свою жизнь, с тех пор как у нее появилось право голоса. Ну а за кого было ей еще голосовать? Рузвельт и его окружение были коммунистами.

Когда ей исполнилось сто лет, городской совет Хемингфорд Хоума «навечно» избавил ее от налогов в связи с

тем самым «преклонным возрастом», с которым поздравлял ее Рональд Рейган. Ей выдали справку, что она самый старый человек во всей Небраске. С налогами, однако, это они хорошо придумали, хотя все остальное и было полной ерундой. Если бы они не сделали этого, она потеряла бы оставшийся у нее клочок земли. Большая часть земли была потеряна уже давным-давно. Владения Фримантлов и сила фермерской ассоциации достигли пика в волшебный 1902 год, а с тех пор постепенно стали приходить в упадок. У нее осталось только четыре акра. Все остальное либо пошло в счет уплаты налогов, либо было продано из-за нехватки денег... и ей стыдно было в этом признаться, но большинство продаж осуществили ее собственные сыновья.

Она дошла до фермы Ричардсонов. У нее было ощущение, что она может проспать века. Но прежде чем она позволит себе это, ей надо сделать еще одно дело. Столько животных умерло от этой болезни — лошади, собаки, крысы, — и ей надо было узнать, постигла ли кур та же судьба.

Она зашаркала к курятнику, который был пристроен к коровнику, и остановилась, услышав внутри их кудахтанье. Через секунду сердито закукарекал петух.

«Все в порядке», — пробормотала она.

В тот момент, когда она поворачивалась, чтобы вернуться к дому, она увидела распростертое рядом с поленницей тело. Это был Билл Ричардсон, сводный брат Эдди. Он был сильно обглодан лакомившимися животными.

«Бедняга», — сказала Абагейл. «Бедняга. Хоры ангелов отпоют тебя».

Она снова повернулась к прохладному, приветливому дому. Казалось, ей надо было пройти многие мили, хотя на самом деле ей предстояло всего лишь пересечь двор. Но она не была уверена, что дойдет; она чувствовала себя абсолютно вымотанной.

«Помоги Господь», — сказала она и отправилась в путь.

Солнце светило в окно спальни для гостей, где она легла и уснула, едва лишь скинув с ног тяжелые башмаки. Долгое время она не могла понять, почему вокруг так светло.

«Господь Всемогуший, я проспала весь день и всю ночь подряд!»

Как же она, должно быть, устала. Тело ее так ныло, что встать ей удалось только через десять минут. Еще десять минут потребовалось на то, чтобы обуться. Ходьба была мукой, но она знала, что ей надо идти.

Хромая и спотыкаясь, она подошла к курятнику и зашла внутрь, поморщившись от невероятной жары и неизбежного запаха разложения. Подача воды осуществлялась автоматически из артезианского колодца, но почти весь корм подошел к концу, да и жара убила многих. Слабейшие уже давным-давно погибли от голода или была заклеваны. Их трупки лежали на грязном полу, словно небольшие сугробы тающего снега.

Она выбрала трех самых жирных куриц-несушек и заставила их засунуть головы под крыло. Они немедленно уснули. Она положила их в торбу, а потом обнаружила, что не может поднять такую тяжесть, и ей придется тащить ее по полу.

Было уже почти девять часов утра. Она села на скамеечку и задумалась. Ей по-прежнему казалось, что лучше всего идти домой в прохладе сумерек, как она и намеревалась. Она потеряет день, но ведь гости все еще в пути.

Мускулы ее уже немножко отошли и она ощутила незнакомое, но довольно приятное ноющее чувство под грудиной. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это за чувство... она проголодалась! Этим утром она действительно была голодна, слава Богу, а ведь сколько времени прошло с тех пор, когда она в последний раз ела не просто по привычке. Она была всего лишь кочегаром, подбрасывающим уголь в топку локомотива, не более. Но когда она отрубит этим курам головы, она посмотрит, что там у Эдди осталось в кладовке, и с удовольствием поест. Вот видишь? — наставительно спросила она у самой себя. Господь все устроил к лучшему. Блаженная уверенность, Абагейл, блаженная уверенность.

Кряхтя и отдуваясь, она подтащила торбу с курами к колоде для рубки мяса, которая стояла между коровником и дровяным сараем. Она развязала торбу и посмотрела внутрь. У одной из куриц голова по-прежнему была

засунута под крыло, и она крепко спала. Двое других прижались друг к другу и почти не двигались. В торбе было темно, и они решили, что сейчас ночь. Тупее курицы может быть только нью-йоркский демократ.

Абагейл вытащила одну курицу и положила ее на колоду, прежде чем она успела сообразить, что происходит. Она опустила топорик. Голова упала в пыль. Безголовая курица важной походкой прошла по двору Ричардсонов, махая крыльями и разбрызгивая кровь. Через некоторое время она обнаружила, что мертва, и смиренно улеглась на землю. Курицы и нью-йоркские демократы — Господи, Господи!

Работа была завершена, и все ее страхи, что она не справится или повредит себе руку оказались в прошлом. Бог услышал ее молитвы. Три жирных курицы, а теперь ей остается только донести их до дома.

Она положила птиц обратно в торбу и повесила на место топорик. Потом она отправилась на поиски еды.

Днем она подремала, и ей приснился сон, что ее гости приближаются. Сейчас они были немного к югу от Нью-Йорка и ехали на старом пикапе. Их было шестеро, и одним из них был глухонемой юноша. Но в нем была сила. Он был одним из тех, с кем ей надо будет поговорить.

Она проснулась около половины четвертого, чувствуя себя отдохнувшей и освеженной. В течение следующих двух с половиной часов она ощипывала цыплят. Во время работы она пела гимны: «Семь городских ворот», «Веруй и повинуйся» и свой любимый гимн «В саду».

Когда она кончила ощипывать последнего цыпленка, дневной свет начал приобретать тот спокойный золотистый оттенок, который указывает на приближение сумерек. Конец июля, дни снова становятся короче.

Она зашла в дом и еще немного поела. Хлеб был черствым, но не заплесневел. Никогда плесень не смела показать свою зеленую рожу в кухне у Эдди Ричардсона. А еще она нашла полбанки арахисового масла. Она съела сэндвич, приготовила еще один и положила его в карман платья на случай, если снова проголодается.

Было без двадцати семь. Она снова вышла во двор, завязала торбу и осторожно спустилась с крыльца. Потом она тяжело вздохнула и сказала: «Я иду, Господь. Направляюсь домой. Я буду идти медленно и не думаю, что доберусь до полуночи, но в Библии написано, что мы не должны страшиться ни ужасов ночи, ни ужасов дня. Я исполняю Твою волю, насколько это в моих силах. Прощу Тебя, иди рядом со мной. Во имя Иисуса, аминь».

Когда дорога с гудронным покрытием перешла в грунтовую, было уже совсем темно. Где-то пели кузнечики и квакали лягушки. Скоро должна была подняться луна, большая и красная, как кровь.

Она присела отдохнуть и съела половину своего арахисового сэндвича. Тело ее вновь болело, и, казалось, все ее силы истощились, а идти еще оставалось около двух с половиной миль... но она чувствовала странное возбуждение. Сколько лет прошло с тех пор, когда она гуляла одна ночью под балдахином звезд? Они были такими же яркими, как всегда, и если ей повезет, то она сможет заметить падающую звезду и загадать желание. Теплая ночь, звезды, красная луна над самым горизонтом, — все это вновь навело ее на мысли о ее девичестве. Да, когда-то она была девушкой. Некоторые люди неспособны были в это поверить, точно так же, как не могли они поверить и в то, что гигантская секвойя когда-то была зеленым ростком.

Кто-то резко дернул ее за торбу, и сердце ее упало.

«Эй!» — вскрикнула она старческим, надтреснутым голосом. Она потянула торбу на себя и заметила внизу рваную дыру.

Раздалось глухое ворчанье. Между усыпанной гравием обочиной и кукурузой изогнулась большая бурая ласка. Она смотрела на нее, и в ее глазах мерцали красные лунные блики. К ней присоединилась еще одна. И еще. И еще.

Она посмотрела на другую сторону дороги и увидела, что вдоль обочины выстроился ряд ласок. Они учуяли запах кур в ее торбе. Откуда их столько? — удивилась она с растущим страхом. Однажды ее укусила ласка. Она просунула руку под веранду Большого Дома, чтобы достать закатившийся туда красный резиновый мяч, и словно множество иголок впилося ей в руку. Она закричала и

вытащила руку обратно, а ласка висела на ней, и капельки крови забрызгали ее бурый гладкий мех. Тело ласки извивалось, словно змея. Она продолжала кричать и заммахала рукой, но ласка не ослабляла хватки, словно сделавшись частью ее тела.

Во дворе были ее братья Микей и Мэтью. Отец ее сидел на веранде и просматривал каталог товаров, которые можно заказать по почте. Все они подбежали к ней и на мгновение застыли, увидев Абагейл, забрызганную кровью с ног до головы и с лаской, свисающей с руки.

Первым вышел из оцепенения ее отец. Джон Фримантл подобрал полено, валявшееся рядом с колодой, и закричал: «Стой на месте, Эбби!» Она остановилась, и мимо нее со свистом пронеслось полено. Она вскрикнула от дикой боли в руке, и вот уже бурое Существо, которое причинило ей такие муки, лежало на земле, и мех его был запачкан кровью, а потом Микей высоко подпрыгнул и опустился на него обеими ногами, и раздался ужасный хруст, который был похож на звук у тебя в голове, когда ты разгрызаешь леденец, и если оно было еще живо, то теперь ему точно пришел конец. Абагейл не потеряла сознания, но у нее началась истерика.

К тому времени к ним подбежал Ричард, старший сын, и они обменялись с отцом серьезным, испуганным взглядом.

«Никогда в жизни я не видел, чтобы ласка так себя вела», — сказал Джон Фримантл, держа свою рыдающую дочь за плечи.

«Может быть, она была б...» — начал Ричард.

«Заткни свой рот», — резко сказал отец, прежде чем Ричард успел закончить фразу. Через год Люк объяснил ей, почему отец перебил Ричарда. Ричард собирался сказать, что ласка почти наверняка была бешеной, раз она так себя вела, а если это оказалось бы правдой, то Абагейл умерла бы одной из самых мучительных смертей, известных людям. Но ласка не была бешеной. Рана зажила. Но несмотря на это, с тех пор она боялась этих созданий, боялась так, как некоторые люди боятся крыс и пауков. Как было бы хорошо, если они подошли бы вместо собак!

Одна из них ринулась вперед и рванула за неровные края торбы.

«Эй», — прикрикнула на нее Абагейл. Ласка унеслась прочь, и изо рта у нее свисала вырванная нить. Казалось, что она усмехается.

Он послал их — темный человек.

Ужас захлестнул ее. Вокруг нее собрались уже сотни ласок, некоторые серые, некоторые бурые, некоторые черные, и все они чужали запах кур. Они выстроились по обе стороны от дороги, извиваясь в предвкушении поживы.

Я должна отдать им все. Столько труда пропало зря. Если я не отдам им, они разорвут меня на кусочки. Столько труда пропало зря.

Перед своим мысленным взором она видела усмешку темного человека, она видела его вытянутые руки, с которых капала кровь.

Еще одна ласка рванула торбу. И еще одна.

Ласки с противоположной стороны дороги, извиваясь, подползали к ней, прижавшись брюхом к земле. Их маленькие свирепые глазки сверкали в лунном свете, словно кристаллы льда.

Она встала, все еще чувствуя страх, но зная, что надо делать. «Убирайтесь!» — закричала она. «Это куры, верно, но они для моих гостей! А теперь пошли прочь!»

Они подались назад. В их маленьких глазках, казалось, появилась неуверенность. И неожиданно они исчезли, словно развеянный ветром дым. Чудо, — подумала она, и душу ее преисполнила благодарность Господу. А потом неожиданно она почувствовала холод.

Где-то, далеко на западе, по ту сторону Скалистых гор, которых не было видно даже на горизонте, она почувствовала, как чей-то сверкающий Глаз широко раскрылся и повернулся в ее сторону. Она почувствовала это так явственно, словно услышала чьи-то произнесенные вслух слова: Кто это там? Так это ты, старая женщина?

«Он знает, что я здесь», — прошептала она. «Помоги мне, Господи. Помоги мне и всем нам».

Таща за собой торбу, она снова пошла по направлению к дому.

Они появились два дня спустя, двадцать четвертого июля. Она не так хорошо подготовилась к их приезду, как

ей хотелось. Снова она чувствовала себя разбитой и могла ковылять с места на место только с помощью трости. Воду из колодца она доставала с огромным трудом. На следующий день после противоборства с ласками, она надолго уснула после полудня. Ей приснилось, что она находится на каком-то холодном высокогорном перевале в центре Скалистых гор. Шоссе №6 петляло между высоких каменных стен, которые не пропускали сюда солнечный свет. Но во сне был не день, а абсолютная безлунная темнота. Где-то были волки. И внезапно в темноте открылся Глаз и стал осматриваться. Ветер завывал в вершинах сосен и елей. Это был он, и он искал ее.

Она пробудилась от этого долгого и тяжелого сна еще менее отдохнувшей, чем когда она ложилась, и снова обратилась к Богу с молитвой, чтобы он отпустил ее с миром или хотя бы изменил то направление, в котором Он ее посылал.

Север, юг или восток, Господи, и я покину Хемингфорд Хоум, воспевая Тебе хвалы. Но не на запад, не к темному человеку. Скалистые горы не спасут нас от него. Даже Анды не спасут.

Но это не имело значения. Рано или поздно, когда этот человек почувствует себя достаточно сильным, он придет за теми, кто сопротивляется ему. Если не в этом году, то в следующем. Собак унесла эпидемия, но волки в горах остались, и они готовы служить Сыну Сатаны.

А служить ему будут не только волки.

Утром того дня, когда наконец прибыли ее гости, она принялась за работу в семь. Бог послал ей прохладный, облачный денек, первый за многие недели жары. К ночи может пойти дождь. Во всяком случае, так считало ее бедро, которое она сломала в 1958 году.

Она растопила кухонную плиту и испекла пироги. Как раз поспела земляника, слава Тебе, Господи, и было приятно думать о том, что она не пропадет зря. Во время готовки она почувствовала себя лучше. Один пирог с голубикой, два с земляникой и ревенем и один яблочный. Она поставила их на подоконник охлаждаться.

Днем кухня наполнилась запахом жарящихся кур. Завернув готовых кур в бумажные салфетки, она пошла на задний двор с гитарой, села и начала играть. Она спела все свои любимые песни, и ее высокий дрожащий голос далеко разносился в тихом воздухе. Она пела гимны один за другим.

Она как раз добралась до «Мы идем в Сион», когда с севера до нее донесся звук работающего двигателя. Она перестала петь, но пальцы продолжали отсутствующе перебирать струны, пока она прислушивалась, склонив голову набок. Едут, да, Господи, они отыскиали дорогу, и вот уже ей стал виден тянущийся за грузовиком шлейф пыли. Великое волнение охватило ее, и она порадовалась, что надела свое лучшее платье. Она поставила гитару между ног и приставила ладонь ко лбу, хотя солнца и не было.

Звук двигателя стал гораздо громче, и через секунду, там, где кукуруза отступала перед дорогой на водопой, протоптанной стадом Кэла Гуделла...

Да, теперь она видела их, медленно едущий старый фермерский грузовик марки «Шевроле». Кабина была переполнена — в ней сидело человека четыре (зрение у нее до сих пор было в полном порядке), а еще трое стояли в кузове. Она могла видеть худощавого светловолосого мужчину, девушку с рыжими волосами, а в центре... да, это был он, мальчик, который почти уже научился быть мужчиной. Темные волосы, узкое лицо, высокий лоб. Он заметил ее и начал неистово махать рукой. Через секунду к нему присоединился и светловолосый мужчина. Рыжеволосая девушка просто стояла и смотрела. Матушка Абагейл подняла руку и махнула им в ответ.

«Благодарение Господу, что они благополучно добрались», — хрипло пробормотала она. Теплые слезы побежали у нее по щекам.

Грохоча и подскакивая, грузовик к ней во двор. На водителе была надета соломенная шляпа с пером, заткнутым за синюю бархатную ленту.

«Ээээээээээээй!» — закричал он, махая ей рукой. «Привет, мамаша! Ник сказал, что ты можешь оказаться здесь, и так оно и вышло! Хеээээйийяаааа!» Он посигнализировал. С ним в кабине сидели мужчина лет пятидесяти,

женщина того же возраста и маленькая девочка в красном вельветовом комбинезоне. Девочка робко махала одной рукой; большой палец другой руки был надежно засунут в рот.

Молодой человек с повязкой на глазу и темными волосами — Ник — прыгнул с борта грузовика еще до того, как тот остановился. Он медленно подошел к ней. Лицо его было серьезным, но единственный глаз был исполнен ликования. Он остановился у крыльца и удивленно посмотрел вокруг... на двор, дом, старое дерево с качелями из шины. И на нее.

«Привет, Ник», — сказала она. «Я рада видеть тебя. Благослови тебя Господь».

Он улыбнулся, взошел к ней по ступенькам и взял ее за руки. Она подставила ему свою морщинистую щеку, и он нежно ее поцеловал. За его спиной выстроились остальные. Человек, который был за рулем, держал на руках девочку в красном комбинезоне, у которой правая нога была в гипсе. Руки ее твердо обвивали загорелую шею водителя. Рядом с ними стояла женщина лет пятидесяти, следом за ней — рыжая и светловолосый мальчик с бородой. Нет, конечно, он не мальчик, — подумала Матушка Абагейл, — он просто немощный. Последним в этом ряду стоял мужчина, который ехал в кабине. Он протирал стекла очков в тонкой стальной оправе.

Ник смотрел на нее вопросительно, и она кивнула.

«Ты поступил совершенно правильно», — сказала она. «Бог привел тебя сюда, и Матушка Абагейл сейчас тебя накормит».

«Я рада видеть вас всех!» — добавить она, повышая голос. «Мы не можем долго оставаться здесь, но прежде чем отправиться в путь, мы отдохнем и вместе преломим хлеб. Нам надо подружиться друг с другом».

Маленькая девочка пискнула из надежных рук водителя: «Вы самая старая женщина в мире?»

Женщина лет пятидесяти сказала: «Тсссс, Джина!»

Но Матушка Абагейл только рассмеялась. «Вполне возможно, крошка. Вполне возможно».

Она велела им расстелить свою скатерть в крупный красный горошек за яблоней, и две женщины, Оливия и Джуна, стали накрывать ленч, пока мужчины отправились собирать кукурузу. Сварилась она очень быстро, и хотя сливочного масла у нее не было, оливкового масла и соли хватило вдоволь.

Во время еды почти никто не разговаривал — раздавались лишь звуки жующих челюстей и тихое довольное похрюкивание. Ей было приятно смотреть на то, как эти люди впиваются зубами в еду, отдавая справедливость ее кухне. Стало быть, стоило ходить к Ричардсонам и сражаться с ласками. Нельзя сказать, что они были очень голодны, но когда ты месяц подряд ешь консервы, то очень хочется попробовать чего-нибудь свеженького и домашнего. Сама она съела три куска курицы, початок кукурузы и небольшую корочку пирога с земляникой и ревенем. После этого она почувствовала себя набитой до отказа, как чехол матраса.

Когда кофе был разлит по чашкам, водитель, приятный человек с открытым лицом по имени Ральф Брентнер, сказал ей: «Ничего вкуснее я не ел за всю свою жизнь. Спасибо вам огромное».

Остальные благодарно присоединились. Ник улыбнулся и кивнул.

«Можно я сяду к вам на колени, бабушка?» — спросила маленькая девочка.

«Боюсь, ты окажешься слишком тяжелой, радость моя», — сказала ей женщина постарше, Оливия Уокер.

«Глупости», — сказала Абагейл. «В тот день, когда я не смогу взять к себе на колени ребенка, меня завернут в саван. Иди сюда, Джина».

Ральф поднес ее к Абагейл и усадил к ней на колени. «Когда станет тяжело, просто скажите мне». Он пощекотал лицо Джины пером на своей шляпе. Она закрылась руками и захихикала. «Не щекочи меня, Ральф! Не смей меня щекотать!»

«Не беспокойся», — сказал Ральф, смягчаясь. «Я слишком сыт, чтобы щекотать кого-нибудь в течение долгого времени». Он снова сел.

«Что случилось с твоей ножкой, Джина?» — спросила Матушка Абагейл.

«Я сломала ее, когда выпала из хлева», — сказала Джина. «Дик наложил мне гипс. Ральф говорит, что Дик спас мне жизнь». Она послала воздушный поцелуй человеку в стальных очках, и он слегка покраснел, кашлянул и улыбнулся.

Ник, Том Каллен и Ральф встретились с Диком Эллисом, когда тот прошел уже пол-Канзаса с рюкзаком за плечами и дорожной палкой в руке. Он был ветеринаром. На следующий день они остановились на ленч в небольшом городке под названием Линдсбург. Из южной части города доносились слабые крики. Если бы ветер дул в другую сторону, они ни за что бы их не услышали.

«Божье милосердие», — благодушно сказала Эбби, поглаживая маленькую девочку по волосам.

Джина жила сама по себе целых три недели. Она играла на сеновале дядюшкиного хлева и под ней провалился прогнивший настил. Поначалу Дик Эллис оценивал ее шансы весьма пессимистично. Он применил местное обезболивающее, чтобы вернуть кость в правильное положение. Она потеряла столько веса, и ее общее физическое состояние было таким слабым, что он не решился дать ей общий наркоз, опасаясь, что он убьет ее.

Джина поправилась удивительно быстро. Она моментально привязалась к Ральфу и его щеголеватой соломенной шляпе. Тихим, застенчивым голосом Эллис сказал, что, с его точки зрения, главной проблемой девочки было сокрушительное одиночество.

«Разумеется, так оно и было», — сказала Абагейл. «Если бы вы не нашли бы ее, она бы совсем зачахла».

Джина зевнула. Глаза ее затуманились.

«Я ее заберу», — сказала Оливия Уокер.

«Положите ее в маленькой комнатке в конце прихожей», — сказала Эбби. «Если хотите, можете лечь с ней. А эта девушка... как ты сказала тебя зовут, радость моя? Совсем выскочило из головы».

«Джуна Бринкмейер», — ответила рыжая.

«А ты можешь спать со мной, Джуна, если у тебя нет других планов. Моя кровать слишком мала для двоих, да

я и не думаю, что ты захотела бы спать с такой старой вязанкой хвороста, как я, даже если бы она была достаточно большой, но у меня есть еще один матрас, и он тебе подойдет, если в нем еще не завелись клопы. Кто-нибудь из наших высоких мужчин достанет его тебе с антресолей».

«Конечно», — сказал Ральф.

Оливия унесла Джину, которая уже успела заснуть. В кухне, где за долгие годы ни разу не набиралось столько людей, сгустились сумерки. Кряхтя, Матушка Абагейл поднялась на ноги и зажгла три керосиновые лампы. Темнота отступила.

«Может быть, проверенные пути — самые лучшие», — внезапно сказал Дик, и все посмотрели на него. Он покраснел и снова кашлянул, но Абагейл только посмеивалась.

«Я хочу сказать», — продолжил Дик, защищаясь, — «что это первая домашняя еда, которую мне довелось попробовать начиная с... ну, наверное, с тридцатого июня. С того дня, когда погасло электричество. Тогда я сам приготовил себе еду, и ее вряд ли можно было отнести к домашней кухне. Моя жена... она здорово готовила. Она...» Он беспомощно запнулся.

Вернулась Оливия. «Крепко спит», — сказала она. «Устала сегодня».

«Вы печете свой хлеб?» — спросил Дик у Матушки Абагейл.

«Конечно, пеку. Всегда пекла. Правда, дрожжи давно кончились, но можно обойтись и без них».

«Мне так хотелось хлеба», — сказал он. «Хелен, моя жена... обычно пекла хлеб два раза в неделю. Совсем недавно мне казалось, что если мне дадут три куска хлеба с земляничным вареньем, то можно с радостью распрощаться с жизнью».

«Том Каллен устал», — неожиданно сказал Том. Он потянулся и зевнул.

«Ты можешь лечь в сарайчике», — сказала ему Абагейл. «Запах там слегка затхлый, но там сухо».

На мгновение все они прислушались к ровному шуму дождя, который шел уже почти целый час. Для одинокого человека этот звук показался бы печальным. В компании

он казался приятным и таинственным, объединяющим их вместе. Далеко над Айовой пророкотал гром.

«Думаю, у вас есть все, что нужно, чтобы устроиться на ночь?» — спросила она у них.

«Абсолютно все», — ответил Ральф. «Мы прекрасно устроимся. Пошли, Том». Он поднялся.

«Не могли бы вы с Ником ненадолго задержаться, Ральф?» — сказала Абагейл.

Все это время Ник сидел за столом в противоположном от ее качалки конце комнаты. Если человек не может говорить, — подумала она, — то, казалось бы, он должен потеряться в комнате, набитой другими людьми, просто выпасть из поля зрения. Но что-то в Нике не давало этому произойти. Он сидел абсолютно спокойно, следя за разговором, и на лице его отражалось реакция на только что произнесенные слова. Лицо его было открытым и смущенным, но слишком озабоченным для такого молодого человека. Несколько раз она замечала, как люди смотрят на него, словно он может подтвердить их слова. Они ни на минуту не забывали о нем. Несколько раз она заметила, как он смотрит в окно и на лице его появляется беспокойство.

«Не могли бы вы достать мне этот матрас?» — мягко спросила Джуна.

«Мы достанем его вместе с Ником», — сказал Ральф, вставая.

«В одиночку я в этот сарай не пойду», — сказал Том. «Ей-Богу, нет!»

«Я пойду с тобой», — сказал Дик. «Мы зажжем фонарь и устроим себе кровати». Он поднялся. «Еще раз спасибо, миссис. Не могу выразить, как все было вкусно».

Другие поблагодарили вслед за ним. Ник и Ральф достали матрас, клопов в котором не оказалось. Том и Дик отправились в сарай. Ник, Ральф и Матушка Абагейл остались в кухне одни.

«Не возражаете, если я закурю, миссис?» — спросил Ральф.

«Не возражаю, если не будешь стряхивать пепел на пол. В комод у тебя за спиной стоит пепельница».

Ральф встал за пепельницей, и Эбби осталась лицом к лицу с Ником. На нем была рубашка цвета хаки, синие

джинсы и вылинявшая тренировочная фуфайка. В нем было что-то такое, что внушало ей мысль, будто она знала его и раньше. Глядя на него, она чувствовала себя так, словно встреча эта была предрешена судьбой.

«Миссис?»

Ральф уже сидел рядом с Ником с листком бумаги в руках и разглядывал его, повернув к свету.

На коленях у Ника лежал блокнот и шариковая ручка.

«Ник говорит...» Ральф прочистил горло в смущении.

«Продолжай».

«В его записке говорится, что ему трудно читать по вашим губам, потому что...»

«Я понимаю», — сказала она. «Ничего страшного».

Она встала и шаркающей походкой подошла к комоду. На второй полке над комодом стояла пластмассовая баночка, полная мутной жидкости, в которой, словно медицинский препарат, плавали две вставные челюсти.

Она выудила их и прополоскала в ковшике.

«Господи, помни, как я страдала», — сказала Матушка Абагейл и вставила челюсти.

«Нам надо поговорить», — сказала она. «Вы — главные, и нам надо кое в чем разобраться».

«Ну», — сказал Ральф, — «это не для меня. Я был простым фабричным рабочим отчасти фермером. Мозолей у меня гораздо больше, чем мыслей. Ник, вот он у нас главный».

«Это так?» — спросила она, глядя на Ника.

Ник написал короткую записку, и Ральф прочел ее вслух.

«Это мне пришло в голову приехать сюда, а насчет главного — я не знаю».

«Мы встретили Джуну и Оливию примерно в девяноста милях к югу отсюда», — сказал Ральф. «Позавчера, так, Ник?»

Ник кивнул.

«Мы уже тогда ехали к вам, Матушка. Женщины шли на север. Дик тоже. Мы просто объединили всех вместе».

«Вы видели еще кого-нибудь?» — спросила она.

«Нет», — написал Ник. «Но у меня часто бывает чувство — у Ральфа тоже, — что кто-то прячется от нас и

наблюдает издали. Боятся, наверное. Никак не могут оправиться от того, что произошло».

Она кивнула.

«Дик говорит, что за день до того, как он нас встретил, он слышал шум мотоцикла где-то на юге. Так что есть и другие люди. Думаю, они просто пугаются, когда видят такую большую группу».

«Почему вы приехали сюда?» Глаза ее, окруженные сетью морщинок, остро уставились на них.

Ник написал: «Мне снились сны о вас. Дик Эллис говорит, что ему тоже раз приснился такой сон. И маленькая девочка, Джина, она описала это место задолго до того, как мы сюда приехали. Эти качели».

«Благослови ее Бог», — сказала Матушка Абагейл с отсутствующим видом. Она посмотрела на Ральфа. «А ты что скажешь?»

«Вы мне снились раз или два, миссис», — сказал Ральф и облизал губы. «В основном мне снился... другой парень».

«Какой другой парень?»

Ник написал что-то на листке из блокнота и обвел свою запись в кружок. Вручил ей прямо в руки. Буквы были большими, такими же, как на стене во дворце у Валтасара. От одного взгляда на них у нее пошел мороз по коже. Она вспомнила о ласках, которые, извиваясь, ползли по дороге и впивались в торбу зубами острыми, как иголки. Она вспомнила о том, как в темноте открылся единственный красный глаз и стал наблюдать в поисках не одной только старой женщины, но и целой группы из мужчин и женщин... и одной маленькой девочки.

Два обведенных слова были: «Темный человек».

«Мне было сказано», — произнесла она, вертя в руках листок бумаги, — «что мы должны идти на запад. Мне сказал это Господь во сне. Я не хотела слушать. Я старая женщина, и все, что я хочу, — это умереть на своем маленьком клочке земли. Эта земля принадлежала моей семье сто двенадцать лет».

Она выдержала паузу. Двое мужчин пристально смотрели на нее в свете керосиновой лампы. За окном продолжал идти нескончаемый дождь. Грома слышно больше не

было. Господи, — подумала она, — как болят десны от этих зубов. Как мне хочется вынуть их и лечь в постель.

«Я начала видеть сны за два года до начала этой эпидемии. Сны снились мне каждую ночь, и иногда они сбывались. Пророчество — это Божий дар, и в каждом заложена его частица. В снах я шла на запад. Сначала со мной было совсем мало людей, потом немного побольше, а потом еще больше. На запад, все время на запад, пока в дали не показались Скалистые горы. Нас уже был целый караван, сотни две или больше».

Она помолчала.

«Я пугалась от этих снов. Никогда я не обмолвилась и словечком, что они мне снятся — вот как я была напугана. Думаю, я чувствовала себя как Иов, когда Бог заговорил с ним из вихря. Я даже пыталась убедить себя в том, что это просто сны, о, глупая старая женщина, которая пыталась убежать от Бога, совсем как Иона. Но рыба все равно нас проглотила, вот в чем дело! И я всегда чувствовала, что кто-то придет ко мне, кто-то особенный, и тогда я узнаю, что время пришло».

Она взглянула на Ника, который сидел за столом и пристально смотрел на нее сквозь пелену сигаретного дыма Ральфа Брентнера.

«И я поняла это, когда увидела тебя», — сказала она. «Это ты, Ник. Господь указал перстом на твое сердце. Но перст у него не один, и там есть еще и другие избранные, и они идут сюда, слава Богу, и на них Он указал своими перстами. Мне снились сны о нем, как он ищет нас даже в эту секунду, и — да простит Бог мою грешную душу, я прокляла его в своем сердце». Она заплакала и поднялась со стула, чтобы выпить воды и умыться.

Когда она вернулась к ним, Ник писал. Наконец он вырвал страничку из блокнота и вручил ее Ральфу.

«Не знаю насчет Бога, но здесь действует какая-то сила. Все, кого мы встретили, двигались на север. Словно у вас есть ответ. Вам снился кто-нибудь еще? Дик? Джуна или Оливия? может быть, девочка?»

«Эти не снились. Снился неразговорчивый человек. Женщина с ребенком. Мужчина примерно твоего возраста, который идет ко мне своей гитарой. И ты, Ник».

«И вы думаете, что нам надо идти на запад?»

«Мы должны идти на запад», — сказала Матушка Абгейл.

Мгновение Ник бесцельно черкал ручкой по странице, а потом написал: «Что вы знаете о темном человеке? Вы знаете, кто он такой?»

«Я не знаю кто он, но мне известно, что он из себя представляет. Это средоточие зла, оставшегося в мире. Остальное зло по сравнению с ним — это цветочки. Магазинные воры, сексуальные маньяки и хулиганы. Но он призовет их. Он уже начал действовать. И он собирает их вместе гораздо быстрее, чем мы. И с ним идут не только злые, но и слабые... и одинокие... и те, кто не открыл свое сердце Господу».

«Может быть, он на самом деле не существует», — написал Ник. «Может быть, он — это просто...» Он погрыз кончик ручки и задумался. Наконец он прописал: «...просто запуганная, злая часть нас самих. Может быть, нам снится то, чего мы боимся внутри самих себя».

Когда Ральф читал эту записку вслух, он непонимающе сморщил лоб, но Эбби сразу же поняла что Ник имел в виду. Это не слишком-то отличалось от болтовни новых проповедников, появившихся лет двадцать назад. На самом деле нет никакого Сатаны — вот было их евангелие. Зло действительно существует, и, возможно, его причиной является первородный грех, но оно находится внутри нас, и вынуть его наружу так же невозможно, как и вынуть яйцо их скорлупы, не разбив ее. С точки зрения этих новых проповедников, Сатана был чем-то вроде картины, составленной из множества кусочков, — и каждый мужчина, женщина и ребенок добавляли свой кусочек, входивший составной частью в целое. Конечно, во всем этом были приятное современное звучание, но проблема заключалась в том, что это была неправда. И если Ник будет продолжать так думать, то темный человек съест его на обед.

Она сказала: «Я снилась тебе. Разве я не существую на самом деле?»

Ник кивнул.

«А ты снился мне. Разве ты не существуешь на самом деле? Хвала Господу, ты сидишь прямо напротив меня с

блокнотом на коленях. Этот человек, Ник, он так же реален, как и ты». Да, он был реален. Она вспомнила о ласках и о красном глазе, открывшемся в темноте. И когда она заговорила снова, голос ее стал звучать хрипло. «Это не Сатана», — сказала она, — «но они с Сатаной знают друг о друге и давно друг с другом сговорились».

«Библия не говорит нам о том, что происходило с Ноем и его семьей после потопа. Но я не удивлюсь, если узнаю, что за души этой горстки людей велась отчаянная борьба — за их души, их тела, их образ мышления. И я не удивлюсь, если узнаю, что с нами происходит то же самое».

«Сейчас он находится к западу от Скалистых гор. Рано или поздно он пойдет на восток. Может быть, и не в этом году. Когда он будет готов. И наша судьба — бороться с ним».

Ник обеспокоенно затряс головой.

«Да», — сказала она спокойно. «Нас ждут горькие дни. Смерть и ужасы, предательство и слезы. И не все из нас смогут увидеть, чем кончится борьба».

«Мне все это не нравится», — пробормотал Ральф. «Мало нам что ли несчастий и без этого парня, о котором вы тут с Ником говорили? Разве нам не хватает проблем без докторов, без электричества, без ничего? Какое нам дело до него?»

«Я не знаю. Это воля Господа. Он не спрашивал Эбби Фримантл, нравится она ей или нет».

«Если это Его воля», — сказал Ральф, — «то неплохо бы Ему в отставку и уступить место кому-нибудь помоложе».

«Если темный человек на западе», — написал Ник, — «то, может быть, нам надо сматывать удочки и ехать на восток?»

Она терпеливо покачала головой. «Ник, все на свете служит Господу. Разве тебе не кажется, что и этот человек тоже служит Ему? И это действительно так, как бы неисповедимы ни были Его пути. Куда бы ты ни убежал, этот человек последует за тобой, потому что он исполняет волю Бога, а Бог хочет, чтобы ты встретился с ним. Нельзя убежать от Божьей воли. Человек, который пытается сделать это, кончит свою жизнь в утробе зверя».

Ник написал короткую записку. Ральф посмотрел на нее, почесал нос и подумал о том, что предпочел бы не читать ее вслух. Такие старые леди вряд ли спокойно воспримут то, что написал Ник. Она, скорее всего, назовет это богохульством и закричит так, что все вокруг проснутся.

«Что он говорит?» — спросила Абагейл.

«Он говорит...» Ральф прочистил горло. Перо на его шляпе дернулось. «Он говорит, что не верит в Бога». Доложив содержание записки, он с несчастным видом уставился вниз на свои ботинки и стал ожидать взрыва.

Но она только хихикнула, встала и подошла к Нику. Потом она взяла его руку и похлопала по ней. «Благослови тебя Бог, Ник, но это не имеет значения. *Он верит в тебя*».

Следующий день они провели дома у Эбби Фримантл, и это был их лучший день, с тех пор как закончилась эпидемия. Утром дождь перестал, и небо очистилось. Кукуруза сверкала, словно россыпь изумрудов. Было прохладно.

Том Каллен провел утро, бегая по рядам кукурузы с вытянутыми вперед руками и пугая ворон. Джина МакКон сидела на земле рядом с качелями и играла с множеством бумажных кукол, которые Матушка Абагейл нашла на дне чемодана в шкафу своей спальни. А раньше они с Томом играли в гараж. Том легко соглашался на все требования Джины.

Дик Эллис робко подошел к матушке Абагейл и спросил, не держал ли кто поблизости свиней.

«Ну как же, у Стоунеров были свиньи», — сказала она. Она сидела в качалке на веранде, перебирала струны гитары и смотрела на Джину.

«Думаете, кто-то из них мог остаться в живых?»

«Надо сходить и посмотреть. Может быть. А может быть, они просто разрушили свои загоны и одичали». Глаза ее сверкнули. «А еще может быть, что я знаю одного парня, которому прошлой ночью приснились свинные отбивные».

«Вполне возможно, что и знаете», — сказал Дик.

«Ты когда-нибудь резал свиней?»

«Нет, миссис», — сказал он, широко улыбаясь. «Лечил от глистов — да, но не резал».

«Как ты думаешь, вы с Ральфом сможете поработать под женским руководством?»

«Вполне», — ответил он.

Через двадцать минут они ехали втроем в кабине «Шевроле». У Стоунеров они нашли двух годовалых свиней. Было похоже на то, что когда корм кончился, они стали обедать своими более слабыми и менее удачливыми товарищами. Дик накинул петлю на заднюю ногу одной из свиней и, перебросив веревку через блок, поднял ее в воздух.

Ральф вышел из дома с ножом для разделки мяса длиной в три фута. «Не знаю, получится ли у меня», — сказал он.

«Тогда давай сюда», — сказала Абагейл, протягивая руку. Ральф с сомнением посмотрел на Дика. Дик пожал плечами. Ральф передал нож.

«Господь», — сказала Абагейл, — «мы благодарим Тебя за Твой милостивый дар. Благослови эту свинью, которая станет нашей пищей, аминь. Отойдите, ребята, сейчас будет фонтан крови».

Она перерезала свинье глотку одним уверенным взмахом ножа — какие-то вещи никогда не забываются, какой бы старой ты ни была — и быстро отпрянула.

«Ты развел огонь под котлом?» — спросила она Дика.

«Да, миссис», — уважительно ответил Дик, не в силах отвести глаз от свиньи.

«Ты приготовил щетки?» — спросила она у Ральфа.

Ральф показал ей две жестяные щетки с жесткой желтой щетиной.

«Ну тогда вам остается только снять ее и положить в котел. Когда она немного поварится, вы будете скрести ее щетками. Потом вы сможете содрать шкуру с мистера Борова, как со спелого банана».

Перспектива их несколько обескуражила.

«Прекрасно», — сказала она. «Но вы не сможете его съесть в костюме. Сначала его надо раздеть».

Ральф и Дик Эллис посмотрели друг на друга, сглотнули и начали опускать свинью вниз. К трем часа работа была закончена, а к четырем они уже вернулись домой с полным грузовиком мяса. На обед у них были свежие свиные отбивные. У мужчин аппетит слегка испортился, но Аба-

гейл съела целых две отбивные, наслаждаясь тем, как жареное мясо хрустит у нее на деснах. Нет на свете ничего вкуснее мяса, которое ты добыл себе сам.

Пошел десятый час вечера. Джина уже уснула, а Том Каллен дремал в качалке Матушки Абагейл на веранде. Далеко на западе сверкнула бесшумная молния. Все остальные взрослые собрались на кухне, кроме Ника, который ушел на прогулку. Абагейл знала, какая борьба происходит в его душе, и сердце ее отправилось вместе с ним.

«Но ведь не может же вам и в самом деле быть сто восемь лет?» — спросил Ральф.

«Подожди-ка здесь», — сказала Абагейл. «Я кое-что покажу тебе, сынок». Она пошла в спальню и взяла поставленное в рамку письмо от президента Рейгана с верхнего ящика комода. Она принесла его на кухню и положила Ральфу на колени. «Прочитай-ка это, сынок», — сказала она гордо.

Ральф прочел. «...по случаю вашего сотого дня рождения... одна из семидесятидвух человек в Соединенных Штатах Америки, достигших столетнего возраста... ...занимающая пятое место по возрасту среди официальных членов республиканской партии Соединенных Штатов Америки... приветствия и поздравления от президента Рональда Рейгана, 14 января, 1982 года». Он посмотрел на нее широко раскрытыми глазами. «Ну и ну, пусть меня утопят в го...» Он запнулся и покраснел от смущения. «Извините меня, миссис».

«Сколько же вы всего повидали за свою жизнь!» — восхищенно сказала Оливия.

«Ничто из этого не шло ни в какое сравнение с тем, что я видела за последний месяц». Она вздохнула. «Или с тем, что мне еще предстоит увидеть».

Открылась дверь и вошел Ник. Разговор сразу же прекратился, словно все они только убивали время в ожидании его. Она видела по его лицу, что он принял решение, и, похоже, могла сказать, какое. Он протянул ей записку, написанную им на веранде, рядом с Томом. Она прочитала ее.

Там было написано: «Завтра мы едем на запад».

Она перевела глаза с записки на лицо Ника и медленно кивнула. Потом она передала записку Джуне Бринкмейер, которая в свою очередь передала ее Оливии. «Да, мы должны ехать», — сказала Абагейл. «Мне этого хочется не больше, чем тебе, но мы должны. Что заставило тебя принять это решение?»

Он почти сердито пожал плечами и указал на нее.

«Да будет так», — сказала Абагейл. «Господь — моя вера».

«Если бы я мог сказать это о себе», — подумал Ник.

На следующее утро, двадцать шестого июля, после небольшого совещания Дик и Ральф отправились в Коламбус на грузовике Ральфа. Мне очень не хочется с ним расставаться», — сказал Ральф, — «но раз ты говоришь, что так надо, Ник, то я согласен».

Ник написал: «Возвращайтесь, как можно скорее».

Ральф усмехнулся и оглядел двор. Джуна и Оливия стирали одежду в большой лохани со стиральной доской. Том бегал по кукурузе, пугая ворон — похоже, он нашел в этом занятии бесконечный источник удовольствия. Джина играла с модельками машин и гаражом. Абагейл дремала в своей качалке.

«Ты съешь голову в пасть льву, Ники».

Ник написал: «Ты знаешь другое место, куда мы могли бы поехать?»

«Это правда. Нет никакого толку в том, чтобы шататься с места на место. Начинаешь чувствовать себя лишним. Вообще, человек ощущает себя в своей тарелке, только когда он смотрит вперед, ты этого не замечал?»

Ник кивнул.

«О'кей». Ральф похлопал его по плечу и отвернулся. «Дик, ты готов?»

Из кукурузы выбежал Том Каллен. Его рубашка и волосы были облеплены зеленой шелухой. «И я! Том Каллен тоже готов ехать! Ей-Богу, да!»

«Тогда пошли», — сказал Ральф. «Эй, посмотри-ка, да ты весь в шелухе! И до сих пор не поймал ни одной вороны. Дай-ка я тебя отряхну сначала».

Том позволил Ральфу отряхнуть его рубашку и брюки. Для Тома, — подумал Ник, — последние две недели были, наверное, самыми счастливыми в жизни. Он был в компании людей, которым он был нужен и которые принимали его. Почему бы и нет? Может быть, он и не совсем нормальный, но все равно в этом новом мире он представляет собой удивительную редкость — живое человеческое существо.

«Пока, Ники», — сказал Ральф и взобрался за руль «Шевроле».

«Пока, Ники», — эхом отозвался Том Каллен, широко улыбаясь.

Ник подождал, пока самосвал не скроется из виду, а потом пошел в сарай и нашел там старый ящик и банку краски. Он выломал одну из стенок ящика и прибил ее к длинной жердине. Потом он вынес получившийся знак и краску во двор и принялся тщательно на нем писать. Джина с любопытством заглянула ему через плечо.

«Что там написано?» — спросила она.

«Мы уехали в Боулдер, штат Колорадо. Мы едем по второстепенным дорогам, чтобы избежать заторов. Радиосвязь по каналу 14», — прочла Оливия.

«Что это значит?» — спросила Джуна, подходя поближе. Она подняла Джину на руки, и обе они стали внимательно наблюдать за тем, как Ник устанавливает знак напротив грунтовой дороги, ведущей к дому Матушки Абагейл. Он вкопал жердину на три фута вглубь. Только ураган сможет теперь вырвать ее из земли.

Он написал записку и отдал ее Джуне.

«Дик и Ральф попробуют найти в Коламбусе радиопередатчик. Когда-нибудь кто-то услышит нас».

«О!» — сказала Оливия. «Здорово придумано».

Ник важно постучал себя по лбу, а потом улыбнулся.

Женщины пошли развешивать выстиранную одежду. Джина вновь принялась за игрушечные машинки. Ник пересек двор, поднялся на веранду и сел рядом с дремлющей Абагейл. Он посмотрел на кукурузное поле и задумался о том, что же с ними произойдет.

Раз ты говоришь, что так надо, Ник, то я согласен.

Они выдвинули его в лидеры. Они сделали это, и он даже не понимал, почему это произошло. Как может

глухонемой отдавать приказы? Это просто злая шутка. Дик должен был встать во главе. А он должен был занять место копыеносца, третьего слева, роль без слов, и только мамочка знает тебя в лицо. Но с тех пор, как они встретили Ральфа Брентнера, появилась эта привычка сказать что-нибудь, а потом быстро посмотреть на Ника, словно ожидая от него одобрения. Ностальгический туман уже стал окутывать те дни, которые прошли между Шойо и Мэйем, до появления Тома, а вместе с ним и ответственности. Легко было забыть о своем одиночестве, о страхе сойти с ума. И легко было вспомнить, как ты был представлен самому себе, копыеносец, третий слева, исполнитель второстепенной роли в ужасной пьесе.

И я поняла это, когда увидела тебя. Это ты, Ник. Господь указал перстом на твое сердце...

Нет, я не согласен. Я не верю в Бога. Пусть с ним носятся старухи — Он им так же необходим, как хорошая клизма и пакетики чая «Липтон». Он должен сосредоточиться на одной задаче и не загадывать вперед. Довезти их до Боулдера, к подножью Скалистых гор, а там посмотрим. Старуха сказала, что темный человек реален, что это не просто психологический символ, но он не хотел в это верить... хотя в глубине души он верил. В глубине души он верил всему, что она сказала, и слова ее пугали его. Он не хотел быть лидером.

Это ты, Ник.

Чья-то рука сжала ему плечо, и он подпрыгнул от удивления, а потом обернулся. Это была она. Она улыбалась ему, сидя в своей качалке без подлокотников.

«Я тут сидела и думала о Великой Депрессии», — сказала она. «Знаешь ли ты, что когда-то мой папа владел всей этой землей на мили вокруг? Это правда. Не так-то легко чернокожему этого добиться. А я играла на гитаре и пела в зале фермерской ассоциации в 1902 году. Давно, Ник. Очень давно».

Ник кивнул.

«Это были хорошие дни, Ник — большинство из них, во всяком случае. Но ничто не вечно. Кроме любви Господа. Мой папа умер, и землю разделил между сыновьями, да еще шестьдесят акров досталось моему мужу, не

слишком большой кусок. Этот дом стоит на кусочке, оставшемся от этих шестидесяти акров. Четыре акра — и это все. Конечно, теперь я могу забрать всю землю обратно, но это уже не то».

Ник похлопал ее по костлявой руке, и она глубоко вздохнула.

«Братья не всегда ладят между собой. Работа у них не идет, и они почти всегда начинают ссориться. Вспомни о Каине и Авеле! Все хотели командовать, и никто не хотел работать! А потом пришел 1931 год, и банк послал им извещение. Тогда-то они все сплотились, но к тому времени было уже слишком поздно. К 1945 году все было распродано, кроме моих шестидесяти акров, да еще сорока или пятидесяти, на которых теперь стоит ферма Гуделлов».

Она вытащила платок из кармана платья и медленно и задумчиво утерла слезы.

«В конце концов осталась только я одна, без денег, без ничего. И каждый раз, когда подходило время уплаты налогов, они урезали участок еще чуть-чуть, и я приходила на полоску земли, которая уже не принадлежала мне, и плакала так, как я плачу сейчас. Каждый год земля шла на уплату налогов — вот как все это случилось. Удар слева, удар справа. То, что осталось, я сдала в аренду, но арендной платы никогда не хватало на то, чтобы уплатить эти проклятые налоги. Когда мне исполнилось сто лет, они отменили их на вечные времена. Конечно, они освободили меня от налогов, только когда забрали у меня все, кроме этого клочка земли. Очень щедрый подарок, не правда ли?»

Он слегка сжал ее руку и посмотрел на нее.

«Ой, Ник», — сказала Матушка Абагейл, — «я давно уже ненавижу Бога. Каждый, кто любит Его, чувствует к Нему ненависть, потому что он суров и пристрастен, и в этом мире он неохотно платит за любовь, в то время как злые люди разъезжают по дорогам на «Кадиллаках». Даже радость служить Ему — это горькая радость. Я исполняю Его волю, но моя человеческая природа прокляла Его в своем сердце. Эбби, — говорит мне Господь, — через много-много лет тебя ждет одно дело. Поэтому Я сделаю так, что ты будешь жить и жить до тех пор, пока от тебя не останутся кожа да кости. Я сделаю так, что ты увидишь,

как умрут один за другим твои дети, а ты будешь продолжать ступать по земле. Я сделаю так, что ты увидишь, как земля твоего отца убывает акр за акром. А в конце в награду за это ты отправишься вместе с незнакомцами, оставив все то, что ты любишь, и умрешь в незнакомой стране, так и не доведя свое дело до конца. Такова Моя воля, — говорит Он, и я отвечаю: Да, Господи. Я все сделаю, и в сердце своем я проклинаю Его и спрашиваю: Почему? Почему? Почему? а в ответ слышу только одно: Где ты была, когда я сотворил мир?»

Теперь ее слезы лились горьким потоком, стекали по ее щекам и капали на лиф платья. Ник удивился, откуда столько слез в такой старой женщине, которая казалась сухой, как щепка.

«Помоги мне, Ник», — сказала она. «Я просто хочу выполнить Его волю».

Ник крепко сжал ее руки. Позади них Джина расхохоталась и подняла одну из моделек вверх, так что она засверкала в лучах солнца.

Дик и Ральф вернулись в полдень. Дик сидел за рулем нового фургона марки «Додж», а Ральф вел оранжевый грузовик дорожной службы, у которого спереди было приспособление для расчистки улиц, а сзади — стрела с крюком. Том величественно помахивал рукой, стоя на грузовике. Они въехали во двор, и Дик выбрался из фургона.

«Там в грузовике чертовски симпатичный передатчик», — сказал он Нику. «Сорок каналов. Мне кажется, Ральф в него влюбился».

Ник усмехнулся. Подошли женщины и стали смотреть на машины. Абагейл с одобрением отметила, как Ральф заботливо помог Джуне подняться в кабину, чтобы она могла взглянуть на радио. Бедра у женщины широкие, и между ними получится удобная дверца.

«Ну и когда же мы поедем?» — спросил Ральф.

«Как только поедем», — нацарапал Ник. «Ты испробовал радио?»

«Да», — ответил Ральф. «Оно было включено на обратной дороге. Ужасные помехи. Но знаешь, клянусь, я что-то

услышал. Очень далеко. Может быть, это вообще были не голоса. Но честно говоря, Ники, я не стал бы обращать на это внимания. Это как сны».

К часу дня, съев ленч и погрузив все необходимые вещи в фургон, они отправились в путь. Абагейл не плакала. С плачем было покончено. Она исполняла волю Господа, но вспомнив о красном Глазе, раскрывшемся в сердце ночи, она снова почувствовала страх.

С о д е р ж а н и е

АРМАГЕДДОН	6
Перевод А.Медведева	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
АРМАГЕДДОН

Выпуск 9

Сдано в набор 07.03.93. Подписано в печать 18.05.93.
Формат 60×88¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная № 2.
Объем 27 п. л. Печать офсетная. Тираж 125 000 экз.
Заказ № 1155.

Издательство "Кэdmэн" 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП "Техническая книга" Мининформпечати РФ.
198052 г.Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

СТИВЕН КИНГ

В следующем выпуске
нашей серии
будет напечатано
окончание романа
Стивена Кинга
«Армагеддон».